

2023 № 1

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

Сетевой научный журнал
«Психология и право»

Редакционная коллегия

Дворянчиков Н.В. (Россия) – главный редактор
Бовина И.Б. (Россия) – заместитель главного редактора
Коноплева И.Н. (Россия) – заместитель главного редактора
Нуцкова Е.В. (Россия) – заместитель главного редактора

Богданович Н.В. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия), Васкэ Е.В. (Россия), Дебольский М.Г. (Россия), Делибальт В.В. (Россия), Дозорцева Е.Г. (Россия), Ениколопов С.Н. (Россия), Калашникова А.С. (Россия), Курбатова Т.Н. (Россия), Миронова О.И. (Россия), Пимонов В.А. (Россия), Сачкова М.Е. (Россия), Секераж Т.Н. (Россия), Ульянина О.А. (Россия), Чиркина Р.В. (Россия), Шаболтас А.В. (Россия), Шипшин С.С. (Россия), Сафуанов Ф.С. (Россия), Гранхаг Пер-Андерс (Швеция), Гессманн Ханс-Вернер (Германия), Хартвиг Пол (Норвегия), Синг Джей П. (США), Стошич Лазар (Сербия), Козлова Н.В. (Россия), Шаранов Ю.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия), Нуркова В.В. (Россия), Кекелидзе З.И. (Россия), Козлов А.А. (Россия)

Секретарь

Захарова А.В.

Редактор и корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.
Телефон: +7 (495) 608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), Международный Индекс Научного Цитирования Web of Science (ESCI), Международный каталог научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издается с 2011 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66446 от 14.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2023

Electronic Scientific Journal
«Psychology and Law»

Editorial board

Dvoryanchikov N.V. (Russia) – editor-in-chief
Bovina I.B. (Russia) – deputy editor-in-chief
Konopleva I.N. (Russia) – deputy editor-in-chief
Nutskova E.V. (Russia) – deputy editor-in-chief

Bogdanovich N.V. (Russia), Bulygina V.G. (Russia), Vaske E.V. (Russia), Debolsky M.G. (Russia), Delibalt V.V. (Russia), Dozortseva E.G. (Russia), Enikolopov S.N. (Russia), Kalashnikova A.S. (Russia), Kurbatova T.N. (Russia), Mironova O.I. (Russia), Pimonov V.A. (Russia), Sachkova M.Ye. (Russia), Sekerage T.N. (Russia), Ulyanina O.A. (Russia), Chirkina R.V. (Russia), Shaboltas A.V. (Russia), Shipshin S.S. (Russia), Safuanov F.S. (Russia), Granhag P.-A. (Sweden), Gessmann H.-W. (Germany), Hartvig P. (Norway), Singh J.P. (USA), Stosic L. (Serbia), Kozlova N.V. (Russia), Sharanov Yu.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia), Nurkova V.V. (Russia), Kekelidze Z.I. (Russia), Kozlov A.A. (Russia)

Secretary

Zakharova A.V.

Editor and proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051
Phone: + 7 495 608-16-27

E-mail: info@PsyAndLaw.ru

Web: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Index of Scientific Citing database, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), DOAJ

Published quarterly since 2011

The mass medium registration certificate:

EL FS77-66446 number. Registration date 14.07.2016

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2023

СОДЕРЖАНИЕ:

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Кравченко Ю.Е., Кравцов О.Г., Щепанская А.А.

Особенности регуляции негативных эмоций и стресса,
сопутствующие выбору профессии следователя..... 1–26

Стрельникова Ю.Ю., Гончарова Н.А.

Психологические особенности профессиональной
востребованности и мотивации сотрудников полиции 27–39

Горностаев С.В.

Психологические препятствия формированию лояльности сотрудников
уголовно-исполнительной системы профессионально-служебным группам 40–50

Гончарова Н.А., Душкин А.С., Коноплева И.Н., Пряхина М.В.

Особенности эмоционально-волевой устойчивости
сотрудников полиции на различных этапах профессиогенеза 51–63

Кириллова Т.В., Пашукова А.Д.

Профессиональная компетентность сотрудников уголовно-
исполнительной системы, работающих с осужденными —
бывшими работниками судов и правоохранительных органов 64–76

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | PROBLEMS OF TRAINING OF SPECIALISTS IN LEGAL PSYCHOLOGY

Бусарова О.Р., Сенниковская Д.В.

Динамика отношения к учебе студентов факультета юридической психологии
в разных режимах обучения, вызванных пандемией COVID-19 77–93

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ | JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Вихман А.А.

Личностные предикторы кибервиктимности
и кибербуллинга в юношеском возрасте..... 94–106

Гарнаева Г.И., Шишова Е.О.

Особенности психологических защит и копинг-стратегий
несовершеннолетних правонарушителей 107–118

Войкина Е.Е. / Бойкина Е.Э.

Social Ostracism and Minors' Antisocial Behavior /

Социальный остракизм и антисоциальное поведение несовершеннолетних..... 119–134

Сапега Д.В., Богданович Н.В.

Особенности самоорганизации подростков,

склонных к девиантному поведению 135–151

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES**

Скобников П.А.

Отрицательные мотивы должника в контексте правового регулирования

долговых отношений. Криминологические последствия

неудовлетворительного разрешения долговых отношений 152–169

Демин А.В.

Психологические факторы налогового комплайенса 170–178

Биюшкина Н.И., Сосенков Ф.С., Тюленева М.А.

Психологические приемы в арсенале

дореволюционной российской адвокатуры 179–190

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,

Лаврешкин Н.В., Будыкин С.В.

Тело: с позиции теории социальных представлений 191–206

Будякова Т.П.

Проблема опознания человека в условиях маскировки лица..... 207–220

Markova S.V., Nikitskaya C.A. / Маркова С.В., Никитская Е.А.

Formation of Legal Awareness as a Component of the Professional Identity

of Specialists in the Social Sphere at the Stage of Study at the University /

Формирование правосознания как компонента профессиональной идентичности

специалистов социальной сферы на этапе обучения в университете 221–231

CONTENTS:

THEMATIC ISSUE: ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL ACTIVITY ASSISTANCE

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Kravchenko Yu.E., Kravtsov O.G., Shchepanskaya A.A.

Features of the Regulation of Negative Emotions and Stress
of People Choosing the Profession of an Investigator..... 1–26

Strelnikova Yu.Yu., Goncharova N.A.

Psychological Features of Professional Demand
and Motivation of Law-Enforcement Officers 27–39

Gornostaev S.V.

Psychological Obstacles to the Formation of Loyalty of Employees
of the Penitentiary System to Professional-Service Groups 40–50

Goncharova N.A., Dushkin A.S., Konopleva I.N., Pryakhina M.V.

Features of Emotional and Volitional Stability
of Police Officers at Various Stages of Occupational Genesis 51–63

Kirillova T.V., Pashukova A.D.

Professional Competence of Employees of the Penal Enforcement System Working
with Convicted Persons-Former Employees of Courts and Law Enforcement Agencies 64–76

PROBLEMS OF TRAINING OF SPECIALISTS IN LEGAL PSYCHOLOGY

Busarova O.R., Sennikovskaya D.V.

Dynamics of the Attitude of Students of the Faculty of Legal Psychology
to Study in Different Modes of Study Caused by the COVID-19 Pandemic 77–93

JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Vikhman A.A.

Personality Predictors of Cyber-Victimization and Cyber-Bullying in Adolescence 94–106

Garnaeva G.I., Shishova E.O.

Features of Psychological Defense Mechanisms and
Individual Coping Strategies of Juvenile Delinquency 107–118

Boykina E.E.

Social Ostracism and Minors' Antisocial Behavior 119–134

Sapega D.V., Bogdanovich N.V.

Features of Self-Organization of Adolescents Tend to Deviant Behavior 135–151

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Skoblikov P.A.

Negative Motives of the Debtor in the Context of Legal Regulation
of Debt Relations. Criminological Consequences
of Unsatisfactory Resolution of Debt Relations 152–169

Demin A.V.

Psychological Factors of Tax Compliance 170–178

Biyushkina N.I., Sosonkov F.S., Tyuleneva M.A.

Psychological Techniques in the Arsenal
of the Pre-Revolutionary Russian Legal Profession..... 179–190

**Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V.,
Lavreshkin N.V., Budykin S.V.**

Body: Social-Representational Regard..... 191–206

Budyakova T.P.

The Problem of Identifying a Person in a Face Masking Situation..... 207–220

Markova S.V., Nikitskaya C.A.

Formation of Legal Awareness as a Component of the Professional Identity
of Specialists in the Social Sphere at the Stage of Study at the University..... 221–231

Особенности регуляции негативных эмоций и стресса, сопутствующие выбору профессии следователя

Кравченко Ю.Е.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3351-123X>, e-mail: asunaro@mail.ru

Кравцов О.Г.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8875-0169>, e-mail: kravtsovog@gmail.com

Щепанская А.А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0652-6460>, e-mail: alena.schep@yandex.ru

Исследовались особенности профессионального образа следователя, связанные с навыками регуляции эмоций, у молодых людей, обучающихся по этой специализации. Выяснялось, проявляются ли эти особенности у специалистов со стажем или служат ориентиром на разных этапах формирования профессиональной идентичности, как они меняются в ходе обучения. В двух опросных исследованиях участвовали курсанты двух вузов ($n = 274$), группа сравнения — психологи ($n = 78$). Методики исследования: для оценки эмоционального интеллекта — опросник «ЭМИн» Д.В. Люсина, копинг-стратегий — опросник «WCQ» Р. Лазаруса, стилей реагирования на успех и неудачу (оптимизма) — опросник М. Селигмана. Методы обработки результатов — дисперсионный и дискриминантный анализ. По результатам выявились специфические сочетания способов объяснения успехов и неудач с действиями по их преодолению, которые способствуют большей эффективности следователя с точки зрения курсантов в начале и в конце обучения и в составе обыденных представлений о профессионале служат ориентиром при выборе профессии. Выяснилось, что соответствующие этим представлениям психологические характеристики участвуют в процессе становления профессиональной идентичности, отличая начальные этапы ее формирования от более поздних. Результаты позволяют также описать механизм трансформации образа профессионала у следователей в процессе обучения в вузе. Это позволяет использовать указанные характеристики в составе критериев оценки эффективности на этапе отбора и на разных этапах профессионализации начинающих следователей, анализировать в дальнейших исследованиях их соотношение как существенный компонент в структуре профессиональной идентичности, отражающий особенности разных стадий ее формирования.

Кравченко Ю.Е., Кравцов О.Г., Щепанская А.А.
Особенности регуляции негативных эмоций и стресса,
сопутствующие выбору профессии следователя
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 1–26.

Kravchenko Yu.E., Kravtsov O.G., Shchepanskaya A.A.
Features of the Regulation of Negative Emotions and Stress
of People Choosing the Profession of an Investigator
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 1–26.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, копинг, стиль реагирования на успех и неудачу, оптимизм, профессионально важные качества, обыденные представления о профессии, профессиональная идентичность, оперативный дознаватель, следователь.

Для цитаты: *Кравченко Ю.Е., Кравцов О.Г., Щепанская А.А.* Особенности регуляции негативных эмоций и стресса, сопутствующие выбору профессии следователя [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 1–26. DOI:10.17759/psylaw.2023130101

Features of the Regulation of Negative Emotions and Stress of People Choosing the Profession of an Investigator

Yunna E. Kravchenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3351-123X>, e-mail: asunaro@mail.ru

Oleg G. Kravtsov

V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8875-0169>, e-mail: kravtsovog@gmail.com

Alena A. Shchepanskaya

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0652-6460>, e-mail: alena.schep@yandex.ru

The features of the image of a professional investigator, associated with the skills of regulation of emotions, were studied in young people studying in this specialization. It was found out whether these features are manifested in experienced specialists or serve as a guide at different stages of the formation of professional identity, how they change in the course of training. Two studies involved cadets of two universities $n = 274$, a comparison group of psychologists, $n = 78$. Questionnaires: Way's of coping (R. Lazarus and S. Folkman), Emotional Intelligent (D. Lyusin), Attributional style questionnaire (M. Seligman). Results processing methods: dispersion and discriminant analysis. The results revealed specific combinations of ways to explain successes and failures with actions to overcome them, which contribute to greater effectiveness of the investigator from the point of view of cadets at the beginning and at the end of training, and as part of ordinary ideas about a professional serve as a guide when choosing a profession. It turned out that the psychological characteristics corresponding to these ideas are involved in the process of the formation of professional identity, distinguishing the initial stages of its formation from the later ones. The results also make it possible to describe the mechanism for transforming the image of a professional among investigators in the process of studying at a university and at subsequent stages of professional development as a research perspective.

Keywords: emotional intelligence, coping, style of responding to success and failure, optimism, professionally important qualities, ordinary ideas about the profession, professional identity, operational investigator, investigator.

Кравченко Ю.Е., Кравцов О.Г., Щепанская А.А.
Особенности регуляции негативных эмоций и стресса,
сопутствующие выбору профессии следователя
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 1–26.

Kravchenko Yu.E., Kravtsov O.G., Shchepanskaya A.A.
Features of the Regulation of Negative Emotions and Stress
of People Choosing the Profession of an Investigator
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 1–26.

For citation: Kravchenko Yu.E., Kravtsov O.G., Shchepanskaya A.A. Features of the Regulation of Negative Emotions and Stress of People Choosing the Profession of an Investigator. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 1–26. DOI:10.17759/psylaw.2023130101 (In Russ.).

Введение

Исследования психологических представлений о личностных качествах, способствующих эффективной работе в ОВД, можно разделить на две большие категории. В рамках первой категории рядовые сотрудники сравниваются с более успешными, например, продвинувшимися по карьерной лестнице [3; 9], или с неуспешными — не принятыми на службу [8], уволившимися по собственному желанию [4], осужденными за должностные преступления [9], подверженными профессиональным деструкциям [3; 12]. Второе направление исследований связано с выявлением психологических изменений, сопровождающих приобретение профессии на разных этапах этого пути [1; 6; 7].

Суммируя данные этих исследований относительно эмоциональной сферы личности, можно сказать, что большинство из них указывают на способность к успешному преодолению негативных переживаний, в первую очередь за счет использования копингов, связанных с планированием преодоления затруднений, самоконтролем, принятием ответственности, и отказа от копингов, обеспечивающих снижение стресса за счет дистанцирования от проблем и перекладывания их решения на окружающих [18; 19]; эмоциональной устойчивости к негативным воздействиям и провокациям [1]; эффективного контроля возникающего эмоционального возбуждения [16]; эмоциональной устойчивости [5; 12], особенно в ответ на противодействие заинтересованных лиц и при общении со специфическим контингентом [3]; умения сдерживать негативные переживания, направленные на себя; избегания застревания в неизбежных негативных переживаниях без обращения к деструктивным способам борьбы с ними, таким как использование психоактивных веществ, развитие дисфории, разных форм соматизации переживаний и т. п. [2]. Подавляющее большинство таких исследований сугубо эмпиричны, однако собранные в них данные обобщаются, указывая на две группы психологических особенностей, обеспечивающих успешность сотрудников ОВД. Во-первых, способности к контролю эмоциональных проявлений и переживаний, базирующихся на успешном распознании эмоций, объединяемых понятием эмоционального интеллекта. Во-вторых, это стратегии эмоционального поведения, направленные на недопущение и преодоление деструктивных переживаний, к которым можно отнести стратегии эмоционального реагирования и копингового поведения.

В контексте эмоциональной коммуникации следователей можно выделить следующие полезные особенности эмоционального интеллекта.

1. Непроизвольная экспрессия выдает истинное отношение человека к предмету обсуждения. Входящая в эмоциональный интеллект способность к распознанию и пониманию эмоций окружающих позволяет следователю быть более чувствительными к признакам искренности или фальши, уверенности или неуверенности в отношении той информации, которую подозреваемый или свидетель сообщают, и тому отношению к ней, которое они хотели бы скрыть.

2. По тем же причинам важно умение контролировать эмоции другого человека. Умение вывести допрашиваемого из эмоционального равновесия способствует проявлению признаков лжи, неуверенности или утаиваемой информации. С другой стороны, умение ободрить пострадавшего, придать уверенности свидетелю располагает их к сотрудничеству со следст-

вием; в более спокойном состоянии у свидетелей меньше отвлекающих факторов, мешающих припоминанию тех событий и фактов, свидетелями которых они были, а также более обоснованной оценке их значимости.

3. Схожую роль выполняют способности управлять своими переживаниями и их внешней экспрессией. Обстоятельства расследования могут быть травмирующими, и умение восстанавливать спокойное состояние способствует более сосредоточенному и взвешенному отношению к фактам расследования и как следствие — большей эффективности следователя. Контроль экспрессии позволяет блефовать, а также с помощью экспрессии манипулировать эмоциями собеседника.

4. Помимо перечисленного в связи со спецификой практической реализации профессиональных задач следователя, оперативные дознаватели и другие сотрудники, обеспечивающие ход расследования, испытывают ряд сложностей во внутренней среде своего ведомства. С одной стороны, регламент дисциплины и субординации требует держать очень большую эмоциональную дистанцию со своими подчиненными и другими сотрудниками. С другой стороны, ограниченные возможности карьерного роста подкрепляют не всегда добросовестную конкуренцию среди сотрудников ведомства, которая отнюдь не способствует эмоциональной поддержке со стороны «своих» и создает постоянную угрозу внутренних провокаций [17]. Эти обстоятельства обеспечивают низкий уровень или даже в некоторых случаях полное отсутствие эмоциональной поддержки, подозрительность и враждебность по отношению к коллегам.

Средством контроля своих негативных переживаний и стресса являются стратегии копинга [Folkman at al., 1986]. Выявление и исследование этих стратегий стало логическим шагом в развитии когнитивной концепции эмоций Р. Лазаруса, согласно которой интенсивность стресса и негативных переживаний в ответ на одно и то же воздействие различается в зависимости от того, как человек оценивает само воздействие, в особенности размеры его негативных последствий и свои возможности по их преодолению [13]. Описанные Ричардом Лазарусом и Софи Фолкман стратегии копинга различаются по механизму преодоления переживаний. Ряд стратегий направлены на изменение ситуации, вызвавшей негативные переживания, либо непосредственно (активное преодоление), либо с помощью других людей (поиск поддержки окружающих), или же путем продумывания и поиска подходящих условий, в которых изменение ситуации становится возможным (планирование). Вместе с травмирующей ситуацией устраняются и негативные переживания, понимание путей ее исправления снижает вызываемую ею тревогу. В случае, когда ситуацию объективно изменить невозможно или же у человека нет необходимого потенциала преодоления, можно изменить свое отношение к ней, чтобы ослабить ее травмирующее воздействие, как продемонстрировал Р. Лазарус в ранних экспериментах [34]. К таким стратегиям относятся поиск позитивных сторон негативной ситуации (позитивная переоценка), принятие ответственности. Наконец, еще один вариант уменьшения стресса — это избегание любых мыслей о ситуации, подавление эмоций, отвлечение, которое позволяет снизить накал эмоций, усилием воли устранив их.

Если обратиться к особенностям профессии следователя, то можно видеть, что, с одной стороны, ее представители постоянно имеют дело с неординарными негативными ситуациями, такими как убийства, грабежи, насильственные действия, мошенничество и т. п. То есть ежедневную «рутину» следователя образуют ситуации, которые минуют представителей других профессий или случаются в жизни не чаще одного—нескольких раз. В таких условиях стратегии копинга, направленные на активное преодоление ситуации, редко бывают актуальны, потому что следователи, как правило, имеют дело с последствиями преступлений, ко-

гда случившееся уже нельзя отменить или изменить к лучшему, можно только компенсировать ущерб, наказать правонарушителя. Также работа следователя не располагает к использованию копингов избегания, дистанцирования, уклонения, поскольку они снижают эффективность следователя, который, как никто другой, обязан вникнуть во все детали преступления. Копинги, основанные на изменении отношения к ситуации — позитивная переоценка и принятие ответственности, — недоступны, потому что в действиях преступника редко присутствует какой-то позитивный смысл, хотя бы такой, как восстановление справедливости в случае самосуда, самозащита или предотвращение худшего развития событий. Кроме того, следователь не может извиняться и расплачиваться за действия преступника, как предполагает копинг «принятие ответственности». Стратегия копинга «самоконтроль», позволяющая снижать негативное воздействие стрессовых ситуаций путем подавления и постановки негативных эмоций под контроль, представляется наиболее доступной для представителя данной профессии. В литературе имеются эмпирические данные, подкрепляющие важность стратегии самоконтроля и контроля экспрессии [22].

Результаты западных исследований косвенно свидетельствуют о том, что перечисленные копинги мало эффективны в проблемном поле полицейской работы. Согласно данным ряда исследований, не обнаруживается устойчивой связи между проявлениями негативных переживаний, стресса и депрессии и такими стратегиями копинга, как активное преодоление, фокусировка на проблеме, поиск поддержки окружающих, планирование способов преодоления, юмор, позитивная переоценка [29; 30; 31; 33]. Отсутствие таких связей служит показателем того, что стратегии копинга не достигают цели предотвращения формирования негативных последствий стресса и его преодоления. Имеются и противоречащие этим данные, согласно которым офицеры полиции, активно приверженные преодолевающим копингам (активное преодоление, планирование, позитивная переоценка, принятие ответственности), демонстрируют меньшее количество проявлений депрессии по сравнению с теми, кто придерживается избегающих стратегий копинга [24; 25]. Тогда как копинги избегания, дистанцирования, уклонения сопровождали более быстрый переход от негативных переживаний и стресса к депрессивным проявлениям [25; 29], коррелировали с выраженностью проявлений посттравматического стрессового расстройства [28; 33] и выгорания [27], что свидетельствует не просто о неэффективности данных стратегий копинга в работе полицейских, но и о вредности использования некоторых из них.

В процессе преодоления жизненных препятствий человек приобретает опыт успешности или неуспешности в достижении цели. Этот опыт он объясняет разными причинами, существенными характеристиками которых является: 1) продолжительность их действия — будет неуспех повторяться в результате некоторых постоянно действующих факторов, или же обстоятельства быстро изменятся и повторная попытка принесет успех; 2) глобальность действия — проявляется этот постоянно действующий либо случайный фактор только в одной конкретной ситуации или во многих жизненных ситуациях; 3) источник — приписываются причины успехов и неудач личностным особенностям человека или же внешним обстоятельствам [10; 11; 13]. Если причины неудач человек приписывает глобальным, постоянно действующим факторам, связанным с его личными особенностями, а причины успехов — случайным ситуативным внешним факторам, такой стиль объяснения М. Зелгман назвал пессимистическим. Он показал, что люди с таким стилем объяснения реже достигают успеха, менее настойчивы в его достижении, склонны к поиску оправданий неудачи или бездействию. Стиль, при котором успехи и неудачи объясняются прямо противоположным образом,

получил название оптимистического. Его обладатели меньше переживают из-за неудач, более настойчивы в достижении цели и поэтому чаще добиваются успеха.

Несмотря на очевидное преимущество оптимистического стиля, который способствует настойчивости на пути к цели и за счет этого более частому достижению успеха на фоне сохранения конструктивной самооценки, профессия оперативного дознавателя открывает определенные преимущества пессимистической стратегии. В этой профессии опасно полагаться на случайность при объяснении неуспеха, поскольку часто неуспех является следствием препятствования расследованию со стороны заинтересованных в сокрытии преступления, и такое сопротивление расследованию может иметь неслучайный и достаточно глобальный характер, если преступник обладает властью. Вместе с тем в содействии следствию люди часто видят источник потенциальных проблем, лишний труд и угрозу своему спокойствию. Кроме того, оптимистическая стратегия предполагает достаточно высокую уверенность в себе, в том, что личные характеристики приведут человека к цели. В работе следователя сомнения, перепроверка себя, своих выводов и действий позволяют отбраковывать ложные версии и направления следствия, перепроверять обстоятельства и факты и связи между ними. Таким образом, определенная доля неуверенности, сопровождающая пессимистический стиль объяснения успехов и неудач, позволяет уходить от ошибок и тупиков в расследовании, более критично относиться к фактам, показаниям и своим собственным выводам. В свою очередь, это способствует более тщательному и критичному сбору доказательств, которые служат прямым основанием при оценке качества проведения следствия.

Авторам не удалось найти в отечественных и западных источниках за последние 20 лет данных о связи эмоциональной регуляции со стратегиями объяснения успехов и неудач, а также такими личностными особенностями, которые могли бы стать результатом устойчивого применения таких стратегий у работников следствия и полицейских. Если обратиться к опыту смежных профессий, то в недавнем исследовании работников пожарной службы авторы показали, что количество насилия на рабочем месте, угроз жизни и травм прямо коррелирует с количеством транслируемых пожарными негативных представлений о себе и о мире, количеством самообвинений и порицания себя за последствия травматической ситуации [32], свойственных пессимистическому стилю.

Западные исследования способности к эмоциональной регуляции в первую очередь сосредоточены на выявлении специфических копингов и особенностей первичной оценки ситуации: способствует или препятствует событие достижению цели, каковы возможности преодоления препятствия, в какой степени преодоление зависит от самого оценивающего или других людей, насколько серьезные последствия такая оценка может вызвать. В предлагаемом далее исследовании будут оцениваться не только эти особенности, но и величина эмоционального интеллекта как немаловажный ресурс эмоциональной саморегуляции, который до сих пор находился на периферии поля зрения западных исследований не только сотрудников следствия, но и сотрудников других служб экстренного реагирования (см. в подтверждение недавно опубликованный обзор исследований в этой области [26]). В то время как большинство отечественных и зарубежных исследователей сосредоточены на выявлении отдельных психологических особенностей, обеспечивающих более успешную эмоциональную регуляцию у сотрудников следствия, в предлагаемом исследовании будет сделан акцент на системном взаимодействии этих особенностей на разных этапах вхождения в профессию.

Хотя организация и условия работы органов следствия различаются в разных странах и с этим могут быть связаны различия в особенностях эмоциональной регуляции работников, результаты предлагаемого исследования содержат ряд параллелей с данными отечественных

и западных авторов и позволяют переосмыслить и примирить расхождения между результатами отдельных исследований.

Обоснование проблемы

В приводимом далее исследовании авторов интересовало, будут ли перечисленные представления о требованиях профессии и успешном профессионале связаны с представлением о себе у молодых людей, приступающих к освоению профессий оперативного дознавателя и следователя. А также — отличаются ли они в этом от представителей другой профессии (психолога), в которой такие качества, как эмоциональный интеллект, умение справляться с негативными переживаниями и стрессом, также являются профессионально важными, как и умение выявлять утаиваемые или плохо осознаваемые, некорректно вербализуемые сведения личного характера, и входят в набор профессионально важных.

Гипотеза состоит в том, что молодые люди, выбирающие профессию оперативного дознавателя, чаще будущих психологов используют стратегию копинга «самоконтроль» и реже — прочие стратегии. Также они более склонны к пессимистическому стилю объяснения успехов и неудач и более эффективны в управлении своими и чужими эмоциями. С одной стороны, такой сдвиг может быть обусловлен тем, что люди, выбравшие профессию оперативного дознавателя, оценивая свои возможности перед поступлением в соответствующий вуз, в качестве критериев ориентируются на изложенные выше представления о профессии. С другой стороны, благодаря определенной незащищенности опросных методик от субъективности опрашиваемого, люди, которых привлекает данная профессия, вольно или невольно будут преувеличивать у себя психологические характеристики в соответствии с изложенными выше представлениями об их пользе для успеха в профессии. Такое поведение также свидетельствует об ориентации на эти характеристики в качестве критериев профессионализма. В свою очередь, профессия психолога не накладывает таких ограничений на стратегии копинга, которые обсуждались в отношении профессии следователя. Напротив, к психологу обращаются за помощью в преодолении негативных переживаний, за эмоциональной поддержкой и образцами конструктивного реагирования на стрессовые ситуации, которые располагают к оперированию широким набором стратегий копинга, оптимистическому подходу к объяснению успехов и неудач и более тонкому и, соответственно, сложному управлению эмоциями других людей, чем это описывалось выше для следователя.

Исследование 1. Предпосылки выбора профессии оперативного дознавателя в сфере регуляции эмоций

Выборка

Для проверки гипотезы были очно опрошены студенты — психологи и оперативные дознаватели 1-го курса во время занятий в начале первого семестра обучения. Благодаря этому в выборку попали те, кто был достаточно уверен в выборе направления обучения (подавали документы в несколько вузов, прошли по конкурсу и выбрали это место учебы). С другой стороны, недавно начатое обучение еще не успело повлиять на представления участников о выбранной профессии. Исследование было анонимным с возможностью отказаться от участия в любой момент работы. Участникам сообщалось, что изучаются особенности их поведения в сложных ситуациях и реагирование на стресс. Основной мотивацией выступала возможность переключиться с учебных заданий на помощь в исследовании. Участникам сообщалось, что обработка результатов позволяет делать выводы о группе в целом, но если кто-то из них желает узнать свой индивидуальный результат, то может связаться с исследовате-

лем по электронной почте, сообщить ему индивидуальный номер, написанный на бланке опроса и получить персональную обратную связь.

В исследовании принимали участие курсанты Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, обучающиеся по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности» (40.05.01). Специализация — уголовно-правовая, узкая специализация — предварительное следствие в органах внутренних дел, а также узкая специализация — дознание в органах внутренних дел. Средний возраст — 17 лет, 62 юноши, 122 девушки.

В группу сравнения вошли студенты-психологи (РАНХиГС, РГГУ, МГЛУ, специальность обучения «Психология»), средний возраст — 16 лет, 18 юношей и 60 девушек.

Методики

В исследовании применялись следующие методики.

- Опросник «ЭМИн» Д.В. Люсина, который измеряет способности к контролю и пониманию собственных эмоций и эмоций других людей, а также контроль экспрессии, образующие эмоциональный интеллект [15].
- Опросник стилей объяснения успехов и неудач М. Зелигмана (переведен и адаптирован в рамках диссертационного исследования Л.М. Рудиной) [20]. Он выявляет преобладающие способы объяснения успехов и неудач с точки зрения постоянства, широты и персонализации их причин (см. о них выше).
- Опросник копинг-стратегий Р. Лазаруса [14], измеряет 9 стратегий копинга, группирующихся в три глобальных подхода к преодолению негативных переживаний и стресса, уже описанных выше применительно к особенностям профессии оперативника-дознателя.

Данные обрабатывались с помощью пакета статистических программ SPSS 17.0.

Результаты

Результаты всех участников сопоставлялись с нормальными значениями по методикам с целью установить, отличаются ли группы испытуемых по выраженности тех или иных особенностей от средних нормативных показателей по методикам (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика выборки по результатам методик

Шкала	Нормативные значения в баллах методик	Следо- ватели	Психо- логи
Частота использования стратегий совладающего поведения (копинга)			
Активное преодоление	Средняя: 13—15	13,48	14,56
Планирование	Редкое использование: 7—12 Средняя частота: 13—14	11,88	13,17
Дистанцирование	Редкое использование: 6—14	12,01	13,12
Избегание	Средняя частота: 20—24	23,15	22,74
Самоконтроль	Редкое использование: 7—15 Средняя частота: 16—18	15,52	15,33
Совладание с эмоциями	Редкое использование: 15—20	18,42	19,29
Позитивная переоценка	Средняя частота: 14—17 Частое использование: 18—28	16,42	17,62
Поиск поддержки окружающих	Средняя частота: 11—15	12,82	13,58
Принятие ответственности	Преобладающая стратегия: >16	19,62	20,17

Выраженность компонентов эмоционального интеллекта (ЭИ)			
Межличностный ЭИ	Среднее значение: 41—58	45,08	42,78
Внутриличностный ЭИ	Среднее значение: 40—48	45,27	42,29
Понимание эмоций	Среднее значение: 40—48	44,46	42,52
Управление эмоциями	Среднее значение: 41—48	45,89	42,55
Понимание эмоций окружающих	Среднее значение: 23—26	24,71	23,82
Управление эмоциями окружающих	Низкое значение: 16—18 Среднее значение: 19—22	20,37	18,96
Понимание своих эмоций	Низкое значение: 14—17 Среднее значение: 18—22	19,75	17,7
Управление своими эмоциями	Низкое значение: 11—12 Среднее значение: 13—15	14,07	12,88
Контроль своей экспрессии	Среднее значение: 10—12 Высокое значение: 13—15	11,44	12,7
Выраженность стилей объяснения успехов и неудач			
Пессимизм (B)	9—11 — промежуточное значение 12—14 — умеренный пессимизм	11,73	12,66
Оптимизм (G)	11—13 — умеренный пессимизм >10 — глубокий пессимизм	10,45	9,05
Общий уровень оптимизма (G-B)	<0 явный пессимизм	-1,27	-3,61
Постоянство причин неудач (PmB)	2—3 — умеренный оптимизм	3,4	3,57
Постоянство объяснения успехов (PmG)	0—2 — выраженный пессимизм 3 — умеренный пессимизм	3,32	2,64
Широта (глобальность) причин неудач (PvB)	2—3 — умеренный оптимизм 4 — слабый пессимизм	2,64	3,12
Широта (глобальность) причин успеха (PvG)	3 — умеренный пессимизм 4—5 — промежуточный показатель	3,95	3,25
Коэффициент надежды (HoB)	3—6 — умеренная надежда 7—8 — промежуточная ситуация	6,05	6,7
Персонализация причин неудач (PsB)	5—6 — умеренный пессимизм	5,67	5,96
Персонализация причин успехов (PsG)	3 — умеренный пессимизм 4—5 — промежуточный показатель	3,18	3,15

Примечание. Курсивом выделены сильные отклонения от средних норм методик. Все баллы приведены после процедуры z-преобразования, поэтому среднее и стандартное отклонения таковы, как указано в источниках, содержащих нормативные психометрические данные для каждой методики [14; 15; 20].

При сравнении результатов заполнения методик будущими психологами и следователями мы видим, что большинство показателей, в частности, всех составляющих эмоционального интеллекта, отдельных стратегий копинга и стилей реагирования на успех и неудачу, находятся в пределах средних значений по методикам и сходны в том, как они отклоняются в ту или иную сторону от них.

Обращает на себя внимание крайне высокая в обеих группах частота обращения к копингу «принятие ответственности». Она в обеих группах более чем на три стандартных отклонения превышает средние значения. Данная стратегия отражает готовность признавать свой вклад в образование негативной ситуации и нести ответственность за ее последствия. Также буду-

щие следователи и психологи демонстрируют сильную склонность к пессимистическому стилю, который проявляется в объяснении неудач постоянно действующими в широком круге ситуаций личными особенностями, а успехов — временными, редкими ситуативными причинами.

Чтобы оценить значимость различий между будущими психологами и оперативными дознавателями по эмоциональному интеллекту, стилям объяснения успехов и неудач и стратегиям преодоления негативных переживаний и стресса, использовался однофакторный дисперсионный анализ с независимыми измерениями. Его результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты дисперсионного анализа

Шкала	Результаты сравнения	Partial Eta Squared
Частота использования стратегий совладающего поведения (копинга)		
Активное преодоление	F(1, 260) = 8,41; p = 0,004	0,031
Планирование	F(1, 260) = 8,46; p = 0,004	0,032
Дистанцирование	F(1, 260) = 6,41; p = 0,012	0,024
Самоконтроль	F(1, 260) = 3,69; p = 0,056	0,014
Позитивная переоценка	F(1, 260) = 5,36; p = 0,021	0,020
Избегание	F(1, 260) = 0,40; p = 0,527	0,002
Совладание	F(1, 260) = 0,89; p = 0,090	0,011
Поиск поддержки окружающих	F(1, 260) = 3,01; p = 0,084	0,011
Принятие ответственности	F(1, 260) = 1,13; p = 0,289	0,004
Выраженность компонентов эмоционального интеллекта		
Межличностный ЭИ	F(1, 260) = 4,46; p = 0,036	0,017
Внутриличностный ЭИ	F(1, 260) = 5,53; p = 0,019	0,021
Управление эмоциями	F(1, 260) = 8,37; p = 0,004	0,031
Управление эмоциями окружающих	F(1, 260) = 6,49; p = 0,011	0,024
Управление своими эмоциями	F(1, 260) = 8,69; p = 0,003	0,032
Понимание эмоций	F(1, 260) = 2,79; p = 0,096	0,011
Понимание своих эмоций	F(1, 260) = 2,47; p = 0,117	0,009
Понимание эмоций окружающих	F(1, 260) = 1,66; p = 0,199	0,006
Контроль экспрессии	F(1, 260) = 1,67; p = 0,197	0,006
Выраженность стилей объяснения успехов и неудач		
Пессимизм	F(1, 260) = 4,68; p = 0,031	0,018
Оптимизм	F(1, 260) = 7,0; p = 0,009	0,026
Общий уровень оптимизма	F(1, 260) = 8,8; p = 0,003	0,033
Постоянство объяснения успехов	F(1, 260) = 7,63; p = 0,006	0,029
Широта (глобальность) причин неудач	F(1, 260) = 4,45; p = 0,036	0,017
Широта (глобальность) причин успеха	F(1, 260) = 9,88; p = 0,002	0,037
Постоянство причин неудач	F(1, 260) = 0,58; p = 0,446	0,002
Коэффициент надежды	F(1, 260) = 2,92; p = 0,088	0,011
Персонализация причин неудач	F(1, 260) = 1,73; p = 0,190	0,007
Персонализация причин успехов	F(1, 260) = 0,19; p = 0,891	0,000

Величина эффекта мала, однако будущие психологи достоверно чаще следователей обращаются к стратегиям копинга «активное преодоление», «планирование», «дистанцирование» и «позитивная переоценка». Будущие следователи продемонстрировали сильную тенденцию в предпочтении стратегии «самоконтроль», способствующей снижению негативных переживаний и стресса за счет подавления негативных переживаний. Более ярко эта их особенность проявилась в результатах оценки эмоционального интеллекта, который в целом выше у будущих следователей, в первую очередь за счет всех шкал, измеряющих способности к управлению эмоциями. При этом различия в способностях к пониманию эмоций у представителей обоих направлений подготовки незначимы.

На фоне присущей представителям обеих групп склонности к пессимистическому стилю объяснения успехов и неудач выраженность этого стиля у будущих следователей существенно ниже. Они меньше, чем будущие психологи, склонны приписывать неудачи действию глобальных причин, проявляющихся в большом количестве жизненных ситуаций (например, «мир несправедлив», «так устроены люди»), а причины успеха — редким, кратковременным событиям (например, «попался счастливый билет на экзамене», «у начальника случился приступ щедрости»).

В целом, будущие оперативные дознаватели транслируют в своих ответах образ себя, соответствующий тем представлениям об успешном профессионале, которые сформулировались в начале, а именно: высокие навыки управления эмоциями, склонность к пессимистическому стилю объяснения успехов и неудач и тенденция к более частому использованию стратегии «самоконтроль». Отдельно стоит остановиться на крайне частом обращении к стратегии копинга «принятие ответственности». Она позволяет снизить эмоциональное напряжение благодаря быстрому и наименее конфликтному завершению стрессогенной ситуации путем компенсации принесенного ею дискомфорта. Следователь не может отвечать за преступление другого человека, но его действия, нацеленные на исправление несправедливости, компенсацию ущерба, наказание преступника и прекращение его противоправной деятельности, по сути, реализуют тот самый механизм преодоления негативных переживаний и стресса, который заложен в копинге «принятие ответственности», — по возможности компенсировать ущерб и оставить эту ситуацию позади.

Не согласуется с выделенными ранее отличительными особенностями профессии оперативного дознавателя тот факт, что, хотя по нормам опросника стилей объяснения успехов и неудач будущие оперативники склонны к пессимистическому стилю, они существенно менее привержены этому стилю, чем будущие психологи.

Исследование 2. Особенности навыков регуляции эмоций будущих следователей на разных этапах профессионализации

Во втором исследовании мы хотели проследить, как меняются и меняются ли выявленные в предыдущем исследовании особенности на разных этапах обучения следователей, вплоть до начала работы по профессии. В процессе обучения представление человека о выбранной профессии неизбежно меняется, он сталкивается с рутинной и другими «не популярными» обязанностями, которые не находят отражения в литературе, кино и массмедиа. Под влиянием общего изменения представления о профессии у обучающегося могут меняться и представления о профессионально важных особенностях регуляции эмоций и о себе как об их обладателе.

В новом исследовании использовался метод срезов. Исследование проводилось другим исследователем по той же процедуре, что и предыдущее. Участники заполняли те же опрос-

ные методики, также во время занятий в аудитории. Данные обрабатывались с помощью пакета статистических программ SPSS 17.0.

Выборка

Участниками исследования стали курсанты Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, обучающиеся по той же специальности и специализации. Группа 1-го курса ($m = 18,1$ года; 9 девушек; 21 юноша), группа 3-го курса ($m = 19,8$ лет; 5 девушек; 25 юношей), группа 5-го курса ($m = 21,6$ лет; 9 девушек; 21 юноша), группа молодых сотрудников, уже приступивших к работе в органах предварительного следствия и являющихся слушателями Академии управления МВД РФ г. Москвы, специализация юриспруденция ($m = 29,91$ лет; 9 девушек; 21 юноша). Группы уравнивались так, чтобы обеспечить сходное соотношение юношей и девушек между собой и с выборками в первом исследовании.

Результаты

Сравнение с нормальным распределением по критерию Шапиро—Уилка показало, что результаты по всем шкалам во всех четырех группах соответствуют нормальному распределению. Дисперсии согласно тесту Бокса значимо не различаются ($M = 90,18$; $p = 0,056$). Для дальнейшей обработки использовался множественный дискриминантный анализ методом принудительного включения.

Дискриминантный анализ соединяет возможности дисперсионного и факторного анализа в единой статистической процедуре. Он позволяет на основании результатов выполнения психологических методик разделить участников исследования на группы и оценить значимость различий между этими группами, а также соответствие полученных таким образом групп по составу участников априорно известным учебным группам. Эти расчеты позволяют делать выводы о том, сходны ли курсанты одного года обучения по психологическим особенностям, имеющим отношение к эмоциональной саморегуляции, отличаются ли по этим особенностями курсанты разных лет обучения и можно ли на основании сочетания психологических характеристик достоверно определить, на каком этапе профессиональной подготовки находится курсант. Если на основе психологических характеристик, отличающих курсантов в предыдущем исследовании, удастся достоверно определить этап их профессиональной подготовки, это будет означать, что эти характеристики не просто служат ориентирами при выборе профессии, а включены в процесс формирования профессиональной идентичности и позволяют различать его этапы. В качестве альтернативного метода обработки рассматривался дисперсионный анализ с *post hoc* сравнениями групп, но его ограничение состоит в том, что он позволяет различать группы только по выраженности отдельных переменных, но не на основе их объединения в факторы, как позволяет дискриминантный анализ. Кроме того, он позволяет разделить эти факторы на статистически значимые и случайные.

Независимыми переменными в дискриминантном анализе стали результаты заполнения опросных методик, зависимой переменной — принадлежность участника к этапу обучения (1, 3, 5-й учебные курсы или молодой специалист). Описательная статистика представлена в табл. 3.

По результатам анализа выделились три канонических дискриминантных функции, их характеристики представлены в табл. 4. Априорная и апостериорная классификация участников по группам совпадают на 88%, т. е. точность соответствия образования участника (1, 3, 5-й курсы или молодой специалист) на основании заполнения им психологических методик его реальному этапу обучения высока.

Таблица 3

**Среднее (M) и стандартное отклонение (SD) участников исследования
по шкалам, задействованным в дисперсионном анализе**

Шкала	1-й курс		3-й курс		5-й курс		Молодые специали- сты	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Активное преодоление	14,37	2,85	14,97	2,47	13,07	2,41	14,17	2,31
Планирование	12,60	3,22	13,30	2,93	10,47	3,68	12,47	2,69
Дистанцирование	13,27	2,63	11,93	2,33	12,77	3,24	13,70	3,11
Самоконтроль	25,43	3,64	21,17	4,47	24,70	3,98	25,73	2,97
Позитивная переоценка	14,63	3,24	16,47	3,31	14,80	3,04	14,70	2,93
Избегание	19,77	3,10	19,20	3,39	19,33	3,69	19,83	2,65
Совладание	17,87	3,88	19,07	2,55	15,57	4,38	18,10	2,99
Поиск поддержки окружающих	12,93	2,59	14,73	2,46	13,07	4,18	14,30	3,13
Принятие ответственности	20,80	3,76	21,17	3,09	20,93	3,58	21,43	2,53
Понимание эмоций окружающих	23,93	4,79	18,80	3,78	28,23	4,47	23,47	3,38
Управление эмоциями окружающих	19,67	4,05	15,43	3,29	23,63	3,58	20,70	2,49
Понимание своих эмоций	21,17	4,99	13,70	2,55	24,83	3,82	22,90	3,55
Управление своими эмоциями	15,80	4,06	10,37	2,85	18,57	2,61	16,17	2,83
Контроль экспрессии	13,20	3,27	10,37	2,39	14,97	2,89	12,13	3,26
Оптимизм	0,23	4,07	,77	2,49	6,03	4,23	,53	4,94
Постоянство причин неудач	3,03	1,25	3,83	1,32	2,37	1,85	3,67	1,30
Постоянство причин успехов	3,77	1,50	4,67	1,49	5,00	1,72	3,33	1,83
Широта (глобальность) причин неудач	3,13	1,48	4,17	1,42	1,40	0,81	2,40	1,25
Широта (глобальность) причин успехов	4,30	1,58	3,73	1,62	5,13	1,31	3,73	1,55
Коэффициент надежды	6,17	2,15	8,00	1,97	3,77	2,06	6,07	2,15
Персонализация причин неудач	5,37	1,87	4,23	1,38	4,17	1,37	3,57	1,96
Персонализация причин успехов	3,70	1,39	4,60	1,40	3,70	1,49	3,10	1,35

Таблица 4

Характеристики дискриминантных канонических функций: собственное значение функции, процент объясняемой дисперсии ответов испытуемых, процент накопленной дисперсии, каноническая корреляция, лямбда Уилкса, значение критерия хи-квадрат, количество степеней свободы и уровень значимости

Фун- кция	Собственное значение	% дис- персии	% накопления дисперсии	каноническая корреляция	Лямбда Уилкса	X ²	Степени свободы	Значи- мость
1	3,42	76,1	76,1	0,88	0,096	247,21	69	,000
2	0,59	13,1	89,2	0,61	0,424	90,45	44	,000
3	0,49	10,8	100,0	0,57	0,673	41,76	21	,005

В табл. 5 приведены основные результаты дискриминантного анализа: данные о статистической значимости различий между группами по независимым (дискриминативным) пере-

менным, дискриминативная функция, с которой значимо коррелирует каждая переменная и коэффициент корреляции переменной с этой функцией. Переменные «Управление эмоциями», «Управление эмоциями окружающих», «Понимание своих эмоций», «Контроль своей экспрессии» и «Коэффициент надежды» (HoB) не обладают достаточной дискриминативностью и были автоматически исключены из статистической обработки.

Таблица 5

**Значимость различий средних между группами по дискриминантным переменным
(критерий F Фишера, $df1 = 3$, $df2 = 116$)**

Переменные	Лямбда Уилкса	F	Sig.	r	Дискриминативная функция
<i>Понимание своих эмоций</i>	0,443	48,56	0,000	-0,596*	1
<i>Управление своими эмоциями</i>	0,514	36,51	0,000	-0,517*	1
<i>Управление эмоциями окружающих</i>	0,564	29,90	0,000	-0,477*	1
Понимание эмоций окружающих	0,598	26,00	0,000	-0,428*	1
Контроль экспрессии	0,754	12,60	0,000	-0,277*	1
<i>Широта (глобальность) причин неудач (PvB)</i>	0,602	25,54	0,000	0,440*	1
<i>Активное преодоление</i>	0,928	2,98	0,034	0,143*	1
<i>Оптимизм</i>	0,718	15,20	0,000	0,521*	2
<i>Постоянство объяснения успехов (PmG)</i>	0,853	6,66	0,000	0,512*	2
<i>Широта (глобальность) причин успеха (PvG)</i>	0,872	5,70	0,001	0,344*	2
Персонализация причин успехов (PsG)	0,870	5,78	0,001	0,326*	2
Постоянство причин неудач (PmB)	0,858	6,40	0,000	-0,315*	2
<i>Позитивная переоценка</i>	0,879	5,32	0,002	-0,228*	2
<i>Дистанцирование</i>	0,948	2,12	0,101	-0,221*	2
<i>Планирование</i>	0,896	4,47	0,005	-0,199*	2
Совладание с эмоциями	0,993	0,28	0,838	-0,090*	2
Персонализация причин неудач (PsB)	0,864	6,10	0,001	0,517*	3
Избегание	0,808	9,19	0,000	0,313*	3
Поиск поддержки окружающих	0,941	2,40	0,071	-0,250*	3
Самоконтроль	0,942	2,37	0,074	-0,169*	3
Принятие ответственности	0,994	0,22	0,885	-0,077*	3

Примечание. В качестве показателя дискриминативности в таблице приведена Лямбда Уилкса. Дискриминативная каноническая функция, с которой коррелирует каждая переменная, обозначена порядковым номером 1—3, r — коэффициент корреляции переменной с функцией, все коэффициенты статистически значимы (*). Курсивом выделены переменные, по которым в предыдущем исследовании будущие следователи статистически значимо отличаются от будущих психологов.

Из табл. 5 можно видеть, что с первыми двумя каноническими функциями значимо коррелируют переменные, по которым в предыдущем исследовании будущие следователи значимо отличаются от будущих психологов (см. табл. 2). Для каждой канонической функции один полюс определяется теми характеристиками, которые в предыдущем исследовании у будущих следователей выражены выше, а другой полюс — теми, которые у будущих следователей в среднем выражены ниже, чем в группе сравнения (см. табл. 1 и 2). Знак корреляции дискриминативных переменных с канонической функцией четко указывает на такое разделение. При этом результаты получены на выборке, не участвовавшей в первом исследовании и набранной в другом учебном заведении.

Третья функция, наиболее слабая по количеству объясняемой дисперсии (10,8%), включает переменные, по которым в предыдущем исследовании различия будущих следователей и будущих психологов были не значимы, на каждом полюсе находятся характеристики, которые у будущих следователей и выше, и ниже, чем у психологов.

В табл. 6 приведены координаты центроидов групп, позволяющие оценить различия между этапами профессиональной подготовки курсантов на основании канонических дискриминативных функций.

Таблица 6

Координаты центроидов групп для каждой канонической дискриминантной функции

Этапы профессиональной подготовки	Каноническая функция		
	1	2	3
1-й курс	0,35	–,018	1,18
3-й курс	2,71	0,36	–0,51
5-й курс	–2,26	0,85	–0,29
Молодые специалисты	–0,80	–1,19	–0,38

Первая каноническая функция, объясняющая 76,1% дисперсии ответов, противопоставляет учащихся 1-го и 3-го курсов на одном полюсе, студентам последнего года обучения и молодым специалистам — на другом. Можно сказать, она отличает начальные ступени обучения от продвинутого уровня. Один полюс этой функции представлен всеми характеристиками эмоционального интеллекта в целом и в особенности — пониманием эмоций. К противоположному полюсу относится пессимистический стиль объяснения успехов и неудач, в частности такой его аспект, как склонность объяснять неуспехи факторами, действующими в широком круге жизненных ситуаций, а также стратегия копинга «активное преодоление». Чем выше показатели эмоционального интеллекта и ниже склонность к пессимистическому способу объяснения успехов и неудач и частота попыток лобового исправления источников стресса (активного преодоления), тем сильнее отличаются учащиеся младших курсов академии МВД от учащихся 5-го курса и молодых специалистов.

Вторая каноническая функция объясняет всего 13% дисперсии ответов, однако она высоко статистически значима. На одном ее полюсе объединены студенты 3-го и 5-го курсов, они противопоставлены первокурсникам и молодым специалистам. Один полюс этой функции прямо коррелирует с характеристиками оптимистического стиля объяснения успехов и неудач, противоположный полюс обратно коррелирует со стратегиями копинга «позитивная переоценка», «планирование решения» и «дистанцирование», «совладание с эмоциями» и склонностью объяснять негативные события постоянными, неизменными факторами, характерной для пессимистического стиля. Чем чаще участник демонстрирует склонность к опти-

мистической стратегии объяснения причин успехов и неудач и реже обращается к перечисленным стратегиям копинга, тем точнее по его ответам можно определить, включен он в образовательный процесс, как студенты 3-го и 5-го курсов, или менее включен, как курсанты в начале первого семестра обучения и молодые специалисты.

Третья каноническая функция объясняет наименьший процент дисперсии ответов, тем не менее, она является высоко значимой (см. табл. 4). Она противопоставляет учащихся 1-го курса всем другим участникам. Чем реже упоминается копинг «избегание», а причины неудач приписываются своим личным особенностям и чем чаще курсант принимает ответственность за происходящее, обращается к копингам «самоконтроль» и «поиск поддержки окружающих», тем сильнее первокурсники отличаются от старших коллег.

Обсуждение результатов

В первом исследовании нас интересовало, выступают ли особенности эмоциональной регуляции успешных следователей, выявленные в целом ряде отечественных исследований с помощью разных методов их измерения и разных способов оценки успешности, дифференцирующим признаком при выборе этой профессии теми, кто всерьез приступает к ее освоению. Для этого результаты недавно зачисленных студентов по направлению обучения «Предварительное следствие в органах внутренних дел» сравнивались с нормами методик, а также с результатами группы будущих психологов, для которых те же самые психологические особенности профессионально важны, но ради иного конечного результата.

Люди, выбравшие профессию следователя или психолога, сходны в том, в какие нормативные градации методик попадают их среднегрупповые результаты, по одним и тем же шкалам одинаково соотносясь с нормами методик (см. табл. 1). Это сходство служит аргументом в пользу релевантности контрольной группы. Все значимые различия между группами нельзя отнести за счет индивидуальных особенностей абитуриентов в отношении норм выраженности измеряемых в исследовании психологических характеристик, а значит, выше уверенность в том, что выявленные различия связаны с ориентирами при выборе одной из профессий.

Одно из таких различий — существенно более выраженная у будущих психологов склонность к пессимистическому стилю объяснения успехов и неудач в рамках общей склонности к этому стилю в обеих группах. Уверенность в себе, настойчивость на пути к цели, недооценка серьезности препятствий на этом пути, готовность полагаться на удачу, характеризующие оптимистический стиль объяснения успехов и неудач, не так полезны при решении задач следствия. Оптимистичный следователь испытывает меньше сомнений в своей версии, стремится доказать ее, а не выявить истинную причину преступления, если принятая им версия вдруг неверна. Продуктивность следователя сильно зависит от полноты и объективности той информации, которую дают свидетели, потерпевшие, эксперты и сам подозреваемый. У них у всех есть множество причин быть неточными или лгать. Сомнение, перепроверка фактов, показаний, своей собственной логики построения обвинения, перестраховка от всех мыслимых ошибок и обмана, свойственные пессимистическому стилю, способствуют повышению качества доказательной базы следствия. У психолога оснований для таких сомнений, перепроверки себя и своих выводов и решений еще больше, поскольку в этой профессии меньше объективных фактов и гораздо чаще приходится полагаться только на заведомо субъективный самоотчет клиента и меньше фактов, позволяющих выявлять искажения.

Отличия в частоте упоминания разных стратегий копинга отражают специфику профессии следователя и могут быть объяснены, исходя из обыденных представлений об обеих профес-

сиях. Исходя из этих представлений, следователи ограничены в возможности использования стратегий «активное преодоление», «планирование», «дистанцирование» и «позитивная переоценка» в их профессиональной деятельности, поскольку любое преступление сложно позитивно переосмыслить; дистанцирование предполагает отказ от изучения подробностей преступления, улик, личности участников, что невозможно совместить с добросовестным расследованием. Поскольку следователь чаще всего имеет дело с последствиями уже совершенного преступления, вопрос о стратегиях активного преодоления и планирования преодоления не может быть поставлен, речь может идти скорее о компенсации причиненного вреда и восстановлении справедливости в отношении потерпевших и преступников, наиболее доступен для будущих следователей копинг «самоконтроль». Поэтому будущие следователи реже, чем будущие психологи, прибегают к первым названным стратегиям и чаще (на уровне сильной тенденции к значимости) — к стратегии «самоконтроль», при которой негативные переживания гасятся путем недопущения их проявлений. Эти результаты подкрепляют данные о копингах, используемых успешными следователями, в литературе [19].

Что касается профессии психолога, то запросы на психологическую помощь как раз возникают при необходимости исправить или преодолеть сложную жизненную ситуацию, связаны с поиском способов и путей ее преодоления, а при невозможности изменить ситуацию — способов снизить ее травматическое воздействие путем переосмысления или дистанцирования. Таким образом, различия в частоте упоминания обсуждаемых стратегий копинга объясняются затруднительностью их применения в профессиональной деятельности следователей, с одной стороны, и центральным местом, которое занимают эти копинги в клиентских запросах и в обыденных представлениях о целях работы психолога — с другой.

Умение хорошо управлять как своими, так и чужими эмоциями — важная психологическая особенность для следователя [1; 16; 5; 12]. Результаты свидетельствуют, что в профессию следователя отбираются люди со значительно более развитыми навыками управления эмоциями в сравнении с профессией психолога. Это может быть связано с тем, что умение управлять эмоциями для следователя имеет целью воздействие на свидетеля или подозреваемого и др. ради получения информации, чистосердечного признания, а не собственно изменения эмоций как такового. Тонкие нюансы эмоционального переживания не имеют для следователя специального значения. В ходе допроса важнее вызвать аффект достаточной силы, чтобы человек потерял контроль над собой и в его поведении проявились те реалии, которые он скрывает или искажает. Для психолога умение управлять эмоциями выступает не только средством воздействия на клиента, но также и самостоятельным результатом работы в том случае, когда клиент приходит ради облегчения горя, преодоления гнева и т. д. Для достижения такого результата важно и то, какая именно эмоция провоцируется, и ее специфические особенности возникновения и протекания, а не только ее интенсивность. Психолог, в отличие от следователя, чаще старается избежать бурных неконтролируемых аффектов, его интересуют более тонкие градации переживания. Такое управление эмоциями сложнее, чем в ситуации следователя, поэтому чаще сопровождается переживанием неуспеха. Более простой достижимый целевой эффект может объяснять, почему будущие следователи выше, по сравнению с будущими психологами, оценивают в самоотчете свое умение управлять эмоциями, своими и других людей.

Можно резюмировать, что все перечисленные особенности будущих следователей, только зачисленных на 1-й курс, в сфере контроля эмоций и отличия их от группы сравнения соответствуют данным, полученным при исследовании работающих профессионалов. Значит,

можно сказать, что они служат ориентирами для оценки своих возможностей в этой профессии на этапе профессионального самоопределения.

Во втором исследовании выяснилось, что часть обсуждаемых особенностей, отличающих в первом исследовании будущих следователей от будущих психологов, позволяет также различить курсантов по принадлежности к этапу профессиональной подготовки.

По результатам дискриминантного анализа копинги, составляющие эмоционального интеллекта и стили реагирования на успехи и неудачи объединились в устойчивые неслучайные комбинации, различающие участников исследования на разных этапах освоения профессии (дискриминативные функции).

Есть две интересные параллели между результатами первого и второго исследования. Первая состоит в том, что полюса дискриминативных функций образуют психологические особенности, по которым в первом исследовании курсанты-следователи отличаются от контрольной группы психологов. Вторая параллель состоит в том, что эти особенности четко противопоставлены на разных этапах профессионализации будущих следователей. Один полюс дискриминативной функции соотнесен с характеристиками, которые в первом исследовании у курсантов выше, а другой полюс — с теми, которые у курсантов ниже, чем в контрольной группе психологов, выступающей своего рода точкой отсчета — профессией, в представлениях о которой важны те же характеристики, но в контексте иных задач. И чем больше разрыв, тем увереннее на основе психологических измерений можно определить, на каком образовательном этапе находится курсант. Эта преювенция — лучшая иллюстрация вклада обыденных представлений о профессии на этапе выбора и психологической перестройки личности в соответствии с требованиями профессии еще на этапе ее освоения.

Самая сильная из дискриминативных функций противопоставляет высокий эмоциональный интеллект склонности объяснять неудачи глобальными трудно преодолимыми факторами вкупе с настроением на активное преодоление трудностей. Он отличает выпускников и молодых специалистов от учащихся младших курсов (см. табл. 5, каноническая функция 1). Второй полюс внутренне противоречив, так как отражает активные попытки младшекурсников в лоб атаковать затруднения, оцениваемые ими самими как крайне труднопреодолимые. Это можно интерпретировать так: ко времени выпуска из училища отказ от лобовых решений при преодолении неудач сопровождается приростом показателей эмоционального интеллекта. При этом снижается оценка причин неудач как вездесущих и трудно преодолимых. Поводом к тому могут служить приобретение специальных знаний о том, какие действия помимо лобовых атак позволяют выводить криминал на чистую воду, а также отступление от романтических литературных образов следователя-детектива, в одиночку побеждающего криминальный мир отдельно взятого региона вопреки всем препятствиям.

Эти особенности находят объяснение в характеристике этапов формирования профессиональной идентичности [21; 23]. В начале становления специалиста она не может быть подкреплена профессиональным опытом, поэтому подкрепляется внешними атрибутами, такими как подражание внешним особенностям профессионала (выраженным в житейских, литературных и медийных стереотипах), более неукоснительное следование всем нормам и регламентам, выглядящее как формализм новичка. У курсантов младших курсов особенность ориентации на внешне обрисованный образ профессионала проявляется в том, что они выбирают литературный флер (герой-одиночка без колебаний вступает в борьбу за правду с непобедимым криминалом и побеждает) и отвергают важные особенности эмоционального интеллекта следователя, которые помогают ему добывать необходимые сведения и признания, ко-

гда затруднение напрямую непреодолимо. Эта тенденция снижается по мере приобретения специальных знаний.

Вторая по силе дискриминативная функция противопоставляет людей, основательно погруженных в учебный процесс (3 и 5-й курсы), тем, кто еще не вошел или уже вышел из него. Эти люди уже приобрели определенный теоретический и практический опыт, обеспечивающий представление о разных вариантах действия при решении профессиональных задач. Это способствует снижению попыток активного преодоления ситуаций, воспринимаемых как практически непреодолимые. Взамен курсанты чаще используют другие стратегии копинга, такие как: разработка плана или планов по разрешению затруднительной ситуации (планирование); временное отстранение от всего, что с этой ситуацией связано (дистанцирование); переоценка ее негативных аспектов (позитивная переоценка), разрядка вызванных ею переживаний в иных формах деятельности (совладание с эмоциями). Все эти копинги объединяет то, что при невозможности решить затруднение здесь и сейчас они обеспечивают изменение собственных действий по решению затруднения, так чтобы до появления возможности его разрешить минимизировать негативные переживания по его поводу, подготовить активные процедуры преодоления, переоценить затруднительную ситуацию, в результате чего могут открыться новые пути ее преодоления. Вместе эти копинги помогают выждать подходящую возможность и преодолеть затруднение, которое не решается здесь и теперь. Копинги, не вошедшие в этот набор, объединяет то, что они в принципе не подразумевают самостоятельного преодоления затруднения. Затруднение может остаться полностью не преодоленным при избегании ситуации и связанных с ней переживаний, преодолевается усилиями кого-то из окружающих, или вовсе остается неразрешенным, только его последствия компенсируются в результате принятия ответственности.

Обращение к копингам, образующим эту дискриминативную функцию, проявляется тем чаще, чем меньше курсанты 3 и 5-го годов обучения убеждены в том, что успех является следствием их личных качеств, постоянно реализуемых в широком круге ситуаций. Сомневаясь в своей личной эффективности, они предпринимают дополнительные усилия, помогающие снизить неприятное переживание неуспеха и выждать благоприятные обстоятельства для достижения успеха. Если в результате приходит успех, то курсант приобретает опыт успешного управления эмоциями, полезный для достижения цели. Осмысление этого опыта вполне может привести к повышению оценки курсантами своего эмоционального интеллекта, что отличает учащихся 5-го курса и молодых специалистов от курсантов 1 и 3-го курсов в первой дискриминативной функции, а также будущих следователей от будущих психологов в первом исследовании. Таким образом, вторая дискриминативная функция проясняет логику трансформации образа профессионала на начальных этапах обучения, начало и конец которой представлены полюсами первой дискриминативной функции.

Отдельный аспект пессимистического стиля объяснения успехов и неудач — это объяснение причин неудач особенностями собственной личности. В третьей дискриминативной функции этот аспект в совокупности с копингом «избегание» противопоставлен копингам «поиск поддержки окружающих», «самоконтроль» и «принятие ответственности». Они либо не изменяются, либо значительно снижаются в ходе профессионального обучения и не являются различительными для профессий следователя и психолога по результатам первого исследования, а во втором отличают первокурсников от всех других курсантов. По смыслу они отражают снижение неуверенности новичка, которая проявляется в склонности обвинять себя в неудачах; в стремлении избегать любых действий и мыслей, связанных с затруднительной

ситуацией; в низком самоконтроле; в отказе принимать ответственность и обращаться за помощью.

Тот факт, что одни и те же особенности эмоциональной регуляции имеют разное значение на разных этапах формирования профессиональной идентичности, служит подходящим объяснением противоречивости данных, как западных, так и некоторых отечественных исследователей. В зависимости от того, на какой стадии формирования находилась профессиональная идентичность участников исследования, менялась значимость конкретных копингов, стратегий реагирования на успех и неудачу и уровня эмоционального интеллекта и их вклад в профессиональный успех и стойкость по отношению к помехам на пути его достижения. В свою очередь это отражалось на выводах исследователей о полезности, вреде или отсутствии связи конкретных особенностей эмоциональной регуляции, в частности, определенных копингов в работе сотрудников следствия. Исследователи абсолютизировали эти результаты, не подозревая о том, что в зависимости от этапа профессиональной идентичности одни и те же особенности эмоциональной регуляции могут быть связанными или не связанными с профессиональной эффективностью или даже были связаны с накоплением негативных последствий профессионального стресса.

Выводы

Особенности регуляции эмоций, способствующие успеху следователя, выделенные по результатам обзора исследований, не только складываются в ходе профессионализации, но и служат ориентирами до начала этого процесса, при выборе профессии, а разные их комбинации отличают этапы начальной профессионализации, отражая специфические особенности формирования образа профессионала. Частое или редкое применение специфических форм регуляции эмоций обосновывается не только эмпирическими данными, но и спецификой обязанностей, профессиональных задач и целей следователя. К ним относятся: ограниченные возможности использования таких конструктивных стратегий копинга, как активное преодоления и планирование преодоления ситуации, ее позитивная переоценка, дистанцирование от контакта с ее травмирующими аспектами.

В начале обучения образ профессионала отличается готовностью активно вступать в противоборство с обстоятельствами, которые воспринимаются как непреодолимые, как бы один на один с ними в честном бою, не прибегая к хитростям, требующим эмоционального интеллекта. Эти особенности снижаются по мере профессионализации. Им на смену на поздних этапах обучения приходят другие особенности образа профессионала, когда достижение успеха рассматривается через призму своих личных особенностей и способностей, а их недостатки компенсируется обращением к копингам, помогающим реорганизовать свои усилия, переждать обстоятельства, способствующие временному неуспеху, не отказываясь от достижения цели. Эффективность этих копингов можно рассматривать как источник перехода от героически-романтического образа профессионала, который присутствует в начале обучения, к тому, который характеризует выпускников и молодых специалистов в противоположность курсантам на ранних этапах обучения и предполагает при разрешении проблемных ситуаций опору на способности к пониманию и контролю эмоций, а не на быстрый, энергичный, но не подготовленный натиск.

Выявленные в данном исследовании особенности эмоциональной саморегуляции в структуре первых этапов формирования профессиональной идентичности можно использовать как одно из оснований для профотбора на этапе выбора профессии следователя, оценивать их в качестве показателей сформированности профессиональной идентичности на основе образа

Кравченко Ю.Е., Кравцов О.Г., Щепанская А.А.
Особенности регуляции негативных эмоций и стресса,
сопутствующие выбору профессии следователя
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 1–26.

Kravchenko Yu.E., Kravtsov O.G., Shchepanskaya A.A.
Features of the Regulation of Negative Emotions and Stress
of People Choosing the Profession of an Investigator
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 1–26.

успешного профессионала на начальных этапах ее становления, а также идентифицировать конкретные отклонения в этом процессе, требующие разных по содержанию форм психологической поддержки, поскольку своевременно поддержать и направить формирование профессиональной идентичности проще, чем корректировать. Данное исследование также может служить отправной точкой и моделью для выявления и описания ключевых особенностей эмоциональной регуляции на последующих этапах формирования профессиональной идентичности. На основе его результатов можно предположить, что содержание последующих этапов будет характеризоваться не столько приростом новых возможностей в сфере контроля эмоций, сколько изменением соотношения между теми особенностями, которые выделены здесь в качестве отличительных для следователей, и степени их выраженности в самоотчете.

Литература

1. Аникеева Н.В., Паршутин И.А. Исследование волевой сферы личности курсантов, обучающихся в образовательных организациях МВД России открытого и закрытого типов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 4. С. 142–154. doi:10.17759/psylaw.2018080413
2. Бовин Б.Г. Психологическая модель профессиональной пригодности к оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 4. С. 126–137. doi:10.17759/psylaw.2021110409
3. Борисова С.Е. Профессиональная деформация личности сотрудников оперативных подразделений органов внутренних дел и ее профилактика [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 2. С. 1–18. doi:10.17759/psylaw.2017060201
4. Бурцев А.О., Ефимкина Н.В., Кудинов С.И., Позин А.И. Исследование самореализации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 90–105. doi:10.17759/psylaw.2021110108
5. Вачков И.В., Молчанова Д.В. Метафора профессионального самоопределения: взаимосвязь индивидуально-личностных характеристик и выбора профессии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 2. С. 77–88. doi:10.17759/psylaw.2018080206
6. Виноградов М.В., Ульянина О.А. Основные направления психологической работы с курсантами и слушателями, а также сотрудниками, впервые принятыми на службу, в период профессионального обучения, в образовательных организациях системы МВД России (Часть 1) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 1–14. doi:10.17759/psylaw.2019090201
7. Виноградов М.В., Ульянина О.А. Основные направления психологической работы с курсантами и слушателями, а также сотрудниками, впервые принятыми на службу, в период профессионального обучения в образовательных организациях системы МВД России (Часть 2) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 245–260. doi:10.17759/psylaw.2019090318
8. Гончарова Н.А., Калашник А.А., Ситников В.Л. Сравнительный анализ выраженности свойств, лимитирующих профессиональную психологическую пригодность сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 2. С. 17–25. doi:10.17759/psylaw.2021110202
9. Гончарова Н.А., Костылева И.В. Психологические особенности аксиологической надежности сотрудников органов внутренних дел на различных стадиях профессиогенеза [Элек-

Кравченко Ю.Е., Кравцов О.Г., Щепанская А.А.
Особенности регуляции негативных эмоций и стресса,
сопутствующие выбору профессии следователя
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 1–26.

Kravchenko Yu.E., Kravtsov O.G., Shchepanskaya A.A.
Features of the Regulation of Negative Emotions and Stress
of People Choosing the Profession of an Investigator
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 1–26.

тронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 3. С. 25–33.
doi:10.17759/psylaw.2018080302

10. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.

11. Зелигман М.Э.П. Как научиться оптимизму: Советы на каждый день. М.: Вече; Персей, 1997. 426 с.

12. Ковальчишина С.В. Комплексная модульная система предупреждения профессиональных деструкций следователей в ходе их профессионального становления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 2. С. 71–80. doi:10.17759/psylaw.2017060206

13. Кравченко Ю.Е. Психология эмоций (классические и современные теории и исследования). М.: Форум, 2012. 544 с.

14. Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.

15. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.

16. Московская М.С., Котельникова Д.А., Дубинский А.А. Особенности регуляции деятельности у сотрудников следственных органов (клинико-психологический, нейропсихологический и гендерный аспекты) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 3. С. 83–96. doi:10.17759/psylaw.2017070307

17. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. 212 с.

18. Рогачев В.А., Коноплева И.Н. Аналитический обзор исследований по проблеме неопределенности и изучения копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 1. С. 26–43. doi:10.17759/psylaw.2018080103

19. Рогачев В.А., Коноплева И.Н. Толерантность к неопределенности и выбор копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 4. С. 106–126. doi:10.17759/psylaw.2017070409

20. Рудина Л.М. Индивидуально-психологические особенности адаптивности женщин к состоянию беременности: Дисс. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2003.

21. Руднева Е.Н. Профессиональная идентичность — основа становления профессионала // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2007. Том 4. № 2 (8). С. 72–79.

22. Смирнов В.П. Психологические аспекты профессиональной деятельности следователей и государственных обвинителей // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 2 (42). С. 237–241.

23. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность. Теория и методы диагностики. М.: МПСИ, 2007. 128 с.

24. Acquadro Maran D., Zedda M., Varetto A. Organizational and occupational stressors, their consequences and coping strategies: A questionnaire survey among Italian patrol police officers // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2018. Vol. 15(1). P. 166–181. doi:10.3390/ijerph15010166

25. Allison P., Mnatsakanova A., McCanlies E., Fekedulegn D., Hartley T.A., Andrew M.E., Violanti J.M. Police stress and depressive symptoms: Role of coping and hardiness // Policing. 2019. Vol. 43(2). P. 247–261. doi:10.1108/pijpsm-04-2019-0055

Кравченко Ю.Е., Кравцов О.Г., Щепанская А.А.
Особенности регуляции негативных эмоций и стресса,
сопутствующие выбору профессии следователя
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 1–26.

Kravchenko Yu.E., Kravtsov O.G., Shchepanskaya A.A.
Features of the Regulation of Negative Emotions and Stress
of People Choosing the Profession of an Investigator
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 1–26.

26. Dautovich N.D., Katjijova M., Cyrus J.W., Kliewer W. Duty-Related Stressors, Adjustment, and the Role of Coping Processes in First Responders: A Systematic Review // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. 2022. Vol. 2. doi:10.1037/tra0001258
27. Ivie D., Garland B. Stress and burnout in policing: Does military experience matter? // *Policing*. 2011. Vol. 34(1). P. 49–66. doi:10.1108/136395111111106605
28. Meyer E.C., Zimering R., Daly E., Knight J., Kamholz B.W., Gulliver S.B. Predictors of post-traumatic stress disorder and other psychological symptoms in trauma-exposed firefighters // *Psychological Services*. 2012. Vol. 9(1). P. 1–15. doi:10.1037/a0026414
29. Nelson K.V., Smith A.P. Occupational stress, coping and mental health in Jamaican police officers // *Occupational Medicine*. 2016. Vol. 66(6). P. 488–491. doi:10.1093/occmed/kqw055
30. Ortega A., Brenner S.-O., Leather P. Occupational stress, coping and personality in the police: An SEM Study // *International Journal of Police Science & Management*. 2007. Vol. 9(1). P. 36–50. doi:10.1350/ijps.2007.9.1.36
31. Sattler D.N., Boyd B., Kirsch J. Trauma-exposed firefighters: Relationships among posttraumatic growth, posttraumatic stress, resource availability, coping and critical incident stress debriefing experience // *Stress and Health*. 2014. Vol. 30(5). P. 356–365. doi:10.1002/smi.2608
32. Setlack J., Brais N., Keough M., Johnson E.A. Workplace violence and psychopathology in paramedics and firefighters: Mediated by posttraumatic cognitions // *Canadian Journal of Behavioural Science*. 2021. Vol. 53(3). P. 211–220. doi:10.1037/cbs0000240
33. Skeffington P.M., Rees C.S., Mazzucchelli T. Trauma exposure and post-traumatic stress disorder within fire and emergency services in Western Australia // *Australian Journal of Psychology*. 2017. Vol. 69(1). P. 20–28. doi:10.1111/ajpy.12120
34. Lazarus R.S., Opton E.J., Nomikos M.S., Rankin N.O. The principle of short-circuiting of threat. Further evidence // *Journal of Personality*. 1965. Vol. 33(4). P. 622–635. doi:10.1111/j.1467-6494.1965.tb01408.x

References

1. Anikeeva N.V., Parshutin I.A. Issledovanie volevoi sfery lichnosti kursantov, obuchayushchikhsya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii otkrytogo i zakrytogo tipov [The study of volitional sphere of the personality of cadets, students in the educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia open and closed types] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 4, pp. 142–154. doi:10.17759/psylaw.2018080413 (In Russ.).
2. Bovin B.G. Psikhologicheskaya model' professional'noi prigodnosti k operativno-rozysknoi deyatel'nosti [Psychological Model of Professional Fitness for Investigative Activities] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 126–137. doi:10.17759/psylaw.2021110409 (In Russ.).
3. Borisova S.E. Professional'naya deformatsiya lichnosti sotrudnikov operativnykh podrazdelenii organov vnutrennikh del i ee profilaktika [Professional deformation of the personality of employees of operative divisions of Internal Affairs and its prevention] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 2, pp. 1–18. doi:10.17759/psylaw.2017060201 (In Russ.).
4. Burtsev A.O., Efimkina N.V., Kudinov S.I., Pozin A.I. Issledovanie samorealizatsii sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii [Self-realization in Officers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo =*

Кравченко Ю.Е., Кравцов О.Г., Щепанская А.А.
Особенности регуляции негативных эмоций и стресса,
сопутствующие выбору профессии следователя
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 1–26.

Kravchenko Yu.E., Kravtsov O.G., Shchepanskaya A.A.
Features of the Regulation of Negative Emotions and Stress
of People Choosing the Profession of an Investigator
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 1–26.

Psychology and Law, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 90–105. doi:10.17759/psylaw.2021110108 (In Russ.).

5. Vachkov I.V., Molchanova D.V. Metafora professional'nogo samoopredeleniya: vzaimosvyaz' individual'no-lichnostnykh kharakteristik i vybora professii [The metaphor of the professional self-determination: the interrelationship of individual and personal characteristics, and vocational choice] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 77–88. doi:10.17759/psylaw.2018080206 (In Russ.).

6. Vinogradov M.V., Ulyanina O.A. Osnovnye napravleniya psikhologicheskoi raboty s kursantami i slushatelyami, a takzhe sotrudnikami, v pervye prinyatymi na sluzhbu, v period professional'nogo obucheniya, v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii (Chast' 1) [The Main Directions of Psychological Work with Cadets and First Recruited Officers in Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia (part 1)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 1–14. doi:10.17759/psylaw.2019090201 (In Russ.).

7. Vinogradov M.V., Ulyanina O.A. Osnovnye napravleniya psikhologicheskoi raboty s kursantami i slushatelyami, a takzhe sotrudnikami, v pervye prinyatymi na sluzhbu, v period professional'nogo obucheniya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii (Chast' 2) [The Main Directions of Psychological Work with Cadets and First Recruited Officers in Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia (part 2)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 3, pp. 245–260. doi:10.17759/psylaw.2019090318 (In Russ.).

8. Goncharova N.A., Kalashnik A.A., Sitnikov V.L. Sravnitel'nyi analiz vyrazhennosti svoistv, limitiruyushchikh professional'nyu psikhologicheskuyu prigodnost' sotrudnikov organov vnutrennikh del [Comparative Analysis of Intensity of Traits Limiting the Professional and Psychological Fitness of Internal Affairs Officers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 17–25. doi:10.17759/psylaw.2021110202 (In Russ.).

9. Goncharova N.A., Kostyleva I.V. Psikhologicheskie osobennosti aksiologicheskoi nadezhnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del na razlichnykh stadiyakh professiogeneza [Psychological features of axiological reliability of staff of bodies of internal affairs at various stages of a professiogeneza] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 3, pp. 25–33. doi:10.17759/psylaw.2018080302 (In Russ.).

10. Gordeeva T.O. Psikhologiya motivatsii dostizheniya. Moscow: Smysl; Izdatel'skii tsentr "Akademiya", 2006. 336 p. (In Russ.).

11. Seligman M.E.P. Kak nauchit'sya optimizmu: Sovety na kazhdyi den' [Learned Optimism. How to change your mind and your life]. Moscow: Veche; Persei, 1997. 426 p. (In Russ.).

12. Kovalchishina S.V. Kompleksnaya modul'naya sistema preduprezhdeniya professional'nykh destruktivnykh sledovatelei v khode ikh professional'nogo stanovleniya [A comprehensive modular system of prevention of professional destructions of the investigators in the course of their professional formation] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 2, pp. 71–80. doi:10.17759/psylaw.2017060206 (In Russ.).

13. Kravchenko Yu.E. Psikhologiya emotsii (klassicheskie i sovremennye teorii i issledovaniya). Moscow: Forum, 2012. 544 p. (In Russ.).

14. Kryukova T.L., Kuftyak E.V. Oprosnik sposobov sovladaniya (adaptatsiya metodiki WCQ). *Zhurnal prakticheskogo psikhologa = Journal of Practical Psychologist*, 2007, no. 3, pp. 93–112. (In Russ.).

15. Lyusin D.V. Novaya metodika dlya izmereniya emotsional'nogo intellekta: oprosnik EmIn. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnostics*, 2006, no. 4, pp. 3–22. (In Russ.).

Кравченко Ю.Е., Кравцов О.Г., Щепанская А.А.
Особенности регуляции негативных эмоций и стресса,
сопутствующие выбору профессии следователя
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 1–26.

Kravchenko Yu.E., Kravtsov O.G., Shchepanskaya A.A.
Features of the Regulation of Negative Emotions and Stress
of People Choosing the Profession of an Investigator
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 1–26.

16. Moskovskaya M.S., Kotelnikova D.A., Dubinsky A.A. Osobennosti regulyatsii deyatel'nosti u sotrudnikov sledstvennykh organov (klinikо-psikhologicheskii, neiropsikhologicheskii i gendernyi aspekty) [Features of the regulation of the activity among interrogators (clinical and psychological, neuropsychological and gender aspects)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 3, pp. 83–96. doi:10.17759/psylaw.2017070307 (In Russ.).
17. Ratinov A.R. Sudebnaya psikhologiya dlya sledovatelei. Moscow: Yurlitinform, 2001. 212 p. (In Russ.).
18. Rogachev V.A., Konopleva I.N. Analiticheskii obzor issledovaniy po probleme neopredelennosti i izucheniya koping-strategii u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Analytical review of studies on uncertainty and the study of coping strategies in law enforcement officers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 26–43. doi:10.17759/psylaw.2018080103 (In Russ.).
19. Rogachev V.A., Konopleva I.N. Tolerantnost' k neopredelennosti i vybor koping-strategii u sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Tolerance to uncertainty and the choice of coping strategies in law enforcement] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2017. Vol. 7, no. 4, pp. 106–126. doi:10.17759/psylaw.2017070409 (In Russ.).
20. Rudina L.M. Individual'no-psikhologicheskie osobennosti adaptivnosti zhenshchin k sostoyaniyu beremennosti: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow: IP RAN Publ., 2003. (In Russ.).
21. Rudneva E.N. Professional'naya identichnost' — osnova stanovleniya professional. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya "Psikhologo-pedagogicheskie nauki" = Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*, 2007. Vol. 4, no. 2(8), pp. 72–79. (In Russ.).
22. Smirnov V.P. Psikhologicheskie aspekty professional'noi deyatel'nosti sledovatelei i gosudarstvennykh obvinitelei. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 2 (42), pp. 237–241. (In Russ.).
23. Shneider L.B. Lichnostnaya, gendernaya i professional'naya identichnost'. Teoriya i metody diagnostiki. Moscow: MPSI Publ., 2007. 128 p. (In Russ.).
24. Acquadro Maran D., Zedda M., Varetto A. Organizational and occupational stressors, their consequences and coping strategies: A questionnaire survey among Italian patrol police officers. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2018. Vol. 15, no. 1, pp. 166–181. doi:10.3390/ijerph15010166
25. Allison P., Mnatsakanova A., McCanlies E., Fekedulegn D., Hartley T.A., Andrew M.E., Violanti J.M. Police stress and depressive symptoms: Role of coping and hardiness. *Policing*, 2019. Vol. 43, no. 2, pp. 247–261. doi:10.1108/pijpsm-04-2019-0055
26. Dautovich N.D., Katjijova M., Cyrus J.W., Kliewer W. Duty-Related Stressors, Adjustment, and the Role of Coping Processes in First Responders: A Systematic Review. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2022. Vol. 2. doi:10.1037/tra0001258
27. Ivie D., Garland B. Stress and burnout in policing: Does military experience matter? *Policing*, 2011. Vol. 34, no. 1, pp. 49–66. doi:10.1108/13639511111106605
28. Meyer E.C., Zimering R., Daly E., Knight J., Kamholz B.W., Gulliver S.B. Predictors of post-traumatic stress disorder and other psychological symptoms in trauma-exposed firefighters. *Psychological Services*, 2012. Vol. 9, no. 1, pp. 1–15. doi:10.1037/a0026414
29. Nelson K.V., Smith A.P. Occupational stress, coping and mental health in Jamaican police officers. *Occupational Medicine*, 2016. Vol. 66, no. 6, pp. 488–491. doi:10.1093/occmed/kqw055

Кравченко Ю.Е., Кравцов О.Г., Щепанская А.А.
Особенности регуляции негативных эмоций и стресса,
сопутствующие выбору профессии следователя
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 1–26.

Kravchenko Yu.E., Kravtsov O.G., Shchepanskaya A.A.
Features of the Regulation of Negative Emotions and Stress
of People Choosing the Profession of an Investigator
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 1–26.

30. Ortega A., Brenner S.-O., Leather P. Occupational stress, coping and personality in the police: An SEM Study. *International Journal of Police Science & Management*, 2007. Vol. 9, no. 1, pp. 36–50. doi:10.1350/ijps.2007.9.1.36
31. Sattler D.N., Boyd B., Kirsch J. Trauma-exposed firefighters: Relationships among posttraumatic growth, posttraumatic stress, resource availability, coping and critical incident stress debriefing experience. *Stress and Health*, 2014. Vol. 30, no. 5, pp. 356–365. doi:10.1002/smi.2608
32. Setlack J., Brais N., Keough M., Johnson E.A. Workplace violence and psychopathology in paramedics and firefighters: Mediated by posttraumatic cognitions. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 2021. Vol. 53, no. 3, pp. 211–220. doi:10.1037/cbs0000240
33. Skeffington P.M., Rees C.S., Mazzucchelli T. Trauma exposure and post-traumatic stress disorder within fire and emergency services in Western Australia. *Australian Journal of Psychology*, 2017. Vol. 69, no. 1, pp. 20–28. doi:10.1111/ajpy.12120
34. Lazarus R.S., Opton E.J., Nomikos M.S., Rankin N.O. The principle of short-circuiting of threat. Further evidence. *Journal of Personality*, 1965. Vol. 33, no. 4, pp. 622–635. doi:10.1111/j.1467-6494.1965.tb01408.x

Информация об авторах

Кравченко Юнна Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра общей психологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3351-123X>, e-mail: asunaro@mail.ru

Кравцов Олег Геннадиевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8875-0169>, e-mail: kravtsovog@gmail.com

Щепанская Алена Андреевна, бакалавр, факультет Liberal Arts, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0652-6460>, e-mail: alena.schep@yandex.ru

Information about the authors

Yunna E. Kravchenko, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of General Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3351-123X>, e-mail: asunaro@mail.ru

Oleg G. Kravtsov, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Legal Psychology, V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8875-0169>, e-mail: kravtsovog@gmail.com

Alena A. Shchepanskaya, Bachelor, Faculty of Liberal Arts, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0652-6460>, e-mail: alena.schep@yandex.ru

Получена 03.06.2022
Принята в печать 03.11.2022

Received 03.06.2022
Accepted 03.11.2022

Психологические особенности профессиональной востребованности и мотивации сотрудников полиции

Стрельникова Ю.Ю.

Санкт-Петербургский университет МВД России (ФГКОУ ВО «СПбУ МВД России»),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8375-1293>, e-mail: ulich1969@yandex.ru.

Гончарова Н.А.

Санкт-Петербургский университет МВД России (ФГКОУ ВО «СПбУ МВД России»),
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

В статье рассмотрены особенности профессиональной востребованности и мотивационный профиль личности сотрудников оперативных подразделений и патрульно-постовой службы полиции. Выборка представлена 89 сотрудниками органов внутренних дел в возрасте от 29 до 36 лет, со стажем службы 2—3 года. Цель исследования: определение влияния специфики служебной деятельности, мотивации и социальных характеристик на переживания профессиональной востребованности сотрудников полиции. Методы: анонимная анкета оценки социально-психологических факторов; методика «Профессиональная востребованность личности» (Е.В. Харитоновна, Б.А. Ясько); опросник «Мотивационный профиль» (Ш. Ричи, П. Мартина). В результате исследования установлено, что специфика служебной деятельности сотрудников полиции и их мотивация оказывают существенное влияние на общий уровень профессиональной востребованности личности и его отдельные компоненты, а также на социально-психологическую адаптацию, «текучесть кадров» и психологическое здоровье специалистов. Сотрудники оперативных подразделений отличаются от сотрудников патрульно-постовой службы ($p \leq 0,05$) более гармоничным профилем профессиональной востребованности личности.

Ключевые слова: сотрудники полиции, профессиональная востребованность, мотивационный профиль личности, самосовершенствование, профессиональная мотивация, аттракция, референтность.

Для цитаты: Стрельникова Ю.Ю., Гончарова Н.А. Психологические особенности профессиональной востребованности и мотивации сотрудников полиции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 27–39. DOI:10.17759/psylaw.2023130102

Psychological Features of Professional Demand and Motivation of Law-Enforcement Officers

Yuliya Yu. Strelnikova

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8375-1293>, e-mail: ulich1969@yandex.ru

Natalia A. Goncharova

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

The article considers the peculiarities of professional demand and motivational profile of the personality of employees of operational subdivisions and patrol-guard service of the police. The sample is represented by 89 employees of internal affairs bodies in age from 29 to 36 years, with the service experience of 2–3 years. Purpose of the study: to determine the influence of the specifics of service activity, motivation and social characteristics on the experience of professional demand for police officers. Methods: anonymous questionnaire of assessment of socio-psychological factors; methodology “Professional demand for personality” (E.V. Kharitonova, B.A. Yasko); questionnaire “Motivational profile” (S. Ritchie, P. Martin). As a result of the study it was found that the specifics of service activities of police officers and their motivation have a significant impact on the overall level of professional demand for personality and its individual components, as well as on the socio-psychological adaptation, “turnover” and psychological health of specialists. Operational unit officers differ from patrol officers ($p \leq 0,05$) with a more harmonious profile of the professional demand for personality.

Keywords: law-enforcement officers, professional demand, motivational profile of personality, self-improvement, professional motivation, attraction, referentiality.

For citation: Strelnikova Yu.Yu., Goncharova N.A. Psychological Features of Professional Demand and Motivation of Law-Enforcement Officers. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 27–39. DOI:10.17759/psylaw.2023130102 (In Russ.).

Введение

Мотивация и уверенность в профессиональной востребованности являются значимыми факторами самореализации субъекта, обеспечивающими его надежность в деятельности и карьерные устремления. Между мотивацией и субъективными ощущениями востребованности существует значимая взаимосвязь, отражающая их взаимовлияние и уровень благополучия, самоэффективность, перспективы профессионального развития и личностного роста. Для деятельности полиции потенциал востребованности имеет мотивирующее значение и может выступать в качестве психологического ресурса повышения служебной эффективности сотрудника.

В силу специфики служебной деятельности, высокого уровня стрессогенности и социальной значимости профессии, представители различных подразделений полиции могут по-разному переживать имплицитный, мотивационный, ценностно-смысловой и поведенчески-результативный компоненты профессиональной востребованности. Это значит, что существует определенное рассогласование между востребованностью профессии, как социально

значимой сферы, приверженность которой была выражена субъектами профессионального выбора в процессе осуществления самоопределения, и актуальными личностными переживаниями сотрудников в связи с невостребованностью и отсутствием профессиональной мотивации.

Недостаточная мотивация к службе субъектов труда в органах внутренних дел и личностное ощущение невостребованности увеличивают риски профессиональной уязвимости при выполнении задач в особых условиях. Современные исследования вскрывают негативные явления в структуре трудовой мотивации и ее высокую зависимость от факторов материальной обеспеченности, удовлетворенности и востребованности. Так, в исследованиях Е.В. Светлаковой отмечается, что мотивация сотрудников органов внутренних дел (ОВД) характеризуется незаинтересованностью служебной деятельностью, отсутствием субъективной ценности профессии, низким уровнем профессиональной мотивации и стремлений к повышению профессиональной компетентности [9, с. 88]. А.П. Кожевина установила среди сотрудников ОВД высокий процент лиц с мотивацией избегания неудач, которая проявляется в виде непродуктивной активности и ухода от ответственности [4].

В актуальных исследованиях сферы юридического труда установлен низкий уровень профессиональной мотивации на этапе профессионализма у сотрудников с высоким стажем, что проявляется в виде признаков профессиональной деформации, отсутствия стремлений к развитию, безинициативности, ориентации на несложные задания, сужения профессионального сознания [2; 10; 18]. Результаты изучения мотивации, выполненные Л.Н. Никитиной показали, что 30% исследованных респондентов «...характеризуются отрицательной направленностью профессиональной деятельности и не имеют желания продолжать службу в органах внутренних дел» [5, с. 122]. Н.И. Хохлова выявила в составе мотивационного профиля сотрудников ОВД ведущие мотивы материального обеспечения, а также у 36% респондентов личностную ориентацию на вознаграждение и собственное благополучие [15, с. 88].

Мотивация в профессиональной деятельности выступает в качестве необходимого условия становления профессионального сознания, без которого, по мнению Е.А. Климова, невозможно формирование самосознания [3]. В профессиональной деятельности самосознание сопряжено с осознанием личностной значимости субъекта в профессии. Самоэффективность выступает в качестве ведущего фактора в структуре востребованности наряду с самореализацией, мотивацией, авторитетностью и компетентностью. Е.В. Харитоновна, предложившая концепцию социально-профессиональной востребованности, отмечает ряд механизмов ее становления, сущность которых отражает степень самооценки субъектом собственных ресурсов и возможность управления ими, мобилизации профессиональных умений и опыта, осознания собственной полезности [12].

В соответствии с таким пониманием, психологической сущностью профессиональной востребованности и дальнейшего карьерного продвижения должно стать переживание значимости выполняемой деятельности «для других». По определению Б.А. Ясько и Е.В. Харитоновой, в оценке профессиональной востребованности необходимо рассматривать «многоуровневую, строящуюся иерархически, имеющую связи с другими психологическими образованиями (активность, смысл, ценность, внешняя среда, общение, профессиональная деятельность и др.) метасистему субъективных отношений личности к себе как к «значимому для других профессионалу» [16, с. 283].

Профессиональная востребованность рассматривается также в качестве фактора «психологического благополучия», возникающего в ситуации удовлетворенности самореализацией профессионала [1; 7, с. 127]. Востребованность, по мнению Е.В. Харитоновой, проявляется

также в более высокой способности человека к саморегуляции, адаптационных возможностях, поведенческой результативности, самоэффективности [12]. Она детерминирует становление согласованности представлений субъекта о себе и его мотивационной сферы, интегрируясь в «метасистему инициативно-притязательных и результативных характеристик личности» [13].

Проблема самоэффективности и ее взаимосвязи с мотивацией широко обсуждается в зарубежных исследованиях. В работе С. Уоллин с соавт. (S. Wallin et al.) отмечается, что трудовая мотивация и профессиональная самоэффективность являются основой веры сотрудника в собственные способности, а мотивация поддерживается осмысленностью выполняемой работы, социальной поддержкой и значимостью работы для других [23]. Востребованность сотрудника повышает уровень его профессиональной мотивации и удовлетворенности деятельностью. Удовлетворенность сопряжена с оценкой эффективности сотрудника, что, по мнению Т. Рифанингрум и др. (T. Rifaningrum et al.), непосредственно влияет на производительность [21]. С. Элнтиб, Д. Милинчич (S. Elntib, D. Milincic) отмечают, что у кандидатов из развивающихся стран, в отличие от развитых, ведущими мотивами службы в полиции являются льготы и влияние семьи [19]. Привлекательность профессии полицейского в Тайване также связана с «хорошей зарплатой», «дополнительными льготами» и «влиянием со стороны родителей» [22], а в США — с возможностью достижения личностной востребованности [20]. И. Демиркол, М.К. Налла (I. Demirkol, M.K. Nalla) установили, что сложность и специфика цели, значимость задачи, приверженность делу, самоэффективность и вознаграждение положительно влияют на мотивацию сотрудников полиции аэропортов [17]. Мотивация, составляющая основу трудового потенциала сотрудника и выраженная в способностях, работоспособности, выносливости, детерминируется степенью востребованности данных психических свойств субъекта в профессиональной деятельности. Между мотивацией и востребованностью эмпирически установлены значимые корреляции [6].

Теоретический анализ проблемы показал актуальность изучения профессиональной востребованности и мотивации личности сотрудников полиции с целью создания условий для реализации невостребованного ресурсного потенциала, самореализации в профессии и обеспечения стабильности профессиональной мотивации.

Методы и методика исследования

В ходе исследования проверялась гипотеза о влиянии специфики служебной деятельности, мотивации и социальных характеристик на переживания профессиональной востребованности сотрудников полиции.

В эмпирическом исследовании приняли участие 89 сотрудников органов внутренних дел: 1) группа ОПП — сотрудники оперативных подразделений полиции (n=43), средний возраст — $36,2 \pm 3,2$ лет, средний стаж в должности — $2,5 \pm 0,5$ года; 2) группа ППСП — сотрудники патрульно-постовой службы полиции (n=46), средний возраст — $28,9 \pm 3,4$ лет, средний стаж в должности — $2,8 \pm 0,6$ года.

Методы исследования: анонимная анкета (изучение социально-психологических характеристик, общей заболеваемости и мотивации к службе), методика «Мотивационный профиль» (Ш. Ричи, П. Мартина) [8]; опросник «Профессиональная востребованность личности» (Б.А. Ясько, Е.В. Харитоновна) [14]. Математическая обработка результатов включала методы описательного, сравнительного и корреляционного анализа с помощью статистического пакета «SPSS Statistics ver. 22.0», с использованием χ^2 -критерия Пирсона, U-критерия Манна—Уитни и коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты и обсуждение

Анализ сопряженности номинативных признаков в двух группах сотрудников полиции (по χ^2 -критерию Пирсона) позволил выявить статистически значимые различия (табл. 1).

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа социально-психологических характеристик сотрудников полиции

Показатели, условные обозначения		Эмпирические частоты признаков		p≤
		ОПП	ППСП	
Семейное положение	1 — женат	31 (72,1%)	14 (30,4%)	0,03*
	2 — холост	8 (18,6%)	27 (58,7%)	
	3 — разведен	4 (9,3%)	5 (10,9%)	
Количество детей в семье	1 — нет детей	13 (30,2%)	29 (63%)	0,02*
	2 — один и более детей	30 (69,8%)	17 (37%)	
Образование	1 — среднее профессиональное	2 (4,7%)	28 (60,9%)	0,01*
	2 — высшее	41 (95,3%)	18 (39,1%)	
Общая заболеваемость (за 1 календарный год)	1 — не болел в течение года	32 (74,4%)	19 (41,3%)	0,04*
	2 — болел 1 раз в течение года	9 (21%)	22 (47,8%)	
	3 — болел 2 и более раз	2 (4,6%)	5 (10,9%)	
Желание сменить род деятельности	1 — да	6 (13,9%)	8 (17,4%)	0,28
	2 — нет	37 (86%)	38 (82,6%)	
Мотивация к службе	1 — «служу с желанием»	13 (30,2%)	18 (39,1%)	0,63
	2 — «служу по необходимости»	24 (55,8%)	23 (50%)	
	3 — «служу пока не найдется лучшее место (должность)»	6 (13,9%)	5 (10,9%)	

Примечание: «*» — значимые различия ($p \leq 0,05$).

Установлено, что 72,1% оперуполномоченных и 30,4% сотрудников ППСР женаты, в разводе состоят 9,3% и 10,9% лиц, из них имеют детей 69,8% и 37% респондентов соответственно. 95,3% сотрудников оперативных подразделений окончили высшее учебное заведение, тогда как среди сотрудников ППСР таковых только 39,1%. Общая заболеваемость в течение календарного года у оперуполномоченных (25,6%) ниже, чем у сотрудников патрульно-постовой службы полиции (58,7%). Более 80% обследованных не собираются менять род деятельности. Однако настораживает тот факт, что после двухлетнего стажа работы только 30,2% оперуполномоченных и 39,1% сотрудников ППСР с желанием служат в органах внутренних дел, половина (55,8% и 50% респондентов) выполняют профессиональные обязанности «по необходимости», остальные — работают «пока не найдется лучшее место» (13,9% и 10,9% соответственно).

В результате сравнения групп были выявлены статистически значимые различия ($p \leq 0,05$) по всем показателям социально-профессиональной востребованности личности: в системе самоотношений, в переживании самооффективности, самореализации, собственной профессиональной значимости (табл. 2).

По общему уровню востребованности личности сотрудники оперативных подразделений значительно превосходят сотрудников патрульно-постовой службы полиции. Удовлетворенность реализацией профессионального потенциала, осознание принадлежности к профессиональ-

ному сообществу и переживание профессиональной востребованности находятся на среднем уровне в обеих группах, однако у оперуполномоченных сотрудников данные показатели достоверно выше. Большинство респондентов обеих групп (69,8% ОПП и 56,5% ППСП) высоко оценивают смысл и результаты своей профессиональной деятельности. Из числа обследованных лиц 51,2% и 32,6% соответственно удовлетворены выбором профессии и той пользой, которую приносят обществу. 62,8% оперативных сотрудников и 45,6% сотрудников ППСП считают себя высоко компетентными профессионалами, с достаточным уровнем знаний и опыта для реализации сложных оперативно-служебных задач. В профессиональной среде 37,8% оперуполномоченных и 23,9% сотрудников патрульно-постовой службы уверены в авторитетности своего мнения и удовлетворены отношениями с коллегами. 48,6% сотрудников ОПП позитивно относятся к себе и положительно воспринимают оценку своей профессиональной деятельности со стороны других. Напротив, 28,4% сотрудников ППСП отрицательно оценивают профессиональную референтность и аттракцию, 17,8% респондентов не уверены в собственной компетентности, 10,9% субъективно не удовлетворены профессиональной востребованностью и отношением к себе со стороны окружающих.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа профессиональной востребованности сотрудников (методика «Профессиональная востребованность личности» Е.В. Харитоновой, Б.А. Ясько)

Показатели	Средние значения показателей (M±σ)		p≤
	ОПП	ППСП	
Удовлетворенность реализацией профессионального потенциала	24,5±2,8	22,7±3,2	0,05
Принадлежность к профессиональному сообществу	23,9±2,1	21,9±2,2	0,01
Переживание профессиональной востребованности	27,5±3,2	25,6±2,2	0,02
Профессиональная компетентность	32,1±3,9	28,1±3,8	0,001
Профессиональная референтность (авторитетность)	24,2±2,5	21,1±2,4	0,001
Оценка результатов профессиональной деятельности	34,1±2,4	30,9±3,0	0,001
Профессиональная аттракция (отношение других к личности)	33,1±2,7	28,1±3,1	0,006
Самоотношение	29,3±2,9	25,7±3,3	0,001
Общий уровень востребованности личности	168,3±16,5	150,2±14,1	0,001

Анализ мотивации позволил выявить достоверно значимые различия ($p \leq 0,05$) в мотивационном профиле обследованных групп (рис. 1).

В профиле оперуполномоченных сотрудников наиболее значимой мотивацией деятельности является творческая и хорошо оплачиваемая работа, отличающаяся разнообразием. К комплексу менее значимых мотивов относятся: комфортные условия труда, стремление к самосовершенствованию, признанию и достижениям, интерес к деятельности, стабильные взаимоотношения, социальные контакты и структурированность работы. Последнюю ранговую позицию занимает стремление к власти и влиянию.

Для сотрудников патрульно-постовой службы ведущими мотивами деятельности выступают физические условия труда, признание окружающих, структурирование работы и социальные контакты. Менее значимыми являются материальные и властные мотивы, а также стремление к разнообразной, креативной, интересной и полезной работе. Минимально выражена мотивация к самосовершенствованию и достижениям.

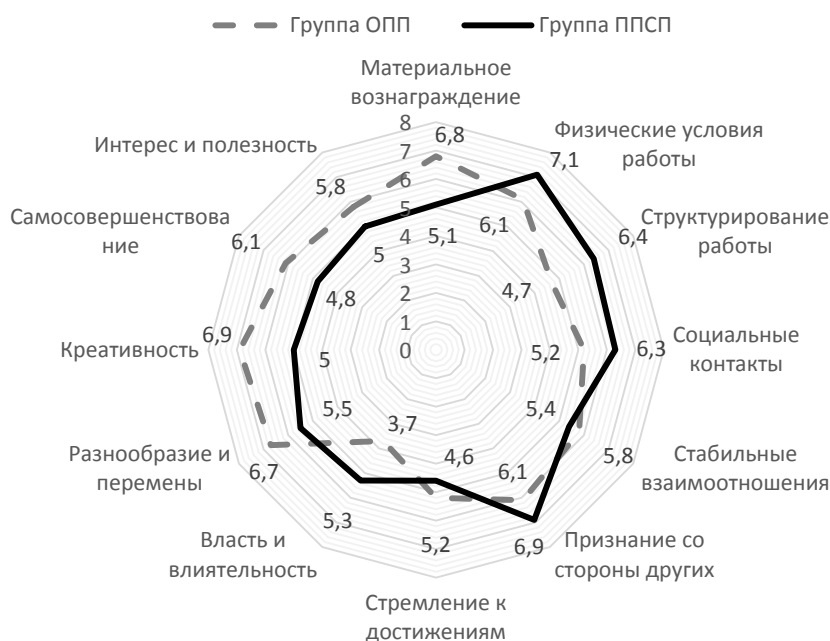

Рис. 1. Сравнение профиля мотивации оперуполномоченных и сотрудников патрульно-постовой службы

Корреляционный анализ позволил установить, что с увеличением стажа службы в полиции возрастает стремление к структурированию деятельности (ясность целей, обоснованность решений), повышаются важность физических условий труда ($r=0,34$; $p<0,05$) и профессиональная компетентность ($r=0,26$; $p<0,05$). Однако при этом снижается удовлетворенность реализацией профессионального потенциала ($r=-0,35$; $p<0,01$). С возрастом женатые сотрудники ОВД ($r=0,59$; $p<0,01$), имеющие высшее образование ($0,36$; $p<0,05$), более удовлетворены общим уровнем профессиональной востребованности ($r=0,31$; $p<0,05$). С возрастом также положительно коррелирует общая заболеваемость ($r=0,37$; $p<0,01$). Высокая потребность в признании окружающих положительно взаимосвязана с принадлежностью к профессиональному сообществу ($r=0,42$; $p<0,05$), а отрицательно — с профессиональной аттракцией ($r=-0,39$; $p<0,05$) и авторитетом ($r=-0,33$; $p<0,01$). Сотрудники ОВД, стремящиеся к самосовершенствованию, обладают положительным отношением к себе ($r=0,32$; $p<0,05$).

Отдельные результаты нашего исследования согласуются с работами отечественных и зарубежных авторов. Например, Е.В. Харитоновна отмечает усиление дифференциации компонентов профессиональной востребованности личности за счет влияния социально-психологических факторов (возраста, семейного и образовательного статуса, этапов профессионализации и др.) [13]. Тесную взаимосвязь профессиональной востребованности с уровнем психологического благополучия установили Д.Л. Петрович с соавт. [7]. В работе С. Уоллин с соавт. (S. Wallin, A.F. Wiklund, L. Fagerström) отражена взаимосвязь мотивации самоэффективности и переживаний востребованности [23]. П. Фоли с соавт. (P.F. Foley, C. Guarneri, M.E. Kelly) считают, что мотивация оказывает значимое влияние на профессиональную востребованность сотрудников полиции [20]. С. Элтиб, Д. Милинчич (S. Elntib, D. Milincic) отмечают, что возраст кандидатов на службу в полицию отрицательно коррелирует с мотивами социального капитала и влиянием семьи и положительно связан с мотивами выгоды [19].

Заключение

Таким образом, специфика служебной деятельности сотрудников полиции и их мотивация оказывают существенное влияние, как на общий уровень профессиональной востребованности личности, так и на его отдельные компоненты, а также на социально-психологическую адаптацию, «текучесть кадров» и психологическое здоровье специалистов.

Сотрудники оперативных подразделений, по сравнению с представителями ППСП, обладают определенными социальными преимуществами: более высоким уровнем образования, стабильности и определенности семейного положения, оказывающими влияние на потребностно-мотивационную сферу личности, субъективное восприятие профессиональной востребованности, саморегуляцию состояния и деятельности в целом.

Сотрудники оперативных подразделений отличаются более гармоничным профилем профессиональной востребованности личности, отражающим высокий уровень профессиональной компетентности, аттракции и оценки результатов своей деятельности. Они не сомневаются в значимости выбранной профессии, собственном авторитете, удовлетворены служебными отношениями и уровнем уважения, самореализацией и самоэффективностью.

Среди сотрудников патрульно-постовой службы отмечаются индикаторы имплицитного кризиса: неудовлетворенность степенью реализации профессионального потенциала и отношением к себе как профессионалу со стороны референтных лиц. Они не ощущают значимости своего труда, поскольку окружающие обесценивают результаты их деятельности, что приводит к снижению самоуважения и переживаниям по поводу недостаточной профессиональной востребованности.

В комплексе мотивационных факторов у сотрудников оперативных подразделений потребность в креативности преобладает над мотивацией материального вознаграждения, они готовы к активным самостоятельным действиям, тяготеют к гибкому графику работы, свободе от ограничений, уверены в своих профессиональных достоинствах, с готовностью берутся за выполнение активной и энергичной работы, которая является для них постоянным стимулом, они легко приспосабливаются к переменам, эффективны в деятельности, связанной с разнообразием интеллектуальных задач.

Мотивационный профиль сотрудников патрульно-постовой службы отражает личностный уровень кризиса профессиональной востребованности. У них выявлена склонность к гомеостатическому комфорту в ущерб целеполаганию и саморазвитию, которая, возможно, имеет компенсаторный характер в связи с неблагоприятными условиями труда, что косвенно подтверждается значимой потребностью в структурировании и упорядочивании деятельности. Высокий уровень потребности в признании, в сочетании с низким стремлением к самосовершенствованию и достижениям, также служит индикатором личностного и профессионального кризиса, который проявляется пассивной личностной позицией, низкой профессиональной референтностью, ощущением невостребованности и негативной аттракцией. Выявленные критерии личностного кризиса позволяют предположить наибольшие риски профессиональной невостребованности в группе сотрудников патрульно-постовой службы полиции.

«Мишенями» индивидуальной психологической коррекции сотрудников полиции могут являться: система убеждений, осмысленность жизни, целеполагание, самооценка и уровень притязаний, локус контроля, межличностные отношения (в том числе нарушения служебной и внутрисемейной коммуникации). В качестве эффективных методов коррекции компонентов профессиональной востребованности могут быть использованы: коммуникативный тренинг с разбором проблемных профессиональных ситуаций, тренинг успешности и личност-

ного роста, тренинг уверенности в себе, а также техники гештальта, экзистенциальной, когнитивно-поведенческой и телесно-ориентированной психотерапии.

Перспективы дальнейших исследований проблемы востребованности и мотивации сотрудников полиции определяются задачами реализации их потенциала, развития профессионализма и компетентности. В первую очередь анализу следует подвергать область субъективных переживаний значимости, продуктивности и удовлетворенности деятельностью. Так как востребованность выступает в качестве значимого критерия профессионализма актуальным остается дальнейшее изучение ее взаимосвязи с мотивацией, способствующей формированию субъектом деятельности конструктивной картины жизненного пути. Одним из перспективных направлений могут быть исследования востребованности в контексте построения профессиональной карьеры горизонтального типа, достижений и самореализации, самоактуализации и профессионального самоутверждения. Не менее важным направлением в исследовании востребованности является проблема сохранения психологического здоровья и профессионального долголетия сотрудников ОВД.

Литература

1. *Акимова А.Ю., Обознов А.А., Петрович Д.Л.* Субъективное профессиональное благополучие специалистов железнодорожного транспорта (на примере машинистов и помощников машиниста локомотива) [Электронный ресурс] // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 3 (52). С. 20–35. doi:10.26456/vtpsyped/2020.3.020
2. *Бугров П.П.* Психологические особенности профессиональной мотивации сотрудников органов внутренних дел // Актуальные исследования. 2020. № 9 (12). Ч. II. С. 111–116.
3. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. М.: Академия, 2012. 304 с.
4. *Кожевина А.П.* Взаимосвязь трудовой мотивации и адаптационного потенциала сотрудников МВД [Электронный ресурс] // Baikal Research Journal. 2019. Том 10. № 4. С. 4. doi:10.17150/2411-6262.2019.10(4).4
5. *Никитина Л.Н.* Мотивационно-ценностная сторона личности как основа формирования имиджа сотрудников органов внутренних дел [Электронный ресурс] // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 1 (37). С. 119–125. doi:10.37523/SUI.2020.37.1.017
6. *Орлов А.В., Башук Е.Н., Орлова О.М.* Значение профессиональной востребованности работников для их трудовой мотивации и восприятия привлекательности организации (на примере персонала офтальмологической клиники) [Электронный ресурс] // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Том 10. № 5А. С. 241–252. doi:10.34670/AR.2021.84.45.031
7. *Петрович Д.Л., Обознов А.А., Кожанова И.В.* Профессиональная востребованность как фактор психологического благополучия профессионала // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Том 3. № 4. С. 115–128.
8. *Ричи Ш., Мартин П.* Управление мотивацией. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 399 с.

Стрельникова Ю.Ю., Гончарова Н.А.
Психологические особенности профессиональной
востребованности и мотивации сотрудников полиции
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 27–39.

Strelnikova Yu.Yu., Goncharova N.A.
Psychological Features of Professional Demand
and Motivation of Law-Enforcement Officers
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 27–39.

9. Светлакова Е.В. Профессиональная мотивация сотрудников полиции на стадии профессионального становления // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. № 2 (13). С. 84–89.
10. Стрельникова Ю.Ю., Кутырев М.А. Организация психологической работы с сотрудниками транспортной полиции с учетом мотивации к профессиональной деятельности в контексте мировоззренческих установок // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (80). С. 208–216.
11. Харитонова Е.В. Поведенчески-результативные типы личности с разным уровнем профессиональной востребованности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2011. № 3. С. 200–206.
12. Харитонова Е.В. Психология социально-профессиональной востребованности личности: Монография. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 418 с.
13. Харитонова Е.В. Социально-профессиональная востребованность личности: к обоснованию психологической концепции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2011. № 4. С. 106–110.
14. Харитонова Е.В., Ясько Б.А. Опросник «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ): методическое руководство. Краснодар: КубГУ, 2009. 40 с.
15. Хохлова Н.И. Мотивы трудовой деятельности сотрудников органов внутренних дел // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Том 7. № 4А. С. 80–89.
16. Ясько Б.А., Харитонова Е.В. Опыт разработки психодиагностической методики «Профессиональная востребованность личности» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2009. № 4. С. 282–288.
17. Demirkol I., Nalla M.K. Sustaining police officers' motivation in aviation security // Journal of Transportation Security. 2017. Vol. 10(3-4). P. 171–187. doi:10.1007/s12198-017-0185-6
18. Dushkin A.S. et al. Professional motivation of employees of internal affairs bodies as a factor of personnel potential management in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia // IX Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium” 2020. Kaliningrad, Russia, December 11, 2020. Kaliningrad, 2021. P. 5. doi:10.1051/shsconf/202110805005
19. Elntib S., Milincic D. Motivations for Becoming a Police Officer: a Global Snapshot // Journal of Police and Criminal Psychology. 2021. Vol. 36(7). P. 211–219. doi:10.1007/s11896-020-09396-w
20. Foley P.F., Guarneri C., Kelly M.E. Reasons for choosing a police career: changes over two decades // International Journal of Police Science and Management. 2008. Vol. 10(1). P. 2–8. doi:10.1350/ijps.2008.10.1.2
21. Rifaningrum T., Suyoto, Mahjudin, Daeng A. The role of job satisfaction in organizational culture and work motivation on improving performance // Jurnal Ilmu Ekonomi dan Manajemen. 2021. Vol. 8(01). P. 26–38. doi:10.30996/jmm17.v8i01.4780
22. Tarng M.Y., Hsieh C.H., Deng T.J. Personal background and reasons for choosing a career in policing: an empirical study of police students in Taiwan // Journal of Criminal Justice. 2001. Vol. 29(1). P. 45–56. doi:10.1016/S0047-2352(00)00075-1

23. Wallin S., Wiklund A.F., Fagerström L. Work motivation and occupational self-efficacy belief to continue working among ageing home care nurses: a mixed methods study // BMC Nursing. 2022. Vol. 21(1). doi:10.1186/s12912-021-00780-3

References

1. Akimova A.Yu., Oboznov A.A., Petrovich D.L. Sub’ektivnoe professional’noe blagopoluchie spetsialistov zheleznodorozhnogo transporta (na primere mashinistov i pomoshchnikov mashinista lokomotiva) [Subjective professional well-being of rail transport specialists (on the example of machinists and assistants of the locomotive machinery)] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = Herald of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology*, 2020, no. 3 (52), pp. 20–35. doi:10.26456/vtspyped/2020.3.020 (In Russ.).
2. Bugrov P.P. Psikhologicheskie osobennosti professional’noi motivatsii sotrudnikov organov vnutrennikh del [Psychological features of professional motivation of employees of internal affairs bodies]. *Aktual’nye issledovaniya = Aktual’nye Issledovaniya*, 2020. No. 9 (12), part II, pp. 111–116. (In Russ.).
3. Klimov E.A. Psikhologiya professional’nogo samoopredeleniya. Moscow: Akademiya, 2012. 304 p. (In Russ.).
4. Kozhevina A.P. Vzaimosvyaz’ trudovoi motivatsii i adaptatsionnogo potentsiala sotrudnikov MVD [Interrelation of labor motivation and adaptation potential of Interior Ministry members] [Elektronnyi resurs]. *Baikal Research Journal*, 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 4. doi:10.17150/2411-6262.2019.10(4).4 (In Russ.).
5. Nikitina L.N. Motivatsionno-tsennostnaya storona lichnosti kak osnova formirovaniya imidzha sotrudnikov organov vnutrennikh del [The motivational-value side of the personality as the basis for the image formation of employees of internal affairs] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020, no. 1 (37), pp. 119–125. doi:10.37523/SUI.2020.37.1.017 (In Russ.).
6. Orlov A.V., Bashuk E.N., Orlova O.M. Znachenie professional’noi vostrebovannosti rabotnikov dlya ikh trudovoi motivatsii i vospriyatiya privlekatel’nosti organizatsii (na primere personala oftal’mologicheskoi kliniki) [The importance of professional demand of the employees for their work motivation and perception of the attractiveness of the organization (on the example of the staff of an ophthalmology clinic)] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Researches*, 2021. Vol. 10, no. 5A, pp. 241–252. doi:10.34670/AR.2021.84.45.031 (In Russ.).
7. Petrovich D.L., Oboznov A.A., Kozhanova I.V. Professional’naya vostrebovannost’ kak faktor psikhologicheskogo blagopoluchiya professional [professional demand as a factor of professional psychological well-being]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, 2018. Vol. 3, no. 4, pp. 115–128. (In Russ.).
8. Ritchie Sh., Martin P. Upravlenie motivatsiei [Motivation Management]. Moscow: YuNITI-DANA, 2004. 399 p. (In Russ.).
9. Svetlakova E.V. Professional’naya motivatsiya sotrudnikov politsii na stadii professional’nogo stanovleniya. *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii = Vestnik of Tyumen Institute of Advanced Training for Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2019, no. 2 (13), pp. 84–89. (In Russ.).

10. Strelnikova Yu.Yu., Kutiryov M.A. Organizatsiya psikhologicheskoi raboty s sotrudnikami transportnoi politsii s uchetom motivatsii k professional'noi deyatelnosti v kontekste mirovozzrencheskikh ustanovok [The organization of psychological work with transport police officers with account motivation to professional activity in the context of world outlook paradigm]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4 (80), pp. 208–216. (In Russ.).
11. Kharitonova E.V. Povedencheski-rezultativnye tipy lichnosti s raznym urovnem professional'noi vostrebovannosti [Behavioural-productive types of the person with different levels of the professional demand]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya = The Bulletin of the Adyghe State University, Series "Pedagogy and Psychology"*, 2011, no. 3, pp. 200–206. (In Russ.).
12. Kharitonova E.V. Psikhologiya sotsial'no-professional'noi vostrebovannosti lichnosti: Monografiya. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2014. 418 p. (In Russ.).
13. Kharitonova E.V. Sotsial'no-professional'naya vostrebovannost' lichnosti: k obosnovaniyu psikhologicheskoi kontseptsii [Socially-professional demand of the person: on the substantiation of the psychological concept]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya = The Bulletin of the Adyghe State University, Series "Pedagogy and Psychology"*, 2011, no. 4, pp. 106–110. (In Russ.).
14. Kharitonova E.V., Yasko B.A. Oprosnik «Professional'naya vostrebovannost' lichnosti» (PVL): metodicheskoe rukovodstvo. Krasnodar: KubGU Publ., 2009. 40 p. (In Russ.).
15. Khokhlova N.I. Motivy trudovoi deyatelnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del [The work motives of employees of internal affairs bodies]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Researches*, 2018. Vol. 7, no. 4A, pp. 80–89. (In Russ.).
16. Yasko B.A., Kharitonova E.V. Opyt razrabotki psikhodiagnosticheskoi metodiki "Professional'naya vostrebovannost' lichnosti" [Experience in working out a psychodiagnostic technique "A professional demand of the person"]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya = The Bulletin of the Adyghe State University, Series "Pedagogy and Psychology"*, 2009, no. 4, pp. 282–288. (In Russ.).
17. Demirkol I., Nalla M.K. Sustaining police officers' motivation in aviation security. *Journal of Transportation Security*, 2017. Vol. 10, no. 3-4, pp. 171–187. doi:10.1007/s12198-017-0185-6
18. Dushkin A.S. et al. Professional motivation of employees of internal affairs bodies as a factor of personnel potential management in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *IX Baltic Legal Forum "Law and Order in the Third Millennium" 2020. Kaliningrad, Russia, December 11, 2020*. Kaliningrad, 2021, pp. 5. doi:10.1051/shsconf/202110805005
19. Elntib S., Milincic D. Motivations for Becoming a Police Officer: a Global Snapshot. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 2021. Vol. 36, no. 7, pp. 211–219. doi:10.1007/s11896-020-09396-w
20. Foley P.F, Guarneri C., Kelly M.E. Reasons for choosing a police career: changes over two decades. *International Journal of Police Science and Management*, 2008. Vol. 10, no. 1, pp. 2–8. doi:10.1350/ijps.2008.10.1.2
21. Rifaningrum T., Suyoto, Mahjudin, Daeng A. The role of job satisfaction in organizational culture and work motivation on improving performance. *Jurnal Ilmu Ekonomi dan Manajemen*, 2021. Vol. 8, no. 01, pp. 26–38. doi:10.30996/jmm17.v8i01.4780

Стрельникова Ю.Ю., Гончарова Н.А.
Психологические особенности профессиональной
востребованности и мотивации сотрудников полиции
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 27–39.

Strelnikova Yu.Yu., Goncharova N.A.
Psychological Features of Professional Demand
and Motivation of Law-Enforcement Officers
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 27–39.

22. Tarng M.Y., Hsieh C.H., Deng T.J. Personal background and reasons for choosing a career in policing: an empirical study of police students in Taiwan. *Journal of Criminal Justice*, 2001. Vol. 29, no. 1, pp. 45–56. doi:10.1016/S0047-2352(00)00075-1

23. Wallin S., Wiklund A.F., Fagerström L. Work motivation and occupational self-efficacy belief to continue working among ageing home care nurses: a mixed methods study. *BMC Nursing*, 2022. Vol. 21, no. 1. doi:10.1186/s12912-021-00780-3

Информация об авторах

Стрельникова Юлия Юрьевна, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра педагогики и психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России (ФГКОУ ВО «СПбУ МВД России»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8375-1293>, e-mail: ulich1969@yandex.ru

Гончарова Наталья Андреевна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России (ФГКОУ ВО «СПбУ МВД России»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Information about the authors

Yuliya Yu. Strelnikova, Doctor of Psychology, Docent, Professor, Pedagogy and Psychology Department, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8375-1293>, e-mail: ulich1969@yandex.ru

Natalia A. Goncharova, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Pedagogy and Psychology Department, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Получена 02.03.2022

Принята в печать 02.09.2022

Received 02.03.2022

Accepted 02.09.2022

Психологические препятствия формированию лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы профессионально-служебным группам

Горностаев С.В.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5259-0258>, e-mail: stanislavrz@yandex.ru

В статье с учетом ранее проведенных исследований рассмотрены факторы, препятствующие формированию лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы профессионально-служебным группам принадлежности. Аргументируется позиция, что наряду с отсутствием факторов формирования лояльности имеются специфические социально-психологические препятствия для формирования лояльности профессионально-служебным группам. Такие препятствия выявлены на основе анализа эмпирических данных (N=2786, респонденты — мужчины и женщины, занимающие различные должности в учреждениях и территориальных органах ФСИН России 76 субъектов Российской Федерации; методы: «Методика цветowych метафор», анкета «Субъективная оценка интегрированности»). В отношении больших формальных групп (ведомств) таким препятствием является отсутствие опыта совместной деятельности и эмоциональных переживаний в составе группы. На уровне больших контактных групп (организаций) наиболее значимыми факторами, препятствующими лояльности, являются отсутствие эксклюзивности и ценности группы, очевидные различия в нормативно-ценностных ориентациях их членов. Главным фактором, препятствующим лояльности малым контактным группам в профессионально-служебной сфере, является игнорирование или отвержение члена группы другими ее членами. Отрицание служащим наличия у группы привлекательных для него ресурсов является наиболее универсальным фактором, препятствующим формированию лояльности в отношении профессионально-служебных групп всех типов.

Ключевые слова: психология государственных служащих, психология сотрудников уголовно-исполнительной системы, группы государственных служащих, лояльность, препятствия лояльности.

Благодарности. Автор благодарит за помощь в сборе эмпирических данных психологов учреждений и органов ФСИН России.

Для цитаты: Горностаев С.В. Психологические препятствия формированию лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы профессионально-служебным группам [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 40–50. DOI:10.17759/psylaw.2023130103

Psychological Obstacles to the Formation of Loyalty of Employees of the Penitentiary System to Professional-Service Groups

Stanislav V. Gornostaev

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5259-0258>, e-mail: stanislavrz@yandex.ru

The article examines the factors that prevent the formation of loyalty of employees of penitentiary system to professional-service groups of their affiliation. The position is argued that alongside with absence of factors of formation of loyalty, there are specific socially-psychological obstacles for formation of loyalty to professional-service groups. Such obstacles were identified based on the analysis of empirical data (N=2786, respondents — men and the women engaging various positions in establishments and territorial units of Federal Penitentiary Service of Russia of 76 subjects of the Russian Federation; methods - The «Method of color metaphors», the questionnaire «Subjective assessment of integration»). In relation to large formal groups (like ministry) such an obstacle is the lack of experience of joint activities and emotional experiences in the group. At the level of large contact groups (organizations), the most significant factors preventing loyalty are the lack of exclusivity and value of the group, obvious differences in the normative and value orientations of their members. The main factor hindering loyalty to small contact groups in the professional and service sphere is the ignoring or rejection of a member of the group by its other members.

Keywords: psychology of government employees, psychology of employees of the penitentiary system, groups of government employees, loyalty, obstacles for loyalty.

Acknowledgements. The authors thank for their assistance in collecting data for the study of psychologists of institutions of the penitentiary system.

For citation: Gornostaev S.V. Psychological Obstacles to the Formation of Loyalty of Employees of the Penitentiary System to Professional-Service Groups. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 40–50. DOI:10.17759/psylaw.2023130103 (In Russ.).

Введение

Наблюдаемое в последние годы сокращение численности персонала уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) с одновременным ростом объема выполняемых задач и повышением требований к личности и деятельности сотрудника УИС, увеличением криминальной зараженности спецконтингента, нарушением профессиональной преемственности в деятельности сотрудников, связанным с некомплектом и текучестью кадров, значительно снижает надежность профессиональной деятельности и личное благополучие персонала УИС, повышает риски нарушения законности и возникновения чрезвычайных происшествий в местах лишения свободы. Высокая нагрузка на психологов УИС и руководителей подразделений, не позволяет систематически осуществлять контроль за сотрудниками и необходимое воздействие на них. Активная психологическая работа с сотрудниками УИС, даже с представителями группы повышенного внимания, как правило, начинается уже

по факту ярких проявлений отклоняющегося поведения сотрудника или чрезвычайных происшествий. Таким образом, наблюдается противоречие между острой потребностью в психологическом сопровождении деятельности персонала УИС и объективной ограниченностью ресурсов для эффективного ведения такой работы. Поэтому актуальной научно-практической задачей является поиск и методическое обеспечение направлений, позволяющих решать задачи психологического сопровождения деятельности персонала УИС в условиях указанных ограничений.

Одним из таких направлений, способных при сравнительно небольших затратах дать заметный эффект, является управление лояльностью сотрудников УИС профессионально-служебным группам их принадлежности. Сформированная лояльность, понимаемая как психоповеденческая интегрированность человека в группу, его соответствие системе групповых норм на уровне групповой идентичности, чувств и отношений, мотивации и проявлений активности, позволяет рассчитывать, что группа будет в какой-то мере выполнять в отношении сотрудника функции, на которые должны тратить время руководитель и психолог. Так, группа за счет своих ресурсов осуществляет функции контроля, регулирования и коррекции психического состояния и служебного поведения своих лояльных членов. Именно поэтому обеспечение лояльности сотрудника позитивно ориентированным группам коллег, функционирующим в служебной сфере, может рассматриваться как один из наиболее «экономичных» и мощных рычагов контроля и регуляции служебного поведения.

Лояльность группам, ориентированным на ценности государственной службы, снижает служебные риски, помогает сотруднику адаптироваться к профессионально-служебной среде, использовать в работе групповой опыт, дает возможность иметь высокую самооценку и мотивацию к профессиональной деятельности. Лояльность таким группам укрепляет профессиональный Я-образ (в свою очередь влияющий на профессиональную надежность [10]), помогает избежать ситуации социального ostracism (приводящего к развитию негативных эмоциональных состояний [2]), улучшает психологический климат (влияющий на эффективность деятельности служащих [7]). В то же время лояльность группам, объединенным асоциальными интересами или противоправной деятельностью, повышает вероятность реализации сотрудником негативных устремлений личности, снижает эффективность деятельности, ведет к нарушению законности.

Поэтому, с практической точки зрения, для эффективного управления лояльностью сотрудников УИС важно иметь представление о факторах, как способствующих, так и препятствующих лояльности той или иной группе.

Исследование вопросов, связанных с лояльностью, до недавнего времени было затруднено отсутствием ее четких и глубоко проработанных концепций [1]. При этом ряд проблем являются специфическими для отдельных отраслей исследований лояльности. Так, в юридической психологии и ряде смежных наук долгое время наблюдалось противоречие между феноменологическим и административно-правовым пониманием лояльности государственных служащих профессионально-служебным группам. В связи с концептуальными противоречиями в походах к пониманию феномена, были затруднены исследования факторов, влияющих на формирование и поддержание лояльности той или иной группе. Однако разработка концепции служебной лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы позволила определиться с диагностическим инструментарием и открыла возможности для исследования данных факторов.

Выявление факторов формирования лояльности группе остается задачей современных исследователей [5; 6; 9 и др.]. Этот вопрос традиционно рассматривался и в отношении лояльностей, формирующихся у различных категорий государственных служащих в профессионально-служебной сфере [8; 12; 15—18 и др.]. Из работ большинства авторов, в том числе и названных, можно усмотреть редко заявляемую, но ясно просматривающуюся позицию, заключающуюся в том, что отсутствие лояльности группе принадлежности объясняется отсутствием или недостаточностью обеспечивающих ее предпосылок.

Такая позиция, являясь, по-нашему мнению, верной, может при этом быть не полной, поскольку могут существовать и специфические факторы, затрудняющие психоповеденческую интеграцию в ту или иную группу. Можно отметить, что факторы, препятствующие формированию лояльности в указанном нами смысле, в междисциплинарных исследованиях этого феномена специально затрагивают лишь единичные работы. Эмпирических же исследований, направленных на выявление таких факторов у государственных служащих практически не встречается. При этом полученные нами данные свидетельствуют, что почти 5% опрошенных имеют не просто нулевую лояльность, а активное неприятие в отношении коллектива учреждения или органа УИС, где респонденты проходят службу, что определяет необходимость развития исследований причин, по которым лояльность профессионально-служебным группам не формируется или разрушается.

В ходе проведения настоящего исследования нами была выдвинута и проверена гипотеза, согласно которой, помимо отсутствия или недостаточной выраженности факторов формирования лояльности той или иной группе, у сотрудника УИС имеются также факторы, которые, в частности, препятствуют формированию лояльности той или иной профессионально-служебной группе его принадлежности.

Процедура и результаты исследования

Для проверки данной гипотезы были дополнительно обработаны собранные ранее данные эмпирического исследования, проведенного С.В. Горностаевым на выборке 2786 респондентов — сотрудников УИС, мужчин и женщин в возрастном диапазоне от 20 до 59 лет, представляющих учреждения и территориальные органы ФСИН 76 субъектов РФ.

Дизайн исследования предполагал выделение как универсальных, так и специфических факторов, препятствующих лояльности сотрудников УИС профессионально-служебным группам их принадлежности. Из выборки, на основе результатов, полученных по «Методике цветových метафор» (МЦМ), были выделены сотрудники, неприязненно относящиеся к отдельным профессионально-служебным группам их принадлежности и поэтому не способные сформировать лояльность этим группам. Затем по результатам анкеты «Субъективная оценка интегрированности» (СОИ) были детально изучены особенности взаимоотношений данных сотрудников с группами, к которым они имеют неприязнь. Это позволило выявить и интерпретировать распространенные факторы этой неприязни, мешающей быть лояльным членом данной группы.

Процедура проведения и содержание указанных методик подробно излагались ранее [3; 4]. Поскольку методика СОИ предполагала оценку взаимоотношений с тремя типами профессионально-служебных групп, которые также были заложены и в стимульный материал МЦМ, для исследования отбирались сотрудники, имеющие неприязнь именно к этим группам:

1. малые неформальные контактные группы, складывающиеся в ходе ежедневного служебного взаимодействия (обозначение в обеих методиках — «друзья по службе»);

2. коллективы учреждений или органов УИС — средние по размеру формальные группы, члены которых связаны друг с другом в разной степени (обозначение в методиках — «коллектив в целом»);
3. большие группы с минимальной выраженностью прямых контактов и неформальной составляющей (обозначение в методиках — «сотрудники УИС»).

Для выявления «специфических» факторов (действующих в отношении отдельных типов групп) были выделены три подвыборки. Первая подвыборка — сотрудники, имеющие неприязнь, блокирующую лояльность в отношении группы «друзья по службе». Вторая подвыборка — сотрудники с заблокированной лояльностью в отношении группы «коллектив в целом». Третья подвыборка — сотрудники с заблокированной лояльностью в отношении группы «сотрудники УИС». Критерием для включения в соответствующую подвыборку являлась негативная эмоциональная реакция испытуемого на стимул МЦМ, обозначающий интересующую группу. Например, в первую подвыборку вошли сотрудники, выбравшие для стимула «друзья по службе» цвет, который затем, при выборе цветов, они выбрали последним или предпоследним, т. е. один из двух наименее приятных цветов.

В результате отбора по этому критерию объемы подвыборок составили: 1-я подвыборка (сотрудники, имеющие заблокированную лояльность группам типа «друзья по службе») — 85 человек из 2786 обследованных или 3,1% выборки; 2-я подвыборка — 137 человек (4,9%), 3-я подвыборка — 136 человек (4,9%). Подвыборки частично пересекались, так как ряд респондентов относились сразу к двум или трем выборкам, поскольку имели негативное отношение к двум или трем оцениваемым группам.

В каждой из трех подвыборок были проанализированы результаты методики СОИ в отношении той группы принадлежности, к которой испытуемые в подвыборке относятся негативно. Те утверждения в отношении данной группы, которые были оценены испытуемыми как совершенно не соответствующие действительности, подсчитывались для последующего сравнения. Поскольку метод прямого шкалирования в методике СОИ базировался на рациональной оценке предлагаемых утверждений в отношении оцениваемой группы, под воздействием эффекта социальной желательности испытуемые тяготели к завышению и усреднению оценок. Даже в случае несогласия с каким-либо утверждением о группе и своих взаимоотношениях с ней респонденты предпочитали не выставлять минимальные оценки. Оценки «1» и «0», особенно «0», по нашим наблюдениям, респонденты выставляли, если утверждение не просто не соответствует действительности, а имеет место обратная ситуация, которая эмоционально затрагивает респондента. Например «0», выставленный за утверждение «Группа старается учесть мои интересы», указывает на то, что группа открыто пренебрегает интересами респондента, по его мнению. Очевидно, что наличие подобного факта, при наличии резко отрицательного отношения к группе, можно расценивать как его причину.

В качестве часто встречающихся и негативно влияющих на формирование лояльности оцениваемой группе в рассматриваемой подвыборке нами, как правило, оценивались факты, встречающиеся хотя бы в 20% наблюдений. То есть факт признавался существенно влияющим на блокировку лояльности группе, если «1» или «0» в ответ на данное утверждение выставляло не менее 20% сотрудников из числа отрицающих данную группу как потенциальный объект лояльности. Данный порог, с одной стороны, является достаточно высоким, с другой стороны, в каждой из подвыборок нашлось хотя бы по одному преодолевшему его фактору.

В отношении первой подвыборки респондентов, исключаящих для себя присоединение к малой неформальной группе «друзей по службе», самым отрицаемым утверждением, пре-

одолевшим 20% порог в суммарном присвоении утверждению оценок «0» и «1», стало утверждение «Понимаю, что вхожу в эту группу». Таким образом, респонденты, резко отрицающие справедливость этого утверждения, оценивая этот аспект отношений с оцениваемой группой как «1» или «0» по десятибалльной шкале, тем самым указывают на наличие в отношениях с группой противоположной ситуации, т. е. на понимание и переживание собственной изолированности от данной группы, скорее всего, в силу отсутствия признаков принятия со стороны ее членов или даже демонстрации ими неприятия данного сотрудника.

В отношении второй подвыборки респондентов, исключая для себя психологическое присоединение к коллективу учреждения или органа УИС, где они проходят службу, самым отрицаемыми утверждениями, также с небольшим запасом преодолевшим 20% порог, являются утверждения «Не знаю других групп, в которых для меня реально получить то же, что и в этой» и «Считаю, что членов группы связывает психологическое сходство». Категорическое отрицание в отношении группы первого из указанных фактов может свидетельствовать, что группа не может предложить сотруднику чего-либо не только редкого, но и просто субъективно ценного для него и тем самым не имеет не только конкурентных преимуществ для сотрудника в его социальной среде, но и не имеет в его глазах какой-либо привлекательности.

Резкое отрицание в отношении оцениваемой группы второго названного факта может свидетельствовать о том, что сотрудник сомневается в том, что люди, входящие в коллектив учреждения или органа, из-за существенных различий между ними вряд ли могут составлять какую-либо общность, обладающую едиными целями и взглядами.

Респонденты третьей подвыборки (негативно относящиеся к группе «сотрудники УИС») категорически не согласны со многими утверждениями, относящимися к их взаимоотношениям с этой группой. Установленный 20% порог преодолело сразу 19 утверждений, имеющих широкий разброс частоты встречаемости (от 21 до 47,4% респондентов).

Рассмотрим факты, наиболее часто отрицаемые респондентами в отношении отвергаемой ими группы «Сотрудники УИС». Утверждение «Мне пришлось много пережить вместе с этой группой» резко отрицают 47,4% опрошенных, что очевидно указывает на то, что, с точки зрения респондентов, в жизни группы отсутствовали события, объединяющие ее членов на уровне деятельности и эмоций.

42,1% респондентов в третьей подвыборке выражают крайнее несогласие с тем, что «Члены группы понимают друг друга с полуслова». Несколько заниженная оценка параметра могла бы говорить о том, что респонденты не считают, что между сотрудниками ведомства чаще присутствует взаимопонимание, но экстремально отрицательные оценки могут указывать на личную эмоциональную реакцию на эту ситуацию, возможно связанную с тем, что респонденты не находят понимания в профессионально-служебной среде.

С частотой от 35 до 40% наблюдений встречаются резко негативные оценки следующих утверждений: «Все люди, составляющие группу, достойны уважения», «Имею с этой группой взаимные обязательства», «Не знаю других групп, в которых для меня реально получить то же, что и в этой», «Отношения в группе кажутся мне справедливыми». «Мои личностные особенности ценятся в группе» «Группа старается учесть мои интересы».

Рассмотрим их более подробно. Например, резкое отрицание утверждения «Все люди, составляющие группу, достойны уважения» может свидетельствовать о том, что, по мнению респондентов, многим сотрудникам УИС нередко присущи социально не одобряемые качества личности. Такое мнение могло сформироваться на основе экстраполяции собственной негативной самооценки, восприятия личности коллег, а также восприятия негативного об-

раза сотрудников УИС, культивируемого в СМИ. Такое мнение могло сформироваться и на фоне негативной стигматизации, формирования негативного образа группы в целом. Таким образом, как препятствие формированию лояльности представляет собой общая негативная оценка и всей группы, и входящих в нее людей.

Отрицание утверждения «Имею с этой группой взаимные обязательства» может указывать на неоправдавшиеся ожидания сотрудников от группы и соответственно освобождения себя от каких-либо встречных обязательств перед ней. Таким образом, фактором, препятствующим лояльности, является отсутствие «связанности» с группой.

Отрицание утверждения «Отношения в группе кажутся мне справедливыми» указывает на несоответствие групповых норм индивидуальным убеждениям и нормам респондентов в части оценки действий членов группы, их проступков и заслуг.

Отрицание утверждения «Мои личностные особенности ценятся в группе» указывает на осознание респондентом ограничений для самореализации и самоутверждения в данной группе.

Как было указано выше в качестве примера, отрицание утверждения «Группа старается учесть мои интересы» говорит о явном пренебрежении интересами респондента в данной группе.

Можно отметить, что три утверждения, приведенные последними, отрицались зачастую одними и теми же респондентами, что можно интерпретировать как наличие укрупненного фактора, препятствующего лояльности, который можно условно обозначить как личностно-групповое несоответствие, наблюдаемое, в первую очередь, в нормативно-ценностной плоскости.

Для оценки универсальности каждого из обнаруженных факторов, в процессе обобщения данных по подвыборкам, выделялись факторы, которые наблюдались в отношении всех трех изученных видов групп.

Особое внимание обращает на себя отрицание утверждения «Не знаю других групп, в которых для меня реально получить то же, что и в этой», проанализированное выше, поскольку оно сравнительно часто встречается в отношении всех трех рассматриваемых типов профессионально-служебных групп (в отношении друзей по службе резкое отрицание данного утверждения встречается в 15,1% наблюдений, занимая третье место в подвыборке по частоте встречаемости). В связи с этим фактор отсутствия у группы привлекательных для сотрудника ресурсов можно рассматривать как наиболее универсальный фактор, препятствующий формированию лояльности.

В отношении отдельных выделенных факторов можно констатировать, что полученные результаты частично корреспондируют с данными, полученными авторами ряда предыдущих теоретических исследований.

Так, еще М. Гродзинс утверждал, что именно отвержение или игнорирование со стороны группы является главным фактором, способствующим формированию по отношению к ней активной нелояльности (disloyalty) ее членов [13]. Данное положение, выдвинутое М. Гродзинсом в отношении больших групп, подтвердилось в отношении малых контактных групп, функционирующих в профессионально-служебной сфере.

П. Адлер утверждал что группы, которые не являются притягательными и ценными, не выступают объектом лояльности [11]. Это утверждение созвучно с выявленным нами для больших коллективов фактором, препятствующим лояльности, — отсутствием эксклюзивности и ценности группы для человека хотя бы в каком-либо аспекте, а также выявленного в

отношении больших контактных групп фактора низкой социальной престижности группы и недостатка уважения к ее членам.

Самый распространенный выявленный фактор блокировки лояльности в отношении больших формальных групп — отсутствие совместного опыта деятельности и эмоциональных переживаний в составе группы — созвучен с идеями У. Джеймса [14], утверждавшего, что в основе формирования общности идей и убеждений как основы лояльности лежит общий опыт.

Выводы

Проведенное исследование эмпирически подтвердило гипотезу о наличии специфических факторов, препятствующих формированию лояльности сотрудников уголовно-исполнительной системы профессионально-служебным группам. Нашли подтверждение теоретические положения, ранее высказанные учеными, разрабатывавшими концепции лояльности. Также выявлен ряд факторов, препятствующих лояльности, не упоминавшихся в тематической литературе.

Наиболее универсальным фактором, препятствующим формированию лояльности профессионально-служебным группам любого типа, является оценка сотрудником группы как не способной удовлетворить его потребности. Что касается факторов, специфических для различных типов групп, то для малых контактных групп наиболее значимым фактором, препятствующим формированию лояльности ей, является неприятие человека группой. Для формальных групп среднего размера самым распространенным фактором является отсутствие в группе психологической совместимости, прежде всего в ценностно-ориентационном плане. В масштабных формальных группах развитию лояльности чаще всего препятствует отсутствие событий, объединяющих ее членов на уровне деятельности и эмоций.

Выявлено, что для формирования лояльности большим формальным профессионально-служебным группам имеется гораздо больше препятствий, чем для формирования лояльности группам меньшего масштаба. Это может быть связано, например, с отсутствием у больших формальных групп возможностей для адаптации к наличию в них конкретных членов, невозможностью обратного влияния каждого из членов группы на устоявшийся групповой порядок, отсутствием межличностных связей.

Таким образом, в ходе нашего исследования был подтвержден ряд теоретически выделенных факторов, препятствующих формированию лояльности, а также выделены факторы, которые ранее не упоминались в тематической литературе.

Полученные данные в отношении факторов, препятствующих формированию лояльности профессионально-служебным группам у сотрудников уголовно-исполнительной системы, могут быть использованы при анализе явлений социальной дезадаптации и девиантного поведения сотрудников, проблем в профессиональном взаимодействии, а также в коррекции данных негативных фактов психологическими и организационными средствами. При организации коррекционной работы важно учитывать, что восприятие сотрудником как групп, так и взаимоотношений с ними может быть искаженным. В этих случаях достаточной работой по устранению препятствий к формированию лояльности может стать базирующаяся на техниках критического осмысления реальности работа с негативными убеждениями и неадекватным восприятием ситуации.

С учетом организационно-правового сходства деятельности сотрудников различных правоохранительных структур, данные результаты могут оказаться применимы к деятельности

сотрудников также и других правоохранительных ведомств. Однако такая экстраполяция требует предварительной эмпирической проверки и корректировки с учетом особенностей соответствующей службы и служащих.

К перспективам исследования проблемы следует отнести выявление не только социально-психологических, но также и организационно-управленческих факторов, препятствующих формированию лояльности профессионально-служебным группам и способствующих возникновению изолированности или оппозиции сотрудника по отношению к ним. Также важным для управления служебной лояльностью является исследование психологических механизмов формирования активного неприятия служащими групп их принадлежности, в том числе запускаемых воздействием выявленных факторов.

Литература

1. Бобрус О.Н. Современные подходы к изучению корпоративной лояльности персонала // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 9. С. 117–120.
2. Бойкина Е.Э. Методические приемы симуляции ситуации социального ostracism O`Cam, O`Train, Cyberball: опыт пилотажных исследований в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 189–206. doi:10.17759/sps.2021120411
3. Горностаев С.В. Методика цветowych метафор как средство диагностики служебной лояльности [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3 (70). С. 67–72. doi:10.24411/1999-6241-2017-13013
4. Горностаев С.В., Жильников Т.А. Эмпирическая структура индивидуальной репрезентации лояльности // Прикладная юридическая психология. 2017. № 3. С. 33–40.
5. Магомаева Э.Р., Казиханова А.И. Лояльность персонала и ее факторы формирования [Электронный ресурс] // Экономика и предпринимательство. 2020. № 6 (119). С. 919–921. doi:10.34925/EIP.2020.119.6.194
6. Максименко В.А. Факторы, влияющие на уровень лояльности персонала в вузе // Финансовые рынки и банки. 2021. № 2. С. 20–25.
7. Мишин А.А. Взаимосвязь психологического климата в служебном коллективе с эффективностью служебной деятельности [Электронный ресурс] // Прикладная юридическая психология. 2021. № 3 (56). С. 71–75. doi:10.33463/2072-8336.2021.3(56).071-075
8. Сарсенова А.А. Концептуальные подходы к определению феномена служебной лояльности [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 349–354. doi:10.24412/2073-0454-2021-3-349-354
9. Спесивцева С.Е., Демененко И.А. Стратегия формирования организационной лояльности персонала // Менеджмент в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 81–88.
10. Федотов А.Ю. Психологические условия повышения надежности профессионально-исполнительских действий специалиста силовых структур [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 201–211. doi:10.17759/psylaw.2020100215
11. Adler P. Role conflict and identity salience: College athletics and the academic role // Social Science Journal. 1987. Vol. 24(4). P. 443–455. doi:10.1016/0362-3319(87)90059-0
12. De Graaf G. The Loyalties of Top Public Administrators // Journal of Public Administration Research and Theory. 2001. Vol. 21(2). P. 285–306. doi:10.1093/jopart/muq028

13. *Grodzins M.* The loyal and the disloyal: social boundaries of patriotism and treason. Chicago: The University of Chicago Press, 1956. 319 p.
14. *James W.* A Pluralistic Universe. New York [etc.]: Longmans, Green, and co., 1909. 405 p.
15. *Kasiński M.* Lojalność urzędnika w świetle prawa i etyki // *Annales. Etyka w życiu gospodarczym.* 2010. Vol. 13 (1). P. 139–146.
16. *Maynard-Moody S., Musheno M.* Cops, Teachers, Counselors. Stories from the Front Lines of Public Service. Michigan: University of Michigan, 2003. 221 p.
17. *Mentzelopoulos A.M.* Federal Government Public Service Ethics: Managing Public Expectations. Carleton University, 1990. 159 p.
18. *Twijnstra A., De Graaf G.* Young Loyalties: Loyalty Conceptions and Loyalty Conflicts of Young Dutch and English Public Administrators // *Operant Subjectivity: The International Journal of Q Methodology.* 2013. Vol. 36(2). P. 73–92. doi:10.15133/J.OS.2012.005

References

1. Bobrus O.N. Sovremennye podkhody k izucheniyu korporativnoi loyal'nosti personala. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta = Scientific Notes of Russian State Social University*, 2009, no. 9, pp. 117–120. (In Russ.).
2. Boikina E.E. Metodicheskie priemy simulyatsii situatsii sotsial'nogo ostrakizma O'Cam, O'Train, Cyberball: opyt pilotazhnykh issledovaniy v Rossiiskoi Federatsii [Social Ostracism Paradigms O'Cam, O'Train, Cyberball: the Experience of Pilot Research (Russian Federation)] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 4, pp. 189–206. doi:10.17759/sps.2021120411 (In Russ.).
3. Gornostaev S.V. Metodika tsvetovykh metafor kak sredstvo diagnostiki sluzhebnoi loyal'nosti [Colour Metaphors Method as the Means of Diagnosing Officer's Loyalty] [Elektronnyi resurs]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2017, no. 3 (70), pp. 67–72. doi:10.24411/1999-6241-2017-13013 (In Russ.).
4. Gornostaev S.V., Zhil'nikov T.A. Empiricheskaya struktura individual'noi reprezentatsii loyal'nosti [A study on the relationship of resilience with the level of suicidal risk among remand prisoners held in custody]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2017, no. 3, pp. 33–40. (In Russ.).
5. Magomaeva E.R., Kazikhanova A.I. Loyal'nost' personala i ee faktory formirovaniya [Staff loyalty and its formation factors] [Elektronnyi resurs]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2020, no. 6 (119), pp. 919–921. doi:10.34925/EIP.2020.119.6.194 (In Russ.).
6. Maximenko V.A. Faktory, vliyayushchie na uroven' loyal'nosti personala v vuze [Factors affecting the level of staff loyalty at the university]. *Finansovye rynki i banki = Financial Markets and Banks*, 2021, no. 2, pp. 20–25. (In Russ.).
7. Mishin A.A. Vzaimosvyaz' psikhologicheskogo klimata v sluzhebnoy kollektive s effektivnost'yu sluzhebnoi deyatel'nosti [The relationship of the psychological climate in the labor team with the effectiveness of official activity] [Elektronnyi resurs]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2021, no. 3 (56), pp. 71–75. doi:10.33463/2072-8336.2021.3(56).071-075 (In Russ.).
8. Sarsenova A.A. Kontseptual'nye podkhody k opredeleniyu fenomena sluzhebnoi loyal'nosti [Conceptual approaches to defining the phenomenon of service loyalty] [Elektronnyi resurs] // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry*

Горностаев С.В.
Психологические препятствия формированию
лояльности сотрудников уголовно-исполнительной
системы профессионально-служебным группам
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 40–50.

Gornostaev S.V.
Psychological Obstacles to the Formation
of Loyalty of Employees of the Penitentiary
System to Professional-Service Groups
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 40–50.

of Internal Affairs of Russia, 2021, no. 3, pp. 349–354. doi:10.24412/2073-0454-2021-3-349-354 (In Russ.).

9. Spesivtseva S.E., Demenenko I.A. Strategiya formirovaniya organizatsionnoi loyal'nosti personala [Strategy of formation of organizational loyalty of the personnel]. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom = Management in Russia and Abroad*, 2020, no. 1, pp. 81–88. (In Russ.).

10. Fedotov A.Yu. Psikhologicheskie usloviya povysheniya nadezhnosti professional'no-ispolnitel'skikh deistvii spetsialista silovykh struktur [Psychological Conditions for Increasing Reliability of Professional Actions of a Law Enforcement Specialist] [Elektronnyi resurs] // *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 201–211. doi:10.17759/psylaw.2020100215 (In Russ.).

11. Adler P. Role conflict and identity salience: College athletics and the academic role. *Social Science Journal*, 1987. Vol. 24, no. 4, pp. 443–455. doi:10.1016/0362-3319(87)90059-0

12. De Graaf G. The Loyalties of Top Public Administrators. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2001. Vol. 21, no. 2, pp. 285–306. doi:10.1093/jopart/muq028

13. Grodzins M. The loyal and the disloyal: social boundaries of patriotism and treason. Chicago: The University of Chicago Press, 1956. 319 p.

14. James W. A Pluralistic Universe. New York [etc.]: Longmans, Green, and co., 1909. 405 p.

15. Kasiński M. Lojalność urzędnika w świetle prawa i etyki. *Annales. Etyka w życiu gospodarczym*, 2010. Vol. 13, no. 1, pp. 139–146.

16. Maynard-Moody S., Musheno M. Cops, Teachers, Counselors. Stories from the Front Lines of Public Service. Michigan: University of Michigan, 2003. 221 p.

17. Mentzelopoulos A.M. Federal Government Public Service Ethics: Managing Public Expectations. Carleton University, 1990. 159 p.

18. Twijnstra A., De Graaf G. Young Loyalties: Loyalty Conceptions and Loyalty Conflicts of Young Dutch and English Public Administrators. *Operant Subjectivity: The International Journal of Q Methodology*, 2013. Vol. 36, no. 2, pp. 73–92. doi:10.15133/J.OS.2012.005

Информация об авторах

Горностаев Станислав Викторович, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра юридической психологии и педагогики, психологический факультет, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФГКОУ ВО Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5259-0258>, e-mail: stanislavrz@yandex.ru

Information about the authors

Stanislav V. Gornostaev, Doctor of Psychology, Docent, Professor, Department of Legal Psychology and Pedagogy, Psychological Faculty, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5259-0258>, e-mail: stanislavrz@yandex.ru

Получена 27.02.2022
Принята в печать 25.09.2022

Received 27.02.2022
Accepted 25.09.2022

Особенности эмоционально-волевой устойчивости сотрудников полиции на различных этапах профессиогенеза

Гончарова Н.А.

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО «СПБУ МВД России»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Душкин А.С.

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО «СПБУ МВД России»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

Коноплева И.Н.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Пряхина М.В.

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО «СПБУ МВД России»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4516-2540>, e-mail: pryakhina62@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы эмоционально-волевой устойчивости, выступающие в качестве ведущих в системе морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Цель исследования состояла в анализе особенностей эмоционально-волевой устойчивости сотрудников полиции территориальных органов МВД России и курсантов образовательной организации МВД России. Выборка представлена двумя группами в количестве 119 человек, из них сотрудников полиции — 65 человек, курсантов образовательной организации МВД России — 54 человека. Методики исследования были представлены диагностическим блоком: анкета оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз-2» (В.Ю. Рыбников); тест «Анализ стиля жизни» (Бостонский тест на стрессоустойчивость); «Индивидуально-типологический опросник» Л.Н. Собчик; «Методика исследования волевой организации личности» А.А. Хохлова; тест-опросник А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции». Результаты исследования показали наличие достоверно значимых различий ($p \leq 0,05$) между группами, свидетельствующих о более высоком уровне нервно-психической устойчивости, стрессоустойчивости и эмоционально-волевой регуляции у сотрудников полиции, что определяется возрастными характеристиками и акцентуациями характера. Нормативные

Гончарова Н.А., Душкин А.С.,
Коноплева И.Н., Пряхина М.В.

Особенности эмоционально-волевой
устойчивости сотрудников полиции
на различных этапах профессиогенеза
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 51–63.

Goncharova N.A., Dushkin A.S.,
Konopleva I.N., Pryakhina M.V.

Features of Emotional and Volitional Stability of Police
Officers at Various Stages of Occupational Genesis
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 51–63.

показатели в обеих группах не превышены, что в целом отражает качество профессионального психологического отбора и стабильность личности сотрудников полиции.

Ключевые слова: эмоционально-волевая устойчивость, волевая регуляция, нервно-психическая устойчивость, акцентуации, сотрудники полиции, стрессоустойчивость, морально-психологическое обеспечение.

Для цитаты: Гончарова Н.А., Душкин А.С., Коноплева И.Н., Пряхина М.В. Особенности эмоционально-волевой устойчивости сотрудников полиции на различных этапах профессиогенеза [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 51–63. DOI:10.17759/psylaw.2023130104

Features of Emotional and Volitional Stability of Police Officers at Various Stages of Occupational Genesis

Natalia A. Goncharova

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Anton S. Dushkin

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

Inga N. Konopleva

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Marina V. Pryakhina

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4516-2540>, e-mail: pryakhina62@mail.ru

The article deals with the issues of emotional and volitional stability, acting as the leading ones in the system of moral and psychological support for the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The purpose of the article was to analyze the features of emotional and volitional stability of police officers of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia and cadets of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The sample is represented by two groups of 119 people, including police officers, 65 people, cadets of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia — 54 people. The research methods were presented by the diagnostic unit: the questionnaire for assessing neuropsychic stability “Prognosis-2” (V.Yu. Rybnikov); the test “Lifestyle Analysis” (Boston stress tolerance test), the Individual typological questionnaire L.N. Sobchik, The methodology of the study of the volitional organization of the personality of A.A.Khokhlov, The test questionnaire of A.V. Zverkov and E.V. Eidman “The study of volitional self-regulation”. Research results. The presence of significantly significant differences ($p \leq 0.05$) between the groups was established, indicating a higher level of neuropsychic stability, stress resistance and emotional-volitional regulation of police offic-

ers, which is determined by age characteristics and character accentuations. The normative indicators in both groups were not exceeded, which generally reflects the quality of professional psychological selection and the stability of the personality of police officers.

Keywords: activity-related experience, quality of motivation, self-determination theory, intrinsic motivation, extrinsic motivation, academic motivation.

For citation: Goncharova N.A., Dushkin A.S., Konopleva I.N., Pryakhina M.V. Features of Emotional and Volitional Stability of Police Officers at Various Stages of Occupational Genesis. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 51–63. DOI:10.17759/psylaw.2023130104 (In Russ.).

Введение

Эмоционально-волевая устойчивость личности, являясь составной частью психологической устойчивости, представляет собой значимый ресурс надежности деятельности субъекта труда в различных профессиональных сферах. Актуальность данной проблемы определяется несовершенством категориального аппарата психологии в однозначной трактовке понятия «эмоционально-волевая устойчивость», которая зачастую рассматривается лишь с позиции успешной адаптации к среде или стабильности/нестабильности эмоциональной сферы, что не позволяет в полной мере оценить механизмы, факторы и критерии успешного формирования эмоционально-волевой устойчивости.

Исследования эмоционально-волевой устойчивости осуществлялись в контексте ее физиологических и психофизиологических показателей, при этом разрабатывались понятия «эмоциональная устойчивость» и «эмоционально-волевая устойчивость». Обобщенные представления в этой области отражают способности психики к сохранению высокой функциональной активности при воздействии различных неблагоприятных факторов, условий жизни и деятельности. А.М. Аболин определяет «основное содержание эмоциональной устойчивости как способность успешно осуществлять сложную и ответственную деятельность в напряженной эмоциогенной обстановке без значительного отрицательного влияния последней на самочувствие, здоровье и дальнейшую работоспособность» [1, с. 104].

Анализ концепций и подходов к проблеме эмоционально-волевой устойчивости показывает, что в их содержании отражены идентичные представления о ее сущности и значимости отдельных компонентов. Во-первых, эмоционально-волевая устойчивость подразумевает наличие эмоциональной стабильности: способности субъекта сдерживать проявления эмоциональной возбудимости и чувствительности, сохранять нормативность эмоциональных реакций, низкий уровень тревожности, осуществлять контроль эмоций; обладание умениями совладания с эмоциями (Н.Д. Левитов [9], Е.П. Ильин [6], К.К. Платонов [15] и др.). Во-вторых, параметры волевой регуляции выступают в качестве объекта психокоррекционного воздействия и подвергаются развитию при условии психологического воздействия. Волевые качества, позволяют управлять эмоциями и эмоциональными состояниями, и данный факт рассматривается как безусловный в классической современной отечественной и зарубежной психологии [4]. Способность к волевым усилиям означает готовность психики к сознательному самоуправлению, преодолению состояний возбуждения, сдерживанию влияний деструктивных факторов среды, сохранению работоспособности и профессионального долголетия (В.А. Иванников [5], В.Л. Маришук [11], Е.А. Милерян [14], С.П. Хапчева [19] и др.). В

соответствии с таким пониманием волевая регуляция является условием эмоциональной устойчивости и это определяется наличием в данном акте внутренней активности, сознательности, личностного смысла, направленности на изменение или удержание волевого напряжения.

Дифференцированный анализ отдельных составляющих эмоционально-волевой устойчивости ограничивает возможности всеобъемлющей оценки ее практической направленности, поэтому наиболее конструктивными выступают такие характеристики, которые отражают ее интегративный характер. Такой подход обладает наибольшим потенциалом для оценки значения эмоционально-волевой устойчивости в качестве профессионально важного свойства личности, способствующего достижению результатов в служебной деятельности, обеспечивающего успешность и стабильность, надежность и безошибочность, сохранность функциональных возможностей субъекта в условиях напряженного труда (Л.М. Аболин [1], П.Б. Зильберман [4], Е.П. Ильин [7]).

Обсуждая проблемы эмоционально-волевой устойчивости и эмоционально-волевой регуляции, следует обратить внимание на успешность интегративного подхода к оценке и развитию эмоционально-волевой устойчивости. Так, М.Т. Лобжа, в анализе эмоционально-волевой устойчивости как фактора надежности в деятельности, отмечает, что в данном конструкте не только интегрируется множество функций психического отражения, связанных с эмоциональными и когнитивными процессами, обеспечивающими оценку, объективной действительности, но и формируется сознательное построение моделей саморегуляции в сложных условиях [10].

В исследовании актуальных проблем эмоционально-волевой устойчивости сотрудников полиции интегративный подход является одним из значимых и позволяет системно оценить взаимодействие эмоциональных и волевых факторов. В соответствии с таким подходом анализируются показатели стабильности и эффективности, как в повседневных, так и в особых условиях; факторы сохранения психологических ресурсов, психического здоровья, спокойствия, объективности; рассматриваются совокупность элементов различного системного уровня, детерминация психологических ресурсов, возможности комплексной диагностики эмоциональной регуляции (С.В. Ратников [16], Т.В. Маркелова [12], Б.Б. Величковский, М.И. Марьин [2]). В решении актуальных задач практической деятельности в рамках интегративного подхода, направленных на развитие эмоционально-волевой устойчивости сотрудников полиции, исследователи обращают внимание на индивидуально-психологические особенности личности, роль активной жизненной позиции субъектов, мотивационной направленности на самосовершенствование волевых качеств [8].

В работах зарубежных исследователей также обсуждаются вопросы эмоционально-волевой устойчивости полицейских. Так, Галатцер-Леви (Galatzer-Levy) с соавторами установили, что положительные и отрицательные эмоции прогнозируют траектории устойчивости и дистресса среди сотрудников полиции с высоким уровнем стресс-факторов [21]. К. Гилмартин (K. Gilmartin) описал технологии эмоционального выживания для сотрудников правоохранительных органов [22]. С. Раджан, М. Томас, П. Дивья (S. Rajan, M. Thomas, P. Divya) отмечают снижение показателей оперативного стресса среди сотрудников полиции под влиянием эмоционального интеллекта: «...эмоциональный интеллект и такой его фактор, как эмоциональная стабильность, являются значимыми обратными предикторами операционного стресса» [23]. Р. Зеленский (R. Zelenskiy) с соавторами определили педагогические

условия формирования эмоционально-волевой культуры у будущих полицейских в процессе профессиональной подготовки [24].

Таким образом, объективными показателями эмоционально-волевой устойчивости являются стабильность нервно-психических и эмоциональных реакций, стрессоустойчивость, волевая мобилизованность и регуляция, способность к прогнозированию динамики служебных ситуаций, адекватность выполнения и обоснования собственных действий. В соответствии с таким пониманием в рамках обеспечения должного уровня эмоционально-волевой устойчивости сотрудников полиции существенно значимым выступает комплексный мониторинг данных показателей, позволяющий осуществлять прогнозирование и профилактику негативных и деструктивных ее нарушений.

Методы и методика исследования

Исследование было организовано на базе Санкт-Петербургского университета МВД России в период 2020—2021 гг. Общее число участников диагностического опроса было представлено двумя независимыми выборками в количестве 119 человек. Первую выборку составили сотрудники полиции, проходящие службу в ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (65 человек). Средний возраст лиц данной группы — 24,3 года, опыт службы в органах внутренних дел — от одного до двух лет. Вторая выборка была представлена курсантами Санкт-Петербургского университета МВД России второго года обучения (54 человека), средний возраст — 18,2 лет, опыт учебно-профессиональной деятельности — один год.

Диагностический материал был получен при помощи стандартизированных методик: анкета оценки нервно-психической устойчивости «Прогноз-2» (В.Ю. Рыбников) [17]; тест «Анализ стиля жизни» (Бостонский тест на стрессоустойчивость [20], «Индивидуально-типологический опросник» Л.Н. Собчик [18], «Методика исследования волевой организации личности» А.А. Хохлова [13], тест-опросник А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана «Исследование волевой саморегуляции» [3]. Анализ эмпирических данных произведен при помощи методов описательного и сравнительного анализа с помощью статистического пакета SPSS Statistics ver. 23.0. Для оценки достоверности различий независимых выборок применялся t-критерий Стьюдента. Выбор критерия определялся типом измерительных шкал и нормальностью распределения признаков.

Результаты и обсуждение

Сравнение значений двух экспериментальных групп позволило установить достоверно значимые различия ($p \leq 0,01$) между группами сотрудников и курсантов по показателям нервно-психической устойчивости и стрессоустойчивости (рис. 1).

Признаков нарушения нервно-психической устойчивости не выявлено. Показатели обеих групп соответствуют уровню «средний благоприятный», что является положительным прогнозом стабильности в деятельности и низкой вероятности нервно-психических срывов. Данные значения можно также рассматривать в качестве результатов надежности профессионального психологического отбора. Показатели нервно-психической устойчивости в группе сотрудников полиции значимо выше и практически приближены к высокому уровню, что в соответствии с методикой является показателем высокого уровня саморегуляции.

Установленная достоверность различий в показателях стрессоустойчивости ($p \leq 0,01$) свидетельствует о более высоком ее уровне в группе сотрудников. Курсанты в данном сравни-

тельном исследовании менее устойчивы к стрессу. Значения тут приближаются к критическим, однако не выходят за пределы нормы. Представители групп испытывают нормальный уровень стресса, характерный для активной деятельности, связанной с рабочим напряжением.

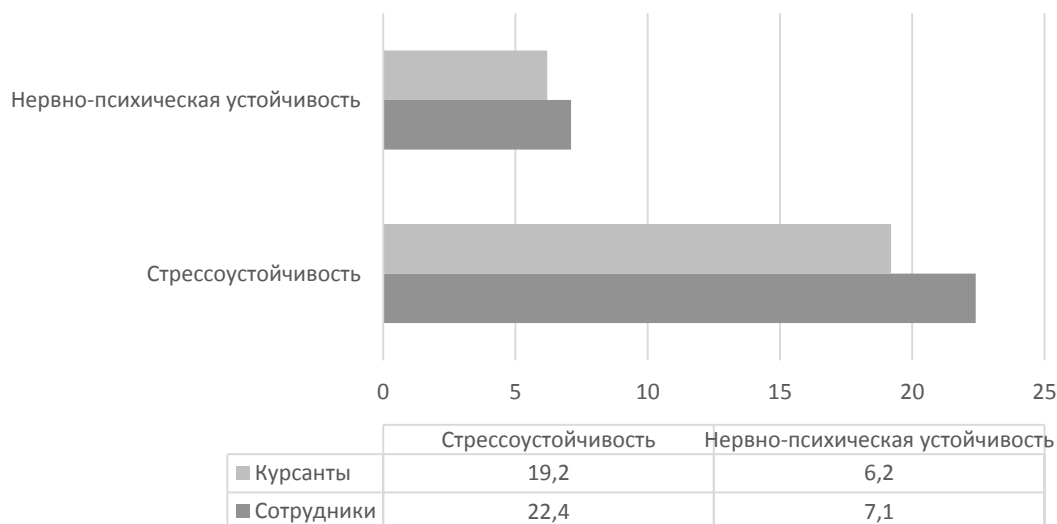

Рис. 1. Сравнение показателей нервно-психической устойчивости и стрессоустойчивости групп сотрудников и курсантов

Значения показателей индивидуально-психологических свойств личности («Индивидуально-типологический опросник» Л.Н. Собчик) в двух группах достоверно различаются, что, возможно, объясняется существующими различиями в возрасте. Значения каждой из групп не превышают пределов умеренной выраженности. Состояний эмоциональной напряженности не выявлено, однако отдельные шкалы свидетельствуют о выраженности акцентуированных черт личности, при этом в группе курсантов их несколько больше ($p \leq 0,05$) (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение показателей индивидуально-психологических свойств личности в группах курсантов и сотрудников (методика «ИТО» Л.Н. Собчик)

№	Наименования шкал	Значения показателей в группе сотрудников ($M \pm \sigma$)	Значения показателей в группе курсантов ($M \pm \sigma$)	$p \leq$
1	Ложь	1,7 ± 0,3	2,0 ± 0,9	0,06
2	Аггравация	1,9 ± 0,7	2,1 ± 0,6	0,01
3	Экстраверсия	6,13 ± 2,16	7,1 ± 2,5	0,2
4	Спонтанность	6,5 ± 2,3	7,0 ± 2,1	0,7
5	Агрессивность	4,7 ± 1,1	5,9 ± 2,4	0,5
6	Ригидность	5,5 ± 1,2	5,9 ± 1,6	0,4
7	Интроверсия	3,4 ± 1,1	3,5 ± 1,15	0,8
8	Сензитивность	3,7 ± 1,47	4,9 ± 1,3	0,01
9	Тревожность	2,72 ± 1,01	4,1 ± 1,12	0,05
10	Лабильность	4,9 ± 1,7	6,1 ± 2,2	0,05

В данной группе значимо выше стремление показать сложность своей личности — шкала «Аггравация». Отмечается более высокий уровень сензитивности, тревожности и лабильности. Курсанты отличаются впечатлительностью, пессимистичностью в оценке перспектив, эмоциональной незащищенностью, выраженностью изменчивости настроения, мотивационной неустойчивостью. Акцентуированные черты личности, установленные в обеих группах, — «Экстраверсия», «Спонтанность», «Ригидность». В группе курсантов — «Сензитивность», «Лабильность», «Агрессивность».

Выявлены различия в показателях волевых качеств личности в исследованных группах («Методика исследования волевой организации личности» А.А. Хохлова). Курсанты превосходят в показателях сотрудников по параметрам ценностной организации личности (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение показателей волевой организации личности в группах курсантов и сотрудников («Методика исследования волевой организации личности» А.А. Хохлова)

№	Наименование шкал	Значения показателей в группе сотрудников ($M \pm \sigma$)	Значения показателей в группе курсантов ($M \pm \sigma$)	$p \leq$
1	Ценностно-смысловая организация личности	15,02±3,9	17,8±2,9	0,01
2	Организация деятельности	16,2±2,5	15,1±2,7	0,01
3	Решительность	17,1±4,2	17,7±4,5	0,2
4	Настойчивость	17,6±3,6	16,9±3,1	0,2
5	Самообладание	19,7±3,5	16,8±3,7	0,01
6	Самостоятельность	13,1±2,9	13,9±3,0	0,6
7	Общий показатель	116,9±16,3	113,3±14,3	0,5

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что волевые качества исследованных лиц развиты в достаточной степени, находятся в состоянии стабильности. Для обеих групп характерным является высокий уровень организации личности; способность к осознанным волевым действиям; понимание целей деятельности и способов их достижения; способность к волевому контролю и устойчивой линии поведения, быстрому выбору оптимальных способов решения задач. Достоверные различия между показателями групп установлены в значениях ценностно-смысловой организации. В группе курсантов данные представлены более высокими значениями (17,8±2,9; $p \leq 0,01$), что свидетельствует о высоком уровне морально-этических представлений о ценностях на данном этапе деятельности, осознанности смысловых жизненных позиций, соответствии поведения ценностно-смысловым установкам. В группе сотрудников ценностно-смысловой уровень относительно ниже (15,02±3,9; $p \leq 0,01$), однако он не нарушает пределов нормативных показателей. Различия в показателях волевых качеств по параметру «Организация деятельности» также достоверны (16,2±2,5 / 15,1±2,7; $p \leq 0,01$) и свидетельствуют о более высоком уровне способности к структурированию у представителей группы сотрудников. Курсанты в данном случае в меньшей степени предрасположены к этому и не всегда могут определить главные направления в выполнении деятельности.

В исследовании волевой саморегуляции у респондентов выявлены достоверные различия в показателях двух групп по всем сравниваемым параметрам (рис. 2).

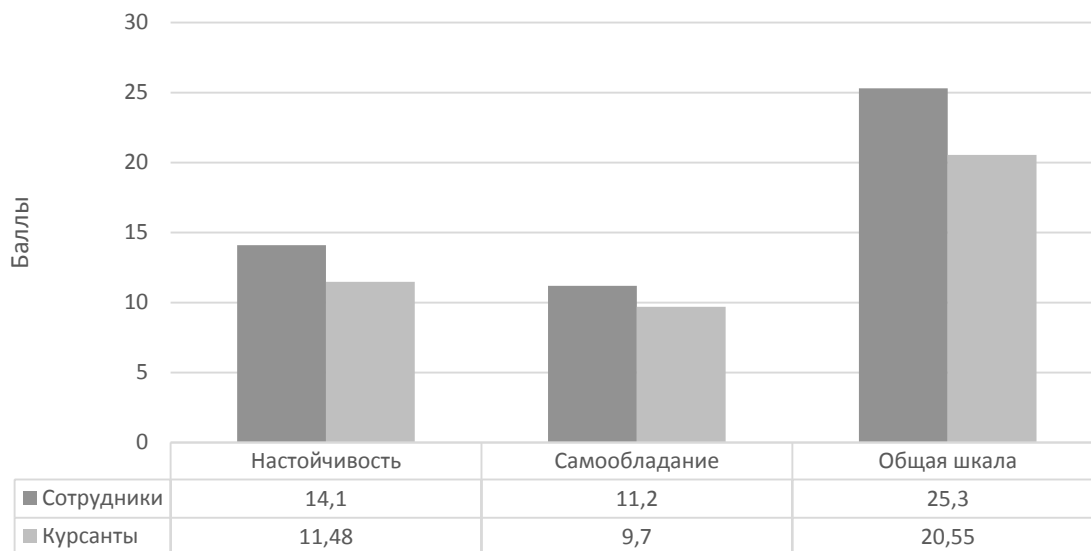

Рис. 2. Сравнение показателей эмоционально-волевой регуляции в группах сотрудников и курсантов («Методика исследования волевой организации личности» А.А. Хохлова)

В группе сотрудников значения волевой саморегуляции достоверно выше ($p \leq 0,01$). Это является признаком эмоциональной зрелости, уверенности в себе, реалистичности взглядов. В сравнении с курсантами лица данной группы отличаются более высоким уровнем настойчивости и самообладания, способны к быстрой мобилизации усилий, гибкости поведения, произвольному контролю эмоциональных реакций и состояний.

Следует отметить, что в целом показатели обеих групп находятся на нормативном уровне волевой саморегуляции и выводы обсуждаются в рамках сравнительного анализа и особенностей, характерных для групп, которые находятся на различных возрастных этапах развития (различия между показателями возраста при $p \leq 0,01$) и различных этапах профессионального становления: группа курсантов — на начальном этапе профессиогенеза, профессионального обучения, совмещенного со службой в рамках учебной образовательной организации высшего образования; группа сотрудников — на этапе вторичной адаптации к деятельности, в процессе которой выполняются реальные оперативно-служебные задачи в правоохранительной профессиональной сфере.

Результаты исследования свидетельствуют о наличии различий между лицами, находящимися на различных этапах профессиогенеза, в уровне нервно-психической устойчивости и стрессоустойчивости, которые значимо выше в группе сотрудников, выполняющих ежедневные практические задачи правоохранительной деятельности. Выявленные различия следует понимать как относительные, детерминированные особенностями возраста, различиями в видах основной деятельности, профессиональном опыте, задачах и целях, а также наличием некоторых акцентуаций, проявляющихся в агрессивности, сензитивности и лабильности.

Показатели нервно-психической устойчивости и стрессоустойчивости исследованных представителей двух групп свидетельствуют о хорошем и благоприятном для деятельности уровне, возможности положительного прогноза сохранения и развития дальнейшей эмоцио-

нально-волевой устойчивости и качественном профессионально-психологическом отборе данных сотрудников на службу в органы внутренних дел.

Сравнительный анализ волевых свойств личности позволил констатировать устойчивость в психической волевой организации личности у представителей обеих групп. Сотрудники и курсанты действуют осознанно, способны к структурированию деятельности в соответствии с нормативными ценностями, умеют совладать с собственными эмоциональными состояниями, психологически готовы к решительным действиям, восприятию неожиданных стимулов. Для курсантов в большей степени характерна ориентация на морально-этические ценности, соответствие поведения ценностным установкам деятельности по сравнению с сотрудниками, у которых выше способность к структурированию деятельности.

Достоверные различия между группами в значениях волевой регуляции позволяют предположить, что в группе курсантов на фоне более высокого уровня тревожности, постоянного волевого контроля и рефлексии происходит нарастание внутреннего напряжения и тревожности, что снижает работоспособность, устойчивость намерений, настойчивость в достижении результатов. В процессе деятельности волевая регуляция может быть затруднена в стрессовых и сложных обстоятельствах, что сказывается на проявлениях спонтанности, импульсивности, повышенной лабильности и агрессивности. Предполагается, что более низкий уровень настойчивости и самообладания связан с активностью компенсаторных механизмов.

Общий уровень волевой регуляции у представителей группы сотрудников и группы курсантов характеризуется высокими значениями и свидетельствует о зрелости субъектов, устойчивости поведения и взглядов, развитом чувстве долга, понимании собственных мотивов, способности к самоконтролю и выраженной социально-позитивной направленности.

Заключение

Эмоционально-волевая устойчивость, являясь значимым психологическим свойством личности сотрудников органов внутренних дел, должна рассматриваться с позиции интегративного, системного подхода, при котором учитываются характеристики как эмоциональной сферы, так и волевых свойств личности. Развитие и обеспечение стабильности эмоционально-волевой сферы осуществляется при помощи саморегуляции, основным компонентом которой являются накопленные субъектом знания и компетенции в сфере эмоциональной стороны деятельности и развитые волевые качества ценностно-смысловой организации, решительности, настойчивости, самообладания и самостоятельности, позволяющие осуществлять сознательное преобразование собственной личности.

Полученные результаты исследования согласуются с выводами ряда авторов, согласно которым эмоционально-волевою устойчивостью сотрудников полиции следует рассматривать как интегративное свойство личности, характеризующееся таким взаимодействием эмоционального, интеллектуального, мотивационного, волевого и поведенческого компонентов психической деятельности индивида, которое обеспечивает успешное достижение цели деятельности и наиболее эффективное социально-ролевое поведение в сложной эмотивной обстановке.

Перспективы дальнейших исследований проблемы эмоционально-волевой устойчивости сотрудников полиции определяются задачами морально-психологической подготовки и поиском факторов, детерминирующих индивидуально-психологические различия в профиле сотрудников различного уровня профессиональной подготовки, профессионального опыта и специфики деятельности. Исследования в данном направлении позволяют разрабатывать кор-

Гончарова Н.А., Душкин А.С.,
Коноплева И.Н., Пряхина М.В.
Особенности эмоционально-волевой
устойчивости сотрудников полиции
на различных этапах профессиогенеза
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 51–63.

Goncharova N.A., Dushkin A.S.,
Konopleva I.N., Pryakhina M.V.
Features of Emotional and Volitional Stability of Police
Officers at Various Stages of Occupational Genesis
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 51–63.

рекцияно-развивающие программы подготовки специалистов правоохранительных органов с учетом возрастных, психодинамических, волевых и регулятивных факторов личности.

Литература

1. *Аболин Л.М.* Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. Казань: Издательство Казанского университета, 1987. 262 с.
2. *Величковский Б.Б., Марьин М.И.* Комплексная диагностика индивидуальной устойчивости к стрессу в рамках модели «состояние—устойчивая черта» // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. № 2. С. 34–46.
3. *Зверьков А.Г.* Диагностика волевого самоконтроля // Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: МГУ, 1990. С. 116–124.
4. *Зильберман П.Б.* Эмоциональная устойчивость оператора: очерки психологии труда оператора. М.: Наука, 1974. С. 138–172.
5. *Иванников В.А.* Воля // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3). С. 97–102.
6. *Ильин Е.П.* Психология воли. 2-е изд. СПб: Питер, 2009. 368 с.
7. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб: Питер, 2001. 752 с.
8. *Красилов О.В., Мананников С.В., Клочков Р.В.* Проблемы обеспечения служебно-боевой готовности и эмоционально-волевой устойчивости сотрудников // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы шестнадцатой международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. Ч. 2. Барнаул: Барнаулский юридический институт МВД России, 2018. С. 102–104.
9. *Левитов Н.Д.* О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 344 с.
10. *Лобжа М.Т.* Эмоционально-волевая устойчивость как фактор надежности профессиональной деятельности сотрудников МЧС России в экстремальных условиях // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2014. № 2 (23). С. 21–27.
11. *Марищук В.Л., Евдокимов В.И.* Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса. СПб: Издательский дом «Сентябрь», 2001. 260 с.
12. *Маркелова Т.В., Бурова Е.А., Левцанова В.В.* Взаимосвязь психологической устойчивости и волевого самоконтроля сотрудников силовых структур [Электронный ресурс] // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 65-4. С. 74–78. doi:10.18411/lj-09-2020-130
13. Методика исследования волевой организации личности // Твоя профессиональная карьера / Под ред. С.Н. Чистяковой. М.: Просвещение, 2000 С. 175–182.
14. *Милерян Е.А.* Эмоционально-волевые компоненты надежности оператора // Очерки психологии труда операторов. М.: Наука, 1974. С. 5–82.
15. *Платонов К.К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высшая школа, 1984. 175 с.
16. *Ратников С.В., Саратовский Д.В., Гайдамакин А.В.* Некоторые вопросы формирования психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел // Центральный научный вестник. 2017. Том 2. № 9 (26). С. 55–57.
17. *Рыбников В.Ю.* Экспресс-методика «Прогноз-2» для оценки нервно-психической неустойчивости кандидатов на учебу в вуз // Тезисы докладов на I всеармейском совещании. М.: Воениздат, 1990. С. 132–135.

Гончарова Н.А., Душкин А.С.,
Коноплева И.Н., Пряхина М.В.

Особенности эмоционально-волевой
устойчивости сотрудников полиции
на различных этапах профессиогенеза
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 51–63.

Goncharova N.A., Dushkin A.S.,
Konopleva I.N., Pryakhina M.V.

Features of Emotional and Volitional Stability of Police
Officers at Various Stages of Occupational Genesis
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 51–63.

18. Собчик Л.Н. Психодиагностика в медицине: практическое руководство. М.: Боргес, 2007. 415 с.
19. Хапачева С.М. Психолого-педагогические условия формирования эмоциональной устойчивости будущего психолога // Концепт. 2014. Том 20. С. 4856–4860.
20. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. СПб: Питер, 2006. 256 с.
21. Galatzer-Levy I. et al. Positive and Negative Emotion Prospectively Predict Trajectories of Resilience and Distress among High-Exposure Police Officers // *Emotion*. 2013. Vol. 13(3). doi:10.1037/a0031314
22. Gilmartin K. Emotional Survival for Law Enforcement. Tucson: AZ: E-S Press, 2002. 142 p.
23. Rajan S., Thomas M., Divya P. Emotional Intelligence as a Predictor of Police Operational Stress: A Pilot Study // *Journal of Police and Criminal Psychology*. 2021. Vol. 36(3). doi:10.1007/s11896-021-09456-9
24. Zelenskiy R., Popova O., Sokolovskiy V., Stashchak M. Formation Of Emotional-Volitional Culture Of Future Policemen In The Course Of Vocational Training // *Revista Romaneasca pentru Educatie Multidimensionala*. 2018. Vol. 10(2). doi:10.198.10.18662/rrem/56

References

1. Abolin L.M. Psikhologicheskie mekhanizmy emotsional'noi ustoichivosti cheloveka. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1987. 262 p. (In Russ.).
2. Velichkovsky B.B., Maryin M.I. Kompleksnaya diagnostika individual'noi ustoichivosti k stressu v ramkakh modeli "sostoyanie—ustoichivaya cherta" [Complex diagnostics of individual resistance to stress in the framework of the "state—resistant trait"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2007, no. 2, pp. 34–46 (In Russ.).
3. Zverkov A.G. Diagnostika volevogo samokontrolya. *Psikhodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii*. Moscow: MGU Publ., 1990, pp. 116–124 (In Russ.).
4. Zilberman P.B. Emotsional'naya ustoichivost' operatora: ocherki psikhologii truda operatora. Moscow: Nauka, 1974, pp. 138–172 (In Russ.).
5. Ivannikov V.A. Volya. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2010, no. 1 (3), pp. 97–102 (In Russ.).
6. Ilyin E.P. *Psikhologiya voli*. 2nd ed. Saint Petersburg: Piter, 2009. 368 p. (In Russ.).
7. Ilyin E.P. *Emotsii i chuvstva*. Saint Petersburg: Piter, 2001. 752 p. (In Russ.).
8. Krasilov O.V., Manannikov S.V., Klochkov R.V. Problemy obespecheniya sluzhebno-boevoi gotovnosti i emotsional'no-volevoi ustoichivosti sotrudnikov. In Yu.V. Anokhin (ed.). *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: materialy shestnadtsatoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ch. 2. Barnaul: Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii Publ., 2018, pp. 102–104 (In Russ.).
9. Levitov N.D. *O psikhicheskikh sostoyaniyakh cheloveka*. Moscow: Prosveshchenie, 1964. 344 p. (In Russ.).
10. Lobzha M.T. Emotsional'no-volevaya ustoichivost' kak faktor nadezhnosti professional'noi deyatel'nosti sotrudnikov MChS Rossii v ekstremal'nykh usloviyakh [Emotional and strong-willed stability as the factor of reliability of professional activity of staff of the Ministry of Emergency Situations in extreme conditions]. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva = Psychological and Pedagogical Safety Problems of Human and Society*, 2014, no. 2 (23), pp. 21–27 (In Russ.).

Гончарова Н.А., Душкин А.С.,
Коноплева И.Н., Пряхина М.В.

Особенности эмоционально-волевой
устойчивости сотрудников полиции
на различных этапах профессиогенеза
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 51–63.

Goncharova N.A., Dushkin A.S.,
Konopleva I.N., Pryakhina M.V.

Features of Emotional and Volitional Stability of Police
Officers at Various Stages of Occupational Genesis
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 51–63.

11. Marishchuk V.L., Evdokimov V.I. Povedenie i samoregulyatsiya cheloveka v usloviyakh stressa. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom "Sentyabr", 2001. 260 p. (In Russ.).
12. Markelova T.V., Burova E.A., Levshchanova V.V. Vzaimosvyaz' psikhologicheskoi ustoichivosti i volevogo samokontrolya sotrudnikov silovykh struktur [Elektronnyi resurs]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2020, no. 65-4, pp. 74–78. doi:10.18411/lj-09-2020-130
13. Metodika issledovaniya volevoi organizatsii lichnosti. In S.N. Chistyakova (ed.). *Tvoya professional'naya kar'era*. Moscow: Prosveshchenie, 2000, pp. 175–182 (In Russ.).
14. Mileryan E.A. Emotsional'no-volevye komponenty nadezhnosti operatora. *Ocherki psikhologii truda operatorov*. Moscow: Nauka, 1974, pp. 5–82 (In Russ.).
15. Platonov K.K. Kratkii slovar' sistemy psikhologicheskikh ponyatii. Moscow: Vysshaya shkola, 1984. 175 p. (In Russ.).
16. Ratnikov S.V., Saratovsky D.V., Gaidamakin A.V. Nekotorye voprosy formirovaniya psikhologicheskoi ustoichivosti sotrudnikov organov vnutrennikh del. *Tsentral'nyi nauchnyi vestnik = Central Science Bulletin*, 2017. Vol. 2, no. 9 (26), pp. 55–57 (In Russ.).
17. Rybnikov V.Yu. Ekspress-metodika "Prognoz-2" dlya otsenki nervno-psikhicheskoi neustoichivosti kandidatov na uchebu v vuz. *Tezisy dokladov na I vsearmeiskom soveshchanii*. Moscow: Voenizdat, 1990, pp. 132–135 (In Russ.).
18. Sobchik L.N. Psikhodiagnostika v meditsine: prakticheskoe rukovodstvo. Moscow: Borges, 2007. 415 p. (In Russ.).
19. Khapacheva S.M. Psikhologo-pedagogicheskie usloviya formirovaniya emotsional'noi ustoichivosti budushchego psikhologa. *Kontsept = Konzept*, 2014. Vol. 20, pp. 4856–4860 (In Russ.).
20. Shcherbatykh Yu.V. Psikhologiya stressa i metody korrektsii. Saint Petersburg: Piter, 2006. 256 p. (In Russ.).
21. Galatzer-Levy I. et al. Positive and Negative Emotion Prospectively Predict Trajectories of Resilience and Distress among High-Exposure Police Officers. *Emotion*, 2013. Vol. 13, no. 3. doi:10.1037/a0031314
22. Gilmartin K. Emotional Survival for Law Enforcement. Tucson: AZ: E-S Press, 2002. 142 p.
23. Rajan S., Thomas M., Divya P. Emotional Intelligence as a Predictor of Police Operational Stress: A Pilot Study. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 2021. Vol. 36, no. 3. doi:10.1007/s11896-021-09456-9
24. Zelenskiy R., Popova O., Sokolovskiy V., Stashchak M. Formation Of Emotional-Volitional Culture Of Future Policemen In The Course Of Vocational Training. *Revista Romaneasca pentru Educatie Multidimensionala*, 2018. Vol. 10, no. 2. doi:10.198.10.18662/rrem/56

Информация об авторах

Гончарова Наталья Андреевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра педагогики и психологии, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО «СПбУ МВД России»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Душкин Антон Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент, начальник, кафедра педагогики и психологии, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Рос-

Гончарова Н.А., Душкин А.С.,
Коноплева И.Н., Пряхина М.В.

Особенности эмоционально-волевой
устойчивости сотрудников полиции
на различных этапах профессиогенеза
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 51–63.

Goncharova N.A., Dushkin A.S.,
Konopleva I.N., Pryakhina M.V.

Features of Emotional and Volitional Stability of Police
Officers at Various Stages of Occupational Genesis
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 51–63.

сийской Федерации (ФГКОУ ВО «СПБУ МВД России»), г. Санкт-Петербург, Российская
Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

Коноплева Инга Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Пряхина Марина Васильевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра педагогики и психологии, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКОУ ВО «СПБУ МВД России»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4516-2540>, e-mail: pryakhina62@mail.ru

Information about the authors

Natalia A. Goncharova, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0795-4969>, e-mail: goncharova_n@bk.ru

Anton S. Dushkin, PhD in Psychology, Docent, Head, Department of Pedagogy and Psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

Inga N. Konopleva, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8540-8667>, e-mail: konopleva.i.n@gmail.com

Marina V. Pryakhina, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4516-25>, e-mail: pryakhina62@mail.ru

Получена 29.04.2022

Принята в печать 29.09.2022

Received 20.04.2022

Accepted 29.09.2022

Профессиональная компетентность сотрудников уголовно-исполнительной системы, работающих с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов

Кириллова Т.В.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ «НИИ ФСИН России»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>, e-mail: tatiana-kirillova@rambler.ru

Пашукова А.Д.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО «Академия ФСИН России»), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6198-4929>, e-mail: pashukova_21@mail.ru

Статья посвящена профессиональной компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы в работе с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов. Проанализированы результаты констатирующего эксперимента, направленного на исследование уровня сформированности профессиональной компетентности у сотрудников уголовно-исполнительной системы в работе с указанной категорией осужденных. Авторы обращают внимание на то, что организация воспитательной работы и межличностного взаимодействия сотрудников специализированных учреждений имеет ряд специфических психологических, педагогических и профессиональных особенностей. Главной спецификой, непосредственно оказывающая влияние на профессиональную деятельность сотрудников, является особенность спецконтингента. Профессиональная компетентность сотрудника, работающего с данной категорией осужденных, предполагает наличие специального, деятельностного, личностного и психологического компонентов. Акцент делается на том, что сотрудникам необходимо обладать высоким уровнем профессиональной компетентности, постоянно саморазвиваться и самосовершенствоваться.

Ключевые слова: осужденные, УИС России, профессиональная компетентность, исправительные учреждения, специализированные учреждения, саморазвитие, самосовершенствование, спецконтингент.

Для цитаты: Кириллова Т.В., Пашукова А.Д. Профессиональная компетентность сотрудников уголовно-исполнительной системы, работающих с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 64–76. DOI:10.17759/psylaw.2023130105

Кириллова Т.В., Пашукова А.Д.
Профессиональная компетентность сотрудников
уголовно-исполнительной системы, работающих
с осужденными — бывшими работниками судов и
правоохранительных органов
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 64–76.

Kirillova T.V., Pashukova A.D.
Professional Competence of Employees
of the Penal Enforcement System Working
with Convicted Persons-Former Employees
of Courts and Law Enforcement Agencies
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 64–76.

Professional Competence of Employees of the Penal Enforcement System Working with Convicted Persons-Former Employees of Courts and Law Enforcement Agencies

Tatyana V. Kirillova

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>, e-mail: tatiana-kirillova@rambler.ru

Anastasia D. Pashukova

Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6198-4929>, e-mail: pashukova_21@mail.ru

The article is devoted to the professional competence of employees of the penal enforcement system in working with convicts-former employees of courts and law enforcement agencies. The results of a ascertaining experiment aimed at studying the level of formation of professional competence of employees of the penitentiary system in working with this category of convicts are analyzed. The authors draw attention to the fact that the organization of educational work and interpersonal interaction of employees of specialized institutions has a number of specific psychological, pedagogical and professional features. The main specificity that directly affects the professional activities of employees is the peculiarity of the special agent. The professional competence of an employee working with this category of convicts presupposes the presence of a special, active, personal and psychological component. The emphasis is on the fact that employees need to have a high level of professional competence, constantly develop themselves and improve themselves.

Keywords: convicts, criminal justice System of Russia, professional competence, correctional institutions, specialized institutions, self-development, self-improvement, special agent.

For citation: Kirillova T.V., Pashukova A.D. Professional Competence of Employees of the Penal Enforcement System Working with Convicted Persons-Former Employees of Courts and Law Enforcement Agencies. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 64–76. DOI:10.17759/psylaw.2023130105 (In Russ.).

Введение

Современные условия профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее УИС) обуславливают важность решения проблем, связанных с формированием и развитием профессиональной компетентности сотрудников специализированных исправительных учреждений. Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. [15] предусматривает организацию стабильного высоко-профессионального кадрового состава. Несомненно, потребность решения, в процессе деятельности, разного рода задач (поисковых, коммуникативных, организационных, социальных и др.) побуждает сотрудника реализовать на деле свои профессиональные знания, умения и навыки. Уровень и качество их проявления определяет общую оценку профессиональной компетентности сотрудников исправительного учреждения.

Кириллова Т.В., Пашукова А.Д.
Профессиональная компетентность сотрудников
уголовно-исполнительной системы, работающих
с осужденными — бывшими работниками судов и
правоохранительных органов
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 64–76.

Kirillova T.V., Pashukova A.D.
Professional Competence of Employees
of the Penal Enforcement System Working
with Convicted Persons-Former Employees
of Courts and Law Enforcement Agencies
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 64–76.

Постоянные инновационные процессы, характерные для современной системы образования, предъявляют повышенные требования к сотрудникам уголовно-исполнительной системы, к уровню и качеству их профессиональной компетентности. Чтобы сотрудник УИС состоялся как профессионал, достиг успехов в профессии, получал удовлетворение от работы и был востребованным, он в современных условиях должен обладать определенными характеристиками, а именно: быть настойчивым и целеустремленным в овладении профессиональным мастерством; обладать хорошими адаптационными способностями к быстро меняющимся условиям, новым требованиям; непрерывно пополнять свои знания, совершенствовать умения и навыки, т. е. постоянно саморазвиваться, обладать стрессоустойчивостью, способностью к риску, толерантностью к неопределенности [4].

Указанные характеристики позволят сотруднику приобрести профессиональную компетентность и обладать ею на протяжении всего профессионального пути.

В то же время практика показывает, что данные характеристики развиваются далеко не у всех сотрудников УИС. Напротив, большая их часть часто демонстрирует неудовлетворенность собой и окружающими, избранной профессией, социальную конфронтацию, эмоциональное выгорание и профессиональную деформацию, что создает значительные трудности в профессиональной деятельности.

Проблема формирования и совершенствования профессиональной компетентности имеет многолетнюю историю. Ею занимались В.А. Водеников [2], П.Ф. Зеер [8], Н.Н. Сапрыкина [16] и другие ученые. Этих исследователей объединяет общая точка зрения. Все они трактуют профессиональную компетентность как систему необходимых знаний, умений, навыков, которые являются достаточными для выполнения определенного вида профессиональной деятельности в современных условиях [9, с. 35].

В сфере пенитенциарной педагогики и психологии проблеме подготовки специалистов для УИС уделяли внимание такие ученые, как М.Г. Дебольский [6]; Б.Б. Казак [10]; А.Н. Сухов [17]. Компетентность они рассматривали как наличие у человека необходимых характеристик, умение ими пользоваться в разных ситуациях, при этом, по их мнению, всегда проявляется личностное отношение к предмету деятельности, т. е. компетентность — понятие комплексное, интегрированное, включающее в себя и субъективное начало.

Таким образом, профессиональная компетентность сотрудников УИС является интегративным понятием, включающим в себя специальные знания, умения и навыки, обеспечивающие выполнение сотрудниками уголовно-исправительной системы своих служебных задач, как в обычных, так и в сложных оперативных условиях. Следовательно, при повышении уровня профессиональной компетентности сотрудников УИС необходимо интегрально развивать и совершенствовать все ее структурные составляющие.

Исправительные учреждения для содержания осужденных — бывших работников судов и правоохранительных органов

Особую значимость проблема формирования профессиональной компетентности приобретает для сотрудников, работающих в специализированных исправительных учреждениях для содержания осужденных — бывших работников судов и правоохранительных органов.

В соответствии с п. 3 ст. 80 УИК РФ [18], бывшие военнослужащие внутренних войск, сотрудники правоохранительных органов (полиции, МВД, ФСИН, ФСБ), прокуратуры, следственного комитета, судов отбывают наказание в отдельных специализированных учреждениях

(колонии БС (безопасного содержания)). Соблюдение этого требования, а именно раздельного содержания, необходимо для обеспечения безопасности. Для защиты жизни и здоровья в специализированные учреждения могут быть направлены и бывшие представители иных структур: ФНС, МЧС, судебные приставы и т. п.

Анализ истории становления и развития исправительных учреждений в отношении осужденных — бывших работников судов и правоохранительных органов показывает, что долгое время в России действовало всего три специализированных исправительных учреждения:

- исправительная колония № 13, расположенная в городе Нижнем Тагиле Свердловской области. Она возникла в 1957 г. Уже с самого начала данная колония имела специфическую направленность и стала первой в нашей стране колонией, предназначенной для содержания преступивших закон сотрудников правоохранительных органов;
- исправительная колония № 3, расположенная в городе Скопине Рязанской области. Первоначально это было обычное исправительное учреждение, но в 90-е гг., когда страну захлестнула волна преступности, сюда стали попадать работники правоохранительных органов. Их количество все увеличивалось, и уже в начале XXI века по числу они стали преобладать над обычным контингентом осужденных. Так, данная колония в 2000-м г. была переквалифицирована в специализированную;
- исправительная колония № 5 в поселке Леплей Республики Мордовия. Особенность этой колонии состоит в том, что в ней в течение многих лет, кроме бывших работников судов и правоохранительных органов, отбывали наказание и иностранные граждане. С 2001 г. данная колония стала местом исполнения наказания только бывших сотрудников правоохранительных органов [14, с. 21].

В настоящее время в России функционирует 21 исправительное учреждение для содержания осужденных — бывших работников судов и правоохранительных органов (одиннадцать колоний строгого режима, три — общего, одна — особого и шесть колоний-поселений).

Организация воспитательной работы и межличностного взаимодействия сотрудников с данной категорией осужденных имеет ряд специфических психологических, педагогических и профессиональных особенностей [13]. Главной спецификой, непосредственно оказывающей влияние на профессиональную деятельность сотрудников, является особенность спецконтингента [5, с. 153]. К основным особенностям осужденных — бывших работников судов и правоохранительных органов можно отнести: наличие образования (среднего или, как правило, высшего); владение умениями и навыками в области специальной и физической подготовки; хорошие знания законодательства РФ; наличие связей в правоохранительных органах и органах власти (в связи с прошлой профессиональной деятельности); возможная осведомленность о возможностях, силах, средствах и методах оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях; социальные характеристики осужденного (стаж и временной отрезок службы, ранее занимаемая должность, количество судимостей и т. д.) [11, с. 92].

В связи с вышеуказанными особенностями данной категории осужденных каждый сотрудник, осуществляющий деятельность в специализированном учреждении, должен обладать определенным набором профессиональных качеств, владеть специальными знаниями [7, с. 215], которые необходимы для осуществления эффективного профессионального взаимодействия с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов, а также иметь мотивацию к профессиональному саморазвитию и самосовершенствованию личности.

Таким образом, сотрудник уголовно-исполнительной системы, работающий с данной категорией осужденных должен иметь высокий уровень профессиональной компетентности, так как уровень его профессионализма будет влиять на степень исправленности осужденных, что является одной из основных задач уголовно-исполнительной системы России.

Программа исследования

Для успешного процесса формирования профессиональной компетентности у сотрудников следует всесторонне изучить индивидуально-психологические особенности личности каждого из них. С этой целью необходимо создать психологический портрет сотрудника, который будет служить направлением в процессе повышения уровня их профессиональной компетентности. Также необходима работа по адаптации проверенных методик, с помощью которых будут изучаться критерии профессиональной компетентности. Использование уже существующих и новых методик в совокупности будет способствовать созданию педагогической модели специалиста, эти методики позволят провести анализ и дать оценку факторов, определяющих пригодность сотрудников к службе.

В основе профессиональной компетентности сотрудника УИС и совершенствования его педагогического мастерства лежит принцип непрерывности образования, т. е. каждый сотрудник УИС должен быть ориентирован на обучение в течение всего периода профессиональной деятельности.

Исследование уровня профессиональной компетентности сотрудников УИС в работе с осужденными — бывшими сотрудниками правоохранительных органов провели на базе исправительной колонии № 3, расположенной в Рязанской области. В исследовании приняли участие 35 сотрудников исправительного учреждения.

Рис. 1. Программа исследования уровня профессиональной компетентности сотрудников УИС, работающих с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов

Профессиональная компетентность сотрудника, работающего с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов, предполагает наличие специального компонента (знания правовые, организационно-управленческие, служебные); деятельностного компонента (умение применять профессиональные знания на практике); личностного компонента (высокая мотивация, антикоррупционная направленность) и психологического компонента (рефлексия, стрессоустойчивость, дисциплинированность, ответственность, самоконтроль). На основе выделенных компонентов были определены критерии профессиональной компетентности сотрудников, работающих с осужденными – бывшими работниками судов и правоохранительных органов (специальный, мотивационный, эмоциональный, деятельностный).

Программа исследования уровня профессиональной компетентности сотрудников, работающих с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов отобразена на рис. 1.

Результаты

В рамках исследования данной проблемы необходимо особо обозначить среди других характеристик возраст сотрудников. Как считают многие известные ученые, возраст непосредственно влияет на процесс формирования и развития профессиональной компетентности, на темпы и длительность карьерного роста сотрудников [1].

В табл. 1 представлены данные о возрасте и стаже профессиональной деятельности сотрудников на момент исследования.

Таблица 1

Соотношение возраста и стажа профессиональной деятельности в специализированном учреждении

Возраст	Количество	Стаж работы в специализированном учреждении (в среднем)
25—35	9	2
36—40	51	4
41—45	35	7
Более 45	7	9
Итого	102	6

Данные таблицы свидетельствуют о том, что значительную часть респондентов составляют сотрудники с опытом работы от 4 до 7 лет, остальные — это лица, кому осталось служить до пенсии от 3 до 5 лет. Сотрудники, поступившие на службу в специализированное учреждение в течение года, составляют незначительное число.

Распределения респондентов по образовательным профилям представлено на рис. 2, на котором видно, что 53,9% сотрудников имеют юридическое образование, 29% — обучались в вузах технического профиля, 8,7% — окончили военно-учебные заведения, 3,2% сотрудников имеют педагогическое образование, 0,9% — экономическое, 4,3% сотрудников окончили иные вузы.

Рис. 2. Распределение респондентов по образовательным профилям

Уровень образования — тот фактор, который формирует интересы личности, определяет ценности, потребности, уровень и качество профессиональной компетентности. В полной мере это относится к сотрудникам, работающим в специализированных учреждениях [3]. Полученные данные свидетельствуют о том, что сотрудники обучались по разным образовательным профилям. Практическая деятельность, которая связана с работой со специфическим контингентом осужденных, свидетельствует о том, что формирование личности, например сотрудника с юридическим образованием, происходит иначе, чем сотрудника, имеющего техническое образование или окончившего военный вуз. Базовое профильное образование определяет и умение сотрудника творчески, нестандартно подходить к решению сложных служебных задач, профессиональных проблем, оно напрямую связано с возможностью прогнозировать профессиональные запросы, потребности в профессиональном саморазвитии. Данный факт необходимо учитывать в процессе конструирования программы повышения уровня профессиональной компетентности сотрудников специализированных учреждений.

Для выявления личностных особенностей был использован 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла [12] (рис. 3).

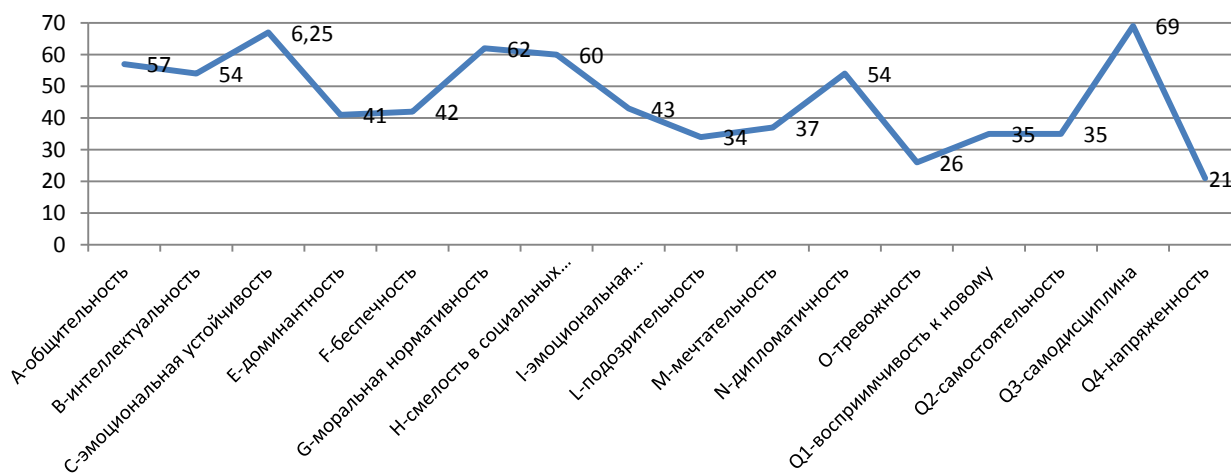

Рис. 3. Средние показатели по 16-факторному личностному опроснику Р. Кеттелла

Указанная методика помогла выявить необходимые личностные особенности сотрудников, работающих с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов. Анализ данных показывает, что у сотрудников уровень сдержанности представлен на недостаточном уровне (41%), т. е. для сотрудников свойственны большая эмоциональная выразительность, резкость в реакциях. Ниже среднего представлен уровень тревожности (26%). На высоком уровне представлена шкала импульсивности (59%), которая свойственна людям неуравновешенным, вспыльчивым, порывистым, и ниже среднего уровня оказались показатели волевого контроля эмоциональных реакций, свидетельствующие о том, что представители данной группы респондентов не всегда могут владеть собой в критических ситуациях. Таким образом, с помощью данной методики были получены результаты по эмоциональному критерию. Средний бал по указанному критерию оказался ниже среднего (2,457).

Изучение профессиональных ориентаций по методике «Мотивация профессиональной карьеры» (МПК) выявило, что 48 и 45% исследуемых имеют средний уровень ориентации на развитие собственной профессиональной компетентности. При этом исследуемые сотрудники осознают значимость саморазвития и профессионального роста. Данная методика помогла исследовать мотивационный критерий профессиональной компетентности (рис. 4).

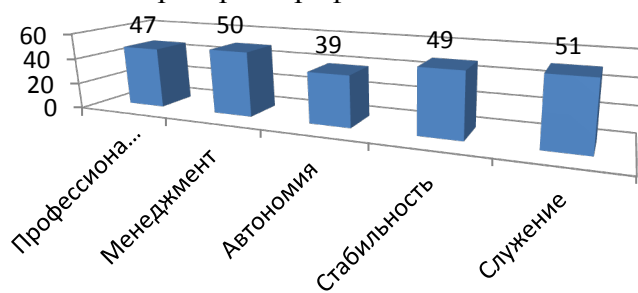

Рис. 4. Средние показатели по методике «Мотивация профессиональной карьеры»

Проведя анализ полученных данных, можно констатировать, что важной ориентацией в профессии для сотрудников, работающих со спецконтингентом, оказывается «служение». То есть значительной части сотрудников работа с людьми приносит удовольствие, они нацелены на помощь людям, совершенствование окружающей действительности. Однако 47% исследуемых имеют профессиональную ориентацию на довольно низком уровне, и это связано с определенными внешними условиями или степенью значимости той или иной ситуации для каждого отдельно взятого сотрудника.

Для исследования специального критерия было проведено тестирование, которое включало ряд вопросов в области должностных обязанностей и вопросы на знание индивидуальных особенностей осужденных — бывших сотрудников правоохранительных органов.

Таблица 2

Результаты оценки профессиональных знаний респондентов

№	Показатель	Кол-во сотрудников (%)
1	Знания в области должностных обязанностей	56,7
2	Знания в области индивидуальных особенностей осужденных — бывших сотрудников правоохранительных органов	27,5

Из данных табл. 2 видно, что процент сотрудников, владеющих знаниями в отношении своих должностных обязанностей, выше среднего (56,7%), а знаниями, связанными с особенностями спецконтингента и особенностями взаимодействия с ними, — ниже среднего (27,5%). Таким образом, проведенное тестирование говорит о том, что сотрудники хорошо знают свои функциональные, служебные обязанности, но, что касается знаний в области индивидуальных особенностей спецконтингента и специфики работы с ним, их знаний недостаточно.

С целью уточнения полученных данных было проведено анкетирование испытуемых. Результаты свидетельствуют о том, что 32% респондентов считают, что им не хватает специальных профессиональных знаний в работе с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов; 44% обладают ярко выраженной мотивацией на профессиональное саморазвитие и самосовершенствование и 41% часто испытывают депрессивные состояния.

После проведения психодиагностического исследования был выявлен общий уровень сформированности профессиональной компетентности у сотрудников, работающих с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов. Испытуемые распределены в зависимости от уровня сформированности профессиональной компетентности: низкого, среднего и высокого (рис. 5).

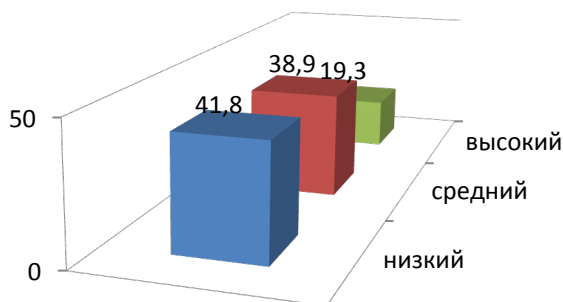

Рис. 5. Уровень сформированности профессиональной компетентности у респондентов

На рис. 5 наглядно показано, что сформированность профессиональной компетентности у большинства сотрудников специализированного учреждения находится на довольно низком уровне (41,8%). Это говорит о том, что испытуемые обладают не полным объемом профессионально важных качеств, необходимых для работы в указанных учреждениях; недостаточным объемом специальных знаний, умений и навыков. То есть они организуют воспитательную работу, не учитывая индивидуальных особенностей осужденных — бывших работников судов и правоохранительных органов, игнорируют специфику взаимодействия с данной категорией и не стремятся повышать уровень своего профессионального мастерства.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование показывает, что уровень сформированности профессиональной компетентности у сотрудников УИС, работающих с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов, недостаточно высок. Для эффективной и результативной профессиональной деятельности сотрудникам необходимо формировать, развивать и постоянно совершенствовать свою профессиональную компетентность.

Кириллова Т.В., Пашукова А.Д.
Профессиональная компетентность сотрудников
уголовно-исполнительной системы, работающих
с осужденными — бывшими работниками судов и
правоохранительных органов
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 64–76.

Kirillova T.V., Pashukova A.D.
Professional Competence of Employees
of the Penal Enforcement System Working
with Convicted Persons-Former Employees
of Courts and Law Enforcement Agencies
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 64–76.

Для того чтобы сотрудник УИС, работающий с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов, был грамотным, профессионально-компетентным специалистом, необходимо:

- обладать необходимыми профессионально важными качествами личности (эрудированность, коммуникативность, стрессоустойчивость, организаторские способности, способность быстро принимать решения в условиях изменяющейся ситуации и т. д.);
- осуществлять психолого-педагогическую подготовку данной категории сотрудников УИС к работе с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов (приобретение необходимых компетенций, знаний, умений и навыков работы с данной категорией осужденных);
- совершенствовать профессиональную компетентность сотрудников, работающих с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов (профессиональная переподготовка, повышение квалификации);
- развивать у сотрудников мотивацию к профессиональному саморазвитию и самосовершенствованию.

Профессионально-личностное саморазвитие и самообразование выступают как необходимое условие для того, чтобы соответствовать высоким современным требованиям, предъявляемым к сотрудникам УИС, работающим с осужденными — бывшими работниками судов и правоохранительных органов. В свете этих требований актуальными являются задачи обеспечения сотрудников инновационными технологиями, а также научно-методическим инструментарием для формирования профессиональной компетентности сотрудников в системе служебной подготовки. Для реализации в рамках служебной подготовки повышения профессионального мастерства в специализированных исправительных учреждениях без отрыва от исполнения профессиональных обязанностей.

Литература

1. *Болдина М.А.* Формирование профессиональной компетентности специалиста как управляемый процесс становления его профессионализма // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 1-2 (23-24). С. 317–321.
2. *Водеников В.А.* Динамика личностных характеристик инженера в процессе профессионального становления: Дисс. ... канд. психол. наук. Казань, 2001. 193 с.
3. *Волошин Д.В.* Формирование профессиональной компетентности руководителей пенитенциарных учреждений в системе повышения квалификации: Дисс. ... канд. пед. наук. Томск, 2008. 221 с.
4. *Воронин Р.М., Киселев А.М., Ковальчук И.А.* Сотрудник уголовно-исполнительной системы: образ профессии // Прикладная юридическая психология, 2017. № 4 (41). С. 107–113.
5. *Гаврина Е.Е., Симакова Т.А.* Социально-демографические особенности личности бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за коррупционные преступления // Социально-психологические исследования коррупции / Под ред. А.Л. Журавлева, Д.А. Китовой, В.А. Соснина. М.: Институт психологии РАН, 2017. С. 150–160.
6. *Дебольский М.Г.* Разработка профессиограммы психолога и ее использование при профотборе специалистов. М.: Академия МВД России, 1996. 38 с.

Кириллова Т.В., Пашукова А.Д.
Профессиональная компетентность сотрудников
уголовно-исполнительной системы, работающих
с осужденными — бывшими работниками судов и
правоохранительных органов
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 64–76.

Kirillova T.V., Pashukova A.D.
Professional Competence of Employees
of the Penal Enforcement System Working
with Convicted Persons-Former Employees
of Courts and Law Enforcement Agencies
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 64–76.

7. Зауторова Э.В. Профессионально-педагогические качества и способности сотрудника исправительного учреждения // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: научно-практическое ежеквартальное издание. Выпуск 1. М.: Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, 2020. С. 214–218.
8. Зеер Э.Ф. Психология профессионального образования. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2000. 397 с.
9. Зимняя И.А. Ключевые компетенции — новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34–42.
10. Казак Б.Б., Ушатиков А.И. Профессиональная психологическая подготовка персонала исправительных учреждений: Учебное пособие. 2-е изд., испр. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. 146 с.
11. Капустин К.В. Соотношение оперативно-розыскных и режимных мероприятий в деятельности сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений для содержания осужденных — бывших работников судов и правоохранительных органов // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2020. № 4 (26). С. 91–95.
12. Капустина А.Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб: Речь, 2006. 99 с.
13. Кириллова Т.В., Кузнецов М.И., Лузгин С.А. Воспитательная работа с различными категориями осужденных на начальном и основном этапах отбывания наказания в местах лишения свободы // Воспитательная работа: новые направления, методы, пути развития: Коллективная монография. Ульяновск: Зебра, 2018. С. 96–124.
14. Кириллова Т.В., Пашукова А.Д. Историко-педагогические аспекты исполнения наказаний в отношении осужденных — бывших сотрудников судов и правоохранительных органов // Глобальный научный потенциал. 2020. № 2 (107). С. 20–24.
15. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (дата обращения: 09.07.2021).
16. Сапрыкина Н.Н. Развитие правовой компетентности руководителя образовательного учреждения в системе повышения квалификации: Дисс. ... канд. пед. наук. Оренбург, 1999. 185 с.
17. Сухов А.Н. Особенности подготовки сотрудников ИТУ к действиям в экстремальных ситуациях // Социально-психологические и правовые проблемы профилактики правонарушений в исправительно-трудовых учреждениях: Сборник научных трудов. Рязань: Изд-во РВШ МВД СССР, 1982. С. 96–102.
18. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 29.12.2022) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 12.07.2021).

References

1. Boldina M.A. Formirovanie professional'noi kompetentnosti spetsialista kak upravlyaemyi protsess stanovleniya ego professionalizma [Formig of professional competence of specialist as a controlled process in the marking of his professionalism]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy = Social-Economic Phenomena and Processes*, 2011, no. 1-2 (23-24), pp. 317–321. (In Russ.).
2. Vodenikov V.A. Dinamika lichnostnykh kharakteristik inzhenera v protsesse professional'nogo stanovleniya: Diss. kand. psikhol. nauk. Kazan, 2001. 193 p. (In Russ.).

Кириллова Т.В., Пашукова А.Д.
Профессиональная компетентность сотрудников
уголовно-исполнительной системы, работающих
с осужденными — бывшими работниками судов и
правоохранительных органов
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 64–76.

Kirillova T.V., Pashukova A.D.
Professional Competence of Employees
of the Penal Enforcement System Working
with Convicted Persons-Former Employees
of Courts and Law Enforcement Agencies
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 64–76.

3. Voloshin D.V. Formirovanie professional'noi kompetentnosti rukovoditelei penitentsiarnykh uchrezhdenii v sisteme povysheniya kvalifikatsii: Diss. kand. ped. nauk. Tomsk, 2008. 221 p. (In Russ.).
4. Voronin R.M., Kiselev A.M., Kovalchuk I.A. Sotrudnik ugovolno-ispolnitel'noi sistemy: obraz professii [Officer of Penal System: the image of profession]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2017, no. 4 (41), pp. 107–113. (In Russ.).
5. Gavrina E.E., Simakova T.A. Sotsial'no-demograficheskie osobennosti lichnosti byvshikh sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noi sistemy, osuzhdennykh za korruptsionnye prestupleniya. In A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova, V.A. Sosnin (eds.). *Sotsial'no-psikhologicheskie issledovaniya korruptsii*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ., 2017, pp. 150–160. (In Russ.).
6. Debolsky M.G. Razrabotka professiogrammy psikhologa i ee ispol'zovanie pri profotbore spetsialistov. Moscow: Akademiya MVD Rossii Publ., 1996. 38 p. (In Russ.).
7. Zautorova E.V. Professional'no-pedagogicheskie kachestva i sposobnosti sotrudnika ispravitel'nogo uchrezhdeniya. *Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii: nauchno-prakticheskoe ezhekvar'tal'noe izdanie. Vypusk 1*. Moscow: Nauchno-issledovatel'skii institut Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Rossiiskoi Federatsii Publ., 2020, pp. 214–218. (In Russ.).
8. Zeer E.F. Psikhologiya professional'nogo obrazovaniya. Yekaterinburg: Izd-vo RGPPU, 2000. 397 p. (In Russ.).
9. Zimnyaya I.A. Klyuchevye kompetentsii — novaya paradigma rezul'tata obrazovaniya. *Vysshee obrazovanie segodnya = Higher Education Today*, 2003, no. 5, pp. 34–42. (In Russ.).
10. Kazak B.B., Ushatkov A.I. Professional'naya psikhologicheskaya podgotovka personala ispravitel'nykh uchrezhdenii: Uchebnoe posobie. 2nd ed. Ryazan: Akademiya prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii Publ., 2006. 146 p. (In Russ.).
11. Kapustin K.V. Sootnoshenie operativno-rozysknykh i rezhimnykh meropriyatii v deyatel'nosti sotrudnikov operativnykh podrazdelenii ispravitel'nykh uchrezhdenii dlya sodержaniya osuzhdennykh — byvshikh rabotnikov sudov i pravookhranitel'nykh organov [The ratio of operational-searchand security measures in the activities of employees of operational divisions of correctional institutionsfor the maintenance of convicts — former employees of courts and law enforcement agencies]. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika = Penal Law: Legal Theory and Law Enforcement Practices*, 2020, no. 4 (26), pp. 91–95. (In Russ.).
12. Kapustina A.N. Mnogofaktornaya lichnostnaya metodika R. Kettella. Saint Petersburg: Rech', 2006. 99 p. (In Russ.).
13. Kirillova T.V., Kuznetsov M.I., Luzgin S.A. Vospitatel'naya rabota s razlichnymi kategoriyami osuzhdennykh na nachal'nom i osnovnom etapakh otbyvaniya nakazaniya v mestakh lisheniya svobody. *Vospitatel'naya rabota: novye napravleniya, metody, puti razvitiya: Kollektivnaya monografiya*. Ulyanovsk: Zebra, 2018, pp. 96–124. (In Russ.).
14. Kirillova T.V., Pashukova A.D. Istoriko-pedagogicheskie aspekty ispolneniya nakazanii v otnoshenii osuzhdennykh — byvshikh sotrudnikov sudov i pravookhranitel'nykh organov [Historical and pedagogical aspects of execution of punishments for convicts - former employees of courts and law enforcement agencies]. *Global'nyi nauchnyi potentsial = Global Scientific Potential*, 2020, no. 2 (107), pp. 20–24. (In Russ.).
15. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29 aprelya 2021 g. No. 1138-r “Ob utverzhdenii Kontseptsii razvitiya ugovolno-ispolnitel'noi sistemy RF na period do 2030 g.” [Elektronnyi

Кириллова Т.В., Пашукова А.Д.
Профессиональная компетентность сотрудников
уголовно-исполнительной системы, работающих
с осужденными — бывшими работниками судов и
правоохранительных органов
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 64–76.

Kirillova T.V., Pashukova A.D.
Professional Competence of Employees
of the Penal Enforcement System Working
with Convicted Persons-Former Employees
of Courts and Law Enforcement Agencies
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 64–76.

resurs]. *Garant.ru*. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/> (Accessed 09.07.2021). (In Russ.).

16. Saprykina N.N. Razvitie pravovoi kompetentnosti rukovoditelya obrazovatel'nogo uchrezhdeniya v sisteme povysheniya kvalifikatsii: Diss. kand. ped. nauk. Orenburg, 1999. 185 p. (In Russ.).

17. Sukhov A.N. Osobennosti podgotovki sotrudnikov ITU k deistviyam v ekstremal'nykh situatsiyakh. *Sotsial'no-psikhologicheskie i pravovye problemy profilaktiki pravonarushenii v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh*: Sbornik nauchnykh trudov. Ryazan: Izd-vo RVSh MVD SSSR, 1982, pp. 96–102. (In Russ.).

18. Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 08.01.1997 No. 1-FZ (red. ot 29.12.2022) [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tantPlyus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (Accessed 12.07.2021). (In Russ.).

Информация об авторах

Кириллова Татьяна Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт ФСИН России (ФКУ «НИИ ФСИН России»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>, e-mail: tatiana-kirillova@rambler.ru

Пашукова Анастасия Дмитриевна, преподаватель кафедры общей и педагогической психологии, психологический факультет, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО «Академия ФСИН России»), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6198-4929>, e-mail: pashukova_21@mail.ru

Information about the authors

Tatyana V. Kirillova, Doctor of Education, Professor; Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8394-897X>, e-mail: tatiana-kirillova@rambler.ru

Anastasia D. Pashukova, Lecturer, Department of General and Pedagogical Psychology, Psychological Faculty, Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6198-4929>, e-mail: pashukova_21@mail.ru

Получена 28.07.2021
Принята в печать 29.07.2022

Received 28.07.2021
Accepted 29.07.2022

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
PROBLEMS OF TRAINING OF SPECIALISTS IN LEGAL PSYCHOLOGY

**Динамика отношения к учебе студентов факультета
юридической психологии в разных режимах обучения,
вызванных пандемией COVID-19**

Бусарова О.Р.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1455-6280>, e-mail: olga-bus0@yandex.ru

Сенниковская Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7437-6543>, e-mail: sdaryona@mail.ru

В статье рассматривается изменение отношения к учебе у студентов факультета юридической психологии в период смягчения санитарных ограничений, вызванных пандемией COVID-19. Представлены результаты лонгитюдного исследования, проведенного с декабря 2021 г. по май 2022 г. Выборку составили 90 студентов разных курсов, обучающихся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения». Сравнивалось отношение к учебе, определявшееся с помощью опросника «Моя учеба в вузе» О.А. Ворониной, в дистанционном и смешанном (очно-дистанционном) режимах обучения. По выборке в целом выявлено изменение при переходе от дистанционного к смешанному формату обучения, как общей удовлетворенности учебной работой, так и отдельных ее аспектов — эмоционально-оценочного отношения, удовлетворенности специальностью, соотношения внутренней и внешней мотивации учения. Зафиксированы и обсуждены различия в динамике отношения к учебе у студентов разных курсов. Дополнительно выяснялось мнение студентов о преимуществах и недостатках обучения в разных режимах. Предлагается в случае смены режима обучения проведение мониторинга отношения студентов к учебе и осуществление при необходимости коррекционной работы со студенческими группами или отдельными учащимися.

Ключевые слова: дистанционное обучение в условиях пандемии, отношение студентов к учебной деятельности, подготовка юридических психологов, учебная мотивация.

Для цитаты: Бусарова О.Р., Сенниковская Д.В. Динамика отношения к учебе студентов факультета юридической психологии в разных режимах обучения, вызванных пандемией COVID-19 [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 77–93. DOI:10.17759/psylaw.2023130106

Dynamics of the Attitude of Students of the Faculty of Legal Psychology to Study in Different Modes of Study Caused by the COVID-19 Pandemic

Olga R. Busarova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1455-6280>, e-mail: olga-bus0@yandex.ru

Daryona V. Sennikovskaya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7437-6543>, e-mail: sdaryona@mail.ru

The article examines the change in the attitude of students of the Faculty of Legal Psychology to study during the period of easing sanitary restrictions caused by the COVID-19 pandemic. The results of a longitudinal study conducted from December 2021 to May 2022 are presented. The sample consisted of 90 students of different courses studying in the specialty “Pedagogy and psychology of deviant behavior”. The attitude to study, determined using the questionnaire “My studies at the university” by O.A. Voronina, was compared in distance and mixed (full-time-distance) modes of study. According to the sample as a whole, a change in the transition from distance learning to a mixed learning format was revealed in both general satisfaction with learning and its individual aspects — emotional and evaluative attitude, satisfaction with the specialty, the ratio of internal and external motivation of learning. The differences in the dynamics of the attitude of students of different courses to study are recorded and discussed. Additionally, students’ opinions on the advantages and disadvantages of studying in different modes were clarified. It is proposed in case of a change in the training regime to monitor the attitude of students to study and, if necessary, to carry out remedial work with student groups or individual students.

Keywords: distance learning during a pandemic, students’ attitude to educational activities, education of legal psychologists, educational motivation.

For citation: Busarova O.R., Sennikovskaya D.V. Dynamics of the Attitude of Students of the Faculty of Legal Psychology to Study in Different Modes of Study Caused by the COVID-19 Pandemic. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 77–93. DOI:10.17759/psylaw.2023130106 (In Russ.).

Введение

В условиях пандемии произошли глобальные изменения в большинстве сфер жизнедеятельности, в том числе и сфере высшего образования, вследствие перехода на онлайн-обучение. В связи с этим особую актуальность получили вопросы, связанные с адаптацией студентов к новым условиям, а также появилась необходимость оценки эффективности вузовского обучения в дистанционном формате.

Внезапная смена режима обучения, вызванная необходимостью противодействия пандемии COVID-19, и последовавшее за ней резкое изменение психических и физических нагрузок не могли не повлиять на отношение студентов к собственной учебной деятельности в но-

вых условиях. Исследования, проведенные в разных вузах России, показывают неоднозначное отношение обучающихся к переходу на дистанционное обучение. С одной стороны, дистанционный формат обучения рассматривается студентами в качестве одного из вызовов эпохи цифровизации образования, как возможность освоить современные технологии и форматы общения, при этом обозначаются его явные преимущества перед традиционным форматом [13], например, гибкость учебного процесса, а также возможность совмещать работу с учебой [1; 14]. С другой стороны, удовлетворенность самим учебным процессом в целом снижается из-за «цифрового разрыва» между участниками образовательного процесса: нестабильного интернет-соединения и недостаточного технического и программного обеспечения [7], роста психологической усталости и чувства социальной изолированности, недостатка очных коммуникаций с однокурсниками и преподавателями, отсутствия навыков самоорганизации и эффективного использования временных ресурсов, снижения психического благополучия [13]. Отмечены чрезмерная утомляемость и снижение общей работоспособности студентов в конце дня из-за гиподинамии, а также разнообразные проявления физического дискомфорта в результате долгой сидячей работы в однообразном положении тела [18]. Студенты замечают увеличение учебной нагрузки и времени для выполнения домашних заданий [2], объема самостоятельной работы [11]. Обучающиеся также отмечают, что далеко не все дисциплины [17] и не по всем направлениям подготовки в вузе [14] можно изучать дистанционно. Отношение к учебе важно не только с точки зрения психологического благополучия студентов, но и как предиктор качества образования и фактор развития личности будущего профессионала. Специалисты отмечают, что позитивное отношение к учебной деятельности способствует успешному овладению знаниями и умениями, может отчасти компенсировать недостаточно высокие способности [10]. Позитивное отношение студентов к учебе, инициативность в ней, удовлетворенность собой и своим результатом «...обеспечивают переживание осмысленности, значимости происходящего и являются основой для дальнейшего саморазвития и самореализации человека» [6, с. 160].

Спад заболеваемости COVID-19 к началу весны 2022 г. позволил смягчить санитарные ограничения и постепенно двигаться к восстановлению обычного режима обучения. Как восприняли эти перемены студенты? Казалось бы, снижение опасности заражения и возвращение к привычной жизни, как в вузе, так и в других сферах, — явление, безусловно, положительное. Однако произошедшая за почти два года пандемии адаптация студентов к обучению в дистанционном или смешанном режиме (в зависимости от региона и вуза) и признание определенных преимуществ такого обучения не позволяют уверенно прогнозировать однозначно положительное отношение студентов к учебе при смене режима обучения. Мы рассмотрим эту проблему в отношении студентов факультета юридической психологии.

Подготовка юридических психологов имеет свою специфику. На факультете юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета основное содержание профессиональной подготовки специалистов, задаваемое государственными образовательными и профессиональными стандартами, было конкретизировано благодаря разработанной коллективом выпускающей кафедры модели системы деятельности юридического психолога, в соответствии с которой была определена система модулей, заложенная в учебный план. Модули соответствуют выделенным в упомянутой модели видам деятельности: психодиагностический, психолого-педагогический, клинический (патопсихологический), психокоррекционный, консультативный. Каждый модуль предполагает наличие трех частей: теоретического курса, практикума, практики, — в ходе которых и формируются ос-

Бусарова О.Р., Сенниковская Д.В.
Динамика отношения к учебе студентов факультета
юридической психологии в разных режимах обучения,
вызванных пандемией COVID-19
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 77–93.

Busarova O.R., Sennikovskaya D.V.
Dynamics of the Attitude of Students of the Faculty
of Legal Psychology to Study in Different Modes
of Study Caused by the COVID-19 Pandemic
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 77–93.

новые компетенции данного модуля [4]. Практикоориентированность обучения в МГППУ будущих юридических психологов предусматривает внедрение интерактивных методов обучения, начиная с первого курса [12]. В концепцию преподавания многих теоретических курсов заложено повышение их релевантности задачам профессиональной подготовки специалистов посредством использования современных технологий социальных коммуникаций (имитационные игры, различные виды дискуссий, ТРИЗ-техники и др.) [см., например: 9]. Таким образом, большой удельный вес практикумов и практик и значительная роль интерактивных методов обучения в подготовке юридических психологов придали переходу на дистанционный режим обучения дополнительные сложности и, вероятно, вызвали сильную эмоциональную реакцию у студентов.

Все вышеперечисленное обусловило цель проведения исследования — выявить динамику отношения студентов факультета юридической психологии к учебе в разных режимах обучения, связанных с пандемией COVID-19. Мы предположили, что изменение режима обучения в связи с ослаблением коронавирусных ограничений влечет за собой изменение отношения будущих юридических психологов к учебе.

Организация и методика исследования

Для диагностики отношения студентов-психологов к учебной деятельности была применена методика О.А. Ворониной «Моя учеба в вузе» [6]. Методика позволяет диагностировать как удовлетворенность или неудовлетворенность своей учебой в целом, так и отдельные аспекты отношения к учебе — эмоционально-оценочное отношение к учебной деятельности, удовлетворенность выбранной специальностью, соотношение внутренней и внешней мотивации учения. Дополнительно с целью исследования отношения студентов к обучению в разных режимах (дистанционном, очно-дистанционном, очном) нами была составлена анкета. Вопросы касались обучения как процесса управления учебной деятельностью студентов со стороны преподавателей и администрации вуза.

В эмпирическом исследовании на добровольной основе приняли участие студенты 2-го, 4-го и 5-го курсов факультета юридической психологии МГППУ, обучающиеся по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения». Выборку составили 90 человек, из них 77 девушек и 13 юношей, возраст — от 18 до 28 лет.

Исследование проводилось в два этапа: первый проходил в декабре 2021 г. и январе 2022 г., второй — в апреле—мае 2022 г. Первый этап был проведен в дистанционном режиме, второй — частично в очном. Оба этапа осуществлялись с использованием сервиса для составления онлайн-тестирований — «Google Формы». Участниками второго этапа стали студенты в количестве 81 человека из числа опрошенных на первом этапе.

На обоих этапах испытуемым предлагалось заполнить методику «Моя учеба в вузе» и анкету об отношении к учебной деятельности в разных режимах обучения. В ходе заполнения анкеты студенты отмечали режим обучения, действующий на данный момент. Так, во время первого этапа учебная деятельность проводилась в дистанционном формате за исключением посещения отдельных баз практик, во время второго — в очно-дистанционном (смешанном): многие практические и часть семинарских занятий вновь стали проводиться очно. Большинство студентов смогли выйти на базы практики и выполнять учебные задания, непосредственно общаясь с клиентами.

Результаты и их обсуждение

Согласно результатам анкеты, большинству студентов нравится как дистанционное обучение (нравится частично — 33% и очень нравится — 27%), так и смешанное (нравится частично — 31% и очень нравится — 25%). Можно отметить чуть менее определенные ответы относительно смешанного режима обучения — на 2% меньше ответов «очень нравится» и на 4% меньше ответов «очень не нравится» с увеличением доли ответа «затрудняюсь ответить» с 23 до 32%. Эти данные в целом согласуются с результатами анкетирования студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры МГППУ разных направлений подготовки (N=761), проведенного в феврале и марте 2022 г., согласно которым наиболее предпочтительными для студентов являются дистанционный формат и смешанный формат (лекции — в дистанционном формате, семинары, практические занятия — очно) обучения (49,5% и 39,7% соответственно). Респондентам нужно было сделать одиночный выбор, в качестве третьего варианта предлагался вариант очного обучения [14].

Далее нами были выявлены положительные и отрицательные аспекты дистанционного обучения, по мнению учащихся (рис. 1 и рис. 2). Студенты сами формулировали ответы и могли перечислять несколько позиций, поэтому сумма процентов превышает 100.

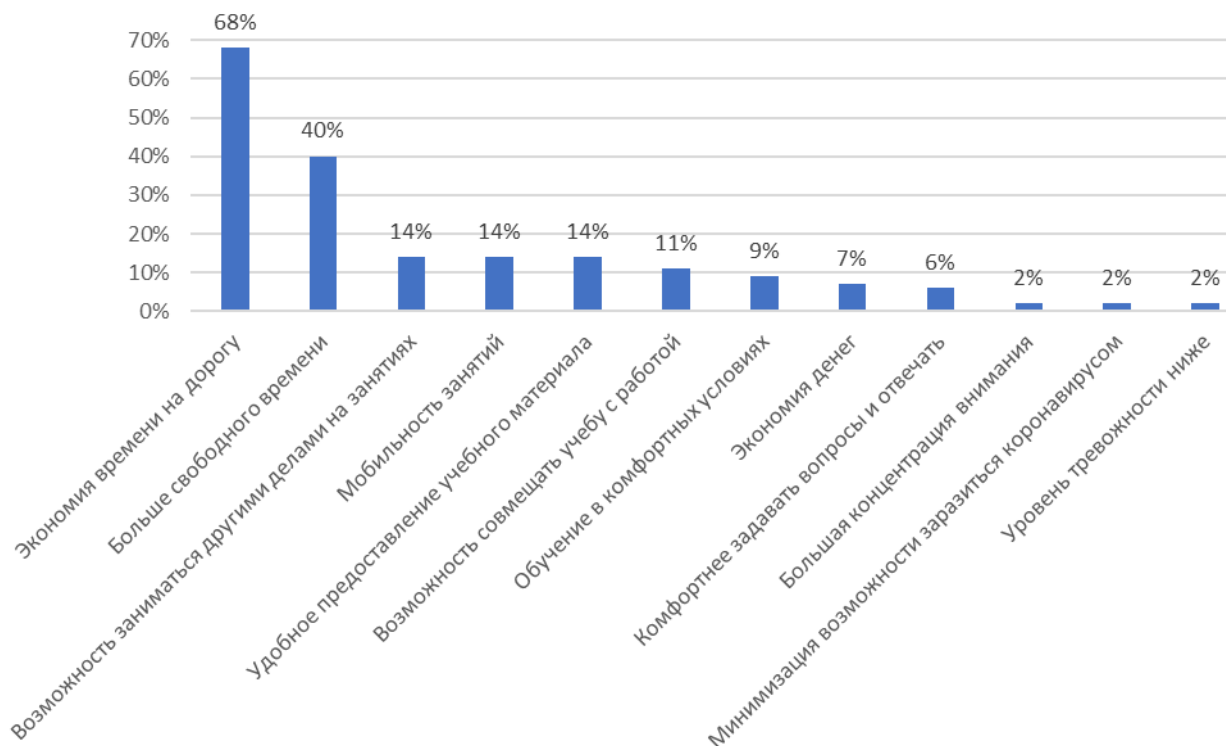

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что Вам нравится в дистанционном режиме обучения?»

Наиболее частым ответом является «экономия времени на дорогу» — его отметили 68% студентов. Следующий по частоте употребления ответ — «больше свободного времени» — 40%. Средними по частоте упоминания (от 9 до 14%) являются следующие положительные стороны дистанционного режима: «возможность заниматься другими делами во время занятий», «мобильность занятий», «удобное предоставление учебного материала», «возможность

совмещать учебу с работой», «обучение в комфортных условиях». Интересным является тот факт, что лишь 2% студентов отметили «минимизацию возможности заразиться коронавирусом» как плюс дистанционного обучения, из этого результата можно предположить, что на момент проведения исследования страх заболевания коронавирусной инфекцией не являлся столь актуальным для участников исследования.

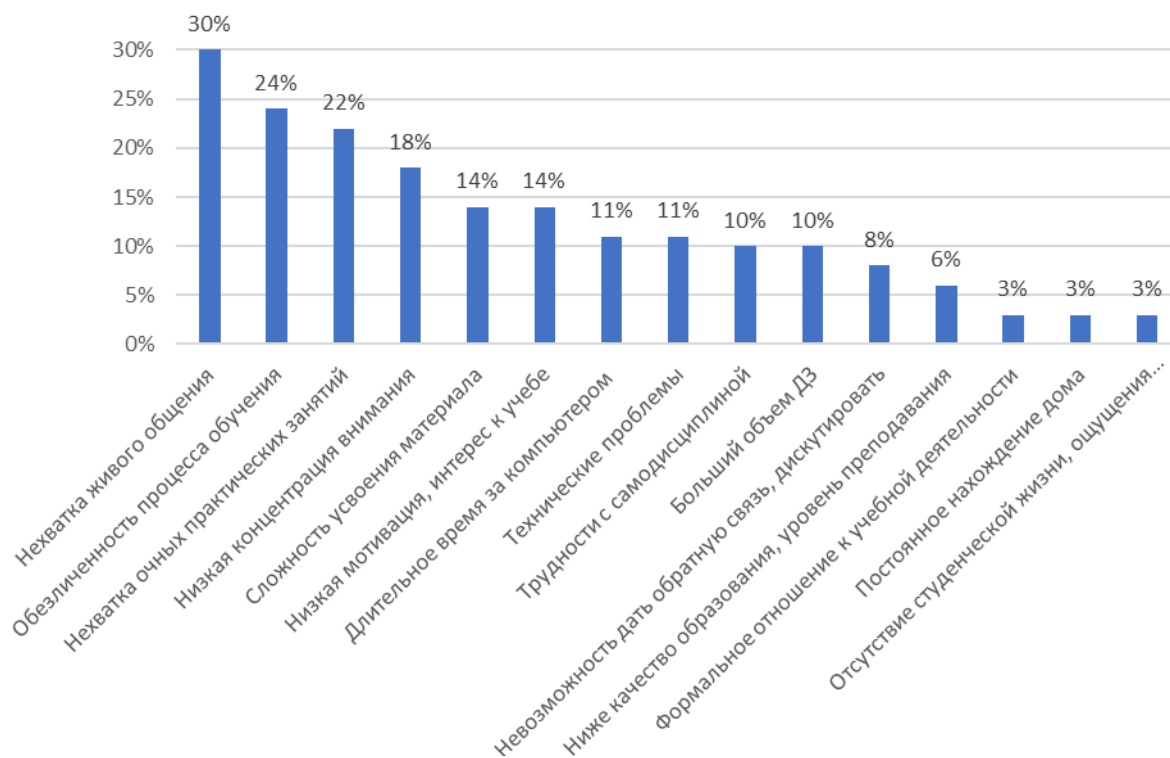

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что Вам не нравится в дистанционном режиме обучения?»

«Нехватка живого общения» является наиболее распространенным ответом студентов на вопрос о том, что не нравится в учебе в дистанционном режиме обучения — его отметили почти треть респондентов (30%). На втором месте по частоте упоминания находится ответ «обезличенность» — 24%. Помимо этого, часто выделяемыми минусами дистанционного обучения являются: «нехватка очных практических занятий», «низкая концентрация внимания», «сложность усвоения материала», «низкие мотивация и интерес к учебе», «длительное время нахождения за компьютером», «технические проблемы (слабый Интернет, неумение пользоваться ПК)», «трудности с самодисциплиной», «большой объем домашних заданий» — их отметили от 10% до 22% студентов.

Как видим, ответы нашей выборки о плюсах и минусах дистанционного обучения согласуются с данными коллег, приведенными выше.

Положительные и отрицательные аспекты смешанного обучения, по мнению учащихся, представлены на рис. 3 и 4.

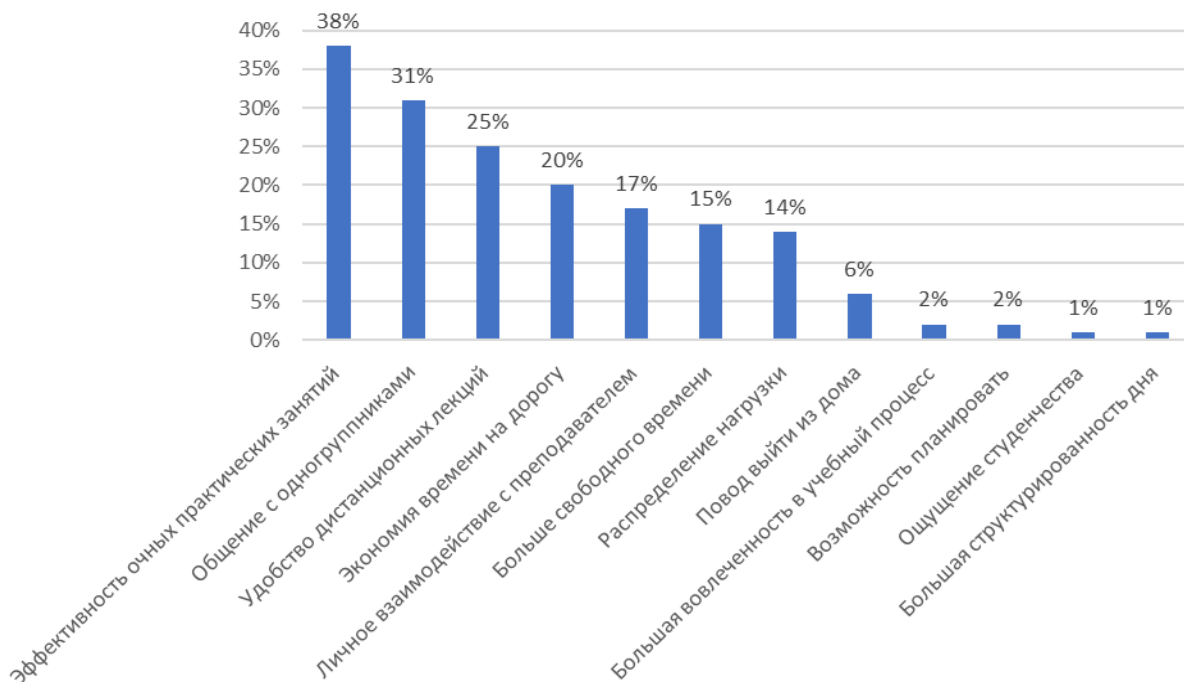

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос
 «Что Вам нравится в смешанном режиме обучения?»

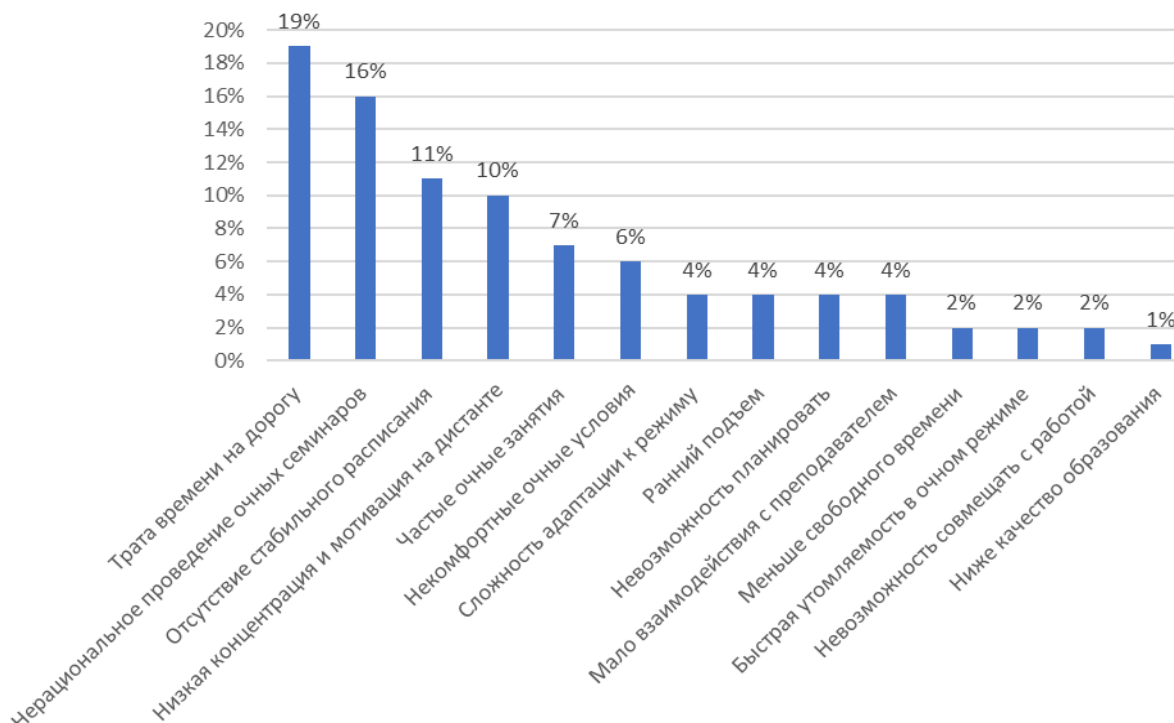

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос
 «Что Вам не нравится в смешанном режиме обучения?»

Самым распространенным ответом на вопрос о том, что нравится в смешанном обучении, стал вариант «эффективность очных практических занятий» — 38%. Около трети студентов отметили, что ценят в смешанном обучении возможность «общения с одногруппниками», также четверть опрошенных находят для себя удобным проведение лекций онлайн. Следует признать, что это вполне ожидаемые ответы. Средними по частоте упоминания являются следующие ответы обучающихся: «экономия времени на дорогу», «личное взаимодействие с преподавателем», «больше свободного времени» и «распределение нагрузки» — их отметили от 14 до 20% всех респондентов.

Среди минусов обучения в смешанном режиме, как следует из рис. 4, отмечается «трата времени на дорогу» (19% студентов). Далее некоторые обучающиеся (16%) высказывались негативно об очном проведении ряда семинаров, поскольку считали, что в той форме, в которой они проводятся (в основном доклады) подобные занятия могут быть проведены и дистанционно. От 6 до 11% опрошенных выделяли следующие минусы очно-дистанционного формата обучения: «отсутствие стабильного расписания», «низкие концентрация и мотивация на дистанционных лекциях», «частые очные занятия», «некомфортные очные условия (душно, нет еды, технические проблемы)». Среди прочих результатов стоит отметить, что 4% студентов указали на «сложность адаптации к непривычному (смешанному) режиму».

Таким образом, в ответах, как о том, что нравится, так и о том, что не нравится в смешанном режиме обучения, опрошенные продемонстрировали меньше единодушия, чем при оценке обучения в дистанционном режиме.

По результатам методики О.А. Ворониной «Моя учеба в вузе», позволяющей выявить степень удовлетворенности собственной учебной деятельностью среди студентов всех курсов, можно говорить о преобладающей средней удовлетворенности учебной деятельностью в дистанционном режиме — 37% из 90 студентов, участвовавших в первом этапе (рис. 5).

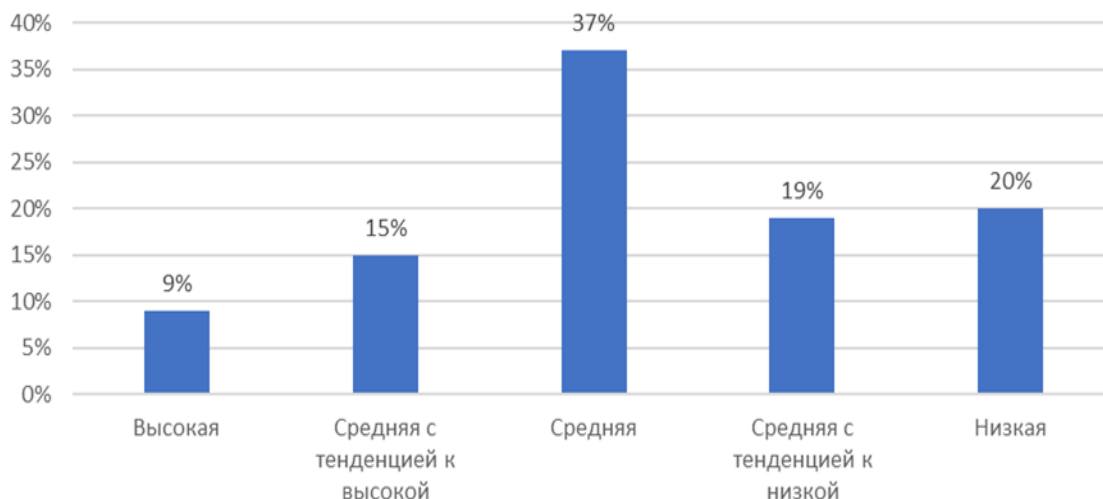

Рис. 5. Результаты методики О.А. Ворониной «Моя учеба в вузе» по шкале «Удовлетворенность учебной деятельностью» (1-й этап, выборка в целом)

На рис. 6 представлены результаты первого этапа отдельно по курсам. Как видно из рисунка, среди студентов, имеющих низкую удовлетворенность учебной деятельностью в дистанционном режиме, большую часть составляют студенты 5-го курса. Помимо этого, отметим, что студентов, имеющих высокую удовлетворенность учебной деятельностью в дистанционном формате, всего 8 чело-

век — трое на 2-м курсе и пятеро на 4-м курсе, в то время как среди обучающихся 5-го курса такие студенты отсутствуют.

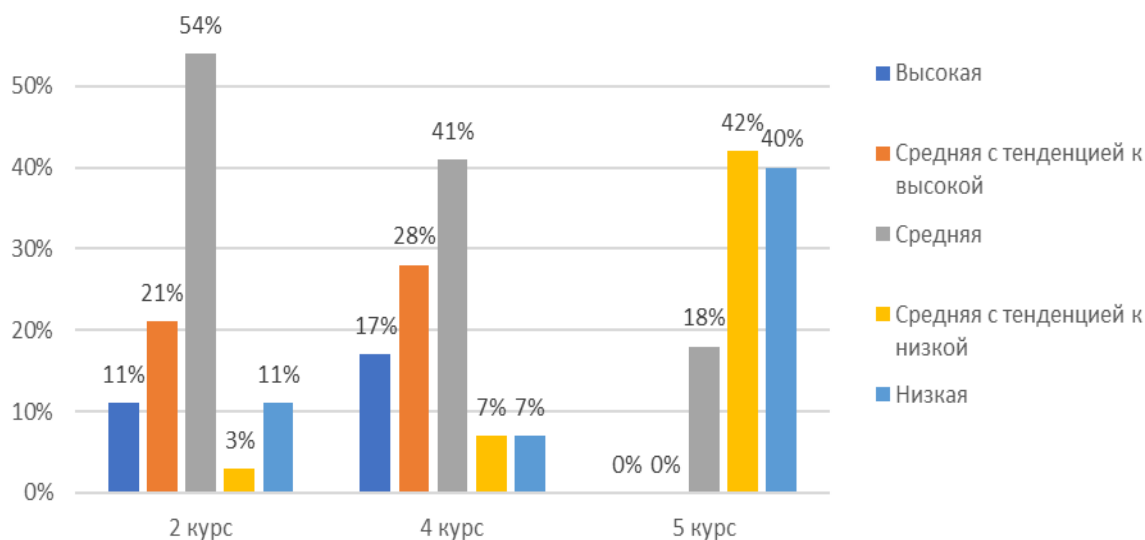

Рис. 6. Результаты студентов разных курсов по методике О.А. Ворониной «Моя учеба в вузе» по шкале «Удовлетворенность учебой» (1-й этап)

Результаты прохождения испытуемыми методики О.А. Ворониной «Моя учеба в вузе» на втором этапе отражены на рис. 7, из которого следует, что большинство студентов имеют среднюю с тенденцией к низкой и низкую удовлетворенность учебой в смешанном формате — 45 и 33% соответственно. Студенты, положительно относящиеся к учебе в смешанном формате, отсутствуют, а доля обучающихся, имеющих нейтральное отношение, составила 22%.

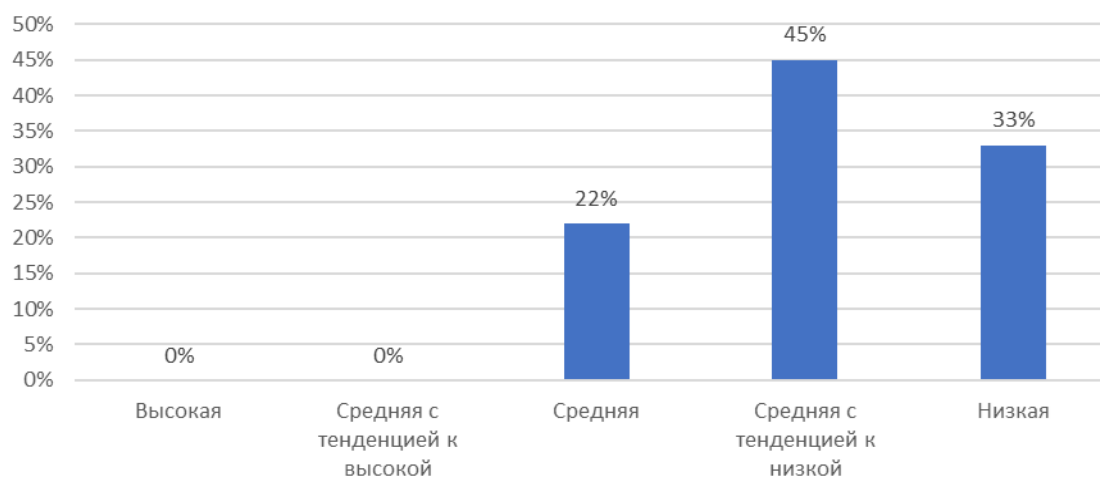

Рис. 7. Результаты методики О.А. Ворониной «Моя учеба в вузе» по шкале «Удовлетворенность учебой» (2-й этап, выборка в целом)

На рис. 8 представлены результаты данной методики по каждому курсу отдельно. Как видим, преобладающее число студентов относятся к учебе в новом очно-дистанционном формате скорее негативно: 50% на 2-м курсе, 32% — на 4-м курсе, 49% на 5-м курсе. Необходи-

мо отметить, что обучающиеся, воспринимающие учебу в очно-дистанционном формате положительно, отсутствуют на всех трех курсах.

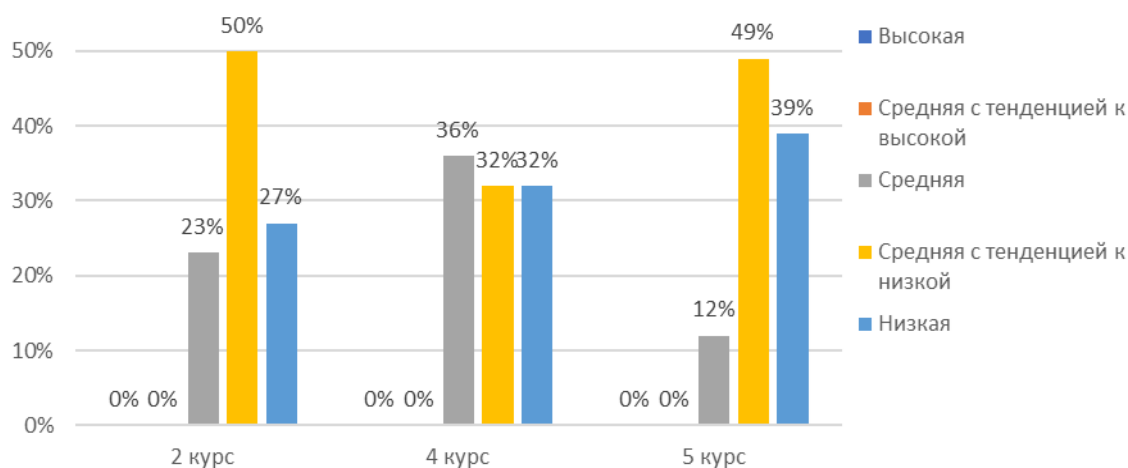

Рис. 8. Результаты студентов разных курсов по методике О.А. Ворониной «Моя учеба в вузе» по шкале «Удовлетворенность учебной» (2-й этап)

Таким образом, отношение студентов-психологов к учебе при смене режима обучения с дистанционного на смешанный ухудшается. Чтобы убедиться в статистической значимости этого сдвига, полученные данные были подвергнуты статистическому анализу с применением критерия Вилкоксона. Обработка данных проводилась в программе IBM SPSS Statistics 22. Результаты представлены в таблице.

Таблица

Сравнение показателей отношения студентов к учебе в разных режимах обучения (Т-критерий Вилкоксона для связанных выборок)

Шкалы опросника «Моя учеба в вузе»	Средние значения		Т
	Дистанционный режим	Смешанный режим	
Выборка в целом, n=81			
Эмоционально-оценочное отношение	17,2 (сред.)	15,0 (сред.)	388,5***
Удовлетворенность специальностью	13,75 (сред.)	12,75 (сред.)	861,5**
Внутренняя/внешняя мотивация	16,5 (сред.)	13,4 (низ.)	247,0***
Общая удовлетворенность учебной	47,4	41,1	382,0***
2-й курс, n=26			
Эмоционально-оценочное отношение	18,3 (сред.)	14,6 (сред.)	21,5***
Удовлетворенность специальностью	14,1 (сред.)	12,3 (сред.)	83,5*
Внутренняя/внешняя мотивация	19,0 (сред.)	14,0 (низ.)	3,5***
Общая удовлетворенность учебной	51,0	40,9	15,0***
4-й курс, n=22			
Эмоционально-оценочное отношение	19,6 (сред.)	15,1 (сред.)	15,5**
Удовлетворенность специальностью	14,9 (сред.)	13,5 (сред.)	72,5
Внутренняя/внешняя мотивация	18,9 (сред.)	13,6 (низ.)	5,0***
Общая удовлетворенность учебной	53,4	42,3	7,5***

5-й курс, n=33			
Эмоционально-оценочное отношение	14,8 (сред.)	15,2 (сред.)	248,5
Удовлетворенность специальностью	12,8 (сред.)	12,6 (сред.)	211,0
Внутренняя/внешняя мотивация	13,0 (низ.)	12,7 (низ.)	171,0
Общая удовлетворенность учебой	40,6	40,5	246,0

Примечание: «*» — $p \leq 0,05$; «**» — $p \leq 0,01$; «***» — $p \leq 0,001$.

Как следует из таблицы, по выборке в целом выявлены высокосignificant различия в отношении к учебе в дистанционном и смешанном режимах, как по общей удовлетворенности, так и по всем ее аспектам, представленным в опроснике. У студентов 2-го курса также были обнаружены статистически значимые различия между отношением к учебе в дистанционном и смешанном режимах по всем четырем шкалам. Достоверные различия получены при сравнении показателей шкал «Эмоционально-оценочное отношение», «Внутренняя/внешняя мотивация», а также по шкале общей удовлетворенности учебой студентов 4-го курса. Не обнаружено значимых различий между отношением к учебе в разных режимах у студентов-психологов 5-го курса. Такой результат является закономерным, поскольку общая удовлетворенность учебой этой группы студентов как была средней с тенденцией к низкой во время проведения первого этапа, так и осталась на прежнем уровне на втором этапе исследования. Таким образом, отношение студентов факультета юридической психологии к учебе при смене режима обучения изменилось (ухудшилось), что подтверждает нашу гипотезу. Важно отметить, что достоверные различия в отношении к учебе по общей выборке достигнуты за счет более младших курсов — 2-го и 4-го.

Полученные результаты могут быть объяснены следующим образом. Причиной более негативного отношения к смешанному обучению студентов 2-го курса может быть тот факт, что второкурсники за два года учебы в университете привыкли обучаться дистанционно. Так, самым распространенным ответом студентов 2-го курса на вопрос «Что Вам не нравится в смешанном режиме обучения?» является вариант «трата времени на дорогу в университет».

В отличие от студентов 2-го курса, четверокурсники учились очно первые три с половиной семестра. В числе их ответов на вопрос анкеты «Что Вам нравилось в очном режиме обучения?» наиболее часто встречающимися являются ответы, затрагивающие тему общения. Так, 79% четверокурсников упомянули аспект «живое общение и взаимодействие», 17% — «контакт с преподавателями», 14% — «чувство общности». Помимо этого, каждый пятый студент 4-го курса в числе минусов смешанного режима обучения отметил «отсутствие стабильного расписания». Анализируя эти данные, можно предположить, что наличие различий в отношении к учебе в дистанционном и смешанном режимах у студентов 4-го курса объясняется их усталостью от длительного онлайн-обучения и впоследствии недовольством смешанным режимом, в котором по-прежнему множество занятий проводится дистанционно, а, кроме того, выраженной нехваткой личного общения и желанием обучаться в стабильных условиях.

Что касается результатов динамики отношения к учебе у студентов 5-го курса следует отметить, что нельзя сказать, что старшекурсникам не нравилась учеба в любом формате. Их ответы на соответствующий вопрос анкеты показывают, что более половины студентов положительно относились к очному обучению: «частично нравилось» — 37%, «очень нравилось» — 18%. Вместе с тем в ходе ответов на вопросы анкеты о положительных и отрицательных сторонах обучения в разных режимах, в отличие от студентов 2-го и 4-го курсов, у

студентов старшего курса в приоритете стоят аспекты времени, мобильности, возможности совмещения с работой, в то время как аспекты, связанные с учебным материалом, различной формой проведения занятий, наличием/отсутствием обратной связи, упоминаются реже.

Таким образом, можно предположить, что, в сравнении с обучающимися 4-го курса, которые ждут изменений условий обучения в лучшую сторону, главной задачей выпускников является успешная смена бывшей в приоритете учебной деятельности на профессиональную, т. е. на данный момент они нацелены на окончание университета, защиту дипломной работы, поиск работы по специальности и т. д. Именно этот факт и может быть причиной отрицательного отношения студентов старшего курса к дистанционной и смешанной учебе, а соответственно и отсутствия различий между отношением к указанным режимам обучения. Это согласуется с данными литературы. В процессе обучения у студентов последнего курса меняется структура учебно-профессиональной мотивации — учебно-профессиональные и коммуникативные мотивы трансформируются в профессиональные мотивы; таким образом, студент идентифицирует себя уже как профессионал. Для студентов последнего курса характерны познавательные мотивы, мотивы саморазвития, мотивация к творческой самореализации, мотивы достижения высоких результатов в профессиональной сфере [16].

Анализ динамики отдельных аспектов отношения к учебе показывает, что сильнее всего при переходе на смешанный режим обучения пострадала учебная мотивация студентов (за исключением пятикурсников): произошел сдвиг от внутренней мотивации учения к внешней, что может отрицательно сказаться на качестве профессиональной подготовки, так как внутренняя учебная мотивация коррелирует с лучшим запоминанием материала, высоким уровнем усвоения, предпочтением решения оптимально трудных задач [5; 15; 19] и вносит основной вклад в обеспечение эффективной саморегуляции и результативности учебной деятельности студентов [8].

Почему отношение к учебе у будущих специалистов в области педагогики и психологии девиантного поведения, в подготовке которых делается акцент на практикумы, практику и интерактивные формы обучения, при переходе с дистанционного формата обучения на смешанный ухудшилось? Вероятно, это обусловлено рядом причин. Среди них, не претендуя на полноту анализа, предположим две группы факторов: во-первых, активность субъектов учения — за почти два года жестких коронавирусных ограничений произошла адаптация студентов к дистанционному режиму обучения за счет раскрытия его преимуществ и минимизации, в меру возможностей, недостатков; во-вторых, активность субъектов обучения — преподавателями были модифицированы, в том числе и с применением интерактивных методов, методики проведения занятий для онлайн-формата. В качестве примера можно привести разработку методики проведения онлайн-тренингов для студентов факультета юридической психологии [3].

Выводы

1. Установлена отрицательная динамика отношения студентов факультета юридической психологии к учебе в период ослабления коронавирусных ограничений: нейтральное (или среднее) отношение в дистанционном режиме обучения сменилось в смешанном режиме на нейтральное с тенденцией к негативному. Удовлетворенность учебой по выборке в целом значительно снизилась.

2. Обнаружена различная динамика отношения к учебе в разных режимах обучения студентов разных курсов. У студентов 2-го и 4-го курсов при переходе с дистанционного на

смешанный режим отношение к учебе ухудшилось, отношение студентов 5-го курса осталось неизменным (среднее с тенденцией к низкому) вследствие изменения структуры учебно-профессиональной мотивации: учебно-профессиональные и коммуникативные мотивы трансформируются в профессиональные.

3. Сильнее всего при переходе на смешанный режим обучения пострадала учебная мотивация студентов (за исключением пятикурсников): произошел сдвиг к внешней мотивации учения, что может отрицательно сказаться на качестве профессиональной подготовки.

4. Студенты факультета юридической психологии в качестве преимущества дистанционного режима обучения чаще всего называют экономию времени, в качестве недостатка — нехватку живого общения. В оценках смешанного режима обучения эти позиции меняются местами, хотя ответы менее согласованны. Кроме того, в оценке смешанного формата часть респондентов выделяют позиции, связанные с качеством обучения: эффективность очных практических занятий — в качестве плюса и нерациональное проведение очных семинаров, форма которых позволяет, с точки зрения студентов, проводить их дистанционно, — в качестве минуса.

Наше исследование показало, что драматичной была не только смена режима обучения студентов в связи с внезапным введением коронавирусных ограничений. Постепенное смягчение санитарных ограничений также вызывает ухудшение отношения к учебе у части студентов-психологов. Поскольку сохраняется вероятность в связи с особыми обстоятельствами перехода студентов дневных отделений с традиционного формата обучения на иные режимы, преподаватели и организаторы обучения должны быть к этому морально, технически и методически готовы. Последний аспект подразумевает наличие у преподавателей методической разработки для каждого семинарского и практического занятия в дистанционном формате. Кураторам и психологическим службам вузов при смене режима обучения целесообразно вести мониторинг отношения студентов к учебе и при необходимости оказывать поддержку студенческим группам и отдельным учащимся.

Литература

1. Ажнакина И.А., Санабасова Р.К. Социально-педагогическая адаптация студентов к дистанционному обучению в условиях пандемии // Материалы 70-й научно-практической конференции преподавателей и студентов. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2021. С. 5–10.
2. Балезина Е.А., Форостян В.В. Особенности организации дистанционного обучения в вузе в условиях пандемии коронавируса: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Том 5. Вып. 3. С. 281–288. doi:10.35634/2587-9030-2021-5-3-281-288
3. Богданович Н.В., Делибалт В.В., Дегтярев А.В. Тренинги офлайн или онлайн: тенденции в подготовке юридических психологов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 2. С. 224–238. doi:10.17759/psylaw.2022120216
4. Богданович Н.В., Чернушевич В.А. Деятельностная модель юридического психолога [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2013. Том 5. № 4. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65728.shtml (дата обращения: 12.08.2022).
5. Бугрименко А.Г. Внутренняя и внешняя учебная мотивация у студентов педагогического вуза [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2006. Том 11. № 4.

С. 51–60. URL: <https://psyjournals.ru/psyedu/2006/n4/Bugrimenko.shtml> (дата обращения: 12.08.2022).

6. *Воронина О.А.* Диагностика отношения студентов к учебной деятельности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 3. С. 159–163.
7. *Глыбовская Д.А.* Дистанционное обучение в период пандемии: глобальный эксперимент и его возможные последствия для системы высшего образования // Современное образование: содержание, технологии, качество. Материалы XXVI международной научно-методической конференции. СПб: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. С. 358–360.
8. *Гордеева Т.О., Сычев О.А.* Мотивационные профили как предикторы саморегуляции и академической успешности студентов [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 1. С. 67–87. doi:10.11621/vsp.2017.01.69
9. *Душкина М.Р., Чиркина Р.В.* Интерактивные методы коммуникации и обучения студентов работе с подростками и молодежью с девиантным поведением [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 3. С. 72–83. doi:10.17759/psylaw.2019090306
10. *Зимица И.С., Кошкарова Ю.В.* Мотивация в процессе становления интеллектуальной пассионарности студентов // Психология в вузе. 2006. № 4. С. 49–61.
11. *Каракозов С.Д., Ковалев Е.Е., Маняхина В.Г., Муравьева О.В., Никифорова А.В., Смотряева К.С.* Проблемы и результаты вынужденного перехода на дистанционное обучение студентов и преподавателей (Институт математики и информатики МПГУ) [Электронный ресурс] // Преподаватель. XXI век. 2021. № 1. Часть 1. С. 11–23. doi:10.31862/2073-9613-2021-1-11-23
12. *Лаврешкин Н.В.* Групповой тренинг как метод развития профессионального самоопределения юридического психолога // Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2016. С. 301–303.
13. *Легостаева И.В.* Отношение студенческой молодежи к дистанционному формату обучения в условиях пандемии: социологический анализ // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Том 12. № 2.
14. *Марголис А.А., Сорокова М.Г., Шведовская А.А.* Очный, смешанный или онлайн-формат: как предпочитают учиться студенты? [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2022. Том 27. № 5. С. 5–20. doi:10.17759/pse.2022270501
15. *Маркова А.К., Матис Т.А., Орлов А.Б.* Формирование мотивации учения. М.: Просвещение, 1990. 192 с.
16. *Молдабаева Р.А., Жансерикова Д.А.* Особенности структуры профессиональной мотивации студентов // Инновационная наука. 2020. № 1. С. 119–122.
17. *Останина С.А., Птицына Е.В., Анцева В.П.* Проблемы перехода на дистанционное обучение в условиях цифровизации образования: взгляд преподавателей и студентов [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 6. doi:10.17513/spno.31257
18. *Старостина А.В., Никулин А.В., Кустова И.А.* Самооценка здоровья студентов в условиях дистанционного обучения периода самоизоляции [Электронный ресурс] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 12-2. С. 115–119. doi:10.37882/2223-2982.2020.12-2.32
19. *Чирков В.И.* Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека // Вопросы психологии. 1996. № 3. С. 116–130.

References

1. Azhnakina I.A., Sanabasova R.K. Sotsial'no-pedagogicheskaya adaptatsiya studentov k distantsionnomu obucheniyu v usloviyakh pandemii. *Materialy 70-i nauchno-prakticheskoi konferentsii преподаvatelei i studentov*. Blagoveshchensk: Izdatel'stvo BGPU, 2021, pp. 5–10. (In Russ.).
2. Balezina E.A., Forostyan V.V. Osobennosti organizatsii distantsionnogo obucheniya v vuze v usloviyakh pandemii koronavirusa: problemy i perspektivy [Features of the distance learning organization at universities in the conditions of the coronavirus pandemic: problems and prospects] *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 2021. Vol. 5, no. 3, pp. 281–288. doi:10.35634/2587-9030-2021-5-3-281-288 (In Russ.).
3. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V., Degtyarev A.V. Treningi oflain ili onlain: tendentsii v podgotovke yuridicheskikh psikhologov [Online and Offline Training: Trends in Education of Specialists in the Field of Forensic and Legal Psychology] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 2, pp. 224–238. doi:10.17759/psylaw.2022120216 (In Russ.).
4. Bogdanovich N.V. Chernushevich V.A. Deyatel'nostnaya model' yuridicheskogo psikhologa [The activity model of legal psychologist] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2013. Vol. 5, no. 4. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n4/65728.shtml (Accessed 10.08.2022). (In Russ.).
5. Bugrimenko A.G. Vnutrennyaya i vneshnyaya uchebnaya motivatsiya u studentov pedagogicheskogo vuza [Inner and Outer Motivation in Students of Pedagogical University] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2006. Vol. 11, no. 4, pp. 51–60. URL: <https://psyjournals.ru/psyedu/2006/n4/Bugrimenko.shtml> (Accessed 10.08.2022). (In Russ.).
6. Voronina O.A. Diagnostika otnosheniya studentov k uchebnoi deyatel'nosti [The diagnostic of students' attitude to educational activities]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Herald of Vyatka State University*, 2008, no. 3, pp. 159–163 (In Russ.).
7. Glybovskaia D.A. Distantsionnoe obuchenie v period pandemii: global'nyi eksperiment i ego vozmozhnye posledstviya dlya sistemy vysshego obrazovaniya [Distance learning during the pandemic: global experiment and its implications for higher education]. *Sovremennoe obrazovanie: sodержanie, tekhnologii, kachestvo. Materialy XXVI mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii*. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGETU "LETI", 2020, pp. 358–360 (In Russ.).
8. Gordeeva T.O., Sychev O.A. Motivatsionnye profili kak prediktory samoregulyatsii i akademicheskoi uspeshnosti studentov [Motivational profiles as predictors of students' self-regulation and academic achievement] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2017, no. 1, pp. 67–87. doi:10.11621/vsp.2017.01.69 (In Russ.).
9. Dushkina M.R., Chirkina R.V. Interaktivnye metody kommunikatsii i obucheniya studentov rabote s podrostkami i molodezh'yu s deviantnym povedeniem [Interactive Methods of Communication and Training to Deal with Adolescents and Youths with Deviant Behavior] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 3, pp. 72–83. doi:10.17759/psylaw.2019090306 (In Russ.).
10. Zimina I.S., Koshkarova Yu.V. Motivatsiya v protsesse stanovleniya intellektual'noi passionarnosti studentov. *Psikhologiya v vuze*, 2006, no. 4, pp. 49–61 (In Russ.).

11. Karakozov S.D., Kovalev E.E., Manyakhina V.G., Muravyova O.V., Nikiforova A.V., Smotryaeva K.S. Problemy i rezul'taty vyzhdenennogo perekhoda na distantsionnoe obuchenie studentov i prepodavatelei (Institut matematiki i informatiki MPGU) [Problems and Results of Forced Transition to Distance Learning of Students and Teachers (Institute of Mathematics and Computer Science, Moscow Pedagogical State University)] [Elektronnyi resurs]. *Prepodavatel' XXI vek = Prepodavatel XX vek. Russian Journal of Education*, 2021, no. 1, part 1, pp. 11–23. doi:10.31862/2073-9613-2021-1-11-23 (In Russ.).
12. Lavreshkin N.V. Gruppovoi trening kak metod razvitiya professional'nogosoopredeleniya yuridicheskogo psikhologa. *Kochenovskie chteniya «Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii». Sbornik tezisov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii po yuridicheskoi psikhologii s mezhdunarodnym uchastiem*. Moscow: MGPPU Publ., 2016, pp. 301–303 (In Russ.).
13. Legostaeva I.V. Otnoshenie studencheskoi molodezhi k distantsionnomu formatu obucheniya v usloviyakh pandemii: sotsiologicheskii analiz [The attitude of students towards distance learning in a pandemic: a sociological analysis]. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya = World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, 2021. Vol. 12, no. 2 (In Russ.).
14. Margolis A.A., Sorokova M.G., Shvedovskaya A.A. Ochnyi, smeshannyi ili onlain-format: kak predpochitayut uchit'sya studenty? [Face-to-face, Blended or Online: How Do Students Prefer to Study?] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2022. Vol. 27, no. 5, pp. 5–20. doi:10.17759/pse.2022270501 (In Russ.).
15. Markova A.K., Matis T.A., Orlov A.B. Formirovanie motivatsii ucheniya. Moscow: Prosveshchenie, 1990. 192 p. (In Russ.).
16. Moldabaeva R.A., Zhanserikova D.A. Osobennosti struktury professional'noi motivatsii studentov. *Innovatsionnaya nauka = Innovative Science*, 2020, no. 1, pp. 119–122 (In Russ.).
17. Ostanina S.A., Ptitsyna E.V., Antseva V.P. Problemy perekhoda na distantsionnoe obuchenie v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya: vzglyad prepodavatelei i studentov [Problems of transition to distance learning in the context of digitalization of education: the view of teachers and students] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2021, no. 6. doi:10.17513/spno.31257 (In Russ.).
18. Starostina A.V., Nikulin A.V., Kustova I.A. Samootsenka zdorov'ya studentov v usloviyakh distantsionnogo obucheniya perioda samoizolyatsii [Self-assessment of students' health in the conditions of distance learning during the period of self-isolation] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*, 2020, no. 12-2, pp. 115–119. doi:10.37882/2223-2982.2020.12-2.32 (In Russ.).
19. Chirkov V.I. Samodeterminatsiya i vnutrennyaya motivatsiya povedeniya cheloveka [Self-determination and internal motivation of human behavior]. *Voprosy psikhologii = Voprosy Psikhologii*, 1996, no. 3, pp. 116–130 (In Russ.).

Информация об авторах

Бусарова Ольга Ренатовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1455-6280>, e-mail: olga-bus0@yandex.ru

Сенниковская Дарена Валерьевна, выпускница, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г.

Бусарова О.Р., Сенниковская Д.В.
Динамика отношения к учебе студентов факультета
юридической психологии в разных режимах обучения,
вызванных пандемией COVID-19
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 77–93.

Busarova O.R., Sennikovskaya D.V.
Dynamics of the Attitude of Students of the Faculty
of Legal Psychology to Study in Different Modes
of Study Caused by the COVID-19 Pandemic
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 77–93.

Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7437-6543>, e-mail:
sdaryona@mail.ru

Information about the authors

Olga R. Busarova, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1455-6280>, e-mail: olga-bus0@yandex.ru

Daryona V. Sennikovskaya, Graduate Student, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7437-6543>, e-mail: sdaryona@mail.ru

Получена 26.08.2022

Принята в печать 26.10.2022

Received 26.08.2022

Accepted 26.10.2022

Личностные предикторы кибервиктимности и кибербуллинга в юношеском возрасте

Вихман А.А.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ФГБОУ ВО ПГГПУ),
г. Пермь, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5483-1702>, e-mail: vixmann@mail.ru

В статье представлено эмпирическое исследование личностных предикторов кибервиктимности и кибербуллинга в юношеском возрасте. Отмечается дефицит отечественных исследований индивидуально-психологических предикторов, как кибервиктимности, так и киберагрессии. Для преодоления этого дефицита организовано эмпирическое исследование на выборке 220 студентов средних специальных и высших учебных заведений (возрастной диапазон — от 17 до 22 лет, средний возраст — 18,3). В выборке есть сильный гендерный уклон в сторону женского пола. У студентов с помощью адаптированной анкеты «Cyberbullying and Online Aggression Survey» (S. Hinduja, J.W. Patchin) измерялись показатели кибервиктимности и киберагрессивности. Для диагностики личностных черт использовалась русскоязычная версия опросника Big Five Inventory (BFI). В результате пошагового регрессионного анализа построено несколько достоверных моделей личностных черт, предсказывающих кибервиктимизацию и киберагрессию. Кибервиктимность предсказывают снижающаяся добросовестность ($\beta = -0,197$), увеличивающиеся открытость новому опыту ($\beta = 0,148$) и нейротизм ($\beta = 0,145$). Кибербуллинг предсказывают снижающаяся добросовестность ($\beta = -0,227$), доброжелательность ($\beta = -0,178$) и увеличивающаяся экстраверсия ($\beta = 0,171$). Обсуждается особая роль недостаточности добросовестности, единственной из личностных черт, оказывающей влияние сразу на оба феномена. Анализ личностных предикторов кибервиктимности на отечественной выборке студентов в целом показывает схожую картину с имеющимися зарубежными данными. На основе выявленных моделей можно выстраивать профилактические программы снижения кибербуллинга в юношеском возрасте.

Ключевые слова: кибербуллинг, кибервиктимность, личность, предикторы, юношеский возраст, добросовестность.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственного задания № 07-00080-21-02 от 18.08.2021 г., номер реестровой записи № 730000Ф.99.1.

Для цитаты: Вихман А.А. Личностные предикторы кибервиктимности и кибербуллинга в юношеском возрасте [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 94–106. DOI:10.17759/psylaw.2023130107

Personality Predictors of Cyber-Victimization and Cyber-Bullying in Adolescence

Aleksander A. Vikhman

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5483-1702>, e-mail: vixmann@mail.ru

The article presents an empirical study of personality predictors of cyber-victimization and cyber-bullying in adolescence. There is a shortage of domestic (Russian) studies of individual psychological predictors of both cyber victimization and cyber aggression. To overcome this deficit, an empirical study was organized on a sample of 220 students of secondary specialized and higher educational institutions (age range from 16 to 22 years old, average age 18.3). There is a strong gender bias towards the female in the sample. Using the adapted Cyberbullying and Online Aggression Survey S. Hinduja, J.W. Patchin we measured indicators of cyber-victimization and cyber-aggression among students. To diagnose personality traits, the Russian-language version of the Big Five Inventory (BFI) questionnaire was used. As a result of step-by-step regression analysis, several reliable models of personality traits were built that predict cyber victimization and cyber aggression. Cyber-victimhood predicts declining conscientiousness ($\beta = -0.197$) and increasing openness to new experiences ($\beta = 0.148$) and neuroticism ($\beta = 0.145$). Cyberbullying predicts declining conscientiousness ($\beta = -0.227$), benevolence ($\beta = -0.178$), and increasing extraversion ($\beta = 0.171$). The special role of the lack of conscientiousness, the only personality trait that affects both phenomena at once, is discussed. Analysis of personal predictors of cyber-victimhood in the domestic sample of students as a whole shows a similar picture with the available foreign data. Based on the identified models, it became possible to build preventive programs to reduce cyberbullying in adolescence.

Keywords: cyberbullying, cyber-victimhood, personality, predictors, adolescence, conscientiousness.

Funding. This work was supported by state assignment No. 07-00080-21-02 of 08/18/2021, registry entry number 730000F.99.1.

For citation: Vikhman A.A. Personality Predictors of Cyber-Victimization and Cyber-Bullying in Adolescence. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 94–106. DOI:10.17759/psylaw.2023130107 (In Russ.).

Введение

Интернет и современные электронные устройства расширили традиционные формы общения, сформировали новые способы и возможности социализации, но вместе с тем сделали возможными новые виды негативных взаимодействий между людьми, к которым относится особая форма травли — кибербуллинг, т. е. буллинг с применением электронных и интернет-технологий. Определение феномена кибербуллинга постоянно дополняется с расширением технических возможностей для коммуникации и появлением новых методов агрессии и издевательств в Интернете. Кибербуллинг можно рассматривать как продолжение традиционного буллинга, когда проблема издевательств просто переносится на новую территорию — территорию компьютерных технологий. Статья признанных авторитетов по теме кибербул-

линга Самира Хиндуджа и Джастина Патчина, написанная ранее, так и называлась — «Хулиганы выходят за пределы школьного двора» [14]. Согласно этим авторам, кибербуллинг — это умышленное и повторяющееся причинение вреда другим лицам с использованием компьютеров, смартфонов и других электронных устройств [15]. Сравнивая это определение и определение традиционного буллинга, нетрудно заметить, что разница между ними представлена только в инструментах, используемых для реализации издевательств, а существенные элементы феномена остаются неизменными (преднамеренность, нанесение вреда и повторяемость).

Вместе с тем следует учитывать, что у кибербуллинга есть специфические, свойственные только ему условия реализации. Кибербуллинг имеет как общие с буллингом, так и специфические свойства: повторение, анонимность, дистанционность, большое количество свидетелей. Кибербуллинг, в отличие от буллинга, имеет размытые границы отношений между жертвой и агрессором, жертва не может контролировать отношения и влиять на ситуацию развития агрессии [1; 2]. Эти аспекты учтены в определении кибербуллинга предложенном Каролиной Юдес: кибербуллинг — это враждебное и умышленное поведение, связанное с межличностным насилием, повторяющимся с течением времени и реализуемым с использованием коммуникационных технологий (чат или обмен мгновенными сообщениями, веб-сайты, онлайн игры и т. д.), против сверстников, не способных себя в полной мере защитить [20]. Кибербуллинг включает четыре основных компонента: а) умышленное агрессивное поведение; б) повторение; в) неравенство властных полномочий преступника и жертвы; д) использование компьютерных технологий [11]. Разнообразная типология кибербуллинга представлена множеством как прямых, так и косвенных форм агрессии: флейминг; домогательства; клевета и распространение слухов; перевоплощение в другое лицо; выманивание конфиденциальной информации и ее распространение; исключение человека из социальной сети или игрового сайта; хеппислепинг, секстинг и стремление отомстить или намеренно смутить человека, разместив интимные фотографии или видео о нем без его согласия; психологический прессинг по признаку расы, инвалидности, пола, религии или сексуальной ориентации [1; 6; 8].

По различным эмпирическим данным и метаанализам, распространенность случаев кибербуллинга колеблется между 10 и 40% в выборках подростков и юношей [11]. Распространенность кибербуллинга сложно зафиксировать точно из-за обилия его форм, наличия гендерной, возрастной и культурной специфики и того, что нередко участники киберагрессии не воспринимают некоторые негативные формы поведения в Сети именно как кибербуллинг. Солдатова Г.У., анализируя всероссийское исследование распространенности киберагрессии в рамках Фонда развития интернета в 2013 г., сообщает о том, что каждый четвертый школьник (23%) так или иначе сталкивался с травлей и оскорблениями в Интернете [4]. Хломов К.Д. сообщает о том, что только 28,4% подростков сталкиваются с кибербуллингом и большая часть таких встреч происходит в пространстве социальных сетей [5]. В исследовании Реан А.А. сообщается о 26,2% старших школьников, имевших опыт кибержертвы, и 26,8% школьников, которые сами инициировали агрессивную коммуникацию в Интернете [3]. Можно предположить, что ситуация вынужденного дистанционного образования и другие последствия пандемии коронавируса COVID-2019 лишь увеличили этот и так не малый процент встречаемости. Вместе с учебным процессом в электронное пространство перешли и особенности коммуникации, модифицировались каналы обмена информацией. Этот факт добавляет актуальности исследованиям предикторов кибербуллинга и поиску эффективных профилактических схем для борьбы с этим явлением. Согласно эмпирическим исследовани-

ям, личностные ресурсы могут ограничить развитие как буллинга, так и кибербуллинга. Школьные психологи заинтересованы в определении личностных качеств учащихся, через которые можно корректировать агрессивное поведение в Интернете с помощью создания профилактических и развивающих программ.

За последнее десятилетие проведено много эмпирических исследований и выявлено много достоверных предикторов традиционного буллинга. В работах Д. Патчина и С. Хиндуды [14], Р. Ковальски [11], М. Ван Гила [19], Э. Мицопулу и Т. Джовазолии [13], Л. Чена, С. Хо и М.Лвина [8] и Ф. Башира [6] представлены метаанализы исследований предикторов буллинга. В качестве личностных предикторов буллинга наиболее изучены черты пятифакторной модели личности (Big Five personality): экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм и открытость опыту.

М. Ван Гил в своем метаанализе связи черт Большой пятерки и традиционного буллинга указывает на то, что склонность к школьной агрессии устойчиво тесно связана с низкими баллами по шкале доброжелательности [19]; а метаанализ Э. Мицопулу и Т. Джовазолии показывает, что агрессия ассоциируется с низкими показателями по шкалам открытости опыту и добросовестности и с более высокими показателями по шкалам экстраверсии и нейротизма, хотя уровень достоверности последних из эффектов был небольшим [13].

Отмечается, что более низкий уровень доброжелательности и добросовестности и более высокий уровень нейротизма и экстраверсии были связаны как с агрессивностью, так и с виктимностью, а в целом, низкая доброжелательность и нейротизм оказались наиболее последовательными предикторами статуса, как школьного хулигана, так и его жертвы. Жертвы агрессии, обладающие низкой доброжелательностью, ведут себя эгоистично и в большей мере склонны защищать свои собственные интересы, но при этом демонстрируют слабую волю и низкую эмоциональную устойчивость [18].

Типичными психологическими чертами буллеров являются низкий уровень развития эмпатии, отсутствие умения разрешать конфликты социально приемлемыми способами, наличие акцентуаций по истероидному или эпилептоидному типу. В ситуации анонимного кибербуллинга мы можем наблюдать феномен «расторможенности», когда из-за физического расстояния между агрессором и жертвой жертва может говорить то, что обычно не сказала бы сверстнику лицом к лицу. Отсутствие непосредственного контакта и адекватной обратной эмоциональной реакции создает ситуацию безнаказанности и способствует подавлению сочувствия и чувства личной ответственности [1]. Феномен «расторможенности» подчеркивает специфику кибербуллинга и его личностных предикторов, в отличие от условий традиционного буллинга.

Есть эмпирические данные о том, что буллеры запугивают сверстников, так как считают, что их жертвы «сами не могут ладить с другими детьми», что приводит к повторной виктимизации и заставляет жертв яростней защищать себя, что, в свою очередь, еще раз отражается на общем дружелюбии [15]. Кроме того, дети к которым за сочувствием обращаются жертвы агрессии, усиливают их вторичную виктимизацию, избегая внимания со стороны пострадавших детей, чтобы не ассоциироваться с жертвой. Низкое дружелюбие жертв и их вторичная виктимизация приводят к тому, что жертвы часто становятся буллерами. В ситуации с кибербуллингом предполагается схожая картина: Д. Патчин и С. Хиндуджа отмечают, что кибервиктимизация является ключевым фактором киберагрессии.

Данных о связи киберагрессии и черт личности значительно меньше, что объясняется относительной новизной феномена кибербуллинга. Р. Фестл и Т. Квандт сообщают о связи кибербуллинга со сниженными показателями добросовестности, а также повышенными показателями

телями экстраверсии на выборке школьников. Предикторами смешанной роли буллер/жертва были экстраверсия и доброжелательность. А для группы жертв достоверных предикторов не обнаружено [10]. Турецкая группа исследователей под руководством С. Челика на выборке студентов и учащихся очно и дистанционно обнаружила, что киберагрессивность наиболее тесно связана с нейротизмом и низкой добросовестностью, а режим обучения не провоцирует кибербуллинг [7]. В другом исследовании, выполненном группой ученых под руководством Дж. Пелучетте, обнаружена взаимосвязь виктимного рискованного поведения в социальной сети, экстраверсии и открытости опыту [16]. Схожие данные получены Н. Хоса: жертв онлайн-преследований отличает высокая эмоциональность и открытость опыту, а экстраверсия хорошо предсказывает частоту негативных событий в Интернете [12]. Можно заметить, что традиционный буллинг и кибербуллинг в части личностных предикторов имеют как общие черты (важность нейротизма и низкой добросовестности), так и отличительные характеристики (важность экстраверсии и открытости новому опыту у кибержертв).

Вместе с тем необходимо констатировать факт недостаточной изученности кибербуллинга, отсутствия данных о личностных предикторах как киберагрессии, так и кибервиктимности на российских выборках студентов. Русский менталитет, поликультурная среда, особенности и реалии российской семейной и школьной среды, особенности отечественного киберпространства недостаточно изучены в связи с кибербуллингом. Если данные о распространности кибербуллинга уже встречаются в отечественных исследованиях, то системные эмпирические исследования личностных предикторов кибербуллинга на выборках российских школьников и студентов все еще носят эпизодический и неполный характер. Учитывая дефицит и эпизодичность эмпирических данных, связь между кибербуллингом и личностным конструктом большой пятерки требует дальнейшего изучения, что и является основной научной проблемой данного исследования.

В соответствии с обозначенными выше эмпирическими данными [7; 10; 12; 16; 19] и сформулированной научной проблемой были предложены следующие гипотезы в рамках текущего исследования.

1. Кибервиктимность на выборке студентов юношеского возраста связана с нейротизмом, открытостью новому опыту и экстраверсией.
2. Киберагрессивность на выборке студентов юношеского возраста связана с добросовестностью, доброжелательностью и экстраверсией.

Организация исследования

Выборка

Выборку исследования составили 220 учащихся двух государственных университетов (направления: филология, психология, социальная педагогика), двух государственных колледжей (педагогика, транспорт) и одной общеобразовательной школы г. Перми. Средний возраст — 18,3 лет ($SD=0,92$), от 17 до 22 лет. В выборке есть сильный уклон по фактору пола (женщин — 157, мужчин — 43, не обозначили пол 20 человек). Исследование проводилось в групповой форме, в учебных аудиториях образовательных организаций.

Методики

Для диагностики кибервиктимности (шкала жертв) и киберагрессивности (шкала буллеров) использовался русскоязычный аналог анкеты С. Хиндуджа и Д. Патчина «Cyberbullying and Online Aggression Survey», состоящий из 38 вопросов, направленных на выявление опыта встреч респондентов с эпизодами кибербуллинга в роли свидетеля, жертвы и агрессора [15]. Предыдущее применение адаптированной анкеты на выборке русских школьников показало

удовлетворительную надежность и согласованность (коэффициент Альфа Кронбаха: шкала виктимизации — 0,74, шкала оскорблений — 0,76). Для диагностики личностных черт использовалась русскоязычная версия опросника «Big Five Inventory» (переведена и адаптирована Щебетенко С.А., Калугиным А.Ю. и Мишкевич А.М. [17]). Опросник состоит из 60 вопросов и измеряет пять базовых черт личности, а также по три аспекта в рамках каждой черты. Базовые черты личности: экстраверсия, доброжелательность (склонность к согласию), добросовестность (контроль импульсивности), негативная эмоциональность (нейротизм) и открытость опыту. Аспекты базовых черт представлены шкалами: общительности, настойчивости, энергичности, сочувствия, уважительности, доверия, организованности, продуктивности, ответственности, тревожности, депрессивности, эмоциональной изменчивости, любознательности, эстетичности и творческого воображения.

Результаты исследования

По результатам анкетирования 35% учащихся (в основном студентки первых курсов университетов и старших курсов колледжей) имели опыт кибержертвы, а 7,7% из них подвергались травле в последний месяц. Процент встречаемости опыта кибербуллера среди студентов вдвое меньше: только 18,6% имели опыт киберагрессии (табл. 1.)

Таблица 1

Процент встречаемости кибербуллинга среди студентов юношеского возраста (N=220)

	Опыт кибервиктимности	Опыт киберагрессии
Часто	10%	8,4%
Иногда	25%	10,2%
Никогда	65%	81,4%
Объем выборки	220	215

Процент встречаемости кибервиктимности и кибербуллинга у российских студентов юношеского возраста выше, чем процент, обнаруженный в исследованиях отечественных авторов на выборках подростков [4; 5]. Кроме того, в отличие от сопоставимых процентов встречаемости опыта агрессора и жертвы в подростковом возрасте, в студенческой среде опыт кибержертвы в два раза более распространен, чем опыт кибербуллера.

Далее в исследовании были использованы методы описательной статистики и методы проверки нормальности распределения для двух основных шкал кибербуллинга (табл. 2).

Таблица 2

Описательная статистика шкал кибербуллинга

Показатель	Шкала кибервиктимности	Шкала киберагрессии
Среднее значение	6,37	1,97
Медиана	5	1
Мода	3	0
Минимальное значение	0	0
Максимальное значение	23	16
Стандартное отклонение (SD)	4,60	2,93
W (критерий Шапиро—Уилка)	0,9224; p<0,001	0,7107; p<0,001

Оценка нормальности распределения данных в шкалах кибербуллинга с помощью критерия Шапиро—Уилка выявила, что обе шкалы имеют высоко значимый ($p < 0,01$) показатель W , что, в свою очередь, демонстрирует ситуацию отсутствия нормального распределения в ситуации с кибервиктимностью и киберагрессивностью (табл. 2). Этот факт предсказуем, так как при оценке кибербуллинга чаще всего мы встречаемся с отсутствием опыта этого явления у студентов.

Учитывая неравномерное гендерное распределение респондентов в исследуемой выборке, необходимо проанализировать возможные различия между группами девушек и юношей по ключевым шкалам кибербуллинга. В результате сравнения непараметрическим методом U -критерия Манна—Уитни для независимых выборок между девушками и юношами не выявлено достоверных различий в показателях кибервиктимности и киберагрессивности (табл. 3). Данный факт уменьшает влияние фактора гендерной неравномерности выборки, как источника нарушения валидности, на результаты исследования. Вместе с тем уровень значимости различия агрессивности в Сети между юношами и девушками близок к достоверному. Средние значения киберагрессивности у юношей заметно (но статистически незначимо) выше среднего значения у девушек. Данный факт требует дополнительного исследования на выровненной по фактору пола выборке.

Таблица 3

Различия в кибервиктимности и киберагрессивности между девушками и юношами

Шкала	Девушки (среднее значение)	Юноши (среднее значение)	U	p-level
Кибервиктимность	6,7	6,8	3144	0,644
Киберагрессивность	1,9	2,6	2690	0,067

Далее, для изучения предсказательной силы личностных черт в отношении кибервиктимности и кибербуллинга на выборке девушек и юношей, был проведен пошаговый регрессионный анализ. В итоге были построены четыре достоверные модели: две предсказывали кибервиктимность, еще две — кибербуллинг. Две модели построены с использованием обобщенных черт личности, а две другие — с использованием аспектов этих обобщенных черт (табл. 4). Для всех анализов VIF был ниже 2,5, что говорит об отсутствии проблемы с мультиколлинеарностью.

В первой модели, объясняющей 9,3% дисперсии, добросовестность негативно ($\beta = -0,197$), а нейротизм ($\beta = 0,145$) и открытость опыту ($\beta = 0,148$) позитивно предсказывают кибервиктимизацию у студентов ($R^2 = 0,093$; $F(3,178) = 6,06$; $p < 0,01$). Во второй модели, объясняющей 9,1% дисперсии, добросовестность ($\beta = -0,227$) и доброжелательность ($\beta = -0,178$) негативно, а экстраверсия ($\beta = 0,171$) позитивно предсказывают киберагрессию ($R^2 = 0,091$; $F(3,178) = 5,94$; $p < 0,01$).

В отличие от предыдущих исследований, дизайн нашего исследования позволяет уточнить картину личностных предикторов кибербуллинга в терминах аспектов личностных черт. Таким образом, в третьей и четвертой модели в качестве независимых переменных (факторов) выступили 15 аспектов черт личности. С помощью пошагового исключения из модели были убраны эффекты со статистически недостоверным показателем β .

В итоге в третьей модели, предсказывающей кибервиктимность студентов, оставлены пять достоверных эффектов: энергичность ($\beta = 0,313$) и депрессивность ($\beta = 0,271$) с положительным влиянием, а ответственность ($\beta = -0,199$), организованность ($\beta = -0,188$) и общитель-

ность ($\beta = -0,165$) — с негативным влиянием. В целом, модель объясняет 17,3% дисперсии и имеет высокую пригодность.

Последняя, четвертая, модель, предсказывающая киберагрессивность среди студентов, включает себя три фактора: настойчивость ($\beta = 0,157$) с положительным влиянием, а уважительность ($\beta = -0,203$) и организованность ($\beta = -0,158$) с отрицательным влиянием. Стоит отдельно подчеркнуть, что в данной модели ключевым предиктором киберагрессии выступает низкая уважительность в сочетании с высокой настойчивостью.

Таблица 4

Регрессионные модели, предсказывающие киберагрессивность и кибервиктимность

Кибервиктимность			Кибербуллинг		
	B	p		B	p
Модель 1. $R^2=0,093$; $F(3,178)=6,06$; $p<0,01$			Модель 2. $R^2=0,091$; $F(3,178)=5,94$; $p<0,01$		
Экстраверсия				0,171	0,032
Доброжелательность				-0,178	0,025
Добросовестность	-0,197	0,011		-0,227	0,005
Нейротизм	0,145	0,050			
Открытость опыту	0,148	0,043			
Модель 3. $R^2=0,173$; $F(5,177)=7,44$; $p<0,01$			Модель 4. $R^2=0,100$; $F(3,179)=6,64$; $p<0,01$		
Общительность	-0,165	0,070			
Настойчивость				0,157	0,029
Энергичность	0,313	0,003			
Уважительность				-0,203	0,007
Организованность	-0,188	0,020		-0,158	0,034
Ответственность	-0,199	0,014			
Депрессивность	0,271	0,003			

Обсуждение

Недостаточность добросовестности наиболее сильно влияет как на кибервиктимность, так и на киберагрессивность, и это единственная из личностных черт, оказывающая влияние сразу на оба феномена, сближающая их. Также к предикторам кибервиктимности следует добавить нейротизм и открытость новому опыту. Новые данные свидетельствуют о внутриличностных противоречиях кибервиктимного респондента: сочетание энергичности и общительности, с одной стороны, и депрессивности — с другой.

Импульсивность, социальный антагонизм и склонность к сокращению социальной дистанции формируют зону риска для формирования агрессивности в Интернете. Личностные предикторы киберагрессии охватывают диссоциативные признаки (игнорирование социальных обязательств, прав и чувств других людей), дезингибирующие признаки (тенденция действовать импульсивно без учета последствий) в сочетании с признаками социальной активности. Характерным моментом прогностического профиля кибербуллеров является сочетание низкой доброжелательности и высокой экстраверсии. Ф. Тани предлагает объяснять это сочетание тем, что буллерам свойственно активное участие в высокоэнергичных деятельности (спорт, игры), которые не требуют сотрудничества со своими сверстниками, а скорее предполагают открытое соперничество, демонстрацию силы [18]. Сочетание интенции к лю-

дям и одновременно интенции против людей создает почву для внутриличностного конфликта, который может усиливаться плохой организованностью кибербуллера. Вместе с тем этот конфликт может выступать как ресурсное место для изменений в рамках психологического консультирования.

Выявленные статистически достоверные личностные предикторы киберагрессивности на выборке российских студентов хорошо соотносятся с данными в похожем исследовании на выборке немецких студентов [10]. Так же, как и в обсуждаемом исследовании, Р. Фестлом и Т. Квандтом выявлена связь кибербуллинга с заниженными показателями по шкалам доброжелательности и добросовестности и с завышенными показателями по шкале экстраверсии. Таким образом, полученные эмпирические данные свидетельствуют о культурной универсальности киберагрессивности, по крайней мере в сравнении немецких и российских студентов.

Анализ личностных предикторов кибервиктимности на отечественной выборке студентов в целом показывает схожую картину с имеющимися зарубежными данными, но имеет и несколько важных добавлений. В исследованиях С. Челика [7] и Н. Хоса [12] к значимым личностным предикторам кибержертвы отнесены нейротизм (выраженная негативная аффективность), открытость новому опыту и экстраверсия. В нашем исследовании для жертв характерна негативная эмоциональность и открытость новому опыту при сильно сниженной добросовестности. Мы не обнаружили связи между кибервиктимностью и экстраверсией, зато получены эмпирические свидетельства о ведущей роли фактора добросовестности, как у жертв, так и у инициаторов киберагрессии. Так же, как и в ситуации с киберагрессией, импульсивность в поступках без учета последствий является наиболее значимым фактором, предсказывающим кибервиктимность. Студенты с комбинацией черт «высокий нейротизм и низкая добросовестность» могут испытывать сложности с регулированием своего поведения в конфликтных ситуациях. Данное сочетание создает особую уязвимость к виктимизации и может обострять возникающую агрессию кибербуллера.

Не стоит упускать из виду важность фактора «открытость новому опыту» для формирования кибервиктимности. Нацеленность на новый опыт, в том числе и в пространстве Интернета, может выступать как важный личностный ресурс, поддерживающий профилактику кибервиктимности, если направленность этого опыта будет смещена в сторону интернет-компетентности, продуктивности и цифровой социализации.

Выводы

В результате эмпирического исследования первая заявленная гипотеза нашла полное эмпирическое подтверждение: кибербуллинг достоверно предсказывается сочетанием сниженной доброжелательности и добросовестности, а также повышенной экстраверсией. Вторая гипотеза нашла лишь частичное подтверждение: кибервиктимность достоверно предсказывается сочетанием повышенного нейротизма и направленностью на новый опыт при сниженной добросовестности. Экстраверсия в случае кибервиктимности не обладает значимой предсказательной силой. Следует отметить, что личностные предикторы кибербуллинга в целом соотносятся с личностными предикторами буллинга, а значит, профилактику этих явлений можно проводить одновременно.

Эмпирические данные свидетельствуют о важности профилактических программ кибербуллинга, которые основаны на развитии и поддержке личностных ресурсов субъектов образования. Сниженная добросовестность характерна как для киберагрессивности, так и для кибервиктимности. В таком случае, особое значение приобретают развитие личностной и социальной ответственности; поощрение идеи совместной ответственности при решении проблем

кибербуллинга; сопровождение активного участия самих подростков в предотвращении и сокращении киберагрессии; организация совместной просветительской деятельности старшеклассников, родителей, педагогов и администрации школы.

Для снижения и профилактики кибербуллинга и его последствий следует выработать в образовательном учреждении четкие правила отношения к фактам кибербуллинга; сформулировать понятный этический кодекс поведения в Интернете; развивать и поддерживать в учащихся нравственные чувства, чувства благодарности, прощения, дружбы, справедливости, сострадания и гуманности. Развитие моральных чувств будет способствовать снижению фактора мести как одного из частых мотивов киберагрессии.

Способность прощать, как безопасный выход из ситуации необходимости отомстить, — важный фактор уменьшения негативного воздействия кибербуллинга на психическое здоровье студентов [1]. Полезной практикой развития прощения может выступить использование письменных психологических техник, например техники неоправленного письма обиды или письма прощения. Письмо имеет структуру, отражающую последовательность чувств, которые нет возможности выразить в непосредственном взаимодействии с обидчиком.

Значимость нейротизма и депрессивности для эмпирического предсказания кибервиктимности обосновывает профилактические программы на основе развития эмоционального интеллекта и эмпатии [9]. Эмоциональный интеллект может смягчать негативное воздействие киберагрессии, уменьшать сильные негативные эмоции гнева, страха, печали, беспомощности, чувства вины и другие трудности, которые может вызвать кибервиктимизация. Вместе с тем усилия по формированию навыков эмоционального интеллекта без внимания к факту сниженной добросовестности кибержертв не будут иметь эффекта. Стоит отметить, что эмоциональная саморегуляция в ситуации кибербуллинга особенно важна для девушек, которые составляли основу выборки данного исследования.

Учитывая, что среди предикторов кибервиктимности обнаруживается личностная черта открытости новому опыту, важным ресурсом профилактики кибервиктимности является сама интернет-среда, а также интерактивные цифровые психотехнологии и полезные онлайн-сервисы. Жертвы киберагрессии не хотят разговаривать о проблеме кибербуллинга со своим непосредственным окружением и предпочитают получать анонимную помощь через Интернет, и этот факт нужно учитывать при построении профилактической программы кибербуллинга.

Литература

1. *Карауш И.С., Куприянова И.Е., Кузнецова А.А.* Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков [Электронный ресурс] // Суицидология. 2020. Том 11. № 1. С. 117–129. doi:10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-117-129
2. *Погорелова Е.И., Арькова И.В., Голубовская А.С.* Психологические особенности подростков, включенных в ситуацию кибербуллинга // Северо-Кавказский психологический вестник. 2016. № 14/2. С. 47–53.
3. *Реан А.А.* Буллинг в среде старшеклассников Российской Федерации: распространенность и влияние социоэкономических факторов // Мир психологии. 2019. № 1. С. 165–177.
4. *Солдатова Г.У., Шляпников В.Н., Журина М.А.* Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн» [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Том 23. № 3. С. 50–66. doi:10.17759/cpp.2015230304

5. Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 276–295. doi:10.17759/psylaw.2019090219
6. Bashir Shaikh F., Rehman M., Amin A. Cyberbullying: A Systematic Literature Review to Identify the Factors Impelling University Students Towards Cyberbullying // IEEE Access. 2020. Vol. 8. P. 148031–148051. doi:10.1109/ACCESS.2020.3015669
7. Çelik S., Atak H., Erguzen A. The effect of personality on cyberbullying among university students in Turkey // Eurasian Journal of Educational Research. 2012. Vol. 49. P. 129–150.
8. Chen L., Ho S.S., Lwin M.O. A meta-analysis of factors predicting cyberbullying perpetration and victimization: from the social cognitive and media effects approach // New Media & Society. 2017. Vol. 19(8). P. 1194–1213. doi:10.1177/1461444816634037
9. Extremera N., Quintana-Orts C., Mérida-López S., Rey L. Cyberbullying victimization, self-esteem and suicidal ideation in adolescence: Does emotional intelligence play a buffering role? // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. P. 367. doi:10.3389/fpsyg.2018.00367
10. Festl R., Quandt T. Social relations and cyberbullying: The influence of individual and structural attributes on victimization and perpetration via the internet // Human Communication Research. 2013. Vol. 39. P. 101–126. doi:10.1111/j.1468-2958.2012.01442.x
11. Kowalski R.M., Giumetti G.W., Schroeder A. Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth // Psychological Bulletin. 2014. Vol. 140(4). P. 1073–1139. doi:10.1037/a0035618
12. Khosa N. How personality effects [sic] victim's response to cyberbullying (Unpublished master's thesis). Iowa State University, Ames, IA, 2016.
13. Mitsopoulou E., Giovazolias T. Personality traits, empathy and bullying behavior: A meta-analytic approach // Aggression and Violent Behavior. 2015. Vol. 21. P. 61–72. doi:10.1016/j.avb.2015.01.007
14. Patchin J., Hinduja S. Bullies move beyond the schoolyard: a preliminary look at cyberbullying // Youth Violence & Juvenile Justice. 2006. Vol. 4(2). P. 148–69. doi:10.1177/1541204006286288
15. Patchin J.W., Hinduja S. Bullying Beyond the Schoolyard: Preventing and Responding to Cyberbullying. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2015.
16. Peluchette J., Karl K., Wood C., William J. Cyberbullying victimization: Do victims' personality and risky social network behaviors contribute to the problem? // Computers in Human Behavior. 2015. Vol. 52. P. 424–435. doi:10.1016/j.chb.2015.06.028
17. Shchebetenko S., Kalugin A., Mishkevich A., Soto C., John O. Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory—2: Evidence from the Russian version // Assessment. 2020. Vol. 27(3). P. 472–486. doi:10.1177/1073191119860901
18. Tani F., Greenman P.S., Schneider, B.H., & Fregoso, M. Bullying and the Big Five. A study of childhood personality and participant roles in bullying incidents // School Psychology International. 2003. Vol. 24. P. 131–146. doi:10.1177/0143034303024002001
19. Van Geel M., Vedder P., Tanilon, J. Relationship between peer victimization, cyberbullying, and suicide in children and adolescents: a meta-analysis // JAMA Pediatrics. 2014. Vol. 168. P. 435–442. doi:10.1001/jamapediatrics.2013.4143
20. Yudes C., Rey L., Extremera N. Predictive Factors of Cyberbullying Perpetration amongst Spanish Adolescents // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. Vol. 17(11). doi:10.3390/ijerph17113967

References

1. Karaush I.S., Kupriyanova I.E., Kuznetsova A.A. Kiberbulling i suitsidal'noe povedenie podrostkov [Cyberbullying and suicidal behavior of adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 117–129. doi:10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-117-129 (In Russ.).
2. Pogorelova E.I., Ar'kova I.V., Golubovskaya A.S. Psikhologicheskie osobennosti podrostkov, vklyuchennykh v situatsiyu kiberbullinga [Psychological features of adolescents, involved in cyberbullying situations]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik = North-Caucasian Psychological Bulletin*, 2016, no. 14/2, pp. 47–53 (In Russ.).
3. Rean A.A. Bulling v srede starsheklassnikov Rossiiskoi Federatsii: rasprostranennost' i vliyanie sotsioekonomicheskikh faktorov. *Mir psikhologii = The World of Psychology*, 2019, no. 1, pp. 165–177 (In Russ.).
4. Soldatova G.U., Shlyapnikov V.N., Zhurina M.A. Evolyutsiya onlain-riskov: itogi pyatiletnei raboty linii pomoshchi “Deti onlain” [The evolution of online-risks: the results of helpline “KIDS ONLINE” five years work] [Elektronnyi resurs]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2015. Vol. 23, no. 3, pp. 50–66. doi:10.17759/cpp.2015230304 (In Russ.).
5. Khlomov K.D., Davydov D.G., Bochaver A.A. Kiberbulling v opyte rossiiskikh podrostkov [Cyberbullying in the Experience of Russian Teenagers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 276–295. doi:10.17759/psylaw.2019090219 (In Russ.).
6. Bashir Shaikh F., Rehman M., Amin A. Cyberbullying: A Systematic Literature Review to Identify the Factors Impelling University Students Towards Cyberbullying. *IEEE Access*, 2020. Vol. 8, pp. 148031–148051. doi:10.1109/ACCESS.2020.3015669
7. Çelik S., Atak H., Erguzen A. The effect of personality on cyberbullying among university students in Turkey. *Eurasian Journal of Educational Research*, 2012. Vol. 49, pp. 129–150.
8. Chen L., Ho S.S., Lwin M.O. A meta-analysis of factors predicting cyberbullying perpetration and victimization: from the social cognitive and media effects approach. *New Media & Society*, 2017. Vol. 19, no. 8, pp. 1194–1213. doi:10.1177/1461444816634037
9. Extremera N., Quintana-Orts C., Mérida-López S., Rey L. Cyberbullying victimization, self-esteem and suicidal ideation in adolescence: Does emotional intelligence play a buffering role? *Frontiers in Psychology*, 2018. Vol. 9, pp. 367. doi:10.3389/fpsyg.2018.00367
10. Festl R., Quandt T. Social relations and cyberbullying: The influence of individual and structural attributes on victimization and perpetration via the internet. *Human Communication Research*, 2013. Vol. 39, pp. 101–126. doi:10.1111/j.1468-2958.2012.01442.x
11. Kowalski R.M., Giumetti G.W., Schroeder A. Bullying in the digital age: a critical review and meta-analysis of cyberbullying research among youth. *Psychological Bulletin*, 2014. Vol. 140, no. 4, pp. 1073–1139. doi:10.1037/a0035618
12. Khosa N. How personality effects [sic] victim's response to cyberbullying (Unpublished master's thesis). Iowa State University, Ames, IA, 2016.
13. Mitsopoulou E., Giovazolias T. Personality traits, empathy and bullying behavior: A meta-analytic approach. *Aggression and Violent Behavior*, 2015. Vol. 21, pp. 61–72. doi:10.1016/j.avb.2015.01.007
14. Patchin J., Hinduja S. Bullies move beyond the schoolyard: a preliminary look at cyberbullying. *Youth Violence & Juvenile Justice*, 2006. Vol. 4, no. 2, pp. 148–69. doi:10.1177/1541204006286288

15. Patchin J.W., Hinduja S. *Bullying Beyond the Schoolyard: Preventing and Responding to Cyberbullying*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2015.
16. Peluchette J., Karl K., Wood C., William J. Cyberbullying victimization: Do victims' personality and risky social network behaviors contribute to the problem? *Computers in Human Behavior*, 2015. Vol. 52, pp. 424–435. doi:10.1016/j.chb.2015.06.028
17. Shchebetenko S., Kalugin A., Mishkevich A., Soto C., John O. Measurement invariance and sex and age differences of the Big Five Inventory—2: Evidence from the Russian version. *Assessment*, 2020. Vol. 27, no. 3, pp. 472–486. doi:10.1177/1073191119860901
18. Tani F., Greenman P.S., Schneider, B.H., & Fregoso, M. Bullying and the Big Five. A study of childhood personality and participant roles in bullying incidents. *School Psychology International*, 2003. Vol. 24, pp. 131–146. doi:10.1177/0143034303024002001
19. Van Geel M., Vedder P., Tanilon, J. Relationship between peer victimization, cyberbullying, and suicide in children and adolescents: a meta-analysis. *JAMA Pediatrics*, 2014. Vol. 168, pp. 435–442. doi:10.1001/jamapediatrics.2013.4143
20. Yudes C. Rey L. Extremera N. Predictive Factors of Cyberbullying Perpetration amongst Spanish Adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020. Vol. 17, no. 11. doi:10.3390/ijerph17113967

Информация об авторах

Вихман Александр Александрович, кандидат психологических наук, доцент, кафедра практической психологии, факультет психологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ФГБОУ ВО ПГГПУ), г. Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5483-1702>, e-mail: vixmann@mail.ru

Information about the authors

Aleksander A. Vikhman, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Practical Psychology, Faculty of Psychology, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5483-1702>, e-mail: vixmann@mail.ru

Получена 23.12.2021

Принята в печать 23.12.2022

Received 23.12.2021

Accepted 23.12.2022

Особенности психологических защит и копинг-стратегий несовершеннолетних правонарушителей

Гарнаева Г.И.

Казанский (Приволжский) федеральный университет (ФГАОУ ВО КФУ), г. Казань, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4410-7689>, e-mail: guzka-1@kpfu.ru

Шишова Е.О.

Казанский (Приволжский) федеральный университет (ФГАОУ ВО КФУ), г. Казань, Российская Федерация

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4903-9021>, e-mail: evgeniya.shishova@kpfu.ru

В статье приводятся данные исследования, направленного на изучение стратегий преодоления личностных трудностей и степени адаптации к стрессу и травмирующим обстоятельствам в условиях нормы и несовершеннолетней преступности. Эмпирические данные получены на базе общеобразовательных учреждений г. Казани и специальных учебно-воспитательных учреждений для детей и подростков с девиантным поведением. Выборку исследования составили 163 несовершеннолетних мужского пола. Из них — 106 несовершеннолетних преступников и 57 законопослушных подростков. Использовалась методика Э. Хайма «Изучение механизмов совладания» и опросник «Индекс жизненного стиля». По результатам однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) в группах испытуемых, отбывающих наказания в различных местах, установлены достоверные различия по защитным механизмам и механизмам совладания у несовершеннолетних осужденных подростков. Показано, что для лиц, совершающих противоправные действия, характерно избыточное включение психологических защит и неадаптивных вариантов копинг-поведения, что не позволяет им осознавать объективную, реальную ситуацию и способствовать эффективному ее разрешению. Делается вывод о необходимости разработки индивидуальных программ глубинной психологической коррекции преступных форм поведения и формирования конструктивных стратегий преодоления стрессовых ситуаций.

Ключевые слова: психологические защиты, копинг-стратегии, несовершеннолетние осужденные, условно осужденные, механизмы совладания.

Финансирование: работа выполнена за счет средств Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета (ПРИОРИТЕТ-2030).

Для цитаты: Гарнаева Г.И., Шишова Е.О. Особенности психологических защит и копинг-стратегий несовершеннолетних правонарушителей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 107–118. DOI:10.17759/psylaw.2023130108

Features of Psychological Defense Mechanisms and Individual Coping Strategies of Juvenile Delinquency

Guzel I. Garnaeva

Kazan Federal University, Kazan, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4410-7689>, e-mail: guzka-1@yandex.ru

Evgeniya O. Shishova

Kazan Federal University, Kazan, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4903-9021>, e-mail: evgeniya.shishova@kpfu.ru

The article presents data from a study aimed at studying strategies for overcoming personal difficulties and the degree of adaptation to stress and traumatic circumstances in the context of norm and juvenile delinquency. Empirical data were obtained on the basis of general educational institutions in Kazan and special educational institutions for children and adolescents with deviant behavior. The total sample size was 163 people. Of these, 106 are juvenile criminals and 57 are law-abiding teenagers. We used the methodology of E. Heim “Study of coping mechanisms” and the questionnaire “Index of life style”. With the help of one-way analysis of variance in groups of subjects serving sentences in different places, significant differences were established in the protective mechanisms and in the coping mechanisms of convicted juveniles. It is shown that individuals who commit illegal actions are characterized by excessive inclusion of psychological defenses and non-adaptive versions of coping behavior, which does not allow them to realize an objective, real situation and contribute to its effective resolution. It is concluded that it is necessary to develop individual programs for deep psychological correction of criminal forms of behavior and the formation of constructive strategies to overcome stressful situations.

Keywords: psychological defense mechanisms, coping behavior strategies, adolescent, juvenile convicts, adaptation.

Funding: the paper has been supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program (PRIORITY-2030).

For citation: Garnaeva G.I., Shishova E.O. Features of Psychological Defense Mechanisms and Individual Coping Strategies of Juvenile Delinquency. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 107–118. DOI:10.17759/psylaw.2023130108 (In Russ.).

Введение

Актуальность данного исследования определяется неуклонным ростом числа преступлений, совершенных лицами несовершеннолетнего возраста [2; 7]. В связи с этим особый интерес представляет изучение психологических детерминант преступлений и правонарушений несовершеннолетних. Проблема противоправного поведения подростков ввиду сложности, многогранности и возрастающей социальной актуальности остается недостаточно изученной. Объяснение поведения и причин противоправного поведения несовершеннолетних возможно только при глубоком анализе личностных факторов, влияющих на поведение, что может послужить основанием для реализации психологического сопровождения и позволит найти

эффективные средства корректирующих воздействий и профилактики делинквентного поведения несовершеннолетних [5; 13; 17].

К важным признакам патологических поведенческих нарушений П.Б. Ганнушкин относит наличие в поведении человека таких моделей, которые способствуют социальной дезадаптации в той или иной степени выраженности, в виде конфликтности, открытого конфронтационного антисоциального и агрессивного поведения, неудовлетворенности взаимодействиями с окружающими людьми, социально-психологической изоляции. Патологическое поведение человека характеризуется его взаимодействием с реальностью, т. е. его адаптивностью, а признаки тотальности и стабильности, указывают в большинстве случаев на дезадаптацию и длительность проявления дезадаптивных качеств поведения [6]. Систему поступков, отклоняющихся от установленных в обществе поведенческих норм и проявляющихся в виде неадаптивности, особенностях эмоционально-волевой сферы, общей несбалансированности психических процессов, обычно называют девиантным поведением [8].

В числе психологических особенностей личности, играющих ведущую роль в формировании девиантного поведения, можно выделить: зависимость, повышенная тревожность, снижение переносимости трудностей в повседневной жизни, чувства гнева, депрессия, чувство беспомощности, раздражительность, агрессивные импульсы, психическая напряженность, скрытый комплекс неполноценности, сочетающийся с внешне проявляемым превосходством, попытки уйти от ответственности в принятии решений [6]. Эти черты встречаются в различных сочетаниях, что позволяет считать их фактором, предрасполагающим к развитию поведенческих патологий.

Ю.М. Антонян, Б.В. Волженкин отмечают, что на преступное поведение влияет совокупность социально-демографических, нравственно-психологических характеристик, личностных качеств и особенностей интеллектуальных, эмоциональных и волевых свойств лиц, совершивших преступление [1]. В то же время Е.Б. Усова подчеркивает, что несовершеннолетние правонарушители, как правило, характеризуются особенностями эмоционально-волевой сферы и часто вспыльчивы, раздражительны, импульсивны, отличаются повышенной конфликтностью, агрессивностью и тревожностью. Нарушение основных механизмов социализации ведет к неправильному представлению о себе, своем Я-образе, образе мира и, как следствие, соотносению себя с негативными эталонами поведения, т. е. проявляется в делинквентном поведении. Постоянное сопротивление подростка средовым факторам, внутренним условиям на пути удовлетворения собственных потребностей создает благоприятные условия для развития лишь в том случае, когда есть соответствующий эмоционально-волевой ресурс, однако при его отсутствии может приводить к деструктивным эффектам, таким как конфликты, стресс, агрессия и девиации [18].

В подростковом возрасте отсутствует полное принятие себя как личности, представления о себе во многом идеалистичны и направлены на образ будущего человека, т. е. на то, каким подросток еще хочет стать. Подростку очень важно отношение к нему других людей, особенно сверстников. Неправильное окружение с искаженными нравственными ориентирами формирует такую же искаженную личность. Подросток стремится к независимости, но не готов еще нести ответственность за свою жизнь. Часто он боится поступков и действий, потому что его возможности ограничены. Следствием этого может явиться демонстративное и рискованное поведение, желание доказать другим, что он не хуже, что он способен на поступок, за который его можно уважать. При этом часто он игнорирует моральную сторону, ему бывает не важно, положительное или отрицательное действие он совершает. Самый главный

мотив — восстановить внутреннее равновесие, вызванное реальным или мнимым игнорированием его уникальности.

Преодоление жизненных трудностей или ситуаций, с которыми человек сталкивается на протяжении жизненного пути, может рассматриваться как условие саморазвития личности [4; 9]. Человек может реагировать на тяжелые жизненные ситуации по-разному: подавленностью, смирением, депрессией, уходом от реальности, а также прибегнуть к самоповреждающему поведению [15]. Однако данные пути преодоления трудностей помогают сохранению прежней ситуации. Действия, которые выражают стремление к новым достижениям, к успеху, к изменению трудной ситуации, требуют волевых усилий, высокого уровня саморегуляции поведения, способствуя эффективности преодоления сложных жизненных ситуаций.

Основными источниками для понимания противоправного поведения подростков являются уровень развития личности, копинг-стратегии, картина мира и психологические защиты [8; 12]. Защитные механизмы позволяют свести к минимуму или устранить психологический дискомфорт, тревогу, травмирующие личность переживания, связанные с внутренними или внешними конфликтами, и являются системой регуляторных механизмов [10; 14].

Однако многочисленные исследования подтверждают тот факт, что частое применение защит может вызвать ряд отрицательных последствий, при этом лишая человека возможности осознанно воздействовать на ситуацию и лишь на короткий промежуток времени уменьшая тревогу, гнев, чувство вины, агрессию. Реализация механизмов психологической защиты может приобрести деструктивный характер, способствуя лишь временному достижению личностного благополучия и при этом превращаясь из системы самосохранения в систему разрушения личности. Выбирая пассивную стратегию, отказываясь от решения создавшейся ситуации, человек способствует накоплению нерешенных проблем, которые со временем приобретают хронический характер [11].

Организация и методы исследования

Эмпирические данные получены на базе общеобразовательных учреждений г. Казани, Государственного казенного специального учебно-воспитательного общеобразовательного учреждения закрытого типа «Республиканская специальная общеобразовательная школа имени Н.А. Галлямова», Федерального государственного бюджетного специального учебно-воспитательного учреждения для детей и подростков с девиантным поведением «Раифское специальное профессиональное училище закрытого типа», а также на выборке несовершеннолетних осужденных условно с испытательным сроком по Республике Татарстан. Общий объем выборки составил 163 несовершеннолетних мужского пола. Из них 106 несовершеннолетних преступников и 57 законопослушных подростков в возрасте от 15 до 17 лет.

В диагностических целях использовались следующие методики исследования:

- методика Э. Хайма «Изучение механизмов совладания» с целью изучения способов преодоления стрессовых и проблемных для личности ситуаций [3];
- опросник Г. Келлермана и Р. Плутчика в адаптации Л.И. Вассермана «Индекс жизненного стиля» (Life Style Index, LSI) для диагностики преобладающих типов психологических защит [16; 19].

Результаты и обсуждение

Испытуемые были поделены на четыре группы в зависимости от места отбывания наказания.

1. Несовершеннолетние преступники, отбывающие наказание в «Республиканской специальной общеобразовательной школе имени Н.А. Галлямова» (группа А): представлена испытуемыми, отбывающими наказание в образовательном учреждении — 26 человек. В данном учреждении находятся подростки от 11 до 17 лет. В школу поступают дети с устойчивым асоциальным поведением, совершившие противоправные деяния, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, нуждающиеся в особых условиях воспитания и требующие специального педагогического подхода, по решению суда осужденные на срок реабилитации до 3 лет.

2. Несовершеннолетние преступники, отбывающие наказание в «Раифском специальном профессиональном училище закрытого типа» (группа Б): представлена испытуемыми, у которых реализуется программа кадетского образования и военно-патриотического воспитания — 48 человек.

3. Несовершеннолетние осужденные, отбывающие наказание условно (группа В): испытуемым данной группы суд устанавливает испытательный срок, в течение которого условно осужденный должен своим поведением доказать свое исправление, — 32 человека. Условное осуждение предполагает освобождение осужденного от реального исполнения наказания при наличии оснований считать, что цели наказания могут быть достигнуты без реального отбывания наказания.

4. Законопослушные подростки (контрольная группа): испытуемые данной группы — подростки, обучающиеся в образовательных учреждениях г. Казани, — 57 человек.

Полученные результаты диагностики изучения механизмов психологической защиты и общей напряженности всех измеряемых защит у несовершеннолетних подростков подтверждают, что в выборках испытуемых в зависимости от места прохождения наказания наблюдается разная выраженность механизмов психологических защит. Для оценки достоверности различий между группами испытуемых, отбывающих наказания в различных местах пребывания, использовался однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), с помощью которого установлены достоверные различия по защитным механизмам (отрицание, замещение), подавление, регрессия, «компенсация, проекция) и механизмам совладания несовершеннолетних осужденных подростков (табл. 1).

Таблица 1

Степень выраженности механизмов психологической защиты в условиях нормы и несовершеннолетней преступности (N = 163)

Механизмы психологической защиты	Средние значения в группе:				F _{эмп.}	p
	А	Б	В	контрольная		
Отрицание	64,23	65,10	71,04	57,53	3,555	0,016
Реактивное образование	38,46	43,54	48,85	49,82	1,524	0,211
Замещение	56,77	56,52	22,15	46,98	17,030	0,001
Подавление	57,04	54,85	42,04	45,21	6,577	0,001
Регрессия	48,65	47,02	25,46	50,65	10,382	0,001
Компенсация	56,15	62,71	39,62	52,98	9,003	0,001
Проекция	64,96	59,69	30,38	59,63	17,068	0,001
Интеллектуализация	61,58	64,81	69,19	60,65	1,556	0,203

По результатам однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) были установлены статистически значимые различия в выраженности механизмов психологической защиты несовершеннолетних осужденных подростков, отбывающих срок в разных местах пребывания. Конструктивными, зрелыми, когнитивными психологическими защитными механизмами являются компенсация, гиперкомпенсация, интеллектуализация и замещение, а наиболее деструктивными, примитивными (незрелыми) — проекция, отрицание, подавление и регрессия.

Необходимо обратить внимание на то, что результаты условно осужденных по большинству защитных механизмов значительно отличаются, как от результатов подростков, пребывающих в спецучреждениях, так и от контрольной группы. Поведение подростков данной группы отличается рядом особенностей: ярко выражены симптомы дефектного функционирования чувства Я, выражающиеся в отрицании, отчуждении, повышенных страхах и тревожности, что не позволяет адекватно оценивать происходящее, а при конфликтных или психотравмирующих ситуациях характеризуется внешним искажением восприятия действительности. Можно предположить, что подростки данной группы пресекают негативные эмоции, неприятные переживания при помощи логических установок или манипуляций, используя примитивную фантазию.

Механизм психологической защиты «отрицание» чаще встречается у лиц с высокой готовностью подчиниться внушающему воздействию, с выраженным эгоцентризмом, демонстративностью, склонностью к зависимому поведению и симуляции, самокритике и самонадеянности. С помощью примитивного механизма инфантильной подмены у подростков снижается тревога за счет выраженного искажения восприятия действительности и нежелания признать отрицательные, негативные чувства к субъекту переживания и внутренне неприемлемые черты. Преобладание данного механизма наблюдается у лиц, условно отбывающих наказание.

У несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в образовательных учреждениях закрытого типа, наиболее выражена форма психологической защиты «замещение», которая дает возможность справиться с гневом, враждебностью, негативными эмоциями и перенести их с недостижимого объекта на доступный объект. Подростки этих групп характеризуются повышенной раздражительностью, агрессивностью, импульсивностью, склонностью к рискованным поступкам и доминированием в сочетании с сентиментальностью. Наименьшая выраженность данного механизма наблюдается у лиц условно осужденных.

Посредством «подавления» устраняется значимая неприемлемая и травмирующая информация для личности. Данный механизм наиболее выражен у первой и второй групп. Характеризуя выраженность данного механизма психологической защиты у лиц, совершивших противоправные действия, можно предположить, что истинные свойства их личности и стремления не принимаются ими, например жестокость, агрессия, сексуальные желания, злость, подлость.

Механизм защиты «регрессия» чаще проявляется в форме защитной реакции у законопослушных подростков (контрольная группа), обучающихся в образовательных учреждениях, посредством этого механизма личность в своих поведенческих реакциях стремится избежать тревоги, переходя на более ранние стадии развития. Данный механизм позволяет заменить решение субъективно сложных задач относительно более простыми и доступными в сложившихся ситуациях, когда неосознаваемые желания или конфликты прямо выражаются и реализуются в действиях. Подросткам с регрессивным поведением присущи податливость влиянию окружающих, смена настроения, непереносимость одиночества, потребность в подбадривании и высокая коммуникабельность.

Кроме отрицания, замещения и подавления, у несовершеннолетних правонарушителей в значительной мере выражены компенсаторные защитные механизмы, проявлением которых может быть стремление отвлечься от основной проблемы с помощью других событий, заменить отрицательные черты, вызывающие негативные эмоции, наиболее подходящими. Выраженность данного механизма у преступников с асоциальным поведением, с агрессивными и преступными действиями, направленными против личности, можно рассматривать как одну из форм устранения чувства неполноценности, потери, унижения путем трансформации внутренних импульсов в субъективно понимаемую противоположность.

Выраженность примитивного механизма защиты «проекция» наблюдается у первой группы подростков, характеризуя их направленность вовне. Можно предположить, что несовершеннолетние преступники нередко приписывают агрессивность окружающим, чтобы оправдать свою собственную агрессивность или недоброжелательность, которая проявляется как бы в защитных целях. Наделение другого субъекта своими эмоциями, мыслями, переживаниями, перенос собственных нежелательных черт и качеств позволяют снизить ответственность за свои поступки, возложить вину на кого-нибудь или что-нибудь.

На следующем этапе были получены результаты диагностики механизмов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями, были исследованы 26 ситуационно специфических вариантов копинга, которые распределены по трем основным сферам психической деятельности (когнитивному, эмоциональному и поведенческому).

При проведении исследования было обнаружено, что в выборках испытуемых в зависимости от места прохождения наказания наблюдается различная выраженность копинг-стратегий. Важно отметить различия в защитных механизмах и копинг-поведении. Смысл защитных механизмов — изменение (обычно грубое изменение) образа мира по принципу удовольствия. С помощью механизмов психологической защиты достигается лишь относительное личностное благополучие за счет искажения реальности, при этом затрудняется эффективное разрешение проблем. В отличие от бессознательных психологических механизмов защиты, копинг-стратегия — это вариант сознательного реагирования и целенаправленного поведения человека через понимание неизменности мира и изменения себя. Изучение копинг-стратегий позволяет выделить адаптивные, относительно адаптивные и неадаптивные стратегии, определяющие степень адаптации к стрессу и травмирующим обстоятельствам, от чего зависит эффективность преодоления сложной ситуации.

При анализе были обнаружены следующие особенности (табл. 2). Оказалось, что в группах несовершеннолетних преступников выраженность неадаптивных и относительно адаптивных копинг-стратегий выше, по сравнению с контрольной группой ($\phi=3,86$; $p<0,01$). То есть пассивность, неверие в собственные силы, впадение в состояние безнадежности, принятие алкоголя и лекарств, неожиданное путешествие или передача ответственности кому-либо для них окажется наиболее приемлемым способом демонстрации отказа от принятия каких-либо решений.

Для оценки достоверности различий между группами испытуемых использовался однофакторный дисперсионный анализ (табл. 3). На основе проведенного статистического анализа были установлены достоверные различия по «эмоциональным копинг-стратегиям» и «поведенческим копинг-стратегиям» в группах испытуемых, находящихся в разных условиях отбывания наказания.

Таблица 2

Показатели соотношения различных копинг-стратегий в группах испытуемых (N = 163)

Механизмы совладания	Группа			
	А (n=26)	Б (n=48)	В (n=32)	контр. (n=57)
Адаптивные копинг-стратегии	23% (6)	21% (10)	34% (11)	56% (32)
Относительно адаптивные копинг-стратегии	35% (9)	31% (15)	28% (9)	26% (15)
Неадаптивные копинг-стратегии	42% (11)	48% (23)	38% (12)	18% (10)

Таблица 3

Степень выраженности механизмов совладания со стрессовыми и проблемными ситуациями (N = 163)

Механизмы совладания	Средние значения в группе:				F _{эмп.}	p
	А	Б	В	контрольная		
Когнитивные копинг-стратегии	1,35	1,43	1,26	1,55	2,032	0,112
Эмоциональные копинг-стратегии	2,31	2,42	2,75	2,23	4,983	0,003
Поведенческие копинг-стратегии	1,06	1,18	1,16	1,42	3,457	0,018

По когнитивным копинг-стратегиям принципиальных различий между группами испытуемых не выявлено, что свидетельствует о способности глубокого анализа и желании поиска возможных путей решения трудных ситуаций. Эта форма поведения направлена на повышение самооценки и самоконтроля, более глубокое осознание собственной ценности как личности, наличие веры в собственные ресурсы в преодолении трудных ситуаций.

Анализ эмоциональных копинг-стратегий показал, что адаптивные формы поведения, такие как «оптимизм», ярче выражены у законопослушных подростков (контрольная группа), а неадаптивные, такие как «протест», «самообвинение», «агрессивность», «подавление эмоций», выражающиеся в поведении, характеризующемся подавлением эмоциональных состояний, переживанием злости и возложением вины на себя и других, чаще встречаются у несовершеннолетних осужденных.

Адаптивные и относительно адаптивные поведенческие копинг-стратегии, такие как «сотрудничество», «отвлечение», «альтруизм», чаще проявляются в контрольной группе подростков, а неадаптивные варианты копинг-поведения, среди которых «активное избегание», «компенсация», «отступление», чаще предпочитают несовершеннолетние правонарушители. Несовершеннолетние осужденные первой и второй групп, отбывают наказания за совершенные преступления в образовательных учреждениях закрытого типа, т. е. с изоляцией от общества, избегают активных межличностных контактов и предпочитают уединение, покой и изоляцию, выбирая пассивную стратегию.

Выявлены тенденции сопряженности выраженности копинг-стратегий с психологическими защитами. Результаты корреляционного анализа показали, что выраженность эмоциональной копинг-стратегии «протест» имеет прямую связь с психологическими механизмами «проекция» (при $p \leq 0,05$) и «замещение» (при $p \leq 0,01$); обратную связь копинга «подавление эмоций» (при $p \leq 0,01$) с механизмом «проекция»; прямую связь между «вытеснением» и «отвлечением» (при $p \leq 0,05$); между «компенсацией» и «эмоциональной разрядкой» (при $p \leq 0,05$); между «гиперкомпенсацией» и «отвлечением». Можно предположить, что, вытесняя травмирующую информацию из сознания или приписывая негативные чувства другому человеку и «выплескивая» их на него, при этом сохраняя предмет желания, но меняя знак от-

ношения к нему, испытываемый в случаи «провала», неэффективности одного блока совладающего поведения в работу включает другой, компенсируя «недоработки» первого и страхуясь от дезадаптации и появления невротических симптомов.

Выводы

1. Установленные различия подтверждают, что для лиц, совершающих противоправные действия, характерно избыточное включение психологических защит и неадаптивных вариантов копинг-поведения, что не позволяет им осознавать объективную, реальную ситуацию и способствовать эффективному ее разрешению. Полученные эмпирические результаты свидетельствуют, что несовершеннолетние правонарушители чаще используют деструктивные психологические защиты, которые из системы самосохранения превращаются в систему саморазрушения личности.

2. Результаты исследования могут стать основой для разработки индивидуальных программ глубинной психологической коррекции преступных форм поведения, а также профилактических и коррекционно-развивающих программ в рамках психологического сопровождения подростка в системе образования по профилактике преступного поведения и повышению его адаптационных возможностей. Дальнейшая перспектива исследования заключается в исследовании проблемы картины мира и ее связи с характеристиками личности.

Литература

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юрист, 1966. 336 с.
2. Баев В.В., Бигалиева Я.Г., Исаенко А.С., Плутенко Д.С. Преступность несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Кронос. 2021. Том 6. № 1 (51). С. 86–91. doi:10.24412/2658-7556-2021-151-86-91
3. Блинова В.Л., Блинова Ю.Л. Психологические основы самопознания и саморазвития педагога. 2-е изд., испр. и доп. Казань: Изд-во ТГГПУ, 2009. 232 с.
4. Блинова В.Л., Лопухова О.Г., Шишова Е.О. Особенности психологических защит при разном уровне готовности личности к саморазвитию // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. С. 1571.
5. Богданович Н.В., Делибалт В.В. Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 1–14. doi:10.17759/psylaw.2020100201
6. Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. Нижний Новгород: Изд-во НГМА, 1998. 123 с.
7. Демидова-Петрова Е.В. Исследование преступности несовершеннолетних в современной России [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. № 12 (1). С. 4–16. doi:10.21638/spbu14.2021.101
8. Змановская Е.В. Девиантология: Психология отклоняющегося поведения: Учебное пособие. М.: Академия, 2003. 288 с.
9. Иванова О.И., Бусарова О.Р. Особенности копинг-стратегий старших подростков из неполных семей [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 103–115. doi:10.17759/psylaw.2020100109
10. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология. СПб: Питер, 2004. 539 с.
11. Котенева А.В. Психологическая защита личности. М.: Изд-во МГГУ, 2013. 562 с.

12. *Либина А.В.* Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации. М.: Эксмо, 2008. 400 с.
13. *Максименкова Л.И., Гучкова Т.Н.* Специфика механизмов психологической защиты и копинг-стратегий у девиантных подростков // Мир науки. Педагогика и психология. 2020 № 2.
14. *Набиуллина Р.Р., Тухтарова И.В.* Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом: Учебно-методическое пособие. Казань: Казанская государственная медицинская академия, 2003. 98 с.
15. *Польская Н.А.* Факторы риска и направления профилактики самоповреждающего поведения подростков [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2018. Том 7. № 2. С. 1–20. doi:10.17759/cpse.2018070201
16. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. Пособие для психологов и врачей / Под ред. Л.И. Вассермана. СПб: СПб НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2005. 50 с.
17. *Свечников Н. И., Князькина А.Ю.* Преступность несовершеннолетних: личность преступника, причины, профилактика // Вестник Пензенского государственного университета. 2020. № 3 (31). С. 85–95.
18. *Усова Е.Б.* Психология девиантного поведения: Учебно-методический комплекс. Минск: Изд-во МИУ, 2010. 180 с.
19. *Plutchik R., Kellerman H., Conte H.R.* A Structural Theory of Ego Defenses and Emotions // Emotions in Personality and Psychopathology / Izard C.E. (ed.). Boston, MA: Springer, 1979. P. 227–257. doi:10.1007/978-1-4613-2892-6_9

References

1. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestuplenii. Moscow: Yurist, 1966. 336 p. (In Russ.).
2. Baev V.V., Bigalieva Ya.G., Isaenko A.S., Plutenko D.S. Prestupnost' nesovershennoletnikh [Juvenile Delinquency] [Elektronnyi resurs]. *Kronos = Chronos*, 2021. Vol. 6, no. 1 (51), pp. 86–91. doi:10.24412/2658-7556-2021-151-86-91
3. Blinova V.L., Blinova Yu.L. Psikhologicheskie osnovy samopoznaniya i samorazvitiya pedagoga. 2nd ed. Kazan: Izd-vo TGGPU, 2009. 232 p. (In Russ.).
4. Blinova V.L., Lopukhova O.G., Shishova E.O. Osobennosti psikhologicheskikh zashchit pri raznom urovne gotovnosti lichnosti k samorazvitiyu [Features of psychological defenses with different types of readiness of the person for self-development]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2015, no. 1, p. 1571. (In Russ.).
5. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Profilaktika deviantnogo povedeniya detei i podrostkov kak napravlenie deyatelnosti psikhologa v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh [Prevention of Deviant Behavior of Children and Adolescents as a Field of Activity of a Psychologist in Educational Institutions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 1–14. doi:10.17759/psylaw.2020100201 (In Russ.).
6. Gannushkin P.B. Klinika psikhopatii, ikh statika, dinamika, sistematika. Nizhny Novgorod: Izd-vo NGMA, 1998. 123 p. (In Russ.).
7. Demidova-Petrova E.V. Issledovanie prestupnosti nesovershennoletnikh v sovremennoi Rossii [Research on juvenile delinquency in modern Russia] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2021, no. 12 (1), pp. 4–16. doi:10.21638/spbu14.2021.101 (In Russ.).
8. Zmanovskaya E.V. Deviantologiya: Psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya: Uchebnoe posobie. Moscow: Akademiya, 2003. 288 p. (In Russ.).

Гарнаева Г.И., Шишова Е.О.
Особенности психологических защит и копинг-стратегий несовершеннолетних правонарушителей
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 107–118.

Garnaeva G.I., Shishova E.O.
Features of Psychological Defense Mechanisms and Individual Coping Strategies of Juvenile Delinquency
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 107–118.

9. Ivanova O.I., Busarova O.R. Osobennosti koping-strategii starshikh podrostkov iz nepolnykh semei [Features of Coping Strategies of Older Adolescents from Single-Parent Families] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 103–115. doi:10.17759/psylaw.2020100109 (In Russ.).
10. Karvasarsky B.D. *Klinicheskaya psikhologiya*. Saint Petersburg: Piter, 2004. 539 p. (In Russ.).
11. Koteneva A.V. *Psikhologicheskaya zashchita lichnosti*. Moscow: Izd-vo MGGU, 2013. 562 p. (In Russ.).
12. Libina A.V. *Sovladayushchii intellekt: chelovek v slozhnoi zhiznnoi situatsii*. Moscow: Eksmo, 2008. 400 p. (In Russ.).
13. Maksimenkova L.I., Guchkova T.N. Spetsifika mekhanizmov psikhologicheskoi zashchity i koping-strategii u deviantnykh podrostkov [Specificity of psychological defense mechanisms and coping strategies of deviant teenagers]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2020, no. 2. (In Russ.).
14. Nabiullina R.R., Tukhtarova I.V. *Mekhanizmy psikhologicheskoi zashchity i sovladaniya so stressom: Uchebno-metodicheskoe posobie*. Kazan: Kazanskaya gosudarstvennaya meditsinskaya akademiya Publ., 2003. 98 p. (In Russ.).
15. Polskaya N.A. Faktory riska i napravleniya profilaktiki samopovrezhdayushchego povedeniya podrostkov [Risk Factors and Approaches to Preventing Self-Injurious Behavior in Adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2018. Vol. 7, no. 2, pp. 1–20. doi:10.17759/cpse.2018070201 (In Russ.).
16. Vasserman L.I. (ed.). *Psikhologicheskaya diagnostika indeksa zhiznennogo stilya. Posobie dlya psikhologov i vrachei*. Saint Petersburg: SPb NIPNI im. V.M. Bekhtereva, 2005. 50 p. (In Russ.).
17. Svechnikov N. I., Knyazkina A.Yu. Prestupnost' nesovershennoletnikh: lichnost' prestupnika, prichiny, profilaktika. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Penza State University*, 2020, no. 3 (31), pp. 85–95. (In Russ.).
18. Usova E.B. *Psikhologiya deviantnogo povedeniya: Uchebno-metodicheskii kompleks*. Minsk: Izd-vo MIU, 2010. 180 p. (In Russ.).
19. Plutchik R., Kellerman H., Conte H.R. A Structural Theory of Ego Defenses and Emotions. In Izard C.E. (ed.). *Emotions in Personality and Psychopathology*. Boston, MA: Springer, 1979, pp. 227–257. doi:10.1007/978-1-4613-2892-6_9

Информация об авторах

Гарнаева Гузель Ильдаровна, кандидат физико-математических наук, доцент, доцент, кафедра образовательных технологий в физике, Институт физики, Казанский (Приволжский) федеральный университет (ФГАОУ ВО КФУ), г. Казань, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4410-7689>, e-mail: guzka-1@yandex.ru

Шишова Евгения Олеговна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент, кафедра педагогической психологии, Институт психологии и образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет (ФГАОУ ВО КФУ), г. Казань, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4903-9021>, e-mail: evgeniya.shishova@kpfu.ru

Information about the authors

Guzel I. Garnaeva, PhD in Physics and Mathematics, Docent, Associate Professor, Department of Educational Technologies in Physics, Institute of Physics, Kazan Federal University, Kazan, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4410-7689>, e-mail: guzka-1@yandex.ru

Гарнаева Г.И., Шишова Е.О.
Особенности психологических защит и копинг-
стратегий несовершеннолетних правонарушителей
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 107–118.

Garnaeva G.I., Shishova E.O.
Features of Psychological Defense Mechanisms and
Individual Coping Strategies of Juvenile Delinquency
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 107–118.

Evgeniya O. Shishova, PhD in Education, Docent, Associate Professor, Department of Educational Psychology, Institute of Psychology and Education, Kazan Federal University, Kazan, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4903-9021>, e-mail: evgeniya.shishova@kpfu.ru

Получена 20.06.2022
Принята в печать 21.12.2022

Received 20.06.2022
Accepted 21.12.2022

Social Ostracism and Minors' Antisocial Behavior

Ekaterina E. Boykina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Social ostracism (ignoring, exclusion, rejection) is a powerful psychological phenomenon. The palette of reactions to ostracism is very rich, ranging from social mimicry, affiliative attempts to restore inclusive status to the manifestation of aggression suppression of aggression and loss of life meaning. The article presents the empirical study results of the impact of long-term social ostracism on such parameters as individual and typological characteristics of personality, the tendency to deviant behavior, coping strategies, and socio-psychological adaptation of minors. The purpose of the research is a comprehensive study of the social ostracism influence on the formation of antisocial behavior patterns in minors. The study was conducted in 5 family education assistance centers, 1 university, and 1 organization of secondary vocational education (the Russian Federation). Total sample — 271 minors (123 males; 148 females; Mage=15.29). The study recorded a high correlation between aggressive and autodestructive behavior in antisocial minors who have experienced long-term ostracism. Extremely low psychological resource capacity was also found in this group.

Keywords: social ostracism, antisocial behavior, minors, aggression, autodestructive behavior, low resource capacity, learned helplessness.

For citation: Boykina E.E. Social Ostracism and Minors' Antisocial Behavior. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 119–134. DOI:10.17759/psylaw.2023130109

Социальный остракизм и антисоциальное поведение несовершеннолетних

Бойкина Е.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Социальный остракизм (игнорирование, исключение, отвержение) — мощное психологическое явление. Палитра реакций на остракизм весьма разнообразна — от социальной мимикрии, аффилиативных попыток восстановления инклюзивного статуса до проявления агрессии и потери смысла жизни. В статье представлены результаты эмпирического исследования влияния хронического социального остракизма на такие параметры, как индивидуально-типологические особенности личности, склонность к девиантному поведению, стратегии совладания со стрессовыми ситуациями, социаль-

но-психологическая адаптация несовершеннолетних. Цель исследования — комплексное изучение влияния социального остракизма на формирование антисоциального поведения у несовершеннолетних. Исследование проводилось в пяти центрах действия семейному воспитанию, одном вузе и одной организации среднего профессионального образования (Российская Федерация). Выборка — 271 несовершеннолетний (мальчики — 123, девочки — 148; средний возраст — 15,29). В исследовании зафиксированы сильные корреляционные связи между агрессивным и аутодеструктивным поведением у несовершеннолетних с антисоциальным поведением, имеющих опыт хронического остракизма. В данной группе несовершеннолетних также был зафиксирован экстремально низкий уровень психологической ресурсности.

Ключевые слова: социальный остракизм, антисоциальное поведение, несовершеннолетние, агрессия, аутодеструктивное поведение, низкая ресурсность, выученная беспомощность.

Для цитаты: Бойкина Е.Э. Социальный остракизм и антисоциальное поведение несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 119–134. DOI:10.17759/psylaw.2023130109

Introduction

The issues of determining minors' antisocial behavior, which has a high chance of transitioning to the level of a serious criminal offense, are constantly the focus of scientific attention [1; 7; 8]. Among a number of reasons, researchers name economic, psychological, social, organizational, and others. As to recent research, among the significant factors of antisocial behavior of adolescents and youth, the phenomenon of social ostracism (processes of ignoring, exclusion, rejection) is increasingly being mentioned [3; 10; 19; 21]. According to the report of the Commission of the International Society for Research on Aggression, in the second place (out of seven) among the “environmental risk factors for youth violence”, experts put the factor of “social exclusion and isolation”, skipping ahead only the factor of “easy access to guns” [2]. H.M. Knapton explains the mechanism of the formation of “homegrown terrorism” and the process of radicalization and extremism by ignoring and excluding a person by society, which at the same time goes through the stages of identity loss, violation of needs, and cognitive deconstruction [9]. E.G. Dozortseva, D.S. Oshevsky, and K.V. Syrokvashina, relying on the data of a complex forensic psychological and psychiatric expertise of minors who have committed attacks on educational institutions, in addition to the presence of specific personal structures in the aggressors, provide data on their “special socio-psychological status of outcasts and isolated” [3]. Thus, the study of the mechanism of influence of the phenomenon of social ostracism, which includes such sub-constructs as ignoring, exclusion, and/or rejection, on the choice of a minor prosocial or antisocial response is an urgent and in-demand task of preventing juvenile delinquency from the point of view of both science and practice.

Social Ostracism

The analysis of scientific sources allowed us to establish that social ostracism is initially perceived by a person reflexively and causes activation of the dorsal anterior cingulate cortex, which is an indicator of physical pain in the brain [4]. Cognitive assessment of ostracization and further decision on the direction of response (antisocial, prosocial, or withdrawal) is taken by a person later and based on the interaction of a number of factors, both situational and dispositional (taking into account the degree of negative impact (feelings, emotions, a state of emotional stupor), the degree of

threat to the fundamental needs of belonging, self-respect, control, meaningful existence) [27]. In the case of prolonged (chronic) ignoring, exclusion, or rejection a person may be in a state of complete exhaustion. Social ostracism is an adaptive mechanism, it is necessary for human survival. It allows the group to maintain control and protect against those of its members who endanger its survival [29].

Empirical and experimental research provide converging evidence that threatening belonging and self-esteem needs, mediated by chronic social ostracism, make a person more socially attentive, and servile [27]. This makes it possible to use the ostracization factor as a recruitment mechanism by illegal (radical, extremist, sectarian, etc.) groups. K.D. Williams argues, to restore threatened by ostracism control and meaningful existence needs the fastest way is the “power method”: attracting attention, provocation, control, and power. In this regard, antisocial behavior is the most effective and quickest strategy for responding to social ostracism.

The link between antisocial behavior and violation of the control and meaningful existence needs (power and provocation cluster) can be also found in the 3N theory (Need-Narrative-Network, A. Kruglansky, et al.). Describing the process of radicalization, researchers found that “significance (the fundamental desire to matter, to be someone, to merit respect) loss leads to the adoption of extreme, group-oriented ideology and the support for violence” [10, p. 223].

Being ostracized is certainly a negative experience, it threatens fundamental needs (as to TNTM, K.D. Williams) and it causes a negative impact [27]. According to J.M. Twenge, K.R. Catanese, and R.F. Baumeister, yet there is emotional numbness, and stupor (affective numbness) [25]. This condition is similar to the concept from psychiatry: “anaesthesia dolorosa psychica” (Latin) — painful mental anesthesia, in which a person feels mental emptiness and loses the ability to emotional experiences.

At first glance, it seems that social ostracism as an act of ignoring, rejection, and/or exclusion is some kind of externally observable action. As to J.B. Netzek and his colleagues' study, a person is ostracized on average about 25,000 times in a lifetime [13]. In reality, people often do not notice that they are ostracizing someone, and therefore do not realize the consequences of their actions. This statement can be confirmed by the typology of ostracism presented by K.D. Williams, who distinguishes the following types: *role-prescribed* ostracism, *punitive* ostracism, *defensive* ostracism, *oblivious* ostracism, and *not-ostracism* [14; 27]. It is also necessary to mention a number of other concepts that are described in scientific works as part of the study of social ostracism. Total digitalization and an increase in “screen time” in the lives of children and adolescents made it possible to manifest social ostracism in the new realities of modern life, namely in the virtual space, in the form of *cyberostracism* [5]. Often in the scientific literature, we can find such a term as the *silent treatment*, which implies a special case of social ostracism in dyads [27]. In school-shootings reviews devoted to the analysis of the social dynamics the term “romantic rejection” is mentioned [23]. The age of smartphones and gadgets has given the rise to another subspecies of social ostracism — *phubbing* (from “phone” + “snubbing”). A. Hales and his colleagues proved that in the case of phubbing (the interlocutor in face-to-face communication begins to be distracted by his phone, tablet), people who are varnished in this way experience the same psychological impact as from other forms of ostracism: emotional pain and a threat to four fundamental psychological needs (belonging, self-esteem, control, meaningful existence) [6]. A separate branch of research on current trends in social communication is devoted to the relationship between people in the Internet. In this regard, manifestations of ostracism can be found in such phenomena as *ghosting* (from “ghost”, “spook”) and *orbiting* (from “being in orbit”). In the case of ghosting, we are talking about an unexpected interruption of communication. In the case of orbiting the source of ostracism continues to stay “in

orbit” of his/her target (e.g., viewing his/her activity in social networks) but ignores communication [16]. Over the past decade, the concept of *cancel culture* has firmly entered our lives. The point of cancel culture is to boycott famous people or brands that have been observed in sexist, homophobic, or racist statements or actions. According to society, they should be “canceled”, literally erased from the media space [11].

Study

The object of the study is social ostracism among minors.

The subject of the study is chronic social ostracism as a factor of minors' antisocial behavior.

The purpose of the research is a comprehensive study of the social ostracism influence on the formation of antisocial behavior patterns in minors.

Method

Participants

The study was conducted in 5 family education assistance centers, 1 university, and 1 organization of secondary vocational education (the Russian Federation). Total sample — 271 minors (123 males; 148 females; $M_{age}=15.29$).

Materials and Procedure

Due to the goal of this study, the following research methods were used: theoretical methods: (analysis, comparison, generalization), empirical methods (expert assessment method (including biographical information), and methods of mathematical and statistical data processing. When checking the data of diagnostic techniques for the normality of the distribution according to the Kolmogorov-Smirnov criterion, a significant part of the scales was not normal. In this regard, we have chosen nonparametric research criteria: Mann—Whitney criterion, Kruskal—Wallis criterion, Wilcoxon signed-rank test, and Spearman's rank correlation coefficient.

The following methods of psychological diagnosis were also used:

Block No. 1 “Methods. Ostracism”:

- “Ostracism Experience Scale for Adolescents (OES-A / ШИСО-II — in Russ.)”, Gilman R. et al., 2012; adaptation by Boykina E., 2019;
- “The Scale of Threatened Needs-Ostracism (STN-O / ШИПН-O — in Russ.)”, modification of the Need Threat Scale, van Beest I., Williams K.D., 2006; adaptation by Boykina E., 2019;
- “Color Test of Relations” (CTR / ЦТО — in Russ.), Etkind A.M., Bazhin E.F., 1985.

Block № 2 “Methods. Personality”:

- “Individual Typological Children's Questionnaire” (ITCQ / ИТДО — in Russ.), Sobchik L.N., 1996 / “Individual typological questionnaire” (ITQ / ИТО — in Russ.) Sobchik L.N., 1996 — ITCQ was used for minors under 14 years, ITQ — for minors 14—18 years old.;
- “Tendency to Deviant Behavior” Test (TDB / СДП — in Russ.), Leus E.V., Soloviev A.G., Sidorov P.I., 2012;
- “Ways of Coping Questionnaire” (WCQ / OCC — in Russ.), Folkman S., Lazarus R., 1986; standardization by Wasserman L.I. et al., 2009;
- “Test of Personal Adjustment” (TPA / СПА — in Russ.), Rogers C.R., Dymond R.F., 1954; adaptation/modification by Osnitsky A.K., 2004;

The results were carried out using the Microsoft Office Excel program and the IBM SPSS Statistical 22 Package.

According to the design of the study, the participants were divided into 4 subgroups (Profiles) according to two criteria: “ostracism” and “behavior” (Table 1).

Table 1

**The Scheme of Research Subgroups (Profiles) Distribution
 according to the Criteria “Ostracism”, “behavior”**

		Criterion 2 “Behavior”	
		Prosocial	Antisocial
Criterion 1 “Ostracism”	Ostracized	Profile 1.1 N=60 (26 m/34 f; M _{age} =14.85)	Profile 1.2 N=73 (37 m/36 f; M _{age} =14.87)
	Not ostracized	Profile 2.1 N=82 (25 m/57 f; M _{age} =16.06)	Profile 2.2 N=56 (35 m/21 f; M _{age} =14.41)

To assign a research participant to a research Profile according to the criterion “ostracism”, the following methods were used: expert assessment method (biographical information — re-return from the foster family, rejection by peers, relatives, stigmatization based on gender, external characteristics, nationality, etc.), OES-A, STN-O, CTR; to the criterion “behavior” — expert assessment method (biographical information — recorded offenses, (suspended) criminal record, etc.), TDB.

The main group of the study was Profile 1.2, the control comparison group was Profile 2.1, and the additional comparison groups were Profile 1.1, and Profile 2.2 (Table 1). Comparisons were also carried out according to the criteria “ostracism” (Profiles 1.1 and 1.2 were compared with Profiles 2.1 and 2.2) and “behavior” (Profiles 1.2, 2.2 were compared with Profiles 1.1, 2.1).

To achieve the purpose of the research two hypotheses were studied.

Hypothesis 1

In a number of works, researchers of social ostracism write about the existence of a connection between threatened needs clusters and the choice of an anti- or prosocial way of responding to social ostracism. These studies, as a rule, were conducted on a sample of adults (mainly university students), as well as in the context of studying the mechanism of influence of short-term social ostracism [17; 24]. In the description of the Temporal Need-Threat Model, Williams K.D. points out that “the pro- or antisocial response tendency may also depend upon the most threatened need or need cluster” [28, p. 444]. Developing this idea, the scientist expresses confidence that if a person’s needs for control and meaningful existence are more significantly violated, the most reliable way to restore them is antisocial behaviors, “behaviors that get control and attention from others” [ibid].

Consequently, we decided to check this statement, firstly, for the first time on a sample of citizens of the Russian Federation, secondly, with the participation of minors and, thirdly, not as part of the short-term ostracism simulating experiment, but with the use of a quasi-experimental “ex-post-facto” research plan, implying the study of the mechanisms of long-term (chronic) social ostracism. In this regard, we put forward the following hypothesis: *The needs for control and meaningful existence (power and provocation cluster) by ostracized minors with antisocial behavior, in contrast to ostracized minors with prosocial behavior, are threatened significantly higher than the needs for belonging and self-esteem (inclusionary cluster).*

To test this hypothesis, after distributing the sample into four Profiles, we analyze the data obtained from the results of processing the STN-O for each Profile. To test the hypothesis, we use Mann—Whitney criterion, Kruskal—Wallis criterion, Wilcoxon signed-rank test for different combinations of Profiles.

Findings (H1)

Table 2

Kruskel—Wallis Test Results of STN-O in Terms of Profiles

Subscale	Profile	N	Mean rank
Belonging	1.1	60	89,78
	1.2	73	103,39
	2.1	82	176,07
	2.2	56	169,36
	total	271	
Self-esteem	1.1	60	81,53
	1.2	73	83,16
	2.1	82	197,42
	2.2	56	173,29
	total	271	
Meaningful existence	1.1	60	123,03
	1.2	73	69,93
	2.1	82	175,01
	2.2	56	178,90
	total	271	
Control	1.1	60	122,63
	1.2	73	68,45
	2.1	82	185,43
	2.2	56	166,00
	total	271	

The obtained result (Table 2) indicates the significant differences in the degree of violation of all needs depending on the Profile. The average ranks according to these subscales in non-ostracized minors (Profiles 2.1, 2.2) are higher than in ostracized (Profiles 1.1, 1.2), which indicates less impaired needs. At the same time, among the ostracized adolescents, the average rank on the “self-esteem” subscale is lower in Profile 1.1, compared with Profile 1.2, which indicates more pronounced violations of this need. For the rest of the subscales (belonging, control, meaningful existence) the opposite trend can be traced.

Below we will consider the needs of the “ostracized” subgroup in more detail (Profiles 1.1 and 1.2).

Based on the mean ranks (Tables 3, 4) we conclude that violations of the cluster’s needs for power and provocation (meaningful existence, control) are more significant in Profile 1.2.

Table 3

Mann—Whitney U Test Results of STN-O in Terms of Profile 1.1, Profile 1.2

Subscale	Profile	N	Mean rank	Sum of ranks
Belonging	1.1	60	61,87	3712,00
	1.2	73	71,22	5199,00
	total	133		
Self-esteem	1.1	60	64,48	3868,50
	1.2	73	69,08	5042,50
	total	133		
Meaningful existence	1.1	60	85,03	5101,50
	1.2	73	52,18	3809,50
	total	133		
Control	1.1	60	85,52	5131,00
	1.2	73	51,78	3780,00
	total	133		

Table 4

Wilcoxon — Mann - Whitney statistical criteria of STN-O in Terms of Profile 1.1, Profile 1.2

	Belonging	Self-esteem	Meaningful existence	Control
U Mann-Whitney	1882,000	2038,500	1108,500	1079,000
W Wilcoxon	3712,000	3868,500	3809,500	3780,000
Z	-1,419	-,702	-4,953	-5,113
Asymptotic significance	,156	,483	,000	,000

These results allow us to confirm hypothesis 1 that ostracized minors with persistent antisocial behavior have the most severely impaired needs for meaningful existence and control.

Hypothesis 2

Using the “ex-post-facto” research plan, it is difficult to study the role of external factors of influence on ostracized individuals due to the fact that the study is conducted **after** the impact. However, the influence of the conditions, circumstances, and environment in which the formation of the minor takes place can be investigated, in our opinion, indirectly: through the study of formed (or still forming) coping mechanisms and coping strategies with stressful and problematic situations. In addition to this, as to the theoretical body of research, the formation of a pro- or anti-social behavior patterns is mediated, among other things, through the use of certain adaptation strategies of the individual, features of socio-psychological adaptation, and related personality traits [12; 15; 18; 22; 30].

In this regard, we hypothesize (H2) that for ostracized minors with antisocial behavior the structure of connections between threatened needs, strategies of coping with stress behavior, types of

deviant behavior, and parameters of socio-psychological adaptation significantly differs from other comparison groups.

In order to investigate this hypothesis, we examine the diagnostic data of all methods (40 subscales) with the exception of the CTR method. To test this hypothesis, we use the Spearman's rank correlation method.

For a more complete analysis of the presence or absence of correlations according to the subscales of the research methods in Profiles 1.2 and 2.2, we considered it logically appropriate first to investigate the subgroups of "ostracized minors" (Profiles 1.1 and 1.2) and "non-ostracized minors" (Profiles 2.1 and 2.2). After that, we will compare the correlation pleiades of Profiles 1.2 and Profile 2.2, and in conclusion, the correlations according to the subscales of ITCQ, ITQ methods for these profiles.

When constructing a matrix of correlations of parameters, a large number of weak ($p \leq 0,05$) and strong ($p \leq 0,01$) correlations were obtained using Spearman techniques in different Profiles and their combinations in the study. Therefore, in order to obtain a significant result when evaluating correlations in this study, we set various threshold values of the correlation coefficient t .

Findings (H2)

When analyzing the results of the subgroups "ostracized minors" (Profiles 1.1 and 1.2) and "non-ostracized minors" (Profiles 2.1 and 2.2), we set the value $t=0,7$. In this case, only the highest correlation indicators ($p \leq 0,01$) are included in the correlation pleiades. The results are the following. In the subgroup "ostracized minors" (Profiles 1.1 and 1.2) we recorded two strong correlations. The core of the pleiades presented in Fig. 1 is the subscale "Aggressive behavior. TDB", having a direct strong ($p \leq 0,01$) correlation with subscales of the same method, namely "Self-harm behavior. TDB" (0,715) and "Delinquent behavior. TDB" (0,793).

We can assume that the link between aggressive and self-harming behavior may be mediated by a special script recovery needs to control that is stronger threatened in the group of ostracised minors than in the group of not ostracized ones (Table 4). As practice shows, people with antisocial behavior often use autodestruction as protest activities as a way to regain control over the situation: imprisoned cut themselves, adolescents with different types of antisocial behaviors expose themselves to scarring, declare a hunger strike, ostentatiously cut veins, etc.

In our opinion, despite the simplicity and unambiguity of the revealed strong correlations in the "ostracized" subgroup (Fig. 1), — the strong direct connection of the "Aggressive behavior. TDB" subscale with subscales "Self-harm behavior. TDB" (0,715) and "Delinquent behavior. TDB" (0,793), — gives us an understanding that a child experiencing the negative impact of chronic social ostracism, in case of escalation of aggressive and delinquent behavior (antisocial behavior) with a high degree of probability can overcome the barrier of self-preservation and either harm only his/her own life and health, or (as a possible last resort) commit suicide by combining it with the murder of others.

This scenario can be considered in the escalation of the conflict approach (here we mean the conflict of the individual with society or perhaps intrapersonal conflict). As the conflict escalates, the strategy of its resolution also changes: from the possibility of its compromise settlement to the stage of complete self-destruction of the parties, often metaphorically referred to as "together into the abyss". The main conclusion that can be drawn from the analysis of the correlation pleiad (Fig. 1) is the following: the higher the level of aggression and a tendency to delinquent behaviour of an ostracized minor (both with antisocial and prosocial behavior) is (both with antisocial and prosocial behavior), the higher the probability of his/her self-harm, death. In other words, perhaps this is one of the mechanisms of extended criminal suicide (the behavior of a suicide bomber, for example).

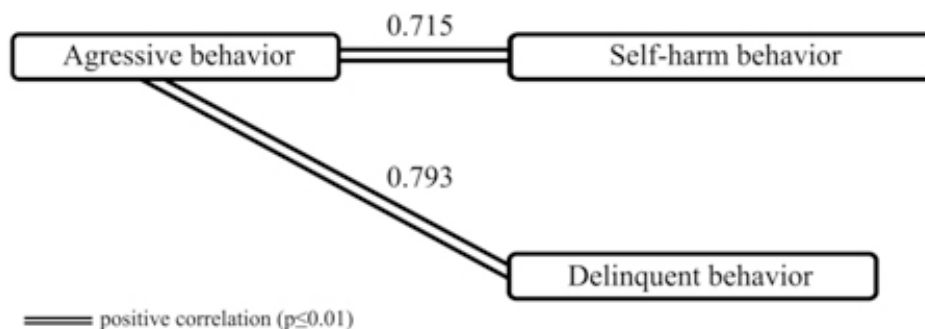

Fig. 1. Correlation pleiad of Profiles 1.1 and 1.2 (ostracized) at the threshold $t=0,7$

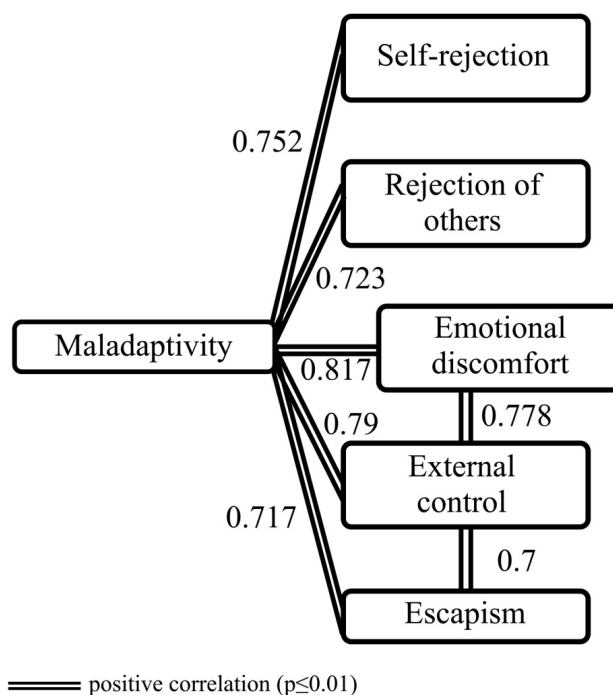

Fig. 2. Correlation pleiad of Profiles 2.1 and 2.2 (non-ostracized) at the threshold $t=0,7$

Correlation pleiades of Profile 1.2 (ostracized with antisocial behavior) presented in Fig. 3 demonstrate the presence of strong connections ($p \leq 0,01$) at the threshold $t = 0,5$ (Table 3). The available connections are distributed according to three methods (TDB, WCQ, TPA). Connections according to the methods of OES-A, STN-O, ITQ/ITCQ above the threshold value $t = 0,5$ were not detected. As in the general subgroup of ostracized minors (Fig. 1), a strong correlation was identified in these pleiades according to the TDB method.

All the conclusions made on correlations and described in Fig. 1 are valid for part of the correlation pleiad (according to TDB method) and in Profile 1.2 (Fig. 3).

As a way of interacting with a problematic (stressful) or crisis situation, ostracized minors have developed coping of an avoidant type. In this regard, we see a strong connection between distancing and escape/avoidance (0,708). The escape/avoidance strategy assumes a scenario of overcoming life's difficulties through evasion (fantasizing, denying the problem, switching, etc.).

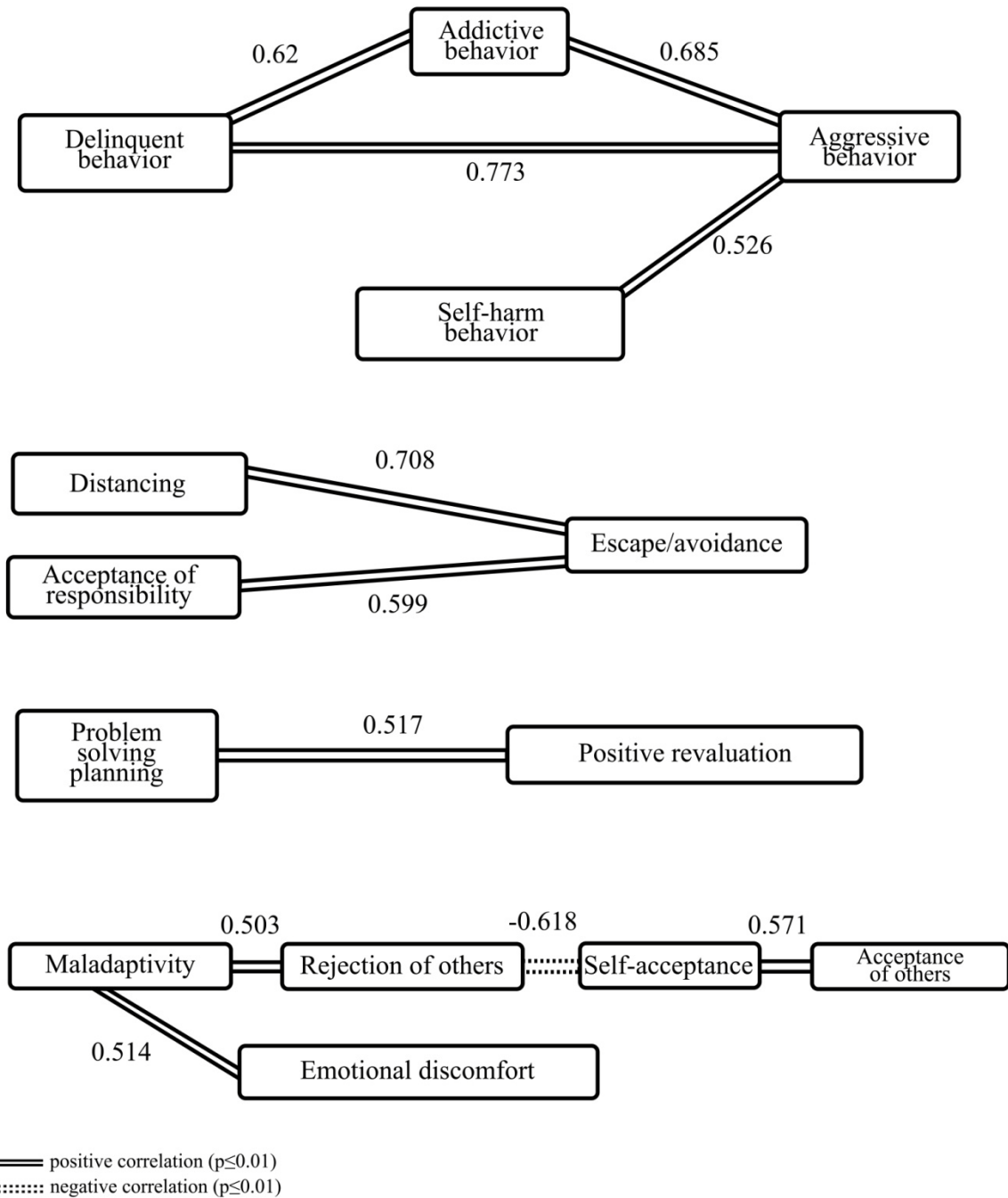

Fig. 3. Correlation pleiades of Profile 1.2, grouping by methods OES-A, STN-O, TDB, WCQ, TPA, ITQ, ITCQ at the threshold $t = 0,5$

However, as the WCQ authors point out “to reduce painful emotional discomfort in stressful situations non-constructive forms of avoidance behavior can be observed: a denial or complete disregard for the problems, evasion of responsibility and actions to resolve difficulties, passivity, impatience, flash irritation, dive into fantasy, overeating, drinking alcohol, etc.” [26]. In relation to Profile 1.2, we found a strong correlation between the strategy of escape/avoidance with taking respon-

sibility (0,599). As a result, we come to the conclusion that ostracized adolescents with antisocial behavior prefer to avoid solving problems and evade responsibility.

However, taking into account the links between such coping strategies as “distancing”, “escape/avoidance” and “taking responsibility”, minors from Profile 1.2 evade responsibility (Fig. 3). This allows us to draw a logical conclusion that such a strategy as “problem-solving planning” is not used or rarely used. In this regard, the revealed correlation can be interpreted in an inverted format: the less often a minor plans to solve a problem situation, the less often he subjects himself into a positive reassessment.

In accordance with the correlation pleiad in Fig. 3, we also see that the maladaptation processes of minors entering the Profile 1.2, linearly and significantly ($p \leq 0,01$) are associated with a decrease in the need for such adolescents to communicate and interact with society and the degree of dissatisfaction with their personal traits: the stronger the maladaptation, the stronger the rejection of others (0,503), which further correlates with a decrease in self-acceptance (-0,618). Further, like a vicious circle, dissatisfaction with oneself (self-rejection) is directly related to the rejection of others (0,571). Then the more an ostracized teenager with antisocial behavior implements the scenario of maladaptation interaction with society, the more intense uncertainty, and emotional discomfort he/she experiences (0,514).

Compared to Profile 1.2. the Spearman’s correlation pleiades for Profile 2.2 (Fig. 4) are represented by a different and wider range of connections.

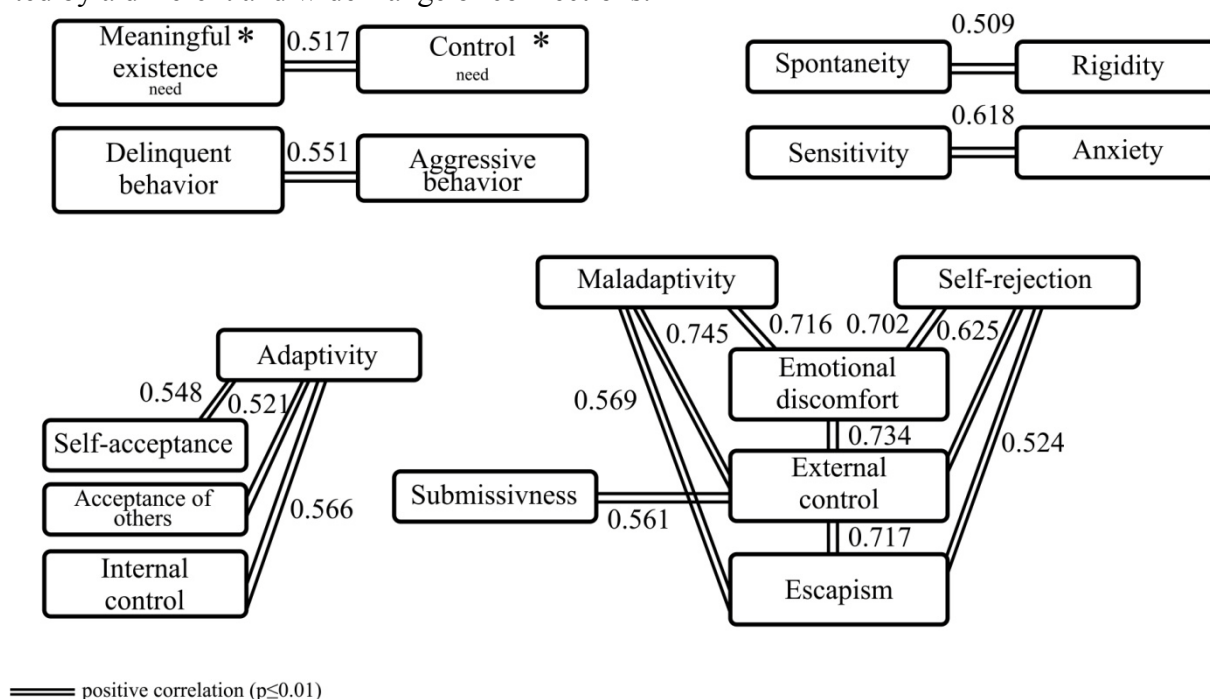

Fig. 4. Correlation pleiades of Profile 2.2, grouping by methods OES-A, STN-O, TDB, WCQ, TPA, ITQ, ITCQ at the threshold $t = 0,5$

* Note: the subscales of the STN-O (needs) have the opposite orientation from the rest of the methods during processing (the lower the indicator, the more the need is violated), therefore, when interpreting the connections of these subscales, the polarity of the connection changes to the opposite.

Let's focus on the most interesting blocks of the pleiades, on the adaptive mechanisms of a non-ostracized minor with antisocial behavior (Fig. 4). Comparing the blocks of correlations by subscales "Adaptivity. TPA" and "Maladaptivity. TPA", we see the general mechanisms of these processes for the Profile 2.2. We found the dependence of the process of adaptation and maladaptation on the factor of self-acceptance: the higher the self-acceptance (this is both the level of self-esteem and self-satisfaction in general), the higher the adaptability (i.e., the optimal level of adaptation of a minor to the norms and rules accepted in his/her society) (0,548).

The correlations found in the study on the ITQ/ITCQ subscales do not exceed the threshold value of the correlation coefficient $r = 0,3$ and have no correlations with the subscales of other methods.

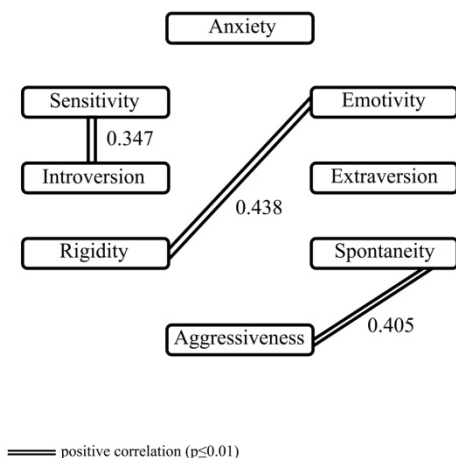

Fig. 5. Correlation pleiades of Profile 1.2, grouping by methods ITQ, ITCQ at the threshold $r = 0,3$

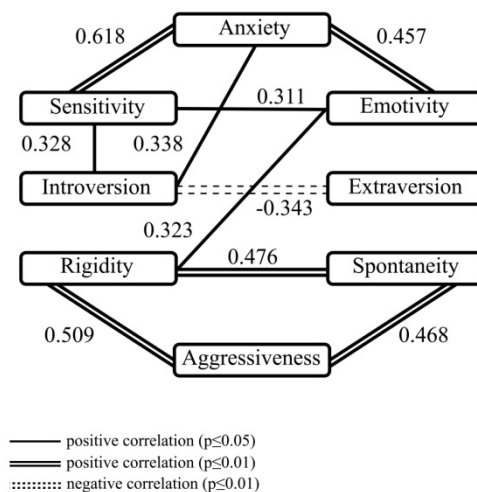

Fig. 6. Correlation pleiades of Profile 2.2, grouping by methods ITQ, ITCQ at the threshold $r = 0,3$

Note: The subscales of the method are depicted in accordance with their location on the ITQ/ITCQ psychogram (L.N. Sobchik) [22].

The correlation between "introversion" and "sensitivity" ($p < 0,01$) tells us about such a style of the interaction of ostracized minors with experience of antisocial behavior as addiction (Fig. 5). As it was stated above, the ostracized are often more strongly influenced, and more suggestible. The

obtained correlation results confirm these conclusions for ostracized minors with antisocial behavior. A significant relationship was also found between “spontaneity” and “aggressiveness”. The connection of these leading trends forms such a derivative property as “nonconformity”. According to the definition of the author of the ITO/ITDO methodology L.N. Sobchik, nonconformity is a tendency to reject generally accepted canons and outdated dogmas, a companion of radicalism and progress, which, with a low level of development or pathology, leads to antisocial forms of behavior [22].

The analysis of the correlation pleiad for a non-ostracized minor with antisocial behavior allows us to distinguish two groups of correlations with contradictory characteristics (Fig. 6). The first group includes correlation blocks located at different poles of the psychogram. In accordance with the theory of L.N. Sobchik, the synthesis of two leading trends represents a number of intermediate characteristics and forms certain derivative properties.

Thus, we have recorded connections at the upper pole of the psychogram: between “sensitivity” and “anxiety” (0,618), and between “anxiety” and “emotivity” (0,457). In the first case, we can talk about “conformity”. In the second — about “compromise”, understood as “the simultaneous desire for self-affirmation and avoidance of conflict with the reference group” [22]. Opposite derivative properties are located at the lower pole: the conflicting and non-conformal style of behavior (connection of the subscale “Aggressiveness. ITQ” and “Rigidity. ITQ” (0,509), “Spontaneity. ITQ” and “Aggressiveness. ITQ” (0,468). We can explain the presence of two opposite groups of correlations by the influence of the gender factor on the formation of individual and personal properties of non-ostracized minors with antisocial behavior. According to L.N. Sobchik’s research, spontaneous, aggressive, and rigid types of reaction (the lower pole), which are based on such characteristics of the nervous system as excitability, impulsivity, and stiffness of the nervous system, are more often observed among men. In the upper pole, where the sensitive, anxious, and emotive types are located, reactions based on inhibited and labile properties of the nervous system are more common among women.

No less important result, which we obtained in groups of ostracized and non-ostracized minors, is a clear difference in the number of correlations links. When comparing the Fig. 1 and 2, 3 and 4, 5 and 6, it is clearly seen there are fewer connections in the ostracized subgroups than in the non-ostracized.

Discussion

The study confirmed the hypothesis: the *control* and *meaningful existence needs* (power and provocation cluster) in ostracized minors with antisocial behavior (Profile 1.2) in contrast to ostracized with prosocial behavior (Profile 1.1) were significantly threatened than the *belonging* and *self-esteem* needs (inclusive cluster).

In this study we also confirmed another hypothesis: for ostracized minors with antisocial behavior, the structure of connections between threatened needs, strategies of coping with stress behavior, types of deviant behavior, and parameters of socio-psychological adaptation significantly differs from other comparison groups.

In the general group of ostracized minors (both with antisocial and prosocial behavior) the following distinctive features and characteristics are highlighted: strong direct correlations ($p < 0,01$) of propensity to aggressive behavior and self-injurious behavior, as well as direct linear relationships between the propensity to aggressive behavior, delinquent behavior.

For the subgroup of ostracized minors with antisocial behavior, we have fixed the following features. Paradoxically, not all the needs (belonging, self-esteem, control, meaningful existence) have a correlation in this Profile with the sub-constructs of social ostracism. For this subgroup, there was

found only one correlation with the adaptation strategy (self-acceptance). For example, there are at least four such connections in the subgroups “not ostracized with antisocial behavior”. Only in Profile 1.2 we found the lowest number of correlations between the studied parameters: in other Profiles, the correlation links are more saturated and complex.

Conclusion

The study revealed the relationship between social ostracism, aggression, and autodestructive behavior for the entire sample of ostracized minors with both antisocial and prosocial behavior. Taking into account the obtained results (Fig. 1), we can predict with a high degree of probability in ostracized minors: with an increase in aggression level (or escalation of violent crimes to illegal acts), an increase in the propensity for autodestruction. Such a connection can act as a mechanism for extremist excesses (for example, extended suicide or planning an attack, a terrorist act followed by suicide). Unlike the subgroup “not-ostracized” (Fig. 2), even in adolescents with antisocial behavior, such connections are undetected. So, it can be assumed that other mechanisms are at the heart of aggressive excesses with a self-injurious component among non-ostracized minors.

The main conclusion based on the results of empirical research is the following: if in the process of chronic ostracization of a minor, the satisfaction of fundamental needs for control over the outside world and the meaning of existence is at a low level, such a child or teenager uses a maladaptive style of interaction with the outside world to satisfy him. At the same time, an increase in the level of aggression (or an increase in the severity of the offense) mediates an increase in the danger of self-destruction of such a minor, ranging from substance use to extended criminal suicide. Our study proves that in the process of prolonged exposure to social ostracism, mediating the formation of patterns of antisocial behavior, a minor refuse to attempt to reintegrate prosocially into society, his psychological resources are depleted, avoidance and distancing become preferred coping strategies.

In the concept of the K.D. Williams' ostracism model [27], the described state corresponds to the third stage of the ostracization process, the stage of resignation, compared with the postulates of M. Seligman's theory of learned helplessness [20]. Taking into account the obtained data (in particular, on the decrease in the level of satisfaction of the need for control) and M. Seligman's conclusions that the learned helplessness is caused not by unpleasant circumstances themselves, but by the experience of uncontrollability of overcoming them, we believe that the most effective technology for the rehabilitation of minors with antisocial behavior and the experience of chronic ostracization can be events, programs that enable such a child or teenager to regain control of his life within the framework of a prosocial response.

Taking into account the conclusions of the study on the low psychological resource capacity of a minor with antisocial behavior who has experienced long-term ostracism, we conclude that as part of preventive work on behavior correction, the inclusion of third parties is required, since without external support such a minor cannot (there are no internal strong resources) get out of his/her current state.

Limitations and Future Research

Confirmation of the study hypothesis on the connection of threatened needs in meaningful existence and control of antisocial behavior of minors with experience of long-term social ostracism provides researchers with a rich field for studying methods and techniques for restoring data of violated needs of minors and broad prospects for building rehabilitation programs after the negative impact of social ostracism.

References

1. Andrianova R.A. et al. Problems and Resources of Comprehensive Prevention of Aggressive Behavior in an Educational Organization. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2021. Vol. 13, no. 4, pp. 107–125. doi:10.17759/psyedu.2021130407 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Bushman B.J. et al. Risk factors for youth violence: Youth violence commission, International Society For Research on Aggression (ISRA). *Aggressive Behavior*, 2018. Vol. 44, no. 4, pp. 331–336. doi:10.1002/ab.21766
3. Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V. Psychological, Social and Informational Aspects of Attacks by Minors on Educational Institutions. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110. doi:10.17759/psylaw.2020100208. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Eisenberger N.I., Lieberman M.D., Williams K.D. Does rejection hurt? An fMRI study of social exclusion. *Science*, 2003. Vol. 302, pp. 290–292. doi:10.1126/science.1089134
5. Galbavá S., Machackova H., Dedkova L. Cyberostracism: Emotional and behavioral consequences in social media interactions. *Communicar*, 2021. Vol. 29, no. 67, pp. 9–20. doi:10.3916/C67-2021-01
6. Hales A. et al. Cell phone-induced ostracism threatens fundamental needs. *The Journal of Social Psychology*, 2018. Vol. 158, no. 4, pp. 460–473. doi:10.1080/00224545.2018.1439877
7. Howell J. Preventing and Reducing Juvenile Delinquency: A Comprehensive Framework. Thousand Oaks, California: SAGE Publications, Inc, 2009.
8. Huzik O. Relevant Issues of Research of Minors' Antisocial Behavior. *Journal of Legal Studies*, 2021. Vol. 27, no. 41, pp. 17–25. doi:10.2478/jles-2021-0002
9. Knapton H.M. The Recruitment and Radicalisation of Western Citizens: Does Ostracism Have a Role in Homegrown Terrorism? *Journal of European Psychology Students*, 2014. Vol. 5, no. 1, pp. 38–48. doi:10.5334/jeps.bo
10. Kruglanski A.W. et al. To the Fringe and Back: Violent Extremism and the Psychology of Deviance. *American Psychologist*, 2017. Vol. 72, no. 3, pp. 217–230. doi:10.1037/amp0000091
11. Marinovic I. et al. Cancel Culture and Social Learning. *SSRN Electronic Journal*, 2022. doi:10.2139/ssrn.4011359
12. Mendelevich V.D. *Psikhologiya deviantnogo povedeniya*. Moscow: Gorodets, 2016. 386 p. (In Russ.).
13. Nezlek J.B. et al. Ostracism in everyday life. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*, 2012. Vol. 16, no. 2, pp. 91–104. doi:10.1037/a0028029
14. Nezlek J.B. et al. Ostracism in Everyday Life: The Effects of Ostracism on Those Who Ostracize. *The Journal of Social Psychology*, 2015. Vol. 155, no. 5, pp. 432–451. doi:10.1080/00224545.2015.1062351
15. Osnitsky A.K. Opredelenie kharakteristik sotsial'noi adaptatsii. *Psikhologiya i shkola*, 2004, no. 1, pp. 43–56. (In Russ.)
16. Pancani L. et al. Ghosting and orbiting: An analysis of victims' experiences. *Journal of Social and Personal relations*, 2021. Vol. 38, no. 7, pp. 1–34. doi:10.1177/02654075211000417
17. Pfundmair M. Ostracism promotes a terroristic mindset. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2019. Vol. 11, no. 2, pp. 134–148. doi:10.1080/19434472.2018.1443965
18. Pyatunin V.A. Deviantnoe povedenie nesovershennoletnikh: sovremennyye tendentsii. Moscow: ROO "Tsentr sodeistviya reforme ugolovnoho pravosudiya" Publ., 2010. 282 p. (In Russ.).

19. Richman L.S., Leary M.R. Reactions to Discrimination, Stigmatization, Ostracism, and Other Forms of Interpersonal Rejection: A Multimotive Model. *Psychological Review*, 2009. Vol. 116, no. 2, pp. 365–383. doi:10.1037/a0015250
20. Seligman M.E.P. Helplessness: on depression, development, and death. New York: W.H. Freeman, 1992. 250 p.
21. Shipunova T.V. Sotsial'noe isklyuchenie, otchuzhdenie, nasilie i agressiya kak mekhanizmy vosproizvodstva deviantnosti. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2005. Vol. VIII, no. 4 (33), pp. 120–136. (In Russ.).
22. Sobchik L.N. Psikhologiya individual'nosti. Teoriya i praktika psikhodiagnostiki. Saint Petersburg: Rech', 2005. 624 p. (In Russ.).
23. Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Bulling, romantic rejection, and conflicts with teachers: the crucial role of social dynamics of school shootings — A systematic review. *International Journal of Developmental Science*, 2014. Vol. 8, pp. 3–24. doi:10.3233/DEV-140129
24. Tedeschi J. T. Social power, influence, and aggression. In J.P. Forgas, K.D. Williams (eds.). *Social influence: Direct and indirect processes*. New York: Psychology Press, 2001, pp. 109–128.
25. Twenge J.M., Catanese K.R., Baumeister R.F. Social exclusion and the deconstructed state: Time perception, meaninglessness, lethargy, lack of emotion, and selfawareness. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003, Vol. 85, no. 3, pp. 409–423. doi:10.1037/0022-3514.85.3.409
26. Vasserman L.I. (ed.). Metodika dlya psikhologicheskoi diagnostiki sposoba sovladaniya so stressovymi i problemnymi dlya lichnosti situatsiyami: posobie dlya vrachei i meditsinskikh psikhologov. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii psikhonevrologicheskii institut imeni V.M. Bekhtereva Publ., 2009. (In Russ.).
27. Williams K.D. Chapter 6. Ostracism: A Temporal Need-Threat Model. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2009. Vol. 41, pp. 275–314. doi:10.1016/S0065-2601(08)00406-1
28. Williams K.D. Ostracism. *The Annual Review of Psychology*, 2007. Vol. 58, pp. 425–452. doi:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641
29. Williams K.D., Forgas J.P., von Hippel W. (eds.). The social outcast: Ostracism, social exclusion, rejection, and bullying. New York: Psychology Press, 2005. 389 p.
30. Zmanovskaya E.V. Deviantologiya (Psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya): Uchebnoe posobie. Moscow: Akademiya, 2003. 288 p. (In Russ.).

Information about the authors

Ekaterina E. Boykina, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Информация об авторах

Бойкина Екатерина Эдуардовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Получена 19.03.2022

Принята в печать 19.09.2022

Received 19.03.2022

Accepted 19.09.2022

Особенности самоорганизации подростков, склонных к девиантному поведению

Сапега Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7329-604X>, e-mail: sapegadarya@gmail.com

Богданович Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Статья посвящена изучению особенностей самоорганизации у подростков с выявленной склонностью к различным видам девиантного поведения, а также связи развития самоорганизации и склонности к девиантному поведению. Актуальность, новизна и практическая значимость обусловлены слабой изученностью данной темы и перспективой разработки практических методов профилактики девиантного поведения через развитие самоорганизации. В эмпирическом исследовании приняли участие 60 учащихся девятых классов средней образовательной школы обоих полов (средний возраст — 15 лет). В ходе эмпирического исследования были описаны такие особенности самоорганизации подростков с выявленной склонностью к девиантному поведению, как низкая выраженность общего уровня самоорганизации и отдельных ее компонентов, а также обнаружены значимые обратные корреляции между уровнем самоорганизации и склонностью к различным видам девиантного поведения.

Ключевые слова: самоорганизация, склонность к девиантному поведению, агрессивное поведение, самоповреждающее поведение, суицидальное поведение, аддиктивное поведение, делинквентное поведение, подростковый возраст, профилактика.

Для цитаты: Сапега Д.В., Богданович Н.В. Особенности самоорганизации подростков, склонных к девиантному поведению [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 135–151. DOI:10.17759/psylaw.2023130110

Features of Self-Organization of Adolescents Tend to Deviant Behavior

Daria V. Sapega

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7329-604X>, e-mail: sapegadarya@gmail.com

Natalia V. Bogdanovich

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

The article is devoted to the study of the features of self-organization in adolescents with a revealed tendency to various types of deviant behavior, as well as the relationship between the development of self-organization and a tendency to deviant behavior. Relevance, novelty and practical significance are due to the poor knowledge of this topic and the prospect of developing practical methods for preventing deviant behavior through the development of self-organization. The empirical study involved 60 ninth grade secondary school students of both sexes (mean age 15 years). In the course of the empirical study, such features of self-organization of adolescents with a revealed tendency to deviant behavior were described as a low severity of the general level of self-organization and its individual components, and significant inverse correlations were found between the level of self-organization and a tendency to various types of deviant behavior.

Keywords: self-organization, tendency to deviant behavior, aggressive, suicidal, addictive, adolescent, prevention.

For citation: Sapega D.V., Bogdanovich N.V. Features of Self-Organization of Adolescents Tend to Deviant Behavior. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 135–151. DOI:10.17759/psylaw.2023130110 (In Russ.).

Введение

Подростковый возраст нередко называют периодом «бури и натиска» — из-за свойственных для представителей этой группы импульсивности и агрессивности, повышенной эмоциональности и внушаемости, конфликтности и упрямству [10]. Это же и обуславливает преобладание девиантного поведения именно у подростков. Особенно это проявилось в условиях пандемии, когда многие подростки оказались в ситуации снижения контроля со стороны взрослых, что привело в том числе и к росту негативных явлений среди молодежи [3].

Отмечается, что отрицательные проявления в поведении подростков связаны в значительной мере с недостаточным уровнем развития у них самоорганизации [7]. Однако можно рассматривать некоторые ее компоненты и как личностные ресурсы, способствующие «преодолению различных трудных жизненных ситуаций и влияющих на повышение устойчивости к неблагоприятным факторам» [1], что относят к психопрофилактической деятельности.

Заметим также, что самоорганизация как целостный конструкт практически не рассматривается в одном научном поле с девиантным поведением.

Программа исследования

Целью данного исследования является выявление особенностей самоорганизации подростков, склонных к девиантному поведению.

Гипотезы.

1. У подростков с легкой и выраженной степенью склонности к девиантному поведению низкая выраженность таких компонентов самоорганизации, как целеполагание, планирование и настойчивость.
2. Чем выше у подростков общий уровень самоорганизации, тем ниже склонность к различным видам девиантного поведения.

Методы: теоретический анализ, синтез, обобщение, методы тестирования и опроса, методы математической статистики (U-критерий Манна—Уитни и коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

Методики: «Опросник диагностики особенностей самоорганизации» (А.Д. Ишков), «Опросник самоорганизации деятельности» (Е.Ю. Мандрикова), Тест склонности к девиантному поведению (Э.В. Леус).

Этапы исследования

Исследование проводилось в два этапа. Сначала были проведены *теоретическое исследование* феномена самоорганизации в отечественной психологии, соотнесение его с уже изученными предпосылками девиантного поведения в подростковом возрасте.

В психологии многие авторы используют в качестве синонимов понятия самоорганизации, саморегуляции и самоуправления. В связи с этим в нашей работе на первый план выходит необходимость дифференциации этих феноменов.

На данный момент существует много подходов к их соотношению: так, исследователи ставят вопрос об иерархическом соподчинении этих процессов (Н.М. Пейсахов), о сознательности—бессознательности в отношении каждого из них (И.С. Клецина), различии по широте решаемых задач (Ю.А. Цагарелли) и т. д. [5]. К сожалению, четкие границы использования данных понятий так и не определены.

При анализе собственно понятия самоорганизации можно выделить 4 основные тенденции [5]:

1. личностный: самоорганизация — психологическое качество, образованное комплексом личностных свойств (например, в трудах Т.А. Губайдулиной, Т.А. Егоровой, М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович, Н.С. Копеиной и др.);
2. деятельностный: самоорганизация — процесс, в который входят этапы операций, функций, умений и навыков (В.Н. Донцов, В.К. Елманова, С.Б. Елканов, А.Г. Сорокова, Н.В. Кузьмина, Я.О. Устинова, Н.И. Мурачковский и др.);
3. интегральный: самоорганизация — психологическое качество и процесс (С.С. Амирова, В.Б. Арюткин, Г. Домбровецкая, Н.А. Заенутдинова, П.М. Керженцев, Л.Т. Охитина, Н.П. Попова, О.Н. Птицына, И.А. Трофимова и др.);
4. технический: самоорганизация включает в себя техники и приемы, увеличивающие эффективность организации деятельности (Г. Алдер, П. Берд, Г.А. Архангельский, Н.М. Варшавский, Н.П. Ерастов, А.К. Гастев, Б.Г. Иогансен, С.Ю. Ключников, Г.Х. Попов и др.).

Таким образом, можно определить самоорганизацию как целенаправленный процесс и способность человека структурировать свою деятельность за счет имеющихся у него психологических качеств и специальных навыков.

В нашем исследовании мы опираемся на работы А.Д. Ишкова (рис. 1) и Е.Ю. Мандриковой (рис. 2).

В концепции Е.Ю. Мандриковой [6] большинство компонентов (рис. 2) можно отнести к личностному подходу изучения самоорганизации, однако компонент «самоорганизация» больше соотносится с техническим, так как показывает использование дополнительных средств для повышения эффективности самоорганизации, а компонент «планомерность», в свою очередь, больше соотносится с деятельностным подходом, так как отражает использование или нет действий по планированию своей жизни, что также можно заметить, обратившись к вопросам методики: «я планирую свои дела», «я намечаю план на день» и т. д. Ос-

тальные же компоненты скорее транслируют психологические качества человека, нежели умения и навыки. Также стоит отметить, что в предложенной модели не прослеживается связь между ее компонентами, они скорее выступают как единицы независимые, нежели поэтапно дополняющие друг друга.

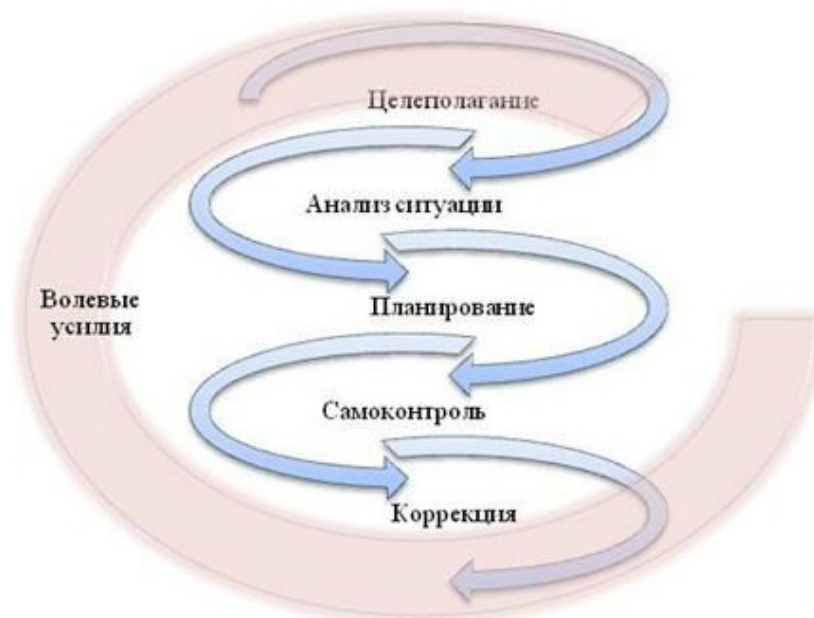

Рис. 1. Голографическая модель самоорганизации А.Д. Ишкова

Рис. 2. Компоненты самоорганизации по Е.Ю. Мандриковой

Если говорить о соотношении компонентов по смыслу и содержанию с моделью А.Д. Ишкова, то можно увидеть следующие сходства: планомерность соотносится с планированием; целеустремленность — с целеполаганием; настойчивость — с волевыми усилиями и самоконтролем. Связь между этими компонентами может выражаться по такой логике, что целеустремленность, являясь личностным качеством, может влиять на уровень развития навыков целеполагания — служить причиной их более высокого уровня развития. Настойчивость же скорее является совокупностью волевых усилий и навыков самоконтроля, так как она одновременно отражает мобилизацию и концентрацию в нужном направлении сил человека и контроль за выполнением необходимых действий. Планомерность, в свою очередь, показывает степень использования навыков планирования в жизни.

Компоненты «фиксация», «самоорганизация» и «ориентация на настоящее» не находят отражения среди компонентов в модели А.Д. Ишкова и являются дополняющими.

Теперь обратимся к феномену «склонность к девиантному поведению», который чаще всего определяют как готовность к реализации поведения, отклоняющегося от принятых социальных норм и ценностей, а также несущего вред обществу и самому человеку. Основными подходами к изучению такого поведения являются философско-этический, биолого-генетический, биокриминологический, социологический и психологический. В последнем из подходов выделяются такие факторы формирования девиантного поведения, как внутренние (критичность, адекватность, когнитивные способности, личностные характеристики, особенности волевой регуляции и т. д.) и внешние (семья, взаимоотношения с ближайшим окружением, особенности социальной среды, доступность различных вариантов помощи и тому подобное).

В нашем исследовании мы руководствуемся подходом Э.В. Леус, которая выделяет следующие основные виды девиантного поведения (см. рис. 3).

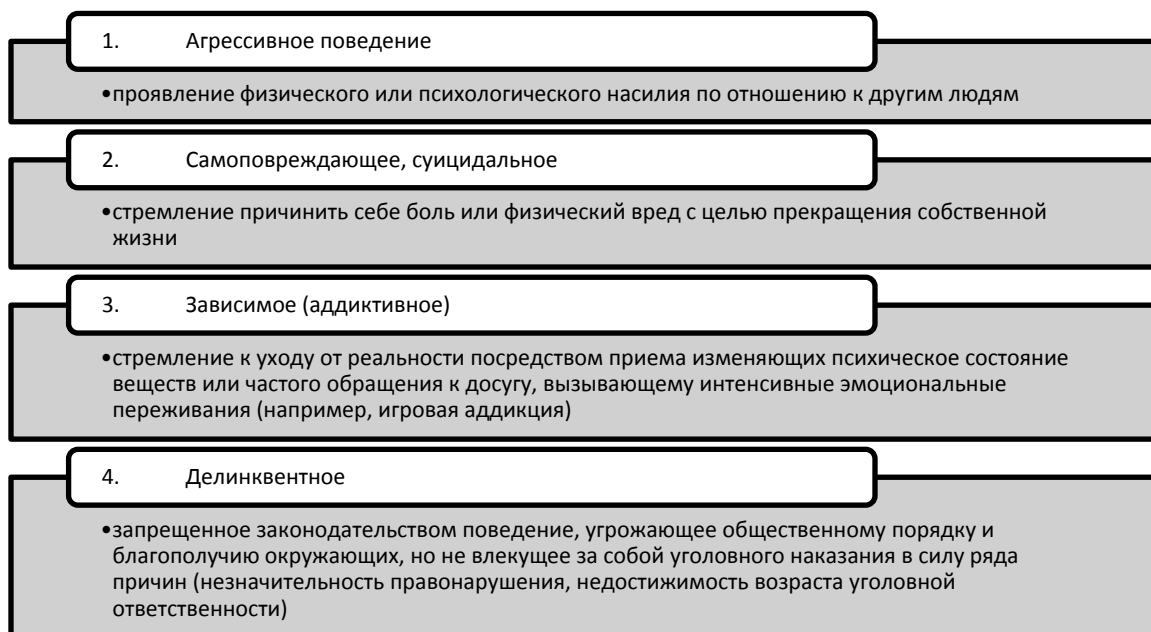

Рис. 3. Основные виды девиантного поведения, по Э.В. Леус

Рассмотрев факторы формирования девиантного поведения и формы его проявления, можно предположить наличие обратной связи между самоорганизацией и склонностью к девиантному поведению. Например, школьная дезадаптация, как один из факторов развития девиантного поведения, и прогулы школы, как одна из ее форм, могут быть следствием низкого уровня развития у школьника самоорганизации учебной деятельности. Такой внутренний фактор формирования девиантного поведения, как развитие критичности, отчасти является отражением одного из функциональных компонентов самоорганизации — анализа ситуации. Для его реализации необходимо уметь рассматривать ситуацию с разных сторон и выявлять наиболее существенные обстоятельства для достижения цели, т. е. необходимо уметь критически оценивать имеющуюся ситуацию. Помимо этого, особенности волевой регуляции, как один из внутренних факторов, соотносятся с таким компонентом, как волевые усилия.

Стоит отметить, что в качестве одной из задач психопрофилактики девиантного поведения выделяют развитие навыков саморегуляции, целеполагания, планирования и оценки последствий поведения [2], которые также являются компонентами самоорганизации: саморегуляция отражается в волевых усилиях и самоконтроле; целеполагание и планирование соотносятся с одноименными функциональными компонентами самоорганизации; оценка последствий поведения отчасти отражается в анализе ситуации.

На втором этапе для *эмпирического исследования* самоорганизации у подростков мы взяли две методики: «Опросник диагностики особенностей самоорганизации» (А.Д. Ишков) и «Опросник самоорганизации деятельности» (Е.Ю. Мандрикова). Для определения степени (отсутствует, легкая или выраженная) склонности к четырем (делинквентное, зависимое, агрессивное, самоповреждающее) основным видам девиантного поведения использовался тест склонности к девиантному поведению Э.В. Леус.

Психологическая диагностика проводилась очно на территории школы № 293 имени А.Т. Твардовского среди четырех девятых классов. Выборка составила 60 человек. Средний возраст в обеих группах — 15 лет.

Результаты эмпирического исследования

Исследование степени развития склонности к видам девиантного поведения с помощью теста Э.В. Леус показало, что у 23 человек (15 мальчиков и 8 девочек) отсутствуют признаки развития девиантного поведения. У 37 человек (20 мальчиков и 17 девочек) выявлены признаки легкой и/или выраженной степени развития склонности к девиантному поведению.

У большей части у подростков присутствует склонность одновременно к нескольким видам девиантного поведения, поэтому разделить выборку для отдельного анализа людей с одним конкретным видом не представляется возможным. Таким образом, в нашей работе мы будем рассматривать только две группы подростков — с полным отсутствием признаков склонности к девиантному поведению и с легкой и/или выраженной склонностью.

На рис. 4 мы видим, что средние значения по тесту склонности к девиантному поведению по всем его видам находятся в рамках легкой степени склонности.

Далее обратимся к результатам по «Опроснику диагностики особенностей самоорганизации» А.Д. Ишкова.

На рис. 5 мы видим, что средние значения по опроснику по всем шкалам выше у подростков без склонности к девиантному поведению.

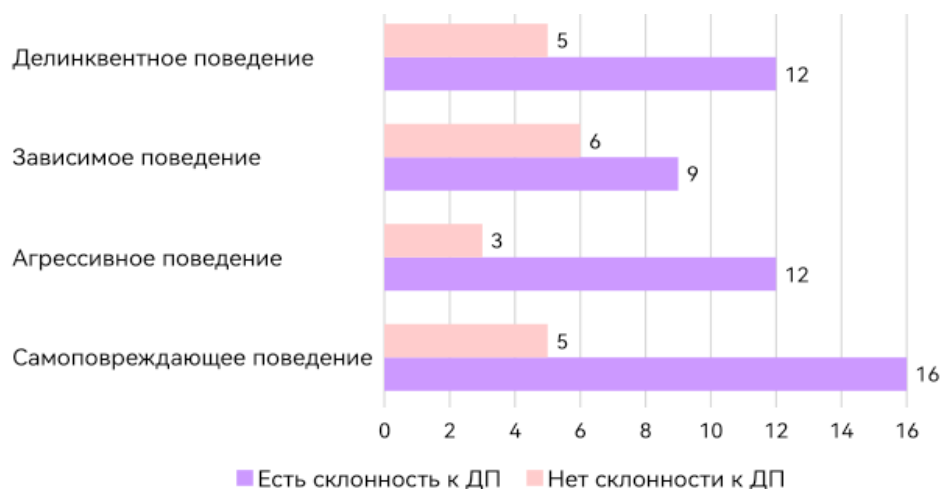

Рис. 4. Средние значения по тесту склонности к девиантному поведению Э.В. Леус у подростков с отсутствием и наличием склонности

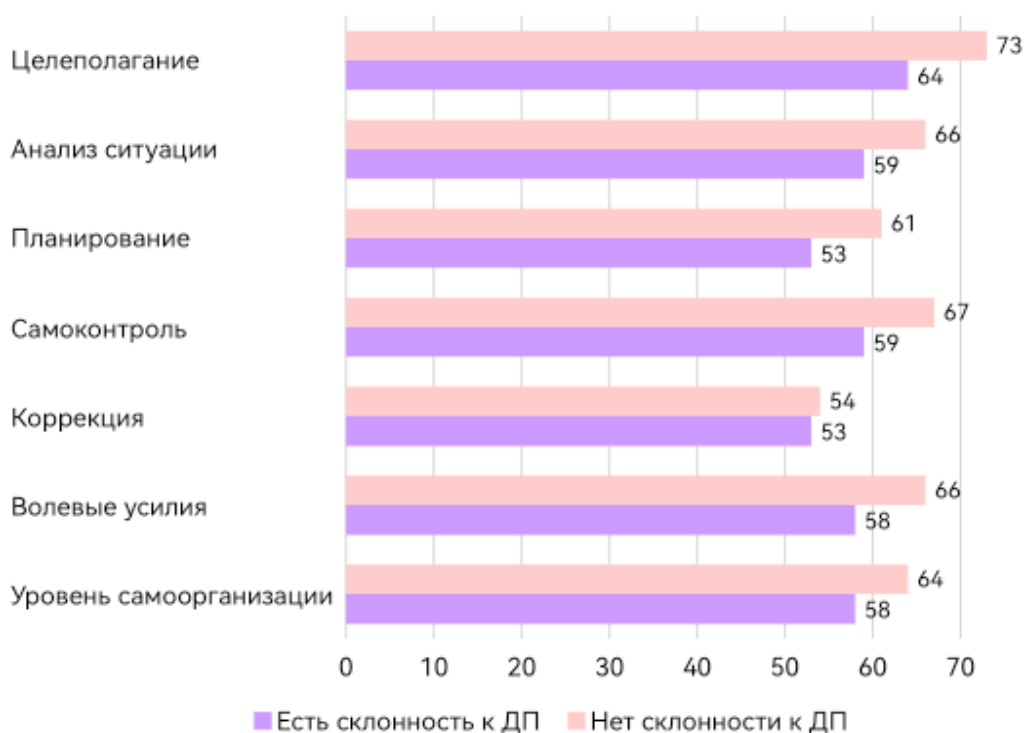

Рис. 5. Средние значения по «Опроснику диагностики особенностей самоорганизации» А.Д. Ишкова

Учитывая, что максимальный балл по каждой шкале равен 100, а минимальный — 0, можно разделить результаты на 5 уровней: 0—20 баллов — низкий уровень развития, 20—40 — ниже среднего, 40—60 — средний, 60—80 — выше среднего, 80—100 — высокий. Таким образом:

- у подростков без склонности к девиантному поведению: выше среднего уровень развития целеполагания, анализа ситуации, планирования, самоконтроля, волевых усилий, общего уровня самоорганизации и средний уровень развития коррекции;

2. у подростков с наличием склонности к девиантному поведению: выше среднего уровень развития целеполагания и средний уровень развития анализа ситуации, планирования, самоконтроля, коррекции, волевых усилий, общего уровня самоорганизации.

Согласно полученным результатам можно сделать вывод о преобладании у подростков без склонности к девиантному поведению значений выше среднего по шкалам «Опросника диагностики особенностей самоорганизации», а у подростков с наличием склонности к девиантному поведению, в свою очередь, отмечается преобладание средних значений.

Перейдем к рассмотрению результатов по «Опроснику самоорганизации деятельности» Е.Ю. Мандриковой.

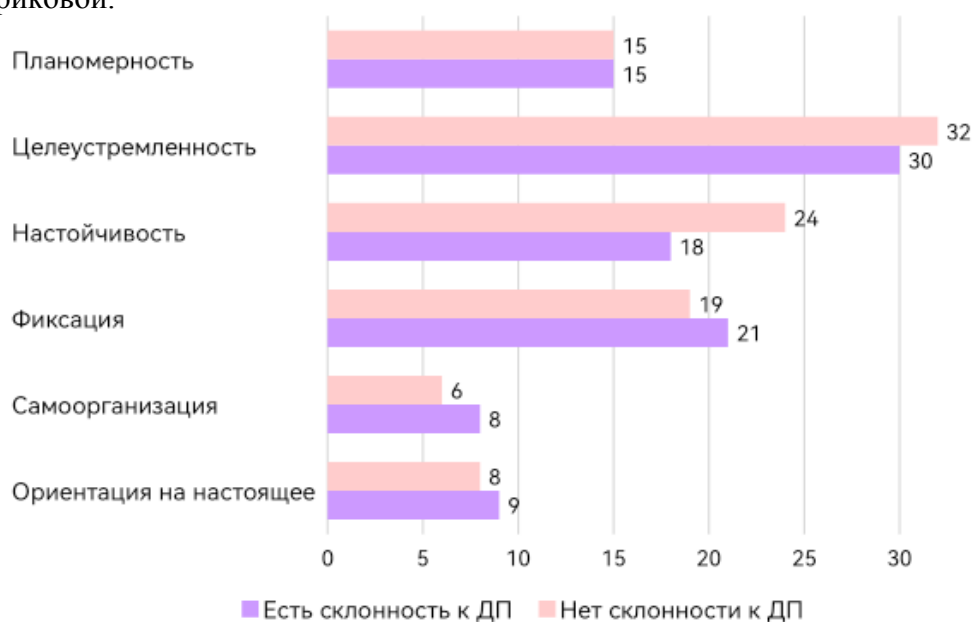

Рис. 6. Средние значения по «Опроснику самоорганизации деятельности» Е.Ю. Мандриковой

На рис. 6 мы видим, что значения по шкале «Планомерность» одинаковы у подростков без и со склонностью к девиантному поведению, по шкалам «Целеустремленность» и «Настойчивость» — выше у подростков без склонности, по шкалам «Фиксация», «Самоорганизация» и «Ориентация на настоящее» — выше у подростков с наличием склонности к девиантному поведению.

Стоит отметить, что есть некоторое расхождение в полученных данных: если в первой методике результаты по планированию выше у подростков без склонности, то во второй значения одинаковы у обеих групп. На наш взгляд, эта разница не является существенной и не говорит о некорректности результатов, так как в данной методике речь идет о планомерности как о степени вовлеченности в процесс планирования, а в первом опроснике о развитии навыков и умений планирования. То есть можно сказать, что степень вовлеченности у обеих групп развита на одном уровне, однако большими навыками и умениями в этой сфере обладают подростки без склонности к девиантному поведению.

Согласно приведенным в данной методике нормативам, результаты обеих групп по всем шкалам находятся в среднем диапазоне.

На основе полученных данных по двум методикам, направленным на психодиагностику особенностей самоорганизации, у подростков со склонностью к девиантному поведению от-

мечается средний уровень развития, как общего уровня самоорганизации, так и ее компонентов (кроме компонента «целеполагание»). Таким образом, можно выделить следующие особенности их самоорганизации:

1. выше среднего уровень развития навыков принятия и удержания цели;
2. средний уровень развития навыков: выявления и анализа обстоятельств, значимых для достижения цели; планирования собственной деятельности; контроля своих действий, психических процессов и состояний; исправления своих целей, способов и направлений анализа ситуации, плана действий, критериев оценки, форм самоконтроля и особенностей волевой регуляции;
3. средний уровень развития способностей: мобилизовать силы и концентрировать активность в необходимом направлении; концентрироваться на цели;
4. средний уровень развития склонности: к фокусированию на созданном плане, ригидности в изменение этапов планирования; использованию дополнительных средств для повышения эффективности самоорганизации; ориентации на настоящем моменте, нежели на прошлом или будущем.

Анализ и интерпретация результатов

На рис. 7 приведены средние значения результатов подростков без склонности к девиантному поведению и с ее наличием (всех 60 человек) по «Опроснику диагностики особенностей самоорганизации» А.Д. Ишкова, а также подписаны значения критерия Манна—Уитни.

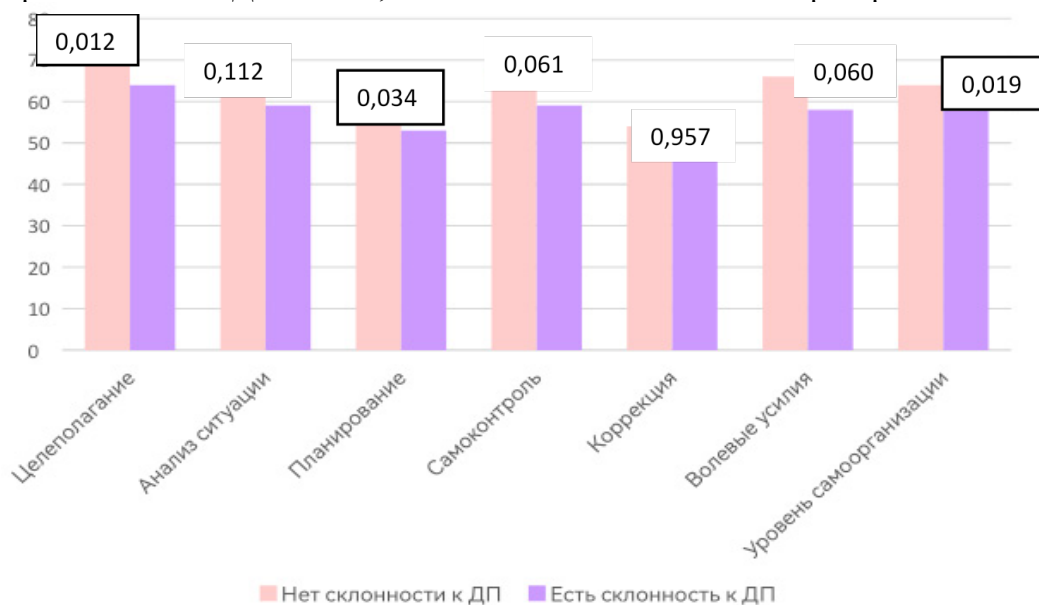

Рис. 7. Средние значения по «Опроснику диагностики особенностей самоорганизации» А.Д. Ишкова и значения критерия Манна—Уитни для независимых выборок (уровень значимости $p < 0,05$)

Итак, мы видим, что по шкалам «Анализ ситуации», «Самоконтроль», «Коррекция» и «Волевые усилия» нулевая гипотеза об их одинаковом распределении для обеих групп принимается — значимые отличия отсутствуют.

В свою очередь, по шкалам «Целеполагание», «Планирование» и «Уровень самоорганизации» нулевая гипотеза отклоняется на уровне значимости $p < 0,05$, что говорит о наличии значимых различий между подростками без склонности к девиантному поведению и с ней.

Средний ранг по данным шкалам у группы со склонностью к девиантному поведению значительно ниже, чем у группы без склонности, что позволяет отметить более выраженные результаты по целеполаганию, планированию и общему уровню самоорганизации у подростков без склонности к девиантному поведению.

Далее рассмотрим значения по критерию Манна—Уитни со средними значениями по «Опроснику самоорганизации деятельности» Е.Ю. Мандриковой.

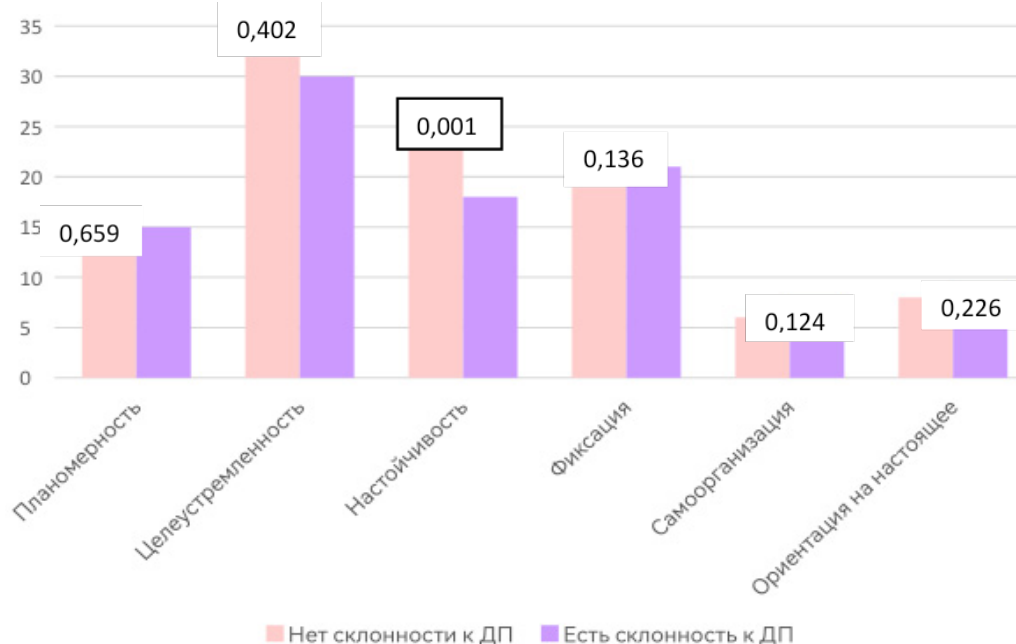

Рис. 8. Средние значения по «Опроснику самоорганизации деятельности» Е.Ю. Мандриковой и значения критерия Манна—Уитни для независимых выборок (уровень значимости $p < 0,01$)

На рисунке 8 мы видим, что по всем шкалам (кроме настойчивости) данной методики значимых отличий не найдено — нулевая гипотеза об одинаковом распределении этих компонентов принимается. Однако по шкале «Настойчивость» нулевая гипотеза отклоняется на уровне значимости $p < 0,01$. Средний ранг у группы со склонностью к девиантному поведению здесь равен 24,45, а у группы без склонности к девиантному поведению — 40,24. Таким образом, у подростков без склонности к девиантному поведению более выражены результаты по настойчивости.

Низкая выраженность общего уровня развития самоорганизации у подростков со склонностью к девиантному поведению может объясняться одним из факторов его формирования — школьной дезадаптацией, которая, в свою очередь, может возникать вследствие недостаточной или неконструктивной самоорганизации учебной деятельности из-за низкого уровня развития навыков и способностей самоорганизации как таковой. Помимо этого, низкая выраженность общего уровня развития самоорганизации может быть обусловлена выявленной низкой выраженностью некоторых ее компонентов.

Теперь перейдем к анализу корреляционных связей по Спирмену.

На рис. 9 видны значимые обратные связи на уровне $p < 0,01$ общего уровня самоорганизации с делинквентным и самоповреждающим поведением, а также значимая обратная связь на уровне $p < 0,05$ уровня самоорганизации и агрессивного поведения. Таким образом, чем выше

общий уровень развития у подростков самоорганизации, тем ниже склонность к делинквентному, агрессивному и самоповреждающему поведению, и наоборот.

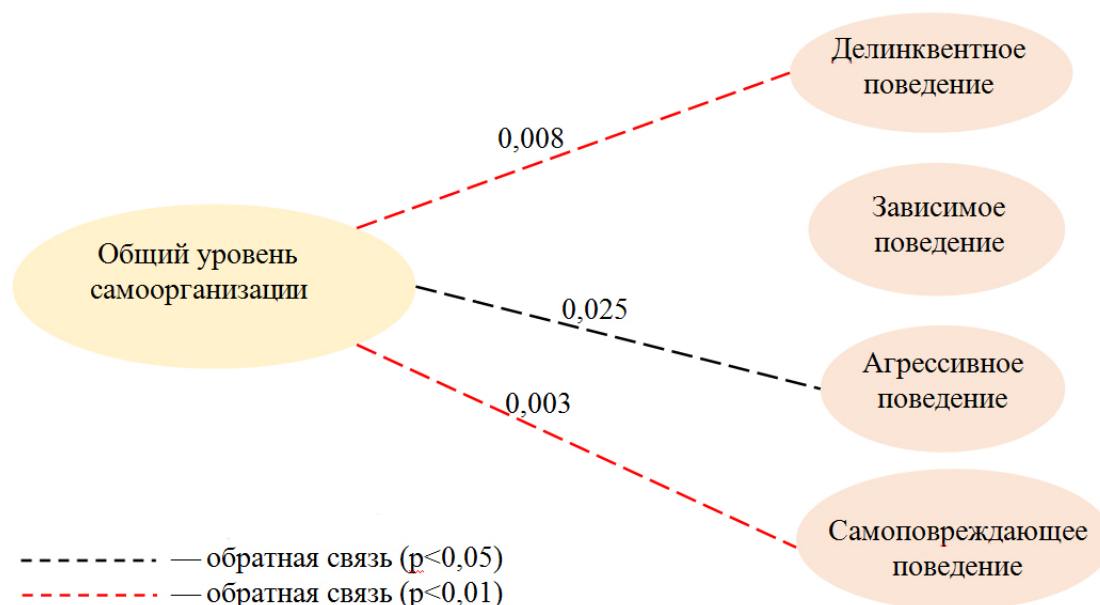

Рис. 9. Плеяда корреляционных связей на основе расчета критерия Спирмена для уровня значимости $p < 0,05$ и $p < 0,01$

Интерпретируя наличие обратной связи между общим уровнем самоорганизации и склонностью к делинквентному поведению, следует обратиться к некоторым выделенным ранее индивидуальным факторам риска такого поведения, таким как: неумение контролировать себя, социально-психологическая дезадаптация и снижение критичности к своему поведению [8]. Так, неумение контролировать себя может отражать низкий уровень развития таких компонентов самоорганизации, как самоконтроль, волевые усилия и настойчивость; снижение критичности — низкий уровень развития анализа ситуации; социально-психологическая дезадаптация может быть вызвана низким общим уровнем развития самоорганизации. Также можно отметить сильные стороны подростка, препятствующие развитию у него делинквентного поведения, и их влияние на более высокий уровень развития отдельных компонентов самоорганизации: развитые познавательные способности могут способствовать более высокому уровню развития анализа ситуации; самоконтроль может отражать более высокий уровень развития таких компонентов, как самоконтроль, волевые усилия и настойчивость; целеустремленность — целеполагания и целеустремленности; навыки принятия решений — целеполагания и планирования; интерес к учебе может способствовать более высокому общему уровню развития самоорганизации. Помимо этого, объяснение обратной связи между общим уровнем развития самоорганизации и склонностью к делинквентному поведению может объясняться одной из рекомендаций по взаимодействию с подростками с таким поведением — совместное составление плана решения проблемы, которое отражает необходимость развития навыков и способностей к самоорганизации.

Переходя к интерпретации обратной связи между общим уровнем самоорганизации и склонностью к агрессивному поведению, обратимся к одной из теорий, в которой агрессивное поведение объясняется отсутствием возможности достигнуть желаемых целей [4]. Так, невозможность достижения своих целей может быть вызвана низким уровнем развития на-

выков и способностей к самоорганизации собственной деятельности. Помимо этого, одной из мотиваций агрессивного поведения является стремление человека выглядеть сильным и быть авторитетом перед другими людьми, т. е. — самореализовываться [там же]. Исходя из этого, можно предположить, что выбор путей самореализации через такой вид девиантного поведения обуславливается невозможностью ее осуществления в правомерном поле, что, в свою очередь, может быть вызвано низким уровнем развития самоорганизации деятельности.

Наличие обратной связи между общим уровнем самоорганизации и склонностью к самоповреждающему поведению может объясняться возможным низким уровнем развития таких ее компонентов, как целеполагание, целеустремленность, волевые усилия и настойчивость. Как отмечалось ранее, одной из причин самоповреждающего поведения является конфликтность я-концепции, свойственная подростковому возрасту. Так, противоречивые и неустойчивые представления подростка о самом себе могут делать невозможным осознание своих истинных интересов и желанных целей — могут затруднять выявление и принятие действительно значимых для себя целей в жизни и тем самым отражать низкий уровень развития целеполагания и целеустремленности. Помимо этого, следует отметить ключевую функцию самоповреждающего поведения — регуляция болезненных эмоциональных состояний. Прибегание к такой форме самоконтроля своих эмоций говорит о низком уровне развития его более продуктивных форм и объясняет одну из задач профилактики самоповреждающего поведения — развитие навыков самоконтроля. Таким образом, трудности в самоконтроле у таких подростков могут обуславливать низкий уровень развития таких компонентов самоорганизации, как волевые усилия, самоконтроль и настойчивость.

Важно заметить отсутствие связи между общим уровнем самоорганизации и склонностью к зависимому поведению. Это может быть объяснено маленькой выборкой — склонность к зависимому поведению была обнаружена у 14 из 60 человек. В то время как склонность к каждому из остальных видов девиантного поведения была выявлена у 20 и более человек.

Далее рассмотрим выявленные корреляционные связи в группе подростков со склонностью к девиантному поведению.

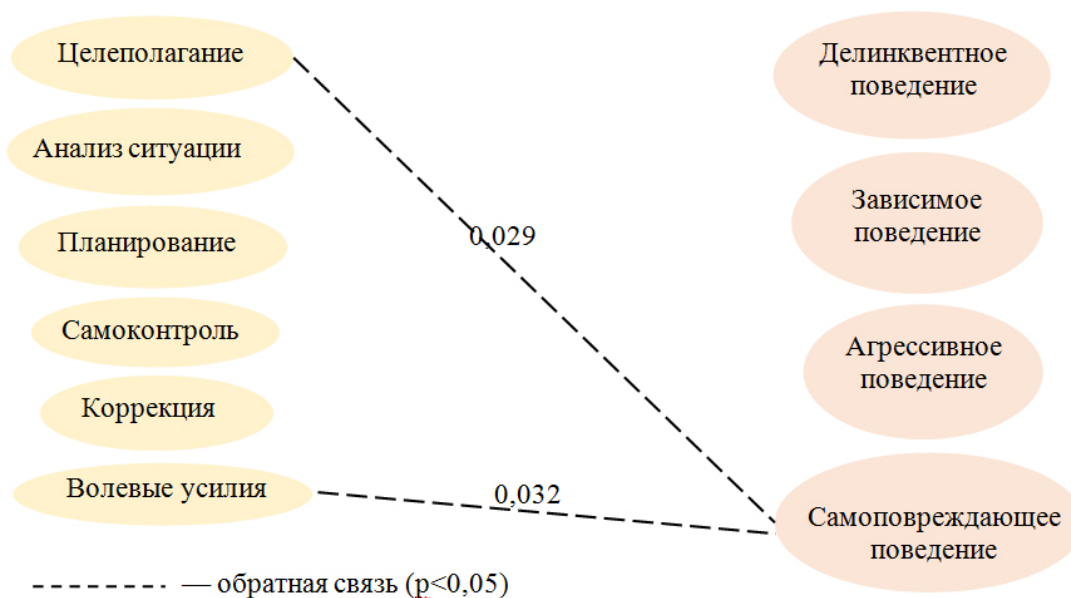

Рис. 10. Плеяда корреляционных связей на основе расчета критерия Спирмена для уровня значимости $p < 0,05$

На рис. 10 представлены корреляционные связи между шкалами «Опросника диагностики особенностей самоорганизации» А.Д. Ишкова и видами девиантного поведения. Так, обнаружены обратные значимые связи между самоповреждающим поведением и целеполаганием, а также волевыми усилиями (на уровне $p < 0,05$).

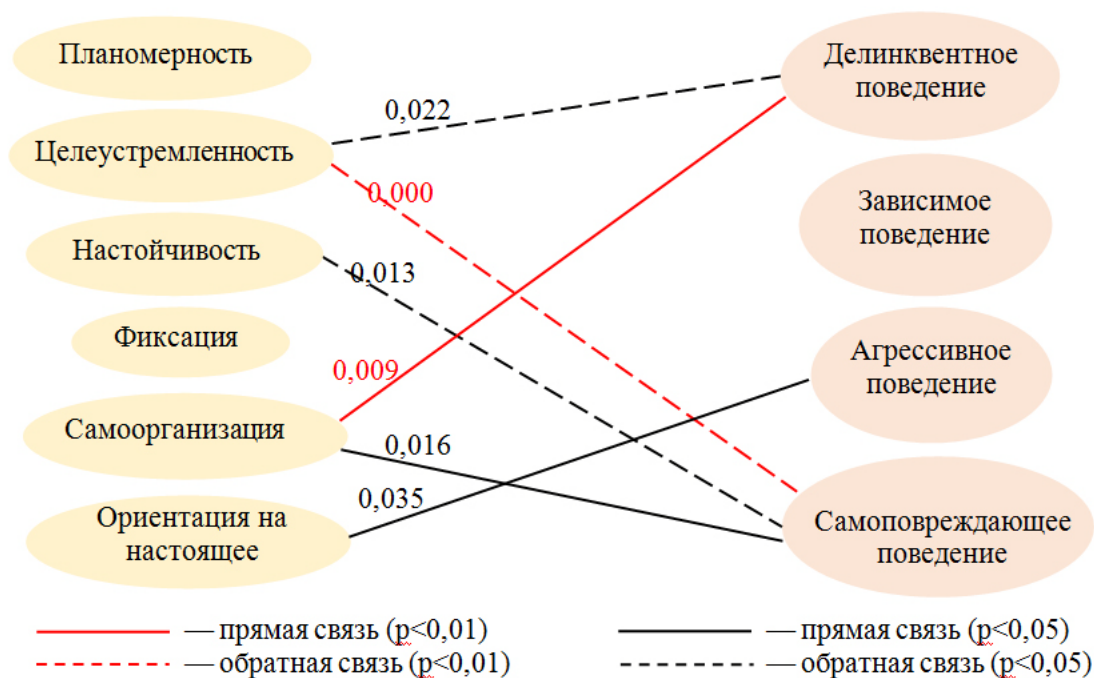

Рис. 11. Плеяда корреляционных связей на основе расчета критерия Спирмена для уровня значимости $p < 0,01$ и $p < 0,05$

На рис. 11 мы видим корреляционные связи, полученные при сравнении шкал «Опросника самоорганизации деятельности» Е.Ю. Мандриковой. Так, можно заметить значимые обратные связи (на уровне $p < 0,05$) между целеустремленностью и делинквентным поведением, а также между настойчивостью и самоповреждающим поведением. Выявлена обратная значимая связь на уровне $p < 0,01$ между целеустремленностью и самоповреждающим поведением. Помимо этого, обнаружены прямые значимые связи между самоорганизацией и делинквентным поведением ($p < 0,01$), а также между самоорганизацией и самоповреждающим поведением и между ориентацией на настоящее и агрессивным поведением ($p < 0,05$).

Таким образом, у подростков со склонностью к девиантному поведению обнаруживаются следующие особенности связей.

1. чем выше уровень развития навыков принятия и удержания цели и способности концентрироваться на ней, тем ниже склонность к самоповреждающему поведению (и наоборот);
2. чем выше развиты способности к мобилизации сил, концентрации их активности в необходимом направлении и самоконтролю, тем ниже склонность к самоповреждающему поведению (и наоборот);
3. чем выше уровень развития способности концентрироваться на цели, тем меньше склонность к делинквентному поведению (и наоборот);
4. чем выше развита склонность использовать дополнительные средства для самоорганизации, тем выше склонность к делинквентному и самоповреждающему поведению (и наоборот);

5. чем выше склонность ориентироваться на настоящее, тем выше склонность к агрессивному поведению (и наоборот).

Переходя к интерпретации полученных связей, обратимся к уже описанным нами явлениям. Так, наличие обратной связи между такими компонентами самоорганизации, как целеполагание и целеустремленность, и склонностью к самоповреждающему поведению может быть обусловлено одной из причин самоповреждающего поведения — конфликтностью я-концепции. Таким образом, противоречивые и неустойчивые представления подростка о самом себе, могут делать невозможным осознание своих истинных интересов и желанных целей — могут затруднять выявление и принятие действительно значимых для себя целей в жизни и тем самым отражать низкий уровень развития целеполагания и целеустремленности. Основная же функция самоповреждающего поведения — регуляция болезненных эмоциональных состояний — может объяснять более низкий уровень развития волевых усилий и настойчивости поведения, которые и отражают процесс и способность к саморегуляции психической деятельности.

Еще одна выявленная обратная связь между целеустремленностью и склонностью к делинквентному поведению может объясняться тем, что целеустремленность является одной из сильных сторон подростка, удерживающих от обращения к подобному виду девиантного поведения.

Однако помимо обратных связей самоорганизации и ее компонентов с видами девиантного поведением, были обнаружены и прямые. Так, прямая связь между самоорганизацией (компонент, отражающий в себе склонность к использованию дополнительных средств для осуществления процесса самоорганизации — например, ежедневники и т. д.) и склонностью к самоповреждающему поведению может быть обусловлена тем, что на такой стадии самоповреждающего поведения, как суицидальные проявления, человек начинает разрабатывать подробный план по совершению суицида, в процессе чего он может использовать для фиксации детального плана дополнительные средства [9]. Прямая связь этого же компонента самоорганизации и склонности к делинквентному поведению может объясняться тем, что для совершения некоторых противоправных поступков необходимо составление подробного плана действий, прорисовка схем (например, как попасть в квартиру, которую хотят ограбить). Выявленная же прямая связь между ориентацией на настоящее и склонностью к агрессивному поведению может обуславливаться тем, что у склонных к такому поведению людей существуют трудности с оценкой последствий своих действий и их влияния на будущую жизнь [4].

Выводы

Анализ результатов по «Опросникам диагностики особенностей самоорганизации» (А.Д. Ишков) и самоорганизации деятельности (Е.Ю. Мандрикова) с помощью расчета U-критерия Манна—Уитни показал значимые различия в выраженности общего уровня самоорганизации, целеполагания, планирования и настойчивости: у подростков со склонностью к девиантному поведению более низкая выраженность, чем у подростков без склонности к девиантному поведению.

Средние значения по двум методикам, направленным на психодиагностику особенностей самоорганизации, у подростков со склонностью к девиантному поведению показывают преобладание среднего уровня развития, как общего уровня самоорганизации, так и ее компонентов.

Исследование корреляционных связей между «Опросником диагностики особенностей самоорганизации» (А.Д. Ишков), «Опросником самоорганизации деятельности» (Е.Ю. Мандрикова) и тестом склонности к девиантному поведению (Э.В. Леус) показало наличие значимых связей между общим уровнем самоорганизации, а также некоторыми ее компонентами и склонностью к различным видам девиантного поведения:

6. обратные связи между общим уровнем самоорганизации и делинквентным, агрессивным и самоповреждающим поведением;
7. обратные связи между целеполаганием, целеустремленностью, волевыми усилиями и настойчивостью и самоповреждающим поведением;
8. обратная связь между целеустремленностью и делинквентным поведением;
9. прямые связи между самоорганизацией (компонентом, отражающим склонность использовать дополнительные средства для процесса самоорганизации) и делинквентным и самоповреждающим поведением;
10. прямая связь между ориентацией на настоящее и агрессивным поведением.

При разработке психопрофилактических программ необходимо вспомнить, что задача развития саморегуляции, целеполагания и планирования уже ставилась в работах [2]. Перечисленные понятия находят свое отражение в нескольких компонентах самоорганизации: саморегуляция отражается в настойчивости (использование волевых усилий для самоконтроля поведения и эмоций с целью завершения действий по достижению цели и упорядочивания активности в этом процессе); целеполагание и планирование соотносятся с одноименными функциональными компонентами самоорганизации. Использование выделенных компонентов самоорганизации (одних — в качестве мишеней воздействия, а других — в качестве ресурсов при психопрофилактике девиантного поведения) может позволить увеличить эффективность психологической помощи в трудных жизненных и юридически значимых ситуациях.

Заключение

В исследовании были выдвинуты две гипотезы, первая из которых подтвердилась полностью: у подростков с легкой и выраженной степенью склонности к девиантному поведению низкая выраженность таких компонентов самоорганизации, как целеполагание, планирование и настойчивость. Вторая же гипотеза подтвердилась частично: чем выше у подростков уровень самоорганизации, тем ниже склонность к делинквентному, агрессивному и самоповреждающему поведению.

Наиболее перспективными направлениями дальнейшего развития темы представляется: во-первых, продолжение анализа понятий самоорганизации, самоуправления и саморегуляции для более точной их дифференциации; во-вторых, дальнейшее исследование связей различных видов девиантного поведения с самоорганизацией; в-третьих, разработка развивающей и/или психокоррекционной программы в рамках психопрофилактики девиантного поведения у подростков через развитие их самоорганизации.

Таким образом, в соответствии с полученными результатами нашего исследования получается, что психопрофилактику отклоняющегося поведения необходимо строить, повышая общий уровень самоорганизации, сделав акцент на целеполагание, целеустремленность и планирование. При психокоррекции склонности к отдельным видам девиантного поведения можно уделить особое внимание тому, что использование дополнительных средств для повышения эффективности самоорганизации может быть ресурсным фактором для работы с делинквентным и самоповреждающим поведением, однако при помощи подросткам со склонностью к агрессивному поведению нужно расширять их ориентацию на прошлое и на будущее.

Литература

1. Богданович Н.В., Делибальт В.В. Профилактика девиантного поведения детей и подростков как направление деятельности психолога в образовательных учреждениях [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 1–14. doi:10.17759/psylaw.2020100201
2. Галич Г.О., Карпушкина Е.А., Корчагина Л.Н., Морозова Н.Л., Тупарева Н.В. Профилактика девиантного поведения детей и подростков // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. 2010. № 16 (20). С. 84–91.
3. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Стратегии совладания, психологическое благополучие и проблемное использование интернета в период пандемии [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 6. С. 31–40. doi:10.17759/pse.2020250603
4. Иванов С.В. Психологическая помощь в преодолении последствий агрессивного поведения [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2017. Том 6. № 4. С. 168–186. doi:10.17759/cpse.2017060411
5. Ишков А.Д. Учебная деятельность студента: психологические факторы успешности: Монография. М.: АСВ, 2004. 224 с.
6. Мандрикова Е.Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 59–83.
7. Махлеева Л.В. Роль самоорганизации в профессиональном становлении старшеклассников // Ученые записки Орловского государственного университета. 2017. № 3 (76). С. 247–250.
8. Методические материалы по признакам девиаций, действиям специалистов системы образования в ситуациях социальных рисков и профилактике девиантного поведения обучающихся. [Электронный ресурс]. М.: МГППУ, 2018 // МГППУ. URL: https://mgppu.ru/about/publications/deviant_behaviour/2018 (дата обращения: 24.12.2022).
9. Польская Н.А. Факторы риска и направления профилактики самоповреждающего поведения подростков [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2018. Том 7. № 2. С. 1–20. doi:10.17759/cpse.2018070201
10. Шульга Т.И., Дворянчиков Н.В. Представления подростков о девиантном поведении [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 174–188. doi:10.17759/psylaw.2020100312

References

1. Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Profilaktika deviantnogo povedeniya detei i podrostkov kak napravlenie deyatel'nosti psikhologa v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh [Prevention of Deviant Behavior of Children and Adolescents as a Field of Activity of a Psychologist in Educational Institutions] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 1–14. doi:10.17759/psylaw.2020100201 (In Russ.).
2. Galich G.O., Karpushkina E.A., Korchagina L.N., Morozova N.L., Tupareva N.V. Profilaktika deviantnogo povedeniya detei i podrostkov [Prevention of deviant behaviour of children and teenagers]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V.G. Belinskogo = Izvestiya Penzenskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta Imeni V.G. Belinskogo*, 2010, no. 16 (20), pp. 84–91. (In Russ.).
3. Gerasimova A.A., Kholmogorova A.B. Strategii sovladaniya, psikhologicheskoe blagopoluchie i problemnoe ispol'zovanie interneta v period pandemii [Coping Strategies, Psychological Well-Being and Problematic Internet Use During a Pandemic] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 6, pp. 31–40. doi:10.17759/pse.2020250603 (In Russ.).

4. Ivanov S.V. Psikhologicheskaya pomoshch' v preodolenii posledstviy agressivnogo povedeniya [Psychological Support for Overcoming the Consequences of Aggressive Behavior] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2017. Vol. 6, no. 4, pp. 168–186. doi:10.17759/cpse.2017060411 (In Russ.).
5. Ishkov A.D. Uchebnaya deyatel'nost' studenta: psikhologicheskie faktory uspeshnosti: Monografiya. Moscow: ASV, 2004. 224 p. (In Russ.).
6. Mandrikova E.Yu. Razrabotka oprosnika samoorganizatsii deyatel'nosti (OSD). *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological Diagnostics*, 2010, no. 2. pp. 59–83. (In Russ.).
7. Makhleeva L.V. Rol' samoorganizatsii v professional'nom stanovlenii starsheklassnikov [Self-organization role in professional formation of senior pupils]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes of Orel State University*. 2017, pp. 247–250. (In Russ.).
8. Metodicheskie materialy po priznakam deviatsii, deistviyam spetsialistov sistemy obrazovaniya v situatsiyakh sotsial'nykh riskov i profilaktike deviantnogo povedeniya obuchayushchikhsya. [Elektronnyi resurs]. M.: MGPPU Publ., 2018. *MGPPU*. URL: https://mgppu.ru/about/publications/deviant_behaviour/2018 (Accessed: 24.12.2022). (In Russ.).
9. Polskaya N.A. Faktory riska i napravleniya profilaktiki samopovrezhdayushchego povedeniya podrostkov [Risk Factors and Approaches to Preventing Self-Injurious Behavior in Adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*, 2018. Vol. 7, no. 2, pp. 1–20. doi:10.17759/cpse.2018070201 (In Russ.).
10. Shulga T.I., Dvoryanchikov N.V. Predstavleniya podrostkov o deviantnom povedenii [Adolescents' Perceptions of Deviant Behavior] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 174–188. doi:10.17759/psylaw.2020100312 (In Russ.).

Информация об авторах

Сапега Дарья Валентиновна, выпускница, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7329-604X>, e-mail: sapegadarya@gmail.com

Богданович Наталья Викторовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Information about the authors

Daria V. Sapega, Graduate, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7329-604X>, e-mail: sapegadarya@gmail.com

Natalia V. Bogdanovich, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1507-9420>, e-mail: bogdanovichnv@mgppu.ru

Получена 29.01.2023
Принята в печать 20.02.2023

Received 29.01.2023
Accepted 20.02.2023

Отрицательные мотивы должника в контексте правового регулирования долговых отношений. Криминологические последствия неудовлетворительного разрешения долговых отношений

Скобликов П.А.

Институт государства и права Российской академии наук (ФГБУН «ИГП РАН»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7875-7036>, e-mail: skoblikov@list.ru

В статье показано, какое место в российской правовой системе занимает регулирование долговых отношений и обеспечение возвратности долгов. Обоснован тезис о целесообразности выявления и учета мотивов должника участниками гражданского оборота и правоприменителями. Представлена авторская концепция психологического механизма эффективного взыскания проблемных долгов субъектами экономической деятельности и иными кредиторами, базирующаяся на анализе и учете мотивационной сферы неисполнительного должника и, в частности, его отрицательных мотивов. Описаны и систематизированы типичные отрицательные мотивы должников, даны рекомендации по их ослаблению либо ликвидации. Показаны юридические и фактические пределы усилий по взысканию проблемного долга, а также криминологические последствия неэффективности законных методов взыскания долгов. Эмпирической базой исследования выступили материалы доследственных проверок, уголовных и гражданских дел, связанных с неисполнением должниками своих обязательств, результаты опросов работников коммерческих организаций (из подразделений по работе с проблемной задолженностью, юридических подразделений и служб экономической безопасности), сотрудников правоохранительных органов; сведения, полученные в результате включенного наблюдения и самонаблюдения, полевых экспериментов и другие источники.

Ключевые слова: долговые отношения, проблемные долги, борьба мотивов, отрицательные мотивы должника, мотивация экономических агентов, эффективное взыскание долгов, криминальные проявления в долговых отношениях, теневая юстиция.

Для цитаты: Скобликов П.А. Отрицательные мотивы должника в контексте правового регулирования долговых отношений. Криминологические последствия неудовлетворительного разрешения долговых отношений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 152–169. DOI:10.17759/psylaw.2023130111

Negative Motives of the Debtor in the Context of Legal Regulation of Debt Relations. Criminological Consequences of Unsatisfactory Resolution of Debt Relations

Petr A. Skoblikov

Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7875-7036>, e-mail: skoblikov@list.ru

The article shows what place in the Russian legal system is occupied by the regulation of debt relations and ensuring the repayment of debts. The thesis on expediency of identification and accounting of motives of the debtor by participants of civil turnover and law enforcers is substantiated. The author's concept of the psychological mechanism of effective collection of problem debts by economic entities and other creditors is presented. This concept is based on the analysis and consideration of the motivational sphere of the non-performing debtor, and, in particular, its negative motives. Typical negative motives of debtors are described and systematized, recommendations for their weakening or liquidation are given. The legal and actual limits of efforts to recover problem debts, as well as the criminological consequences of the ineffectiveness of legal methods of debt collection are shown. The empirical basis of the study was the materials of pre-investigation checks, criminal and civil cases related to the debtors' failure to fulfill their obligations, the results of surveys of employees of commercial organizations (from units for working with bad debts, legal units and economic security services), law enforcement officers. The information obtained as a result of the included observation and self-observation, field experiments and other sources are also used.

Keywords: debt relations, problem debts, negative motives of the debtor, the struggle of motives, motivation of economic agents, effective debt collection, criminal manifestations in debt relations, shadow justice.

For citation: Skoblikov P.A. Negative Motives of the Debtor in the Context of Legal Regulation of Debt Relations. Criminological Consequences of Unsatisfactory Resolution of Debt Relations. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 152–169. DOI:10.17759/psylaw.2023130111 (In Russ.).

Долговые отношения, их правовое регулирование и обеспечение возвратности долгов правовыми средствами

В российском законодательстве наличествует обширный комплекс норм, призванных обеспечить исполнение должником своих обязанностей перед кредитором.

Так, в гражданском законодательстве содержатся определения должника и кредитора как сторон обязательства, возникающего из сделок, вследствие причинения вреда, неосновательного обогащения и других оснований (ст. 307 ГК РФ), а также дается понятие несостоятельного должника (ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), предусматриваются различные способы обеспечения исполнения обязательств, которые применяются по договору или по закону: неустойка, залог, удержание вещи

должника, поручительство, независимая гарантия, задаток, обеспечительный платеж и др. (гл. 23 ГК РФ).

В гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном законодательстве предусмотрен механизм судебной защиты кредитора от неисполнительного должника. В законодательстве об исполнительном производстве определены условия и порядок принудительного исполнения судебных актов судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а также других правоприменительных органов в отношении неисполнительных должников.

Законодательство об административных правонарушениях в ряде случаев предусматривает ответственность недобросовестных должников: за неправомерные действия при банкротстве (ст. 14.13 КоАП РФ), за нарушение законодательства об исполнительном производстве (17.14 КоАП РФ) и др.

Уголовное законодательство предусматривает ответственность злонамеренных должников, причиняющих вред кредитору, в случаях: злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ), неправомерных действий при банкротстве (ст. 195 УК РФ), преднамеренного банкротства (ст. 196 УК РФ), фиктивного банкротства (ст. 197 УК РФ), и др.

Вместе с тем неудовлетворенные кредиторы, их представители, лица, им содействующие, могут прибегать и зачастую прибегают к противоправным способам воздействия на неисполнительных должников, особенно тогда, когда законные способы взыскания оказываются неэффективными. В связи с этим законодатель в последние годы активно выстраивает и корректирует законодательную систему защиты прав должников от агрессивных кредиторов и лиц, им содействующих.

В этих целях 3 июля 2016 г. был принят Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”» (в профессиональной среде он получил неофициальное название «антиколлекторский»), в который в последующие годы регулярно вносились изменения и дополнения. А в марте 2021 г. в Госдуму России группой депутатов внесен законопроект, предусматривающий введение нового состава преступления, — «Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц» (подробнее см.: Устанавливается уголовная ответственность за нарушение коллекторами закона).

Кредиторам, их представителям, работникам органов предварительного расследования, прокуратуры, судебным приставам-исполнителям, сотрудникам иных органов, в компетенцию которых входит применение норм, круг которых очерчен выше, целесообразно иметь достаточно полное представление о типичных мотивах должников, как тех, которые побуждают к исполнению обязательства (положительные мотивы), так и тех, которые этому препятствуют (отрицательные мотивы). Тогда работа по взысканию просроченных долгов, предупреждению и пресечению противоправных действий (бездействия) со стороны должников, кредиторов и лиц, оказывающих им содействие, а также по исполнению решений судебных и иных правоприменительных органов о взыскании задолженности станет более эффективной, ответственность лиц, нарушающих закон, — более дифференцированной и справедливой. Правильное и достаточно полное представление о мотивационной сфере неисполнительного должника объективно требуется и лицам, включенным в законотворческий процесс, чтобы

корпус соответствующих правовых норм был адекватен реальным отношениям. Положительные мотивы должников ранее рассмотрены в другой работе автора [16], а отрицательным посвящена настоящая статья.

Гражданский оборот. Мотивы и потребности его участников

Типичные мотивы поведения субъектов в сфере гражданского оборота, имущественных отношений обычно являются предметом рассмотрения в работах, находящихся на стыке экономики и психологии. Чаще всего в российской экономической литературе основным предметом изложения становятся мотивы труда наемных работников в целом и их отдельных категорий [8; 4; 18, 19; 20; 22;]. Несколько реже — мотивы предпринимательской деятельности [7; 21], мотивы финансового и потребительского поведения граждан [1; 6; 23]. Много реже — мотивы иных специфических субъектов [10; 2]. При этом практически не встречаются работы, посвященные анализу мотивационной сферы неисполнительных должников.

О роли мотивов в экономических процессах (а значит, и об их понимании), может быть, ярче и радикальнее всех высказались американские исследователи Р. Строуп и Д. Гвартни [17], которые считают, что *рыночная экономика — это экономика мотивов, и управление такой экономикой, соответственно, подразумевает целевое влияние на мотивы экономических агентов*.

Вместе с тем в публикациях на экономические темы понятия «потребности» и «мотивы» обычно не разводятся, и может сложиться впечатление, что они используются как синонимы [5]. Между тем в отечественной психологии доминирует концепция, согласно которой мотив проистекает из потребности, однако одна и та же потребность в разных условиях может порождать у индивида различные (иногда диаметрально противоположные) мотивы; в то же время у разных индивидуумов в одинаковых условиях возникают различные мотивы.

В силу наличия у человека сознания, мотивы деятельности бывают как осознаваемые, так и неосознаваемые (хотя при этом осознается цель действий или бездействия). Что же касается уклонения от оплаты задолженности или, наоборот, ее погашения, то вся эта деятельность, как правило, происходит под контролем сознания (что сводит к минимуму, но не исключает полностью неосознаваемые мотивы). Причем чем крупнее долг, тем больше внимания к себе он вызывает не только со стороны кредитора, но и со стороны должника (который осознает, что чем значительнее долг, тем серьезнее могут быть различные последствия его непогашения или несвоевременного погашения).

Стоит также заметить, что за абстракцией «юридическое лицо» стоят реальные люди, которые определяют решения, действия и бездействие названного лица. Поэтому мотивы надо учитывать, имея дело с должником, как лицом физическим, так и юридическим, принимая то или иное управленческое решение с целью урегулирования долговых отношений.

Какая связь между потребностью и мотивом? Если говорить в общем виде, то мотив есть форма проявления потребности. Между ними срабатывает следующий механизм: в силу различных причин любая потребность периодически обостряется, и человек ищет способ ее удовлетворить. Тогда возникает мотив поведения. Это определенная потребность, представление человека о том, каким способом он может свою потребность удовлетворить. (Здесь и далее используется концепция мотивов деятельности А.Н. Леонтьева [9] в вольной интерпретации автора статьи.) На основе одной и той же потребности у одного и того же человека могут сформироваться разные мотивы поведения, которые, прежде всего, определяют

конкретными условиями, в которых находится субъект, а также его личностными характеристиками.

Борьба мотивов

Развивая тему, следует сказать, что в отношении любого поступка, любого действия или бездействия, если к себе как следует прислушаться, мы можем обнаружить несколько мотивов, которые либо побуждают к его совершению, либо удерживают от такового. И тогда говорят о борьбе мотивов.

Чем важнее для нас возможный результат поступка, тем больше мы размышляем и прикидываем, и тем легче заметить, как внутри нас незримо работают своеобразные весы. На одну чашу этих весов кладутся мотивы за определенное действие (бездействие), на другую — против этого действия, и какая-то чаша весов перевешивает. Тогда стрелка поворачивается в ту или в другую сторону; соответственно, человек совершает действие либо от него воздерживается. Причем чем круче повернется стрелка, тем активнее и упорнее (или пассивнее) человек в своем действии (бездействии).

То же самое происходит и с должником, который объективно стоит перед выбором, платить или не платить по долгам. Это — в самом общем виде. На практике выбор происходит между большим количеством вариантов, так как должник может не только выплатить всё и сразу, но и платить в рассрочку, по частям, или выплатить кое-что, а затем перестать платить; должник может выдвигать встречные условия кредитору и т. д. Радикальные варианты (платить все и сразу или не платить ничего и никогда) выбираются в случае, если положительные или отрицательные мотивы берут верх с большим преимуществом, если стрелка невидимых весов зашкаливает в ту или другую сторону. Таким образом, имеет практическое значение не только направленность мотивов, но и их сила. В наглядной форме данный процесс изображен на схеме (рис. 1).

Разумеется, ожидать выплаты долга можно лишь тогда, когда у должника имеется хоть какая-то возможность для погашения долга, погашения полного или хотя бы частичного. Если нет никакой возможности, то в этом случае разговор об эффективном взыскании теряет смысл. Ведь даже если кредитор решится на крайние меры, всё равно долг не будет взыскан. Вместе с тем, если у кредитора несколько должников, он может жестоко наказать одного неплатежеспособного в назидание остальным, платежеспособным, но неисполнительным. Криминальная практика 90-х гг. прошлого века явила трансформирующемуся российскому обществу множество примеров невиданной прежде жестокости в указанной сфере [12].

Имущественные возможности должника и его мотивация к погашению задолженности

В связи с вышеизложенным следует обсудить вопрос о том, *какие есть возможности у должника для погашения долга и, соответственно, у кредитора для осуществления взыскания, в принципе.*

Во-первых, обращение взыскания на то имущество, которое должнику принадлежит юридически. Назовем эти активы имуществом первого круга.

Во-вторых, погашение долга за счет того имущества, которое хотя юридически должнику и не принадлежит, но которое он контролирует, которым фактически владеет. Назовем эти активы имуществом второго круга.

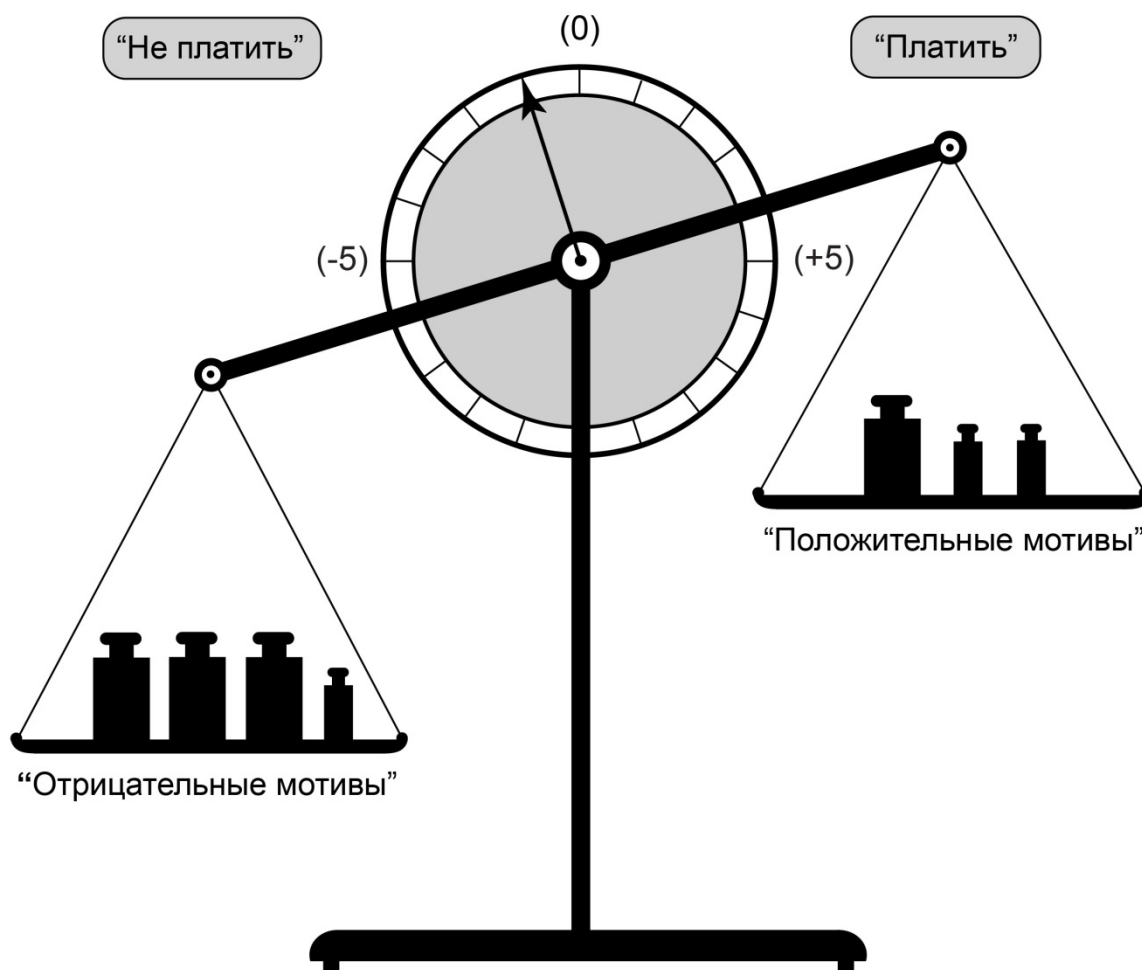

Рис. 1. Мотивационная сфера неисполнительного должника

В-третьих, погашение долга за счет имущества, полученного должником от другого кредитора. Назовем эти активы имуществом третьего круга. Подобная практика, кстати, довольно широко распространена. Об этом свидетельствует, в частности, ее отражение в профессиональном жаргоне; ситуация, когда должник берет кредит в банке с целью погашению ранее полученного кредита, еще в конце прошлого века получила неофициальное название «перекредитовка» (глагольная форма — «перекредитоваться»).

В-четвертых, погашение долга за счет имущества родственников, друзей, партнеров должника, аффилированных и других лиц, которые по той или иной причине озабочены судьбой должника и, чтобы спасти его от разорения, банкротства, позора, привлечения к юридической ответственности (включая уголовную) и наказания, готовы погасить и гасят чужой долг, как правило, без расчета вернуть потраченные деньги. Назовем не контролируемые должником активы его окружения имуществом четвертого круга.

Описанные выше имущественные возможности усредненного должника по погашению долга изображены ниже в виде схемы (рис. 2).

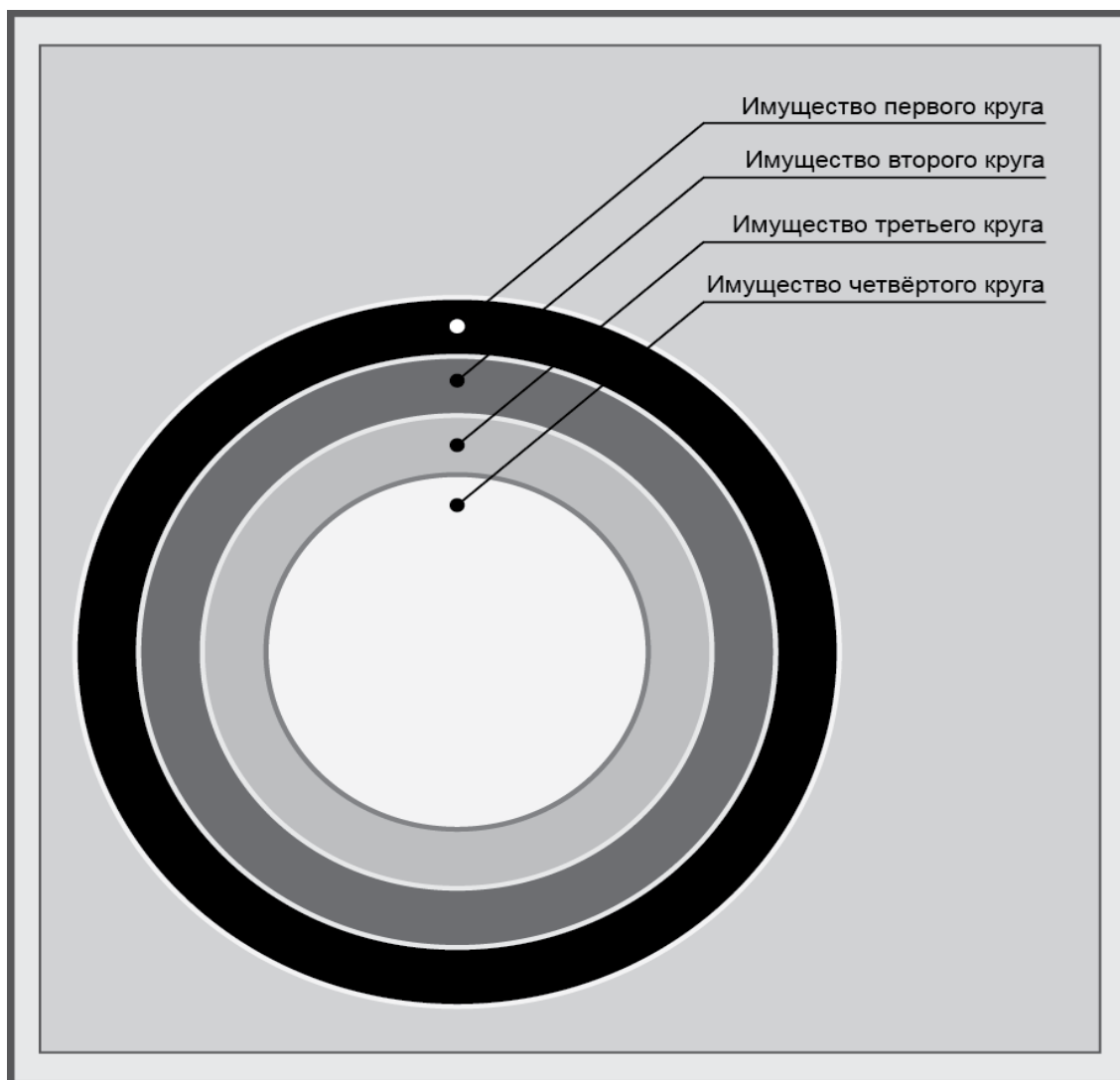

Рис. 2. Имущественные возможности усредненного должника по погашению долга

Важно отметить, что только первая возможность хотя бы отчасти¹ может быть реализована в правоприменительной практике принудительно, невзирая на мотивы поведения должника и его окружения. Однако для такой реализации требуется соблюдение двух обязательных условий: наличие исполнительного документа в пользу кредитора и грамотная, быстрая и наступательная работа судебных приставов-исполнителей по исполнению этого документа.

¹ Эта оговорка подразумевает следующее. Если у должника не сформирована достаточная мотивация на погашение долга, а преобладают мотивы противоположного направления, он будет прятать, отчуждать, уничтожать имущество, на которое может быть обращено взыскание, создавать иные препятствия для взыскания; таким путем он способен значительно уменьшить размер реально взысканного долга или сделать невозможным взыскание полностью.

Что касается остального имущества (второго, третьего и четвертого кругов), то оно может быть направлено на погашение долга только тогда, когда на это будет воля должника, а также владельцев имущества (если мы говорим об имуществе четвертого круга).

Таким образом, *успех взыскания предопределяется способностью кредитора или лиц, ему содействующих, повлиять на мотивационную сферу должника.*

Если проблемный долг после некоторых усилий кредитора был погашен должником, значит, кредитору удалось добиться необходимых изменений в мотивах должника, надавить на нужные рычаги и «кнопки», даже если кредитор об этом не задумывался, если действовал наугад, интуитивно или по какому-то шаблону. И, наоборот, неудача свидетельствует о том, что нажатие происходило не на те рычаги, не на те «кнопки».

Соответственно, *шансы на успех значительно повышаются, если кредитор зондирует и анализирует мотивы должника, а затем, исходя из результатов анализа, планирует и осуществляет свою работу.*

Чтобы облегчить себе решение этих задач, кредитору или лицам, оказывающим ему помощь, надо иметь представление о типичных мотивах, которые обуславливают поведение должников.

Обратимся к отрицательным мотивам должника, которые предопределяют то обстоятельство, что должник не гасит свой долг. Каким образом знание об этих мотивах востребовано на практике? Работа с неисполнительным должником через отрицательные мотивы предполагает усилия по их минимизации и включает в себя два взаимосвязанных варианта воздействия: ослабление имеющихся отрицательных мотивов должника, а в пределе — их ликвидацию. Реализация этих способов работы требует знания того, какие встречаются отрицательные мотивы у должников, а также умений и навыков по их правильному диагностированию.

Типичные отрицательные мотивы должника

Один из пионеров социальной психологии в Великобритании Майкл Аргайл (Michael Argyle) отмечал, что «...пока не известен полный перечень человеческих потребностей» [3]. С момента высказывания этой мысли положение не изменилось и вряд ли изменится в ближайшее время. Поскольку в основе любого мотива — та или иная потребность (или их совокупность), а, как уже отмечено выше, из одной потребности могут проистекать различные мотивы, число последних, в любом случае, не меньше, нежели число потребностей (по всей видимости, — значительно больше). Однако в практических целях этим разнообразием зачастую можно пренебречь. В каждой специальной сфере взаимодействия людей у них, несмотря на все индивидуальные различия и возникновение особых мотивов, встречается относительно небольшой набор значимых мотивов, который в каждом конкретном случае комбинируется в том или ином сочетании. Это обстоятельство позволяет опытным и способным профессионалам быстро нащупывать мотивы конкретного человека и определять доступные способы воздействия на них. Не является исключением и такая специфическая сфера, как работа с проблемными должниками.

1. Получение материальной выгоды за счет кредитора. Этот мотив очевиден, встречается чаще всего и нередко играет ведущую роль в мотивационной сфере неисполнительного должника. Вместе с тем этот мотив не единственный, обуславливающий неисполнение. Кроме того, в ряде ситуаций данный мотив может отсутствовать или не играть ключевой роли, поэтому важно выявить эту роль, а также получить представление об иных возможных отрицательных мотивах.

2. Желание решить свои финансовые трудности за счет кредитора. Такой мотив может появиться как у должника — физического лица (например, у человека, получившего деньги от знакомого по договору займа, или у гражданина, получившего их от банка по договору кредита для бытовых нужд), так и у того, кто контролирует деятельность должника — юридического лица (у руководителя, учредителя, теневого владельца и др.).

Данный мотив имеет сходство с рассмотренным выше, а отличие состоит в том, что, желая решить свои финансовые трудности за счет кредитора, должник, тем не менее, намеревается погасить свой долг позже, когда его финансовое положение упрочится. Предыдущий мотив означает, что должник хочет воздержаться от погашения долга и в настоящем, и в будущем².

Вывод должника о финансовых трудностях обычно носит субъективный характер и не всегда согласуется с законом. Поэтому надо различать обстоятельства, послужившие основанием для подобной оценки.

Возьмем для примера два крайних случая. *Первый случай.* Должник из-за снижения своих доходов может оказаться перед выбором: отказаться от давно обещанной семье поездки за границу по турпутевке и погасить взятый в банке кредит или поступить наоборот. Если произошло последнее, возобладал рассматриваемый мотив. *Второй случай.* Должник все свои сбережения, включая те, которыми намеревался рассчитаться с должником, передал для оплаты неотложной операции родственнику, жизни которого угрожала опасность.

По закону и в том, и в другом случае должник обязан, прежде всего, погасить долг. Однако в первом случае не только с позиции закона, но и с моральной точки зрения поведение должника очень сомнительно, во втором случае многие наши граждане оправдали бы его³.

3. Уверенность, что не наступит сколько-нибудь серьезных неблагоприятных последствий (не будет привлечения к уголовной и иной юридической ответственности и др.) из-за неуплаты долга. Такая уверенность может проистекать из особого положения должника, ущербных (в данной ситуации) характеристик кредитора (как неграмотного, нерешительного, мягкого, добросердечного, неспособного нанять для работы с должником жестких и успешных профессионалов и т.д.⁴) или быть результатом общей оценки ситуации в соответ-

² Вместе с тем для полноты картины надо указать на возможную трансформацию мотивов — первоначально неисполнительный должник искренне планирует погасить долг, но позже, когда уладит свои финансовые проблемы. В некий момент ситуация улучшается, но с деньгами трудно расстаться, и долг не погашается — мотив № 2 перерастает в мотив № 1 (эта психологическая закономерность нашла отражение в известной пословице «Берешь в долг чужое — отдаешь свое»).

³ Кстати, в уголовном процессе (при попытке, например, привлечь должника к уголовной ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) действия, направленные на спасение родственника и совершенные вопреки обязанности по погашению долга могут, быть расценены как совершенные в состоянии крайней необходимости (что влечет освобождение от уголовной ответственности) или при обстоятельствах, смягчающих наказание.

⁴ В свою очередь, «ущербные» характеристики кредитора могут заключаться не столько в личности конкретного человека, сколько в определенных отношениях кредитора и должника. Например, если они близкие родственники или бывшие любовники, то должник уверенно

ствуюющей сфере (например в судах, где процветает волокита и коррупция, в службе судебных приставов, где судебные приставы-исполнители неподготовлены к работе, коррумпируются, пассивны, перегружены большим количеством исполнительных документов, находящихся в их производстве, и т. д.).

Для особого положения должника может быть несколько основных причин:

- наличие у должника какого-либо юридического иммунитета (например, депутатской, адвокатской или судейской неприкосновенности),
- замещение должником некой должности на государственной, муниципальной или коммерческой службе, благодаря которой сотрудники правоохранительных органов и судьи находятся в некоторой зависимости от должника, а значит, привлечение его к ответственности затруднено фактически;
- наличие у должника коррумпированных связей в правоохранительных, иных государственных органах и (или) в судах, благодаря которым он надеется избежать ответственности или минимизировать её⁵;
- наличие у должника связей в криминальной среде, благодаря которым он надеется подавить активность кредитора (в случае, если таковая проявится), заблокировать работу против должника правоохранительных органов, судов, или получить эффективную защиту, если кредитор попытается организовать криминальное давление на него.

Стоит заметить также, что особое положение должника может быть ограничено определенной территорией (например, района, города, субъекта РФ) или распространяться на всю страну.

4. Убежденность, что претензии кредитора несправедливы и (или) необоснованны, а, значит, удовлетворять их не следует. Обычно кредитор уверен в собственной правоте и при этом склонен приписывать должнику отрицательные характеристики, поэтому приведенный мотив поведения должника, как правило, не предполагается. А между тем в реальной жизни он встречается довольно часто, потому что участники гражданского оборота делятся на должников и кредиторов условно. Сегодня определенный субъект кредитор, а завтра он же — должник. Более того, многие из нас одновременно являются чьими-то кредиторами и чьими-то должниками. Вы считаете, что ваши претензии справедливы и обоснованы. — Но отсюда однозначно не следует, что так же считает неисполнительный должник, убежденный в своей порядочности.

Причинами расхождения в оценках ситуации кредитором и должником могут быть разная осведомленность о позитивном праве, различное толкование неоднозначных положений законодательства или договора, несовпадающие представления о справедливости, игнорирование определенных фактов или, напротив, придание им особого значения (к примеру, облеченная в письменную форму сделка сопровождалась некой устной договоренностью меж-

---

прогнозирует, что кредитор не будет обращаться в правоохранительные органы, требовать его наказания, да и в суд вряд ли обратится.

⁵ Если должник пользуется коррумпированными связями регулярно, то осведомлен о текущих коррупционных тарифах и без труда проведет экономический расчет: выплата долга потребует денежных расходов должника в такой-то сумме, а нейтрализация усилий кредитора по взысканию — в такой-то. Чем более первая сумма превышает вторую, тем сильнее соответствующий мотив должника.

ду руководителями фирм, а затем одного из них сменил преемник, который не знает или не желает знать об устной договоренности).

Отдельно следует сказать о ситуации встречного долга, при которой должник полагает, что существует другое обязательство, в котором он — кредитор, а его кредитор по непогашенному долгу — должник. И этот долг может привести должника к выводу о том, что претензии кредитора по другому обязательству необоснованны, что необходимо взаимозачет требований.

Причем встречный долг может проистекать, по мнению должника, не из строгого юридического, но справедливого (возможно, морально-нравственного) основания, т. е. отнюдь не очевидного для кредитора. Опять же могут приниматься во внимание не только отношения сторон основного обязательства, но и юридических лиц, аффилированных с должником или кредитором.

5. Стремление причинить неприятность кредитору из-за негативной оценки свойств его личности. Формирование этого мотива может быть обусловлено тремя основными причинами. *Первая причина* — личный опыт должника, который возник в результате какого-то недружественного поступка (серии поступков) кредитора по отношению к должнику или близким ему людям. Иными словами, мотивом поведения должника является месть. Вместе с тем (*вторая причина*) поступок кредитора по отношению к должнику может не носить выраженного характера и даже как таковой отсутствовать, но, тем не менее, порой возникает сильная личная неприязнь, как результат отталкивающей внешности кредитора, его неприемлемой манеры вести себя, осуждаемых должником его вкусов, взглядов на жизнь и т. д. *Третья причина* — негативная оценка кредитора иными лицами, мнению которых должник доверяет. К примеру, должник рассуждает: «непорядочный он (кредитор) человек, поэтому наказывать такого — дело хорошее. Он к другим относится по-свински и сам заслуживает того же...».

6. Желание «наказать» кредитора за недобросовестное ведение бизнеса. Чаще этот мотив возникает, если должник испытывает на себе недобросовестные (в ряде случаев противоправные) методы ведения бизнеса. Несколько реже — если с подобной практикой сталкиваются его близкие.

Например, держатель банковской кредитной карты получил sms-уведомление о предпраздничной акции, согласно которой получение наличных денежных средств в определенный период не будет сопровождаться взиманием комиссии. Клиент обратился по телефону в справочную службу, а затем непосредственно в офис и везде получал от работников банка информацию, не соответствующую действительности (либо важные обстоятельства акции замалчивались). Основываясь на этих контактах, клиент предпринял убыточные для себя действия. Неоднократные и аргументированные жалобы руководителям банка различного уровня остались без удовлетворения. При этом приведенные в жалобах доводы и ссылки на доказательства не были проверены. В таких условиях у должника складывается острое негативное отношение к кредитору и может сформироваться рассматриваемый мотив, даже если размер причиненного ущерба не носит критического характера.

7. Убеждение в том, что имущественное положение кредитора есть результат афер, преступлений и т. д. А если так, то в том, чтобы улучшить свое имущественное положение за счет того, кто наживается на других, нет ничего плохого — так думает или чувствует должник. Он видит в этом даже своего рода восстановление социальной справедливости.

Этот мотив по содержанию близок к двум предыдущим. Отличие в том, что там в качестве точки отсчета выступает личность должника или его отношение к партнерам, здесь — происхождение его имущества. Здесь, как правило, предполагается криминальная составляющая, там — совсем не обязательно.

Обычно убеждение в том, что имущество кредитора нажито несправедливым путем, возникает под влиянием конкретной информации (относящейся непосредственно к кредитору), которой должник располагает изначально, до возникновения соответствующих отношений с кредитором, либо которую получает позже, когда эти отношения уже сложились. Вместе с тем, возможно, должник исходит из общей информации о том, что некоторый бизнес в принципе не может быть честным, и предполагает аферы, обман, хищение государственных средств, нанесение ущерба партнерам по бизнесу или гражданам-потребителям и т. п.

8. Стремление нанести вред кредитору, поскольку он является конкурентом в какой-либо сфере деятельности⁶. Чаще всего этот мотив связан с экономической деятельностью, легальной или теневой. Неуплата долга в этом случае становится формой конкурентной борьбы, поскольку непоступление средств, предусмотренных обязательством, ухудшает положение конкурента.

Рассматриваемый мотив (впрочем, как и многие иные) важно учитывать не только на стадии работы с неисполнительным должником, но и значительно ранее — при проверке надежности будущего должника (как партнера, заемщика и т. д.).

Следует принимать во внимание различные варианты конфигурации и трансформации отношений кредитора и должника. Так, при возникновении долгового обязательства отношения кредитора и должника могут не быть конкурентными, но затем превратиться в таковые в связи с расширением сферы деятельности должника или кредитора. Их отношения могут не быть конкурентными в легальной сфере деятельности, но являться таковыми в теневой сфере. Должник и кредитор могут конкурировать не напрямую, а через аффилированные юридические лица, и т. д.

Наконец, рассматриваемый мотив может сформироваться под влиянием политической конкуренции или бюрократической борьбы за привлекательное кресло (ряд чиновников и политиков фактически занимаются предпринимательской деятельностью, а ряд предпринимателей, уйдя в политику, фактически продолжают вести предпринимательскую деятельность).

9. Уверенность, что невозврат долга не причинит серьезного ущерба кредитору, а значит, можно не исполнять свое обязательство. Обычно такой мотив возникает, когда кредитор — крупная и процветающая компания с большими оборотами и прибылью, а должник — мелкая фирма или индивидуальный предприниматель. В этой ситуации должник нередко думает: «Невозврат мною долга этой глыбе никакого заметного ущерба не принесет, зато как значительно я облегчу (или улучшу) свою жизнь, найду деньгам, причитающимся кредитору, лучшее применение!» И в этом находит моральное оправдание своему поведению.

⁶ В основе своей это классический мотив, он известен из древних трактатов по искусству войны. Так, 35-я китайская стратагема (стратагема цепи) заключается в том, чтобы поставить противника в такие условия или спровоцировать на такие действия, которые свяжут его, ограничат в совершении каких-либо действий или сделают уязвимым в будущих схватках.

В качестве иллюстрации уместно сослаться на признание всемирно известного писателя Александр Дюма (отца), который, по отзывам современников, был человеком крайне щедрым и при этом постоянно находился в долгах. Дюма любил говорить: «Я никогда и никому не отказывал в деньгах, за исключением своих кредиторов» [11]. Поскольку Дюма проявил себя как человек благородный, такую позицию можно объяснить тем, что Дюма был уверен в прочном финансовом положении своих кредиторов, в том, что непогашение его долгов не принесет им существенного ущерба — т. е. руководствовался рассматриваемым здесь мотивом. Возможно также, что на позицию Дюма повлиял и другой мотив, рассмотренный выше — уверенность, что богатства его кредиторов (вероятно, ростовщиков) нажиты несправедливым путем.

Помимо этого, должник может надеяться, что из-за мелкого (по масштабам кредитора) долга им серьезно заниматься не будут, отчего ему по большому счету ничего не грозит.

10. Удовлетворение пожелания (угрозы или, напротив, привлекательного предложения) третьей стороны. Иногда анализ мотивов неисполнительного должника может вызывать особые трудности. Представим: у должника есть финансовая возможность погасить долг и нет, казалось бы, серьезных негативных мотивов; тем не менее, он почему-то долг не гасит. А проблема может корениться в том, что как раз имеет место мотив, к рассмотрению которого мы перешли, который зачастую труднее распознать, чем иные. *Третьей стороной, усилиями которой формируется данный мотив, может выступать, например, «крыша»* [13, с. 131—143; 14, с. 54—56] *задолжавшего бизнесмена, чиновник, от которого он находится в зависимости, его партнер по бизнесу и т. д.*

11. Убеждение в том, что погашение долга есть проявление слабости, неприличной для настоящего «мужчины». Этот мотив встречается у людей, воспитанных в некоторых этнических, субкультурных общностях, представители которых радикально делят мир на «своих» и «чужаков». Долги перед «своими» можно и нужно погашать своевременно. Долги перед «чужаками» не только не обязательны для погашения — их погашение считается проявлением слабости, в определенном смысле дискредитирует должника перед «своими».

Исходя из изложенного, одно из направлений дальнейших исследований темы, рассмотренной в настоящей статье, — экспериментальные проверки тезисов автора, системы представленных здесь типичных отрицательных мотивов должника.

Заключение

Итак, мотивы должника, препятствующие уклонению от погашения долга, многообразны. Если кредитор предпримет необходимые усилия, чтобы эти мотивы выявить, определить их силу, устойчивость, конкретное содержание, и наметит меры по взысканию долга с учетом мотивационной сферы конкретного должника, то работа по взысканию задолженности будет более целенаправленной, эффективной и успешной. Тогда имеющиеся в распоряжении кредитора или его представителей правовые средства и способы воздействия и взаимодействия с должником (претензионная работа, медиация, судебно-исковая работа, обращение к нотариусу, в службу судебных приставов, в прокуратуру, органы предварительного расследования и т. д.) будут выбираться и осуществляется не случайно или по заимствованному где-то шаблону, а осмысленно, последовательно и обоснованно, с мониторингом промежуточных результатов и внесением необходимых корректив в прилагаемые усилия.

Важно также, что если удастся объективно подтвердить те или иные отрицательные мотивы должника, эти сведения могут использоваться в юридических процессах для правильной

квалификации действий (бездействия) неисполнительного должника, принятия правоприменителями обоснованных решений, наилучшим образом соответствующих законным интересам кредитора.

Корректировка мотивационной сферы неисполнительного должника предполагает не только минимизацию отрицательных мотивов должника, но также зондирование, анализ его положительных мотивов и воздействие на них с целью формирования новых или усиления имеющихся (рис. 3). Однако рамки одной статьи ограничены, это направление, как уже сказано выше, послужило темой для другой публикации автора [16].

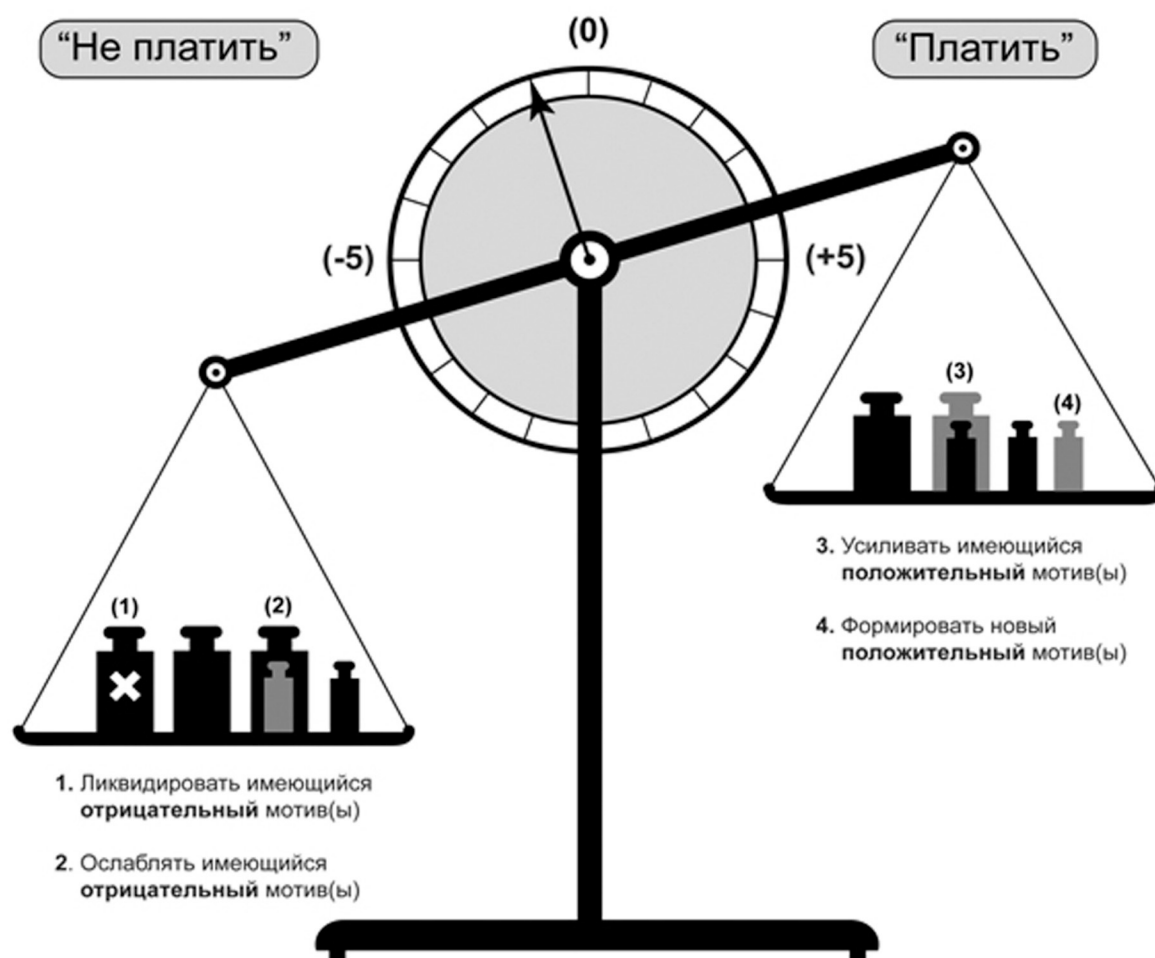

Рис. 3. Основные способы воздействия на поведение неисполнительного должника через его мотивы

И последнее. Быстрое и успешное взыскание проблемного долга — это не только частное дело кредитора, это сложная и важная государственная задача (а, значит, и обширная тема для глубоких научных исследований), неудовлетворительное решение которой чревато серьезными криминологическими последствиями. Если просрочки и непогашение долгов приобретают массовый характер, если взыскание долгов законными путями невозможно или затруднительно, возникают объективные предпосылки для формирования и распространения так называемой теневой юстиции. Социальные эксперименты, активно осуществляемые в

Скобликов П.А.
Отрицательные мотивы должника в контексте
правового регулирования долговых отношений.
Криминологические последствия неудовлетвори-
тельного разрешения долговых отношений
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 152–169.

Skoblikov P.A.
Negative Motives of the Debtor in the Context
of Legal Regulation of Debt Relations.
Criminological Consequences of Unsatisfactory
Resolution of Debt Relations
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 152–169.

нашей стране в 1990-х гг. прошлого столетия наглядно показали, что это возможно и даже неизбежно. Организованные преступные группировки (ОПГ) принимали тогда заказы на взыскание долгов с неисполнительных должников (по факту беря на себя функции органов принудительного взыскания), а также оказывали услуги по сдерживанию и нейтрализации настойчивых кредиторов. Если и должника, и кредитора «крышевали» разные ОПГ, то споры между ними разрешали так называемые воры в законе и другие криминальные авторитеты. Эта тема подробно раскрыта в других работах автора [15; 24].

Литература

1. *Альмашадани Саад А.А.Х.* Факторы и мотивы потребительского поведения // Исследование социально-экономического развития территорий в условиях санкций и угроз глобальных вызовов: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2020. С. 79–81.
2. Антрушина Д.А. Некоторые проблемы института недостойных наследников: юридическая техника и мотив совершения умышленных противоправных действий // Вопросы российской юстиции. 2020. № 9. С. 165–180.
3. *Аргайл М.* Психология счастья. СПб: Питер. 2003. 270 с.
4. *Брасс А.А.* Мотивация и целеполагание деятельности топ-менеджмента корпорации // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки: Сборник научных статей. Вып. 19. Минск: РИВШ, 2020. С. 350–357.
5. *Галочкин И.* Мотивы экономического поведения [Электронный ресурс] // Вопросы экономики. 2004. № 6. С. 123–129. doi:10.32609/0042-8736-2004-6-123-129
6. *Гечер Т.* Туристические мотивы в условиях рынка оздоровительного туризма // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию. 2022. № 1. С. 293–298.
7. *Игнатова И.В.* Мотивы предпринимательской деятельности и модели поведения предпринимателей // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 8. С. 105–110.
8. *Комарова В.С., Кукушкин С.Н.* Мотивация персонала: опыт российских компаний [Электронный ресурс] // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2022. Том 19. № 1 (121). С. 84–93. doi:10.21686/2413-2829-2022-1-84-93
9. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции: конспект лекций. М.: Издательство Московского университета, 1971. 38 с.
10. *Митюрникова Л.А., Ревякина Т.Ю.* Мотивы экономического поведения субъектов теневой экономики // Теневая экономическая деятельность в сфере услуг: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. М., 2010. С. 37–49.
11. *Моруа А.* Три Дюма. М.: Азбука, 2019. 576 с.
12. *Скобликов П.А.* Взыскание долгов и криминал. М.: Юристь, 1999. 156 с.
13. *Скобликов П.А.* Имущественные споры и криминал в современной России. М.: Дело. 2001. 341 с.
14. *Скобликов П.А.* Коррупция в современной России: словарь неформальных терминов и понятий. М.: Норма. 2009. 109 с.
15. *Скобликов П.А.* О мерах по предупреждению функционирования в России «теневой» юстиции // Государство и право. 2002. № 2. С. 50–59.

16. Скобников П.А. Создание и усиление положительных мотивов должника как способ повышения эффективности взыскания долгов и укрепления экономической безопасности // Финансы и кредит. 2015. № 8. С. 18–30.
17. Струуп Р., Гвартни Дж. Азбука экономики. Тверь: Kolonna, 1996. 204 с.
18. Табункова М.П. Особенности персонала автосервисного предприятия и мотивация его труда // Экономика и предпринимательство. 2014. № 5-2 (46). С. 629–634.
19. Темницкий А.П. Мотивационная структура профессиональной деятельности медицинских работников России [Электронный ресурс] // Мир России. 2021. Том 30. № 4. С. 30–52. doi:10.17323/1811-038X-2021-30-4-30-52
20. Токарева Ю.А., Глухенькая Н.М., Токарев А.Г. Мотивация трудовой деятельности персонала: комплексный подход: Монография. Шадринск: ШГПУ, 2021. 215 с.
21. Шишин С.В. Стратегия и мотивы поведения современных транснациональных корпораций // Сегодня и завтра российской экономики. 2008. № 20. С. 24–27.
22. Щеглова Е.С., Елкина В.Н. Совершенствование системы мотивации персонала в организации // Экономика и социум. 2021. № 5-2(84). С. 775–778.
23. Ярашева А.В. Мотивы финансового поведения населения // Экономика. Налоги. Право. 2011. № 5. С. 66–71.
24. Skoblikow P. Vermögensstreitigkeiten und Schattenjustiz im postsowjetischen Russland (1991—2001) // Kriminalistik. 2005. Vol. 59(1). P. 19–25.

References

1. Almashadani Saad A.A.Kh. Faktory i motivy potrebitel'skogo povedeniya. *Issledovanie sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii v usloviyakh sanktsii i ugroz global'nykh vyzovov: Materialy I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Tambov: Izdatel'skii tsentr FGOBU VO "TGTU", 2020, pp. 79–81. (In Russ.).
2. Antrushina D.A. Nekotorye problemy instituta nedostoinykh naslednikov: yuridicheskaya tekhnika i motiv soversheniya umyshlennykh protivopравnykh deistvii [Some problems of the institute of unworthy heirs: legal technique and motive for committing deliberate illegal actions]. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues of Russian Justice*, 2020, no. 9, pp. 165–180. (In Russ.).
3. Argail M. Psikhologiya schast'ya. Saint Petersburg: Piter. 2003. 270 p. (In Russ.).
4. Brass A.A. Motivatsiya i tselepolaganie deyatel'nosti top-menedzhmenta korporatsii [Motivation and purpose of the activities of top corporation management]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Filosofsko-gumanitarnye nauki: Sbornik nauchnykh statei*. Vyp. 19. Minsk: RIVSh Publ., 2020, pp. 350–357. (In Russ.).
5. Galochkin I. Motivы ekonomicheskogo povedeniya [Elektronnyi resurs]. *Voprosy ekonomiki = Voprosy Ekonomiki*, 2004, no. 6, pp. 123–129. doi:10.32609/0042-8736-2004-6-123-129 (In Russ.).
6. Gecher T. Turisticheskie motivы v usloviyakh rynka ozdorovitel'nogo turizma [Tourist motif in terms of the health tourism market]. *Intellektual'nye resursy — regional'nomu razvitiyu = Intellectual resources — to regional development*, 2022, no. 1, pp. 293–298. (In Russ.).
7. Ignatova I.V. Motivы predprinimatel'skoi deyatel'nosti i modeli povedeniya predprinimatelei [Motives of enterprise activity and model of businessmen behaviour]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta = Tyumen State University Herald*, 2011, no. 8, pp. 105–110. (In Russ.).
8. Komarova V.S., Kukushkin S.N. Motivatsiya personala: opyt rossiiskikh kompanii [Personnel Motivation: Experience of Russian Companies] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Rossiiskogo*

ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova = Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics, 2022. Vol. 19, no. 1 (121), pp. 84–93. doi:10.21686/2413-2829-2022-1-84-93 (In Russ.).

9. Leontiev A.N. *Potrebnosti, motivy i emotsii: konspekt lektsii*. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1971. 38 p. (In Russ.).

10. Mityurnikova L.A., Revyakina T.Yu. *Motivy ekonomicheskogo povedeniya sub'ektov tenevoi ekonomiki. Tenevaya ekonomicheskaya deyatel'nost' v sfere uslug: Sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Moscow, 2010, pp. 37–49. (In Russ.).

11. Maurois A. *Tri Dyuma [Les trois Dumas]*. Moscow: Azbuka, 2019. 576 p. (In Russ.).

12. Skoblikov P.A. *Vzyskanie dolgov i kriminal*. Moscow: Yurist", 1999. 156 p. (In Russ.).

13. Skoblikov P.A. *Imushchestvennye spory i kriminal v sovremennoi Rossii*. Moscow: Delo. 2001. 341 p. (In Russ.).

14. Skoblikov P.A. *Korrupsiya v sovremennoi Rossii: slovar' neformal'nykh terminov i ponyatii*. Moscow: Norma. 2009. 109 p. (In Russ.).

15. Skoblikov P.A. *O merakh po preduprezhdeniyu funktsionirovaniya v Rossii "tenevoi" yustitsii. Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2002, no. 2, pp. 50–59. (In Russ.).

16. Skoblikov P.A. *Sozdanie i usilenie polozhitel'nykh motivov dolzhnika kak sposob povysheniya effektivnosti vzyskaniya dolgov i ukrepleniya ekonomicheskoi bezopasnosti [Creating and strengthening positive motivation of a debtor as a way to increase the efficiency of debt collection and to strengthen economic security]. Finansy i kredit = Finance and credit*, 2015, no. 8, pp. 18–30. (In Russ.).

17. Stroup R.L., Gwartney J.D. *Azbuka ekonomiki [What Everyone Should Know About Economics And Prosperity]*. Tver: Kolonna, 1996. 204 p. (In Russ.).

18. Tabunkova M.P. *Osobennosti personala avtoservisnogo predpriyatiya i motivatsiya ego truda [Especially the staff of car company and motivation of its work]. Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2014, no. 5-2 (46), pp. 629–634. (In Russ.).

19. Temnitskiy A.P. *Motivatsionnaya struktura professional'noi deyatel'nosti meditsinskikh rabotnikov Rossii [The Motivational Structure of Healthcare Professionals in Russia] [Elektronnyi resurs]. Mir Rossii = Universe of Russia*, 2021. Vol. 30, no. 4, pp. 30–52. doi:10.17323/1811-038X-2021-30-4-30-52 (In Russ.).

20. Tokareva Yu.A., Glukhenkaya N.M., Tokarev A.G. *Motivatsiya trudovoi deyatel'nosti personala: kompleksnyi podkhod: Monografiya*. Shadrinsk: ShGPU Publ., 2021. 215 p. (In Russ.).

21. Shishin S.V. *Strategiya i motivy povedeniya sovremennykh transnatsional'nykh korporatsii // Segodnya i zavtra rossiiskoi ekonomiki = Today and Tomorrow of Russian Economy*, 2008, no. 20, pp. 24–27. (In Russ.).

22. Shcheglova E.S., Elkina V.N. *Sovershenstvovanie sistemy motivatsii personala v organizatsii [Improvement of the personnel motivation system in the organization]. Ekonomika i sotsium = Economy and Society*, 2021, no. 5-2(84), pp. 775–778. (In Russ.).

23. Yarasheva A.V. *Motivy finansovogo povedeniya naseleniya [Motives of financial behavior]. Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, Taxes & Law*, 2011, no. 5, pp. 66–71. (In Russ.).

24. Skoblikow P. *Vermögensstreitigkeiten und Schattenjustiz im postsowjetischen Russland (1991—2001). Kriminalistik*, 2005. Vol. 59, no. 1, pp. 19–25.

Скобников П.А.
Отрицательные мотивы должника в контексте
правового регулирования долговых отношений.
Криминологические последствия неудовлетвори-
тельного разрешения долговых отношений
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 152–169.

Skobnikov P.A.
Negative Motives of the Debtor in the Context
of Legal Regulation of Debt Relations.
Criminological Consequences of Unsatisfactory
Resolution of Debt Relations
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 152–169.

Информация об авторах

Скобников Петр Александрович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, сектор уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук (ФГБУН «ИГП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7875-7036>, e-mail: skobnikov@list.ru

Information about the authors

Petr A. Skobnikov, Doctor of Law, Leading Researcher, Sector (department) of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7875-7036>, e-mail: skobnikov@list.ru

Получена 26.09.2021
Принята в печать 26.02.2022

Received 26.09.2021
Accepted 26.02.2022

Психологические факторы налогового комплайенса

Демин А.В.

Сибирский федеральный государственный университет (ФГАОУ ВО СФУ), г. Красноярск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3437-7401>, e-mail: demin2002@mail.ru

Работа направлена на выяснение и концептуализацию социально-психологических факторов налогового комплайенса. Автор поддерживает тезисы школы поведенческой экономики (behavioural economics) о том, что стандартная модель сдерживания — полезная отправная точка для понимания мотиваций и поведения налогоплательщиков. Но ее верные в целом тезисы не в полной мере учитывают данные иных гуманитарных наук о важности неэкономических (социальных, психологических) мотиваций для налогового комплайенса. Соответственно, стандартная модель подлежит расширению и дополнению многочисленными неэкономическими факторами, влияющими на налоговый комплайенс. Каждый налогоплательщик находится под сильным влиянием окружающей его среды, включая нормы, ценности, установки и обычаи, а также взаимодействия налогоплательщика с налоговыми органами. Поэтому фактические механизмы налогового комплайенса всегда намного сложнее, а представления людей о налогах суть нечто большее, чем рациональное сопоставление индивидуальных затрат и выгод.

Ключевые слова: налоговый комплайенс, стандартная модель сдерживания, человек рациональный, налоговая мораль, социальные нормы.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-011-00080 «Налоговый комплайенс и правовые средства его обеспечения».

Для цитаты: Демин А.В. Психологические факторы налогового комплайенса [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 170–178. DOI:10.17759/psylaw.2023130112

Psychological Factors of Tax Compliance

Alexander V. Demin

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3437-7401>, e-mail: demin2002@mail.ru

This study aims to clarify and conceptualize the socio-psychological factors of tax compliance. The author supports the thesis of the behavioral economics school that the standard model of deterrence is a useful starting point for understanding taxpayer motivations and

behavior. But her theses, which are generally correct, do not fully take into account the data of other humanities about the importance of non-economic (social, psychological) motivations for tax compliance. Therefore, the standard model has to be extended and supplemented with numerous non-economic factors affecting tax compliance. Each taxpayer is strongly influenced by its environment, including norms, values, attitudes and customs, as well as the taxpayer's interactions with the tax authorities. Therefore, the actual mechanisms of tax compliance are always much more complex, and people's perceptions of taxes are more than a rational comparison of individual costs and benefits.

Keywords: tax compliance, standard deterrence theory, homo economicus, tax morality, social norms.

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-011-00080 “Tax Compliance and Legal Ways for Its Maintaining”.

For citation: Demin A.V. Psychological Factors of Tax Compliance. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 170–178. DOI:10.17759/psylaw.2023130112 (In Russ.).

Введение

В настоящей работе предпринята попытка выделения и концептуализации налоговой морали и гражданской позиции налогоплательщика как психологических факторов налогового комплайенса.

В последние десятилетия проблематика налогового комплайенса и некомплайенса вызывает повышенный интерес у представителей различных гуманитарных наук — политологов, экономистов, правоведов, социологов, психологов. В течение последнего десятилетия в этой постоянно расширяющейся области исследований были достигнуты важные успехи в моделировании процесса принятия решений по уплате налогов, а в последнее время — в изучении отношений между налогоплательщиками и налоговыми органами и того, как эти отношения влияют на комплайенс [13, р. 425]. Зарубежная литература по налоговому комплайенсу обширна и многослойна, а научные и прикладные методы исследований весьма разнообразны — от количественного до качественного анализа, от опросов и полевых исследований до лабораторных игр и экспериментов [18].

К сожалению, российская правовая наука фактически игнорирует налоговый комплайенс как актуальный объект доктринального анализа. В значительной степени такое отставание обусловлено недостаточным вниманием к междисциплинарным исследованиям. Сегодня российская налогово-правовая доктрина буквально заиклена на правовой догматике, не желая замечать новаторские открытия и наработки иных гуманитарных наук, включая психологию. Такая отраслевая ограниченность негативно влияет на исследования многих налогово-правовых аспектов, включая и проблемы налогового комплайенса, требующие выхода за чисто правовые рамки.

Почему одни лица платят налоги, а другие нет? Какие факторы определяют выбор налогоплательщика в пользу правомерного или неправомерного поведения в сфере налогообложения? При ответе на эти вопросы в зарубежной правовой науке общепризнанно дополнять экономические драйверы налогового комплайенса (например, размер доходов, тяжесть налогового бремени, интенсивность налогового контроля, размер налоговых санкций и проч.) целым рядом психологических переменных, которые существенно влияют на решения налогоплательщиков в ситуации альтернативного выбора.

Что касается российской науки налогового права, то психологические аспекты налоговозначимого поведения она, как правило, упускает из виду. Не случайно фискальная психология в нашей стране находится фактически в зачаточном состоянии. В этом контексте мы надеемся, что настоящая работа станет одним из первых, но далеко не последним кирпичиком в основе фискальной психологии как самостоятельного раздела отечественного налогового права.

Основная часть

Налоговый комплайенс представляет собой надлежащее выполнение налогоплательщиками и иными участниками налоговых отношений, за исключением представителей государства, своих налоговых обязательств.

Классическая модель сдерживания, предложенная Аллингэмом и Сандмо в 1972 г., опирается на идеальный концепт «*homo economicus*» — человека рационального, который принимает решение об уплате или неуплате налогов, исходя из анализа соотношения утилитарных выгод и издержек от некомплайенса (налоговая экономия vs риски налоговых санкций) [1]. Согласно этой модели, налогоплательщик будет законопослушен, если издержки налогового некомплайенса (например, аудит, налоговые санкции, репутационные потери и т. п.) перевесят его преимущества (экономия на налогах), и наоборот.

Центральный тезис стандартной модели налогового комплайенса заключается в том, что человек платит налоги исключительно из-за страха перед вероятными материальными потерями, связанными с изобличением и наказанием. Соответственно, улучшить налоговый комплайенс можно лишь наращиванием мер налогового принуждения, т. е. интенсификацией налогового контроля и ответственности.

Без опровержения общей достоверности стандартной модели, в научном сообществе постепенно утвердилось понимание ее ограниченности, подтвержденное эмпирическим путем и многочисленными полевыми исследованиями. Многочисленные экспертные оценки показывают, что существующие уровни налогового комплайенса в различных правовых порядках нельзя объяснить исключительно правоприменительными эффектами. Как подчеркивают многие налоговеды, главная загадка налогового комплайенса заключается именно в том, *почему люди платят налоги*, а не почему они от них уклоняются [8, р. 92]. Как подчеркивает Бенно Торглер, «...даже в наименее комплайенсных странах уклонение от уплаты налогов никогда не поднимается до уровней, прогнозируемых чисто экономическим анализом, и на самом деле зачастую существует значительное число лиц, которые, по-видимому, платят все (или большинство) своих налогов все (или большую часть) времени, независимо от финансовых стимулов, с которыми они сталкиваются со стороны правоохранительной системы» [20].

Постепенно в научном сообществе сформировалось понимание, что «*homo economicus*» — это лишь некая *идеальная модель*, которой реальные индивиды не всегда соответствуют в полной мере. Более того, принимая решения в условиях неопределенности, люди весьма часто действуют *иррационально*, если принять за рациональное решение максимизацию своих выгод и минимизацию затрат [16, р. 251]. Принимая решения в условиях ряда доступных альтернатив и опираясь лишь на неполное знание о вероятности последствий своего выбора, налогоплательщики далеко не всегда ведут себя как экономически рациональные и откровенно эгоистично настроенные, корыстные лица.

Уже Аллингэм и Сандмо, «отцы-основатели» стандартной модели, признавали, что их модель налогового комплайенса можно подвергнуть критике за то, что при принятии налогоплательщиком решения об уклонении от уплаты налогов слишком мало внимания уделяется нематериальным факторам [1, р. 326]. Критика модели сдерживания из-за ее неспособности объяснить более высокие уровни налогового комплайенса, чем она теоретически описывает,

привели научное сообщество к необходимости мультипликации и концептуализации *новых факторов*, влияющих на поведение налогоплательщиков. «Здравый смысл и повседневные наблюдения говорят нам о том, что люди воздерживаются от совершения налоговых правонарушений — ... не только из-за страха перед возможными санкциями, но и по причинам, связанным с социальными и моральными соображениями» [16, р. 649—650].

В целом же, на отношение налогоплательщиков к налоговому комплайенсу влияют многочисленные факторы, которые лишь в совокупности и определяют налоговозначимое поведение субъектов [13, р. 405]. Такие факторы принято подразделять на экономические и неэкономические (монетарные и немонетарные). Последние рассматриваются в рамках научного направления «поведенческая экономика» (behavioural economics), которое характеризуется применением к экономике методов других социальных наук, таких как социология, антропология и особенно психология [3, р. 2].

Рассмотрим подробнее два фактора, влияющие на налоговый комплайенс и обусловленные психологическими процессами индивидуального и группового характера, а именно: *налоговую мораль* и *гражданскую позицию* налогоплательщика.

Теория налоговой морали (Tax Moral Theory) была впервые разработана немецкими учеными, известными как Кельнская школа налоговой психологии. Под налоговой моралью традиционно понимают индивидуальную этику налогоплательщика как совокупность присущих конкретному человеку внутренних (этических) оценок налоговой системы и, в частности, его отношения к правомерному (неправомерному) поведению в сфере налогообложения. Концепт налоговой морали зачастую рассматривается и в более широком контексте, охватывая все неэкономические факторы, которые оказывают позитивное или негативное влияние на налоговый комплайенс.

Честность, вина, угрызения совести, чувство долга и собственного достоинства, благородство, альтруизм, эмпатия, тщеславие, жадность, эгоизм и множество других нравственных качеств, ценностей и установок в различных сочетаниях и соотношениях определяют внутреннее мировосприятие каждого из нас, будучи результатом прежде всего воспитания и совокупного жизненного опыта человека. Сфера налогов исключением здесь не является.

Считается, что решение о налоговом комплайенсе зависит от индивидуальных этических позиций (*внутренней мотивации*) конкретного налогоплательщика. Как свидетельствуют Эрзо Латтмер и Моника Сингхал, «...при рассмотрении вопроса о том, как налоговая мораль может влиять на решения налогоплательщиков, одной из возможностей являются формы внутренней мотивации, которые могут побуждать людей соблюдать законы и соответствовать ожиданиям окружающих. Другими формами внутренней мотивации являются чувство гордости и позитивный имидж, которые часто связаны с честностью и выполнением гражданских обязанностей, а также альтруизм по отношению к другим, что может привести к желанию внести свой вклад в общественные блага через налоговую систему. Махинации с налогами могут вызывать чувство вины или угрызения совести» [14, р. 155].

Налоговая мораль основывается на убеждении в том, что существует *моральный императив* (moral imperative), который следует соблюдать. Она формируется в процессе социализации индивида, отражает ценностные установки и налоговую этику налогоплательщика и связана с разнообразными характеристиками его личности (например, такими как честность и эгоизм).

Многочисленные исследования показали корреляцию между налоговой моралью и налоговым комплайенсом. В этом контексте страны с низкой налоговой моралью, как правило, сталкиваются с более высокими показателями налогового некомплайенса. Например, Ита-

лию и Грецию часто описывают как страны с низким уровнем налоговой морали и высоким уровнем уклонения от уплаты налогов [5, p. 687].

Как убедительно показала Кэтлин Дэлани Томас, эмпирические данные свидетельствуют о том, что люди испытывают некоторую форму психологического дискомфорта, когда они нечестны, что может удерживать их от обмана. Этот дискомфорт — его можно рассматривать как чувство вины — налагает дополнительные издержки на выгоду от некомплайенса, не учитываемые стандартной моделью сдерживания. Автор называет их «психологическими издержками» (psychic cost) налогового некомплайенса, утверждая, что они должны учитываться в нашем понимании анализа затрат и выгод налогоплательщика наряду с денежными издержками (monetary costs) [19, p. 619]. В целом же идея «внутренней мотивации платить налоги» во многом привязана к психологии личности [10, p. 140]. Вспомним бессмертную фразу О’Генри: «Дело не в дороге, которую мы выбираем, а в том, что внутри нас заставляет нас эту дорогу выбрать».

Таким образом, налоговая мораль связана с мировоззренческими позициями, ценностями, стереотипами, идеалами и самооценками, которые во многом определяют предпочтения среди налогоплательщиков и их выбор при принятии налоговозначимых решений. Законопослушание можно рассматривать как одну из черт характера того или иного индивида. «У хорошего гражданина есть моральные препоны для осуществления запрещенной деятельности, — констатируют Фрей и Шнайдер. — Эти моральные издержки тесно связаны с “налоговой моралью”, которая побуждает граждан платить налоги государству» [9, p. 7441].

Соответственно, есть налогоплательщики, которые просто предрасположены не уклоняться от уплаты налогов и даже не ищут способов обмануть государство, так как убеждены в том, что мошенничать *в принципе* неправильно.

Совокупность моральных установок отдельных налогоплательщиков на национальном уровне формирует некий устойчивый и самоподдерживающийся симбиоз, который в литературе именуется «этикой уплаты налогов» (taxpaying ethos) [11, p. 638]. При этом нужно заметить, что налоговая мораль — не просто результат воспитания и самовоспитания. Многое здесь зависит от характера взаимодействия налогоплательщиков с налоговыми органами, от законодательной базы и конституционной среды [7, p. 12]. В этом контексте налогоплательщики могут относиться к налоговым платежам как к условию некоего общественного договора с государством, в рамках которого налоги уплачиваются в обмен на публично значимые товары и услуги, оказываемые государством.

Ряд авторов связывают налоговую мораль с уровнем вовлеченности населения в демократические процедуры, политическую жизнь, местное самоуправление. По мнению Торглера, если налогоплательщики считают, что они в состоянии лучше контролировать политиков, их готовность платить налоги и сотрудничать возрастают. Следовательно, более высокая степень удовлетворенности демократическими институтами страны должна привести к повышению налоговой морали [20].

Как мы видим, то, как власти обращаются с людьми, влияет на их оценку публичных властей и на их желание сотрудничать с государством. Так, Ларс Фелд и Бруно Фрей полагают, что «налоговая мораль оказывается тем выше, чем более непосредственно налогоплательщики могут влиять на налоговое законодательство и налоговые ставки, а также на правила налоговой игры в целом. Налогоплательщики воспринимают свой гражданский долг сильнее, если они непосредственно участвуют в политических решениях, а не просто избирают представителей на регулярной основе» [7, p. 3–4].

Речь идет о том, в какой степени налогоплательщики ощущают себя сопричастными судьбе своего сообщества, своей страны, национальным интересам. Основанные на опросах ис-

следования показывают, что более высокий уровень патриотизма в стране положительно коррелирует с улучшением налоговой морали. Так, на основе ряда полевых исследований Ричард Лавуа делает вывод о том, что более высокий средний уровень патриотизма положительно коррелирует с более низким совокупным уровнем уклонения от уплаты налогов [12, р. 59]. Так, социологическое исследование, проведенное американским автором Ванессой Уильямсон, весьма убедительно продемонстрировало, что американцы в подавляющем большинстве рассматривают налоги в качестве своего неотъемлемого гражданского долга и конституционно-политического акта, а уклонение от уплаты налогов считают не просто незаконным, но аморальным. Статус налогоплательщика, констатирует Уильямсон, вызывает у гражданина чувство гордости, свидетельствуя о том, что он ответственный и достойный член общества, вносящий свой посильный вклад в его развитие, а посему заслуживающий уважения и права на участие в управлении общими делами. Тем самым в сознании американца надлежащее исполнение налоговых обязательств выступает источником гражданского достоинства и политико-конституционного статуса личности [21, р. 6–15].

По мнению ряда авторов, на налоговый комплайенс в значительной степени влияет степень, в которой их граждане доверяют своему правительству [4, р. 135]. Доверие, отмечают Филд и Фрей, подразумевает эффективность действий правительства в проведении государственной политики и программ, обещанных гражданам. При этом доверие к правительству может быть подорвано, если государственные расходы высоки и необоснованны [6, р. 112].

С другой стороны, налоговый некомплайенс может быть выражением осознанной гражданской позиции и гражданского неповиновения. Так, в некоторых странах (например, США, Великобритания) известно общественное движение «Протест против налогов» (Tax Protesters), охватывающее группировки с самыми разными мотивациями — от ультралиберальных взглядов до пацифизма или анархизма. «Протестующие» оспаривают полномочие государства взимать налоги, утверждая, что налогообложение недопустимо посягает на фундаментальные права и свободы. По их мнению, уплата налогов должна быть сугубо добровольным актом, поэтому какое-либо принуждение к уплате налогов является нелегитимным.

Иногда акты налогового некомплайенса совершаются по *идейным соображениям*. В частности, в США некоторые граждане, не отрицая в целом полномочий государства взимать налоговые платежи, отказываются от уплаты налогов из-за несогласия с государственной политикой (например, легализацией рабства, излишне жесткими полицейскими акциями или «несправедливой» и агрессивной войной). Судами подобная аргументация перманентно отвергается, но подобные движения продолжают существовать, вынуждая Службу внутренних доходов США ежегодно опровергать аргументы сторонников «налоговых протестов». Выступая последовательным оппонентом указанному движению, Аллен Мэдисон справедливо резюмирует: «Если мы хотим больше цивилизации и больше свободы, то должны быть готовы платить налоги, чтобы обеспечить наше общество этими ценностями» [15].

К сожалению, в нашей стране взаимосвязь между патриотизмом и уплатой налогов не проводится ни масс-медиа, ни официальными лицами. Думается, широкая демократизация общественной и политической жизни, продуцирующая сопричастность людей к судьбе страны, способна позитивно влиять на налоговый комплайенс. В частности, по мнению ряда налоговых экспертов, налогоплательщики проявляют большую склонность платить налоги, когда они участвуют в обсуждении и выборе направлений расходования собранных налогов, по сравнению с тем, когда точно такое же использование налогов им навязывается [2, р. 295].

Заключение

Стандартная модель сдерживания — полезная отправная точка для понимания мотиваций и поведения налогоплательщиков. Но ее верные в целом тезисы не в полной мере учитывают данные иных гуманитарных наук о важности неэкономических (социальных, психологических) мотиваций для налогового комплаенса. Поэтому стандартная модель подлежит расширению и дополнению многочисленными неэкономическими факторами, влияющими на комплаенс.

Внутренняя мотивация к уплате налогов может быть обусловлена не только угрозой обнаружения и наказания, но самыми различными переменными, в том числе психологического характера. «Это не означает, что люди поступают “иррационально”, — подчеркивает Ричард Лавуа. — В самом деле, если бы это было так, то наш вид просто не смог бы выжить. Скорее, это означает, что фактические психические процессы, которые в конечном итоге приводят к тому, что человек делает определенный поведенческий выбор, не обязательно следуют или, возможно, даже учитывают чисто логический подход, которому можно было бы следовать» [12, p. 45—46].

Каждый налогоплательщик находится под сильным влиянием окружающей его среды, включая нормы, ценности, установки и обычаи, а также взаимодействия налогоплательщика с налоговыми органами. Индивидуальная и групповая этика, налоговая мораль, национальный менталитет, господствующие нравы, традиции и стереотипы, гражданская зрелость, конформизм, ценностные ориентации, восприятие справедливости или несправедливости налоговой системы, иррациональные мотивации, эмоции, предрассудки и т. п. играют важную роль в формировании моделей налоговозначимого поведения.

Поэтому фактические механизмы налогового комплаенса всегда намного сложнее, а представления людей о налогах суть нечто большее, чем рациональное сопоставление индивидуальных затрат и выгод.

Литература

1. *Allingham M.G., Sandmo A.* Income Tax Evasion: A Theoretical Analysis // *Journal of Public Economics*. 1972. Vol. 1(3-4). P. 323–338. doi:10.1016/0047-2727(72)90010-2
2. *Alm J. et al.* New Technologies and the Evolution of Tax Compliance // *Virginia Tax Review*. 2020. Vol. 39(3). P. 287–356.
3. *Alm J. et al.* Can Behavioral “Nudges” Improve Compliance? The Case of Colombia Social Protection Contributions // *Games*. 2019. Vol. 10(4). P. 43–65. doi:10.3390/g10040043
4. *Bandara K.G.A.G., Weerasooriya W.M.R.B.* A Conceptual Research Paper on Tax Compliance and Its Relationships // *International Journal of Business and Management*. 2019. Vol. 14(10). P. 134–145. doi:10.5539/ijbm.v14n10p134
5. *Blank J.D., Glogower A.D.* Progressive Tax Procedure // *New York University Law Review*. 2021. Vol. 96(3). P. 668–737.
6. *Feld L.P., Frey B.S.* Tax Compliance as the Result of a Psychological Tax Contract: The Role of Incentives and Responsive Regulation // *Law & Policy*. 2007. Vol. 29(1). P. 102–120. doi:10.1111/j.1467-9930.2007.00248.x
7. *Feld L.P., Frey B. S.* Trust Breeds Trust: How Taxpayers are Treated // *Economics of Government*. 2002. Vol. 3(1). P. 87–99. doi:10.1007/s101010100032
8. *Frey B.S.* Punishment – and Beyond // *Contemporary Economics*. 2011. Vol. 5(2). P. 90–99. doi:10.5709/ce.1897-9254.15

9. Frey B.S., Schneider F. Informal and Underground Economies // *International Encyclopedia of Social and Behavioral Science* / Smelser N.J., Baltes P.B. (eds). Amsterdam: Elsevier Science Publishing Company, 2000. 7441 p. doi:10.1016/B0-08-043076-7/02295-6
10. Frey B.S., Torgler B. Tax Morale and Conditional Cooperation // *Journal of Comparative Economics*. 2007. Vol. 35(1). P. 136–159. doi:10.1016/j.jce.2006.10.006
11. Lavoie R. Flying above the Law and Under the Radar: Instilling a Taxpaying Ethos in those Playing by Their Own Rules // *Pace Law Review*. 2009. Vol. 29(4). P. 637–687.
12. Lavoie R. Patriotism and Taxation: The Tax Compliance Implications of the Tea Party Movement // *Loyola Law Review*. 2011. Vol. 45(1). P. 39–86.
13. Leviner S. A New Era of Tax Enforcement: From “Big Stick” to Responsive Regulation // *University of Michigan Journal of Law Reform*. 2009. Vol. 42(2). P. 381–429. doi:10.1111/j.1748-5991.2008.00039.x
14. Luttmer E.F.P., Singhal M. Tax Morale // *Journal of Economic Perspectives*. 2014. Vol. 28(4). P. 149–168. doi:10.1257/jep.28.4.149
15. Madison A.D. The Futility of Tax Protester Arguments // *Thomas Jefferson Law Review*. 2014. Vol. 36(2). P. 254–308.
16. Manhire J. Tax Compliance as a Wicked System // *Florida Tax Review*. 2016. Vol. 18(6). P. 235–274. doi:10.2139/ssrn.2586556
17. Sandmo A. The Theory of Tax Evasion: A Retrospective View // *National Tax Journal*. Vol. 58(4). P. 643–663. doi:10.17310/ntj.2005.4.02
18. Slemrod J. B. Tax Compliance and Enforcement // *Journal of Economic Literature*. 2019. Vol. 57(4). P. 904–954. doi:10.1257/jel.20181437
19. Thomas K.D. The Psychic Cost of Tax Evasion // *Boston College Law Review*. 2015. Vol. 56(2). P. 617–670.
20. Torgler B. Tax Morale and Compliance: Review of Evidence and Case Studies for Europe // *World Bank Policy Research Working Paper*. 2011. December 1. No. 5922. URL: <https://ssrn.com/abstract=1977173>
21. Williamson V.S. *Read My Lips: Why Americans Are Proud to Pay Taxes*. Princeton University Press, 2017. 304 p. doi:10.1515/9781400885015

References

1. Allingham M.G., Sandmo A. Income Tax Evasion: A Theoretical Analysis. *Journal of Public Economics*, 1972. Vol. 1, no. 3-4, pp. 323–338. doi:10.1016/0047-2727(72)90010-2
2. Alm J. et al. New Technologies and the Evolution of Tax Compliance. *Virginia Tax Review*, 2020. Vol. 39, no. 3, pp. P. 287–356.
3. Alm J. et al. Can Behavioral “Nudges” Improve Compliance? The Case of Colombia Social Protection Contributions. *Games*, 2019. Vol. 10, no. 4, pp. 43–65. doi:10.3390/g10040043
4. Bandara K.G.A.G., Weerasooriya W.M.R.B. A Conceptual Research Paper on Tax Compliance and Its Relationships. *International Journal of Business and Management*, 2019. Vol. 14, no. 10, pp. 134–145. doi:10.5539/ijbm.v14n10p134
5. Blank J.D., Glogower A.D. Progressive Tax Procedure. *New York University Law Review*, 2021. Vol. 96, no. 3, pp. 668–737.
6. Feld L.P., Frey B.S. Tax Compliance as the Result of a Psychological Tax Contract: The Role of Incentives and Responsive Regulation. *Law & Policy*, 2007. Vol. 29, no. 1, pp. 102–120. doi:10.1111/j.1467-9930.2007.00248.x
7. Feld L.P., Frey B. S. Trust Breeds Trust: How Taxpayers are Treated. *Economics of Governance*, 2002. Vol. 3, no. 1, pp. 87–99. doi:10.1007/s101010100032

8. Frey B.S. Punishment – and Beyond. *Contemporary Economics*, 2011. Vol. 5, no. 2, pp. 90–99. doi:10.5709/ce.1897-9254.15
9. Frey B.S., Schneider F. Informal and Underground Economies. In N.J. Smelser, P.B. Baltes (eds). *International Encyclopedia of Social and Behavioral Science*. Amsterdam: Elsevier Science Publishing Company, 2000. 7441 p. doi:10.1016/B0-08-043076-7/02295-6
10. Frey B.S., Torgler B. Tax Morale and Conditional Cooperation. *Journal of Comparative Economics*, 2007. Vol. 35, no. 1, pp. 136–159. doi:10.1016/j.jce.2006.10.006
11. Lavoie R. Flying above the Law and Under the Radar: Instilling a Taxpaying Ethos in those Playing by Their Own Rules. *Pace Law Review*, 2009. Vol. 29, no. 4, pp. 637–687.
12. Lavoie R. Patriotism and Taxation: The Tax Compliance Implications of the Tea Party Movement. *Loyola Law Review*, 2011. Vol. 45, no. 1, pp. P. 39–86.
13. Leviner S. A New Era of Tax Enforcement: From “Big Stick” to Responsive Regulation. *University of Michigan Journal of Law Reform*, 2009. Vol. 42, no. 2, pp. 381–429. doi:10.1111/j.1748-5991.2008.00039.x
14. Luttmer E.F.P., Singhal M. Tax Morale. *Journal of Economic Perspectives*, 2014. Vol. 28, no. 4, pp. 149–168. doi:10.1257/jep.28.4.149
15. Madison A.D. The Futility of Tax Protester Arguments. *Thomas Jefferson Law Review*, 2014. Vol. 36, no. 2, pp. 254–308.
16. Manhire J. Tax Compliance as a Wicked System. *Florida Tax Review*, 2016. Vol. 18, no. 6, pp. 235–274. doi:10.2139/ssrn.2586556
17. Sandmo A. The Theory of Tax Evasion: A Retrospective View. *National Tax Journal*, Vol. 58, no. 4, pp. 643–663. doi:10.17310/ntj.2005.4.02
18. Slemrod J. B. Tax Compliance and Enforcement. *Journal of Economic Literature*, 2019. Vol. 57, no. 4, pp. 904–954. doi:10.1257/jel.20181437
19. Thomas K.D. The Psychic Cost of Tax Evasion. *Boston College Law Review*, 2015. Vol. 56, no. 2, pp. 617–670.
20. Torgler B. Tax Morale and Compliance: Review of Evidence and Case Studies for Europe. *World Bank Policy Research Working Paper*, 2011, December 1. No. 5922. URL: <https://ssrn.com/abstract=1977173>
21. Williamson V.S. *Read My Lips: Why Americans Are Proud to Pay Taxes*. Princeton University Press, 2017. 304 p. doi:10.1515/9781400885015

Информация об авторах

Демин Александр Васильевич, доктор юридических наук, доцент, профессор, кафедра предпринимательского, конкурентного и финансового права, Юридический институт, Сибирский федеральный университет (ФГАОУ ВО СФУ), г. Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3437-7401>, e-mail: demin2002@mail.ru

Information about the authors

Alexander V. Demin, Doctor of Law, Docent, Professor, Department of Business, Competition and Financial Law, Institute of Law, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3437-7401>, e-mail: demin2002@mail.ru

Получена 01.09.2021

Принята в печать 20.12.2021

Received 01.09.2021

Accepted 20.12.2021

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Психологические приемы в арсенале дореволюционной российской адвокатуры

Биюшкина Н.И.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (ФГАОУ ВО «ННГУ имени Н.И. Лобачевского»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6796-4600>, e-mail: asya_biyushkina1@list.ru

Сосенков Ф.С.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (ФГАОУ ВО «ННГУ имени Н.И. Лобачевского»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5645-9510>, e-mail: f.sosenkov@yandex.ru

Тюленева М.А.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (ФГАОУ ВО «ННГУ имени Н.И. Лобачевского»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0619-1683>, e-mail: tyuleneva_ma@mail.ru

Проблема использования профессиональными юристами и прежде всего адвокатами психологических приемов воздействия на профессиональных судей и суд присяжных актуальна и нередко становится предметом научной и общественной дискуссии. Вместе с тем история обращения отечественных правоведов-практиков к психологическим способам усиления своей позиции представляется недостаточно изученной. Целью статьи является исследование психологических приемов, используемых дореволюционными адвокатами. Показано, что, помимо правовой аргументации, присяжными поверенными эффективно использовались воззвания к гуманизму присяжных заседателей, их патриотизму, религиозным чувствам, побуждение к эмпатии, игра на правовом нигилизме общества, противостоянии последнего государственному механизму самодержавной России.

Ключевые слова: психологические приемы, пореформенный суд, адвокатура, присяжные поверенные, присяжные заседатели, комплименты, похвала аудитории, формирование аттракции, апелляция к высшим ценностям.

Для цитаты: Биюшкина Н.И., Сосенков Ф.С., Тюленева М.А. Психологические приемы в арсенале дореволюционной российской адвокатуры [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 179–190. DOI:10.17759/psylaw.2023130113

Psychological Techniques in the Arsenal of the Pre-Revolutionary Russian Legal Profession

Nadezhda I. Biyushkina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6796-4600>, e-mail: asya_biyushkina1@list.ru

Fyodor S. Sosenkov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5645-9510>, e-mail: f.sosenkov@yandex.ru

Marina A. Tyuleneva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0619-1683>, e-mail: tyuleneva_ma@mail.ru

The problem of the use of psychological methods of influencing professional judges and juries by professional lawyers, and especially by lawyers, is relevant and often becomes the subject of scientific and public discussion. At the same time, the history of the appeal of domestic legal practitioners to psychological methods of strengthening their position seems to be insufficiently studied. The purpose of the article is to study the psychological techniques used by pre-revolutionary lawyers. It is shown that, in addition to legal argumentation, jurors effectively used appeals to the humanism of jurors, their patriotism, religious feelings, the urge to empathy, playing on the legal nihilism of society, the latter's opposition to the state mechanism of autocratic Russia.

Keywords: psychological techniques, post-reform court, legal profession, jurors, jurors, compliments, audience praise, attraction formation, appeal to the highest values.

For citation: Biyushkina N.I., Sosenkov F.S., Tyuleneva M.A. Psychological Techniques in the Arsenal of the Pre-Revolutionary Russian Legal Profession. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 179–190. DOI:10.17759/psylaw.2023130113 (In Russ.).

Введение

В современных условиях российской правовой действительности важной тенденцией в развитии правосудия является расширение функций присяжных заседателей в связи с инициативами Президента РФ о распространении суда присяжных на более широкий круг уголовных дел. В этой связи особую актуальность приобретают неюридические факторы воздействия стороны защиты на правовую позицию присяжных заседателей, вердикт которых зачастую оказывает определяющее воздействие на судьбу подсудимых. В этих условиях обращение к успешному опыту функционирования дореволюционной адвокатуры, богатое наследие которой позволяет глубоко и системно изучить приемы и способы воздействия на присяжных заседателей, представляется актуальным и обоснованным. В адвокатской практике пореформенной Российской империи с введением суда присяжных заседателей по основной массе уголовных дел в окружных судах особую роль играли наряду с правовыми психологические приемы, методы воздействия на непрофессиональный суд присяжных.

Психологическое воздействие дореволюционных адвокатов на присяжных заседателей

Наибольшую известность приобрел присяжный поверенный **Ф.Н. Плевако**, который очень часто прибегал к использованию психологических приемов воздействия на присяжных заседателей. Исследователи отмечают особый стиль этого выдающегося защитника прав и интересов представителей самых различных слоев населения, выразившийся в обращении к религиозным чувствам участников уголовного судопроизводства [8, с. 58]. Так, например, защищая священника, Ф.Н. Плевако указал присяжным: «Перед вами сидит человек, который тридцать лет отпускал на исповеди все ваши грехи. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его грех?» [22, с. 180]. Другим ярким примером, иллюстрирующим приверженность Ф.Н. Плевако защите с помощью неюридических средств, является судебная речь, в которой видный адвокат, завершая свое блестящее выступление, воскликнул: «Если мой подзащитный невиновен, Господь даст о том знамение!» [13]. В этот момент зазвонили колокола. Подсудимый был оправдан. По другому делу старушка обвинялась в краже чайника. Ф.Н. Плевако в ответ на обвинительную речь прокурора отметил: «Много бед, много испытаний пришлось претерпеть России... Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла и росла от испытаний. Но теперь, теперь... Старушка украла старый чайник ценою в тридцать копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет, безвозвратно» [26, с. 716]. Старушка была оправдана.

Защищая князя Грузинского, Ф.Н. Плевако, обращаясь к присяжным заседателям, говорил: «Я очень рад, что судьбу князя решаете вы, по виду вашему — пахари и промышленники, что судьбу человека из важного рода отдали в руки ваши. Равенство всех перед законом и вера в правосудие людей, не несущих с собой в суд ничего, кроме простоты и чистоты сердца, сегодня явны в настоящем деле... На скамью обвинением посажен человек, которого упрекают в презрении к вам, упрекают в том, что он из стародавней, некогда властвовавшей над Грузией фамилии... и вам же предают его на суд! ... Себя на его место поставите... вы... можете рассудить его разумно и справедливо, по-божески... Ну разве то, что чувствовал князь, вам непонятно, адские терзания души его вам неизвестны. Нет, я думаю, что вы — простые люди, лучше всех понимаете, что значит отцовская или мужнина честь, и грозно охраняете от врагов свое хозяйство, свой очаг, которым вы отдаете всю жизнь, не оставляя их... для барских затей богатых и знатных» [22, с. 192]. Далее, пытаясь объяснить мотивы подсудимого, присяжный поверенный отмечал: «Есть состояние... извинительное... когда поступок ближнего оскорбляет и нарушает священнейшие права... В душе... поднимается не порочное чувство злобы, а справедливое чувство отмщения и защиты поруганного права. Оно — законно, оно свято... Но как поступить, когда нет сил и средств спасти поруганное, когда внешние, законные средства защиты недействительны. Тогда человек чувствует, что при бессилии закона и его органов... он — сам судья и мститель за поруганные права! Отсюда необходима оборона для прав...» [22, с. 197].

В речи по делу Лукашевича Ф.Н. Плевако обращался к присяжным заседателям: «...перед вами теперь стоит... человек, который... со страхом ожидает вашего приговора на всю жизнь... Суровый приговор окончательно отравит его на всю жизнь... Спросите ваш здравый смысл, будет ли суровый приговор соответствовать интересам правосудия. Посоветуйтесь об этом с вашей умиротворяющей совестью и скажите ваш справедливый приговор, — мы примем его с благодарностью...» [22, с. 215—216].

Защищая крестьян, обвиняемых в оказании сопротивления должностным лицам, присяжный поверенный следующим образом описывал условия жизни подсудимых: «Постоянные

долги, благодаря приемам управления, росли и затягивали крестьян... Думаю я, что... жизнь после реформы была во стократ тяжелее дореформенного рабства...» [22, с. 217–218]. В заключении защитительной речи Ф.Н. Плевако говорил: «Верю я, что вы скажете сегодня: “Молчи, закон, настало время благодати!” Вы пощадите их... Люди они, человеки! Судите же по-человечески!» [22, с. 221].

Защищая рабочих по обвинению в участии в экономической стачке, Ф.Н. Плевако отмечал: «Совершенно деяние незаконное и нетерпимое, — преступником была толпа. А судят не толпу, а несколько десятков лиц, замеченных в толпе... судим отдельных лиц... Быть в толпе еще не значит быть носителем ее инстинктов... Толпа заражает, лица, в нее входящие, заражаются. Бить их — это все равно, что бороться с эпидемией, бичуя больных» [22, с. 232].

В меньшей степени к психологическим приемам в своей деятельности прибегал присяжный поверенный **А.И. Урусов**, но он также «...добивался успеха, воздействуя своими речами на чувства слушателей — присяжных и зрителей» [6, с. 177]. В речи по делу об убийстве Алексея Волохова присяжный поверенный обращал внимание на следующие характеристики личности потерпевшего: «Он был пьяница, во хмелю буянил, бил стекла... когда он возвращался пьяным домой, он шумел...» [23, с. 15]. Обращаясь к присяжным заседателям, А.И. Урусов отмечал: «Господа присяжные, я ожидаю от вас строгой правды, строгого анализа. Перед вами женщина, шесть месяцев томившаяся под тяжелым обвинением. Девять лет в горе прожила она с мужем, еще худший конец ожидает эту нравственную личность. Невольно преклоняешься перед таким горем» [23, с. 20].

В речи по делу Морозкина присяжный поверенный в обоснование позиции защиты указывал: «Как, на основании секретных сведений можно публично называть честного человека сообщником мошеннической шайки! ... Перед лицом суда и вас, господа присяжные, от имени всех честных людей я громко протестую против такого нареkania! Лучшее достояние гражданина — его доброе имя... честное имя охраняется всеми честными людьми...» [23, с. 25–26]. Продолжая речь в защиту Морозкина, А.И. Урусов отмечал: «А этот несчастный человек уже восемь месяцев лишен свободы... безвыходно томится в остроге, прошел в позорной одежде через весь город, почти разорен, оторван от семьи, придавлен ужасом наказания, наконец, даже имя его старались предать позору... Я надеюсь, что он выйдет отсюда оправданный вами, господа присяжные: но скоро ли забываются такие страдания?» [23, с. 28].

Защищая крестьян по обвинению в неповиновении и сопротивлении властям, А.И. Урусов отмечал: «Вашему суждению, господа присяжные и судьи, подлежит вопрос о том, можно ли по совести признать, что целое крестьянское общество... виновно огулом и порознь в неповиновении властям... Хотя вас и предупреждали против наших доводов, но ведь мы, господа присяжные, понимаем друг друга» [23, с. 31]. Далее он характеризовал будни обвиняемых: «Жизнь-то их, как видно, была незавидная: приходилось ездить пахать за 9 верст... по трудной гористой дороге, оставлять там баб и ребятишек... без пристанища, в сырую осень... Поставьте-ка себя на их место и скажите, что бы вы сделали?...» [23, с. 33–34]. В заключение своей речи присяжный поверенный обращался к присяжным заседателям: «Знаете ли, господа присяжные, зачем мы с моим товарищем ехали из Москвы защищать это дело? ... Мы ехали только потому, что дело это правое: не снисхождения, а оправдания просим мы у вас, мы хотим услышать от вас справедливое оправдание... будем счастливы, если удастся возратить родной семье ее работников, возратить крестьянскому обществу его права!» [23, с. 37].

В защитительной речи по делу князя Оболенского А.И. Урусов негодовал, когда обвинители «без всякой надобности начинают бить по лучшим, святым чувствам человека... Чем утратил он право быть патриотом, любить свое отечество, а прокурор считает возможным коснуться даже этой святости человека!.. Это невозможная вещь!» [23, с. 75—76].

По делу об убийстве Марии Дрич присяжный поверенный, обращаясь к присяжным заседателям, призывал: «...не заглушайте в себе голоса вашей совести и всмотритесь в этих несчастных людей. Это ведь люди, а не деревянные чурбаны, над которыми можно проделать что угодно. Ведь эти люди страдают, плачут. У них кровь и слезы, как и у нас...» [23, с. 80].

Защищая Савицкого по делу об убийстве жены, А.И. Урусов указывал: «Горемычная семья ждет не дождется вашего приговора. Неужели слезы и молитвы их могут быть напрасны? ... Не защита, а ваш собственный разум и сердце давно разъяснили это дело. Савицкого нельзя обвинить, и я уже слышу ваш приговор: “Нет, не виновен!”» [23, с. 100].

В речи в защиту Дмитриевой присяжный поверенный обращал внимание на сущность деятельности присяжных заседателей и принцип равенства всех перед законом. А.И. Урусов отмечал: «Есть одно чувство, господа присяжные заседатели... чувство величественное и гордое... чувство общечеловеческого равенства, равенства, без которого нет правосудия на земле! ... Суд присяжных представляет собой одно из превосходных учреждений, посредством которых убеждения людей из области мысли переходят в действительную жизнь, становятся силой, дают себя почувствовать всякому» [23, с. 102].

Не столь часто к психологическим приемам в своих защитительных речах прибегал присяжный поверенный **С.А. Андреевский**. В речи в защиту Андреева присяжный поверенный, указывая на безнравственность потерпевшей, отмечал: «Везде, где она появлялась, она всегда производила своей эффектной наружностью впечатление на мужчин. Ей это нравилось» [22, с. 53]. В заключении своей речи С.А. Андреевский обращается к присяжным заседателям: «И верьте, что Андреев выйдет из суда, как говорится, “с опущенной головой”... На дне его души будет по-прежнему неизлечимая рана... Его грех перед богом и кровавый призрак его жены... останутся с ним неразлучными до конца» [22, с. 54].

Защищая Наумова, обвиняемого в убийстве, присяжный поверенный отмечал: «Убийство — самое страшное преступление именно потому, что оно зверское, что в нем исчезает образ человеческий. А между тем... Наумов убил Чарнецкую именно потому, что он был человек, а она была зверем» [22, с. 90].

Не пренебрегал психологическим воздействием в судебных речах и присяжный поверенный **П.А. Александров**. В речи по делу В. Засулич он отмечал: «Короткое газетное известие о наказании Боголюбова розгами не могло не произвести на Засулич подавляющего впечатления. Оно производило такое впечатление на всякого, кому знакомо чувство чести и человеческого достоинства» [23, с. 248]. Продолжая защитительную речь, присяжный поверенный указывал: «Физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести» [23, с. 249].

В речи по делу Сары Модебадзе присяжный поверенный отмечал: «Тяжелое время пришлось пережить подсудимым. В долгий период предварительного следствия, в борьбе за свою невиновность... они... с недоверием, с упреком, с подозрением, с жалобой относились ко всем, кто держал судьбу их в своей власти... которые, думали они, действуют против них с предубеждением, вопреки очевидной истине и справедливости» [23, с. 266].

Психологическое воздействие на присяжных заседателей использовал и присяжный поверенный **К.К. Арсеньев**. В деле о подлоге завещания он обращался к присяжным заседателям:

«Перед вашим судом действительно все равны, но... Вы постановите ваш приговор не во имя равенства перед законом, а во имя справедливости, требующей, чтобы каждому было воздано должное» [23, с. 442].

Психологические приемы практиковал также присяжный поверенный **В.И. Жуковский**. В деле о подлоге векселей присяжный поверенный, обращаясь к присяжным заседателям, отмечал: «Я вправе ожидать от вас критического отношения к закону, потому что только при критическом отношении возможно к нему уважение. Прогрессивное развитие общечеловеческих идей всегда опережает закон, и он обречен на бесконечное совершенствование. Главная задача суда общественной совести в разумном применении закона. Если вы примите во внимание те соображения, которые я вам представил, то моя защита окончена» [23, с. 475].

В речи в защиту Юханцева, обвиняемого в растрате сумм, принадлежащих Обществу взаимного поземельного кредита и в подлогах, как указывал современный исследователь М.А. Мазуренко, В.И. Жуковский связывал суд присяжных с общественным мнением [16, с. 112], отмечая: «Участие ваше в суде коронном потому и драгоценно, что оно вносит в суд живое, ничем не скованное начало общежитийского разума. Вы следуете совету юриста в той только мере, в какой его законно-формальное воззрение не отрешается от сферы условий общественной жизни... Сознание свидетельствует о глубоком уважении подсудимого к суду общественному и закону, а потому, произнося приговор, вы убеждены, что даете раскаявшемуся нравственную поддержку в его стремлении отрешиться от тех низких противообщественных инстинктов, которым он поддался, быть может, по слабости характера, по увлечению или по другим внешним условиям...» [23, с. 488—490].

Использовал в своей деятельности психологические средства воздействия и присяжный поверенный **М.Г. Казаринов**. Так, в речи в защиту Укшинского, обвиняемого в убийстве Мезиной, присяжный поверенный представил характеристики как обвиняемого, так и потерпевшей: «...он человек крайне впечатлительный: потеря места, измена любовницы — все это живо и глубоко на него действует и выражается в порывах... Уж куда более сильной натурой представляется мне рядом с ним Мезина... В то время, когда он после разрыва... простаивает днями у нее под окнами и ищет случая видеть ее, чтобы сказать два-три слова, она уже хладнокровно начинает закреплять свое будущее счастье с Дальгаммером» [23, с. 549].

Защищая Сапогова, присяжный поверенный отмечал: «В наше время... культурный человек... не может безнаказанно попирает заповедь “не убей” ... Взгляните на подсудимого: разве, убив товарища, он тем же ударом ножа не поразил и самого себя? Разве он не связал на всю жизнь свою с трупом убитого?» [23, с. 571].

Присяжный поверенный **К.Ф. Хартулари**, защищая Левенштейн, обвиняемую в покушении на убийство из ревности, отмечал: «Мне кажется, что сообщенные обвиняемой факты из жизни ее как обольщенной девушки, незаконной жены и такой же незаконной матери будут повторяться... до тех пор пока... не будет закона, который защищал бы нравственный капитал женщин с такой же силой, с какой он защищает материальное достояние человека... Подумайте, что должна пережить несчастная женщина, начиная с добровольного оглашения своего позора... Какую ужасную внутреннюю борьбу она должна пережить, чтобы унижить и подавить в себе не только врожденные иногда деликатность и стыд, но и общее чувство человеческого достоинства ради спасения детей от голодной смерти...» [23, с. 608—609]. В заключении своей речи присяжный поверенный отмечал: «...приговором своим вы, несомненно, создадите принципиально такую нравственную силу, перед которой должны будут преклоняться все... признающие за собой право безнаказанно бесчестить и покидать на произвол судьбы увлекаемых ими женщин!» [23, с. 619].

Характеризуя обвиняемого по делу Разнатовского, присяжный поверенный указывал: «Убитый нравственно, томимый ревностью... оторванный от семьи, от детей, нежно им любимых, Разнатовский был в положении человека, для которого не существует ни настоящего, ни будущего» [23, с. 633].

Довольно удачно использовал психологическое воздействие на присяжных заседателей присяжный поверенный **Н.И. Холев**. Так, по делу Максименко он иллюстрировал тяжелую судьбу обвиняемой: «Довольно и так было и слез и страданий! Три года назад она была счастлива, любима, богата, здорова, цветуща... теперь: несчастна, одинока, разорена, обесславлена, заточена в тюрьму... пережив уже однажды невыразимые муки ожидания судебного приговора, с немым, окаменелым ужасом снова ждет решения своей горькой доли!» [23, с. 695].

Присяжный поверенный **В.Д. Спасович** использовал психологические приемы воздействия в деле по обвинению банкира С.А. Кронеберга в истязании малолетней дочери. В.Д. Спасович следующим образом объяснял причины применения физического наказания дочери: «...когда отец узнал, что она ворует, он, действительно, пришел в большой гнев... Если отец вознегодовал, он был совершенно в своем праве... он был выведен из себя, после чего он зарыдал и упал на постель в нервном припадке» [20, с. 68]. В заключении речи В.Д. Спасович отмечал: «...отрицать власть отеческую, отрицать право наказывать так, чтоб это наказание подействовало, вы не можете, не отрицая тем самым своей собственной власти, власти уголовной» [20, с. 68].

В одном из политических процессов В.Д. Спасович доказывал, что «революционное движение само по себе, а судящиеся сами по себе и что нельзя вины всего революционного движения перекладывать на его некоторых участников» [21, с. 208].

Заключение

Среди многочисленных психологических приемов воздействия, изученных специалистами в области психологии, педагогики и филологии необходимо отметить комплименты [10; 14; 15], похвалу аудитории [3; 11; 27]; формирование аттракции [19; 24; 25], апелляцию к высшим ценностям [4; 5; 9; 17; 18] и др. В юридической литературе также уделяется внимание психологическим аспектам взаимодействия с аудиторией, использованию отдельных психологических приемов в целях достижения целей [1; 2; 7; 12].

Таким образом, анализируя обширный эмпирический материал, иллюстрирующий широкое применение разнообразных психологических приемов в защитительных речах российских присяжных поверенных, следует заключить, что в палитре психологических приемов и средств воздействия на морально-психологическую и правовую позицию присяжных заседателей, а также публики, присутствующей на судебных заседаниях, преобладали апелляция к гуманистическим ценностям, возбуждение чувства сострадания к участи подсудимого с целью облегчения его судьбы и, возможно, его полного освобождения. Этот психологический прием зачастую искусно сочетался с побуждением к эмпатии, когда присяжных призывали поставить себя на место подсудимого.

Следующим не менее важным аспектом психологического воздействия является концентрирование внимания на семейных ценностях, связанных с охраной патриархальных традиций, выраженных в значимости брака, достойном воспитании детей. Также весьма характерным было обращение к религиозным православным чувствам верующих. Одновременно защитительным речам нередко были свойственны акценты на классовых началах, возбуждающих чувство вражды простых тружеников к знатым господам. Присяжные поверенные не-

редко вызвали к чувству патриотизма, которое выражалось в гордости за свой народ, Отечество, вызывало чувство сопричастности своей судьбы с судьбой Родины.

Важно также отметить синхронизацию общего посыла защитительной речи с исконным правовым нигилизмом, свойственным российскому обществу, который выражался в трех направлениях: фрондирование, характерное для российской интеллигенции, наиболее ярко проявляющееся в участии адвокатов в политических процессах по обвинению революционеров-террористов; антиправовые традиции, выражавшиеся в терпимом отношении к взяточничеству, подлогу, подделке документов (завещания, векселя); стихийный анархизм крестьян, проявлявшийся в неповиновении властным институтам и игнорировании их предписаний.

Ораторскому искусству присяжных поверенных зачастую было свойственно искусственное возвеличивание роли и значения присяжных заседателей и замалчивание позиций коронных судей, презумирование приоритета солидарной воли присяжных заседателей перед судебным решением, выносимым от имени Его Императорского Величества. В этой связи имела место ложная манипуляция нигилистическими чувствами подданных, объединенных в жюри. Таким образом, адвокаты стремились с помощью психологических приемов привлечь на сторону защиты представителей широкой общественности, уполномоченных решать судьбу подсудимого, противопоставляя их псевдообъединенное мнение позиции представителей государства в лице коронных судей и прокуроров.

Отсюда следует, что многообразие психологических приемов и способов воздействия на умонастроение, формирование правовой позиции у представителей российского общества, составлявших суд присяжных, к которым, как правило, прибегали российские адвокаты дореволюционного периода, убедительно свидетельствует об их эффективности, действительности, значимости, сопоставимой, а иногда и более весомой, нежели собственно юридические средства воздействия.

Литература

1. *Ашин А.А., Потапова Е.П., Котлярова О.В.* Коммуникативные тактики как инструмент публичной профессиональной деятельности адвокатов // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 144–151.
2. *Ашин А.А., Савельев И.И., Котлярова О.В.* Адвокатская речь: тропы как инструмент воздействия на аудиторию [Электронный ресурс] // Современное право. 2020. № 10. С. 102–106. doi:10.25799/NI.2020.16.70.002
3. *Безгодов Д.Н., Беляева О.И.* Социально-психологические аспекты подготовки и стилистика юбилейного поздравления // Современные подходы к исследованию социально-философских аспектов развития общества: материалы международной научно-практической конференции (1 августа 2017 г.). М.: Изд-во ЦПМ «Академия Бизнеса», 2016. С. 3–8.
4. *Борисова Н.В.* Духовно-нравственная психология как новое направление отечественной психологической науки // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Том 3. № 1 (9). С. 85–92.
5. *Бочаров В.В.* Власть и табу: о культурно-психологических истоках традиционализма [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 4. С. 109–117. doi:10.17759/chp.2017130412
6. *Власенко П.А.* Первосоздатель русской уголовной защиты — Александр Иванович Урусов // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 9. С. 175–179.

7. *Егранова Е.А.* Психологические аспекты речи прокурора // *Е-SCIO*. 2019. № 7 (34). С. 470–475.
8. *Зотов Д.В.* Религиозно-нравственные основы судебной речи Ф.Н. Плевако // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2013. № 1 (14). С. 58–73.
9. *Киреев М.Н., Галиченко А.Ю., Коренева Е.Н.* Ценность как психолого-педагогическая категория // *Наука. Искусство. Культура*. 2015. № 4 (8). С. 130–137.
10. *Колесникова Г.И.* Позитивное общение без манипуляции. Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2018. 198 с.
11. *Конева Е.В., Драпак Е.В.* Психология общения. Ярославль: Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, 2016. 204 с.
12. *Котлярова О.В., Потанова Е.П.* Коммуникативная компетентность государственных и муниципальных служащих: Монография. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2018. 187 с.
13. Краткие судебные речи Ф.Н. Плевако [Электронный ресурс] // *Самопознание.ru*. URL: https://samopoznanie.ru/articles/kratkie_sudebnye_rechi_fn_plevako/#ixzz6kXHCqbkv (дата обращения: 01.02.2021).
14. *Курилкина М.А.* Социально-психологическая феноменология лести в деловом общении: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009. 23 с.
15. *Лукьянченко Н.В.* Новая жизнь комплимента: практикум по формированию позитивных констатаций о коммуникативном партнере [Электронный ресурс] // *Вестник практической психологии образования*. 2016. № 2 (47). С. 27–36. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2016_n2/Lukyanchenko (дата обращения: 01.02.2021).
16. *Мазуренко М.А.* Судебные речи российских адвокатов по уголовным делам и их правовые публикации как феномен общественного правосознания и юридической мысли в пореформенной России (2-я пол. XIX — нач. XX в.): Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 204 с.
17. *Пригарина Н.К.* Аргументация судебной защитительной речи: риторическая модель: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2010. 34 с.
18. *Пригарина Н.К.* Способы манипулятивного воздействия в судебной защитительной речи // *Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире*. IX международная научно-практическая конференция (Волгоград, 6 февраля 2015 г.): Сборник статей. Волгоград: Волгоградский филиал РАНХиГС, 2015. С. 82–86.
19. *Сердюк Н.И.* Психологические основы формирования аттракции к сверстникам в подростковом возрасте // *Актуальные проблемы психологического знания*. 2013. № 4 (29). С. 118–128.
20. *Спасович В.Д.* Сочинения В.Д. Спасовича: В X т. Т. VI. Судебные речи (1875—1882). СПб: Тип. С. Корнатовского, 1894. 381 с.
21. *Спасович В.Д.* Семь судебных речей по политическим делам (1877—1887). СПб: Изд. В. Врублевского, 1906. 228 с.
22. Судебные речи известных русских юристов: Сборник. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1958.
23. Судебные речи известных русских юристов: Сборник. М.: Юрайт, 2011. 695 с.
24. *Шадричева А.И.* Основные психологические детерминанты межличностной аттракции // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*. 2016. Том 7. № 2. С. 180–183.

25. Шпаковская К.Ю. Психологические приемы формирования аттракции // 71-я научно-техническая конференция учащихся, студентов и магистрантов: сборник научных работ – Минск, 20–25 апреля 2020 г. Минск: БГТУ, 2020. С. 665–667.
26. Яшин А.Н. Идеи гуманизма, справедливости и жертвенности в правозащитной деятельности русских адвокатов XIX века // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2008. Том 11. № 4. С. 713–718.
27. Do L.T.T., Vu A.T.L. Praise as classroom communicative reinforcing device: perceptions of Vietnamese university students // Higher Education in Russia. 2020. Vol. 29(12). P. 57–71.

References

1. Ashin A.A., Potapova E.P., Kotlyarova O.V. Kommunikativnye taktiki kak instrument publichnoi professional'noi deyatel'nosti advokатов [Communicative tactics as an instrument of public professional activity of lawyers]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir Law Institute*, 2020, no. 1 (54), pp. 144–151. (In Russ.).
2. Ashin A.A., Savelev I.I., Kotlyarova O.V. Advokatskaya rech': tropy kak instrument vozdeistviya na auditoriyu [Lawyer's Speech: Tropes as a Tool for Influencing the Audience] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennoe pravo = The Modern Law*, 2020, no. 10, pp. 102–106. doi:10.25799/NI.2020.16.70.002 (In Russ.).
3. Bezgodov D.N., Belyaeva O.I. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty podgotovki i stilistika yubileinogo pozdravleniya [Socio-psychological aspects of the preparation and style of anniversary greetings]. *Sovremennye podkhody k issledovaniyu sotsial'no-filosofskikh aspektov razvitiya obshchestva: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (1 avgusta 2017 g.)*. Moscow: Izd-vo TsPM "Akademiya Biznesa", 2016, pp. 3–8. (In Russ.).
4. Borisova N.V. Dukhovno-nravstvennaya psikhologiya kak novoe napravlenie otechestvennoi psikhologicheskoi nauki [Spiritual and moral psychology as new direction of domestic psychological science]. *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya = Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2018. Vol. 3, no. 1 (9), pp. 85–92. (In Russ.).
5. Bocharov V.V. Vlast' i tabu: o kul'turno-psikhologicheskikh istokakh traditsionalizma [Power and Taboo: On the Cultural-Psychological Sources of Traditionalism] [Elektronnyi resurs]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2017. Vol. 13, no. 4, pp. 109–117. doi:10.17759/chp.2017130412 (In Russ.).
6. Vlasenko P.A. Pervosozdatel' russkoi ugolovnoi zashchity — Aleksandr Ivanovich Urusov [The pioneer of Russian criminal defense — Alexander Ivanovich Urusov]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Juridical Science: History and Modernity*, 2019, no. 9, pp. 175–179. (In Russ.).
7. Egranova E.A. Psikhologicheskie aspekty rechi prokurora. *E-SCIO*, 2019, no. 7 (34), pp. 470–475. (In Russ.).
8. Zotov D.V. Religiozno-nravstvennye osnovy sudebnoi rechi F.N. Plevako [Religious and moral bases of judicial speech of F. N. Plevako]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2013, no. 1 (14), pp. 58–73. (In Russ.).
9. Kireev M.N., Galichenko A.Yu., Koreneva E.N. Tsennost' kak psikhologo-pedagogicheskaya kategoriya [Alue as a psychological and pedagogical category]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura = Science. Art. Culture*, 2015, no. 4 (8), pp. 130–137. (In Russ.).

10. Kolesnikova G.I. Pozitivnoe obshchenie bez manipulyatsii. Saratov: Ai Pi Er Media, 2018. 198 p. (In Russ.).
11. Koneva E.V., Drapak E.V. Psikhologiya obshcheniya. Yaroslavl': Yaroslavskii gosudarstvennyi universitet imeni P.G. Demidova, 2016. 204 p. (In Russ.).
12. Kotlyarova O.V., Potapova E.P. Kommunikativnaya kompetentnost' gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh: Monografiya. Vladimir: Vladimirskii filial RANKhiGS Publ., 2018. 187 p. (In Russ.).
13. Kratie sudebnye rechi F.N. Plevako [Elektronnyi resurs]. *Samopoznanie.ru*. URL: https://samopoznanie.ru/articles/kratie_sudebnye_rechi_fn_levako/#ixzz6kXHCqbkv (Accessed 01.02.2021). (In Russ.).
14. Kurilkina M.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya fenomenologiya lesti v delovom obshchenii: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. M., 2009. 23 p. (In Russ.).
15. Lukyanchenko N.V. Novaya zhizn' komplimenta: praktikum po formirovaniyu pozitivnykh konstatatsii o kommunikativnom partnere [Elektronnyi resurs]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya = Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2016, no. 2 (47), pp. 27–36. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2016_n2/Lukyanchenko (Accessed: 01.02.2021). (In Russ.).
16. Mazurenko M.A. Sudebnye rechi rossiiskikh advokatov po ugovnym delam i ikh pravovye publikatsii kak fenomen obshchestvennogo pravosoznaniya i yuridicheskoi mysli v poreformennoi Rossii (2-ya pol. XIX — nach. KhKh v.): Diss. kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2012. 204 p. (In Russ.).
17. Prigarina N.K. Argumentatsiya sudebnoi zashchitel'noi rechi: ritoricheskaya model': Avtoref. diss. dokt. filol. nauk. Volgograd, 2010. 34 p. (In Russ.).
18. Prigarina N.K. Sposoby manipulyativnogo vozdeistviya v sudebnoi zashchitel'noi rechi. *Menyayushchayasya kommunikatsiya v menyayushchemsya mire. IX mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Volgograd, 6 fevralya 2015 g.): Sbornik statei*. Volgograd: Volgogradskii filial RANKhiGS Publ., 2015, pp. 82–86. (In Russ.).
19. Serdyuk N.I. Psikhologicheskie osnovy formirovaniya attraktsii k sverstnikam v podrostkovom vozraste [Psychological foundations of teenagers' growing attraction for their counterparts]. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya = Actual Problems of Psychological Knowledge*, 2013, no. 4 (29), pp. 118–128. (In Russ.).
20. Spasovich V.D. Sochineniya V.D. Spasovicha: V X t. T. VI. Sudebnye rechi (1875—1882). SPb: Tip. S. Kornatovskogo, 1894. 381 c.
21. Spasovich V.D. Sem' sudebnykh rechei po politicheskim delam (1877—1887). Saint Petersburg: Izd. V. Vrublevskogo, 1906. 228 p. (In Russ.).
22. Sudebnye rechi izvestnykh russkikh yuristov: Sbornik. Moscow: Gos. izd-vo yuridicheskoi literatury, 1958. (In Russ.).
23. Sudebnye rechi izvestnykh russkikh yuristov: Sbornik. Moscow: Yurait, 2011. 695 p. (In Russ.).
24. Shadricheva A.I. Osnovnye psikhologicheskie determinanty mezhlichnostnoi attraktsii [Main psychological determinants of interpersonal attraction]. *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe*, 2016. Vol. 7, no. 2, pp. 180–183. (In Russ.).
25. Shpakovskaya K.Yu. Psikhologicheskie priemy formirovaniya attraktsii. *71-ya nauchno-tekhnicheskaya konferentsiya uchaschichikhsya, studentov i magistrantov: sbornik nauchnykh rabot – Minsk, 20–25 aprelya 2020 g.* Minsk: BGTU Publ., 2020. С. 665–667. (In Russ.).

Биюшкина Н.И., Сосенков Ф.С., Тюленева М.А.
Психологические приемы в арсенале
дореволюционной российской адвокатуры
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 179–190.

Biyushkina N.I., Sosenkov F.S., Tyuleneva M.A.
Psychological Techniques in the Arsenal
of the Pre-Revolutionary Russian Legal Profession
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 179–190.

26. Yashin A.N. Idei gumanizma, spravedlivosti i zhertvennosti v pravozashchitnoi deyatel'nosti russkikh advokатов XIX veka [Ideas of humanism, justice and sacrifice in remedial activity of the Russian lawyers of the second half of the XIX century]. *Vestnik MGTU. Trudy Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Vestnik of MSTU. Scientific Journal of Murmansk State Technical University*, 2008. Vol. 11, no. 4, pp. 713–718. (In Russ.).

27. Do L.T.T., Vu A.T.L. Praise as classroom communicative reinforcing device: perceptions of Vietnamese university students. *Higher Education in Russia*, 2020. Vol. 29, no. 12, pp. 57–71.

Информация об авторах

Биюшкина Надежда Иосифовна, доктор юридических наук, профессор, профессор, кафедра теории и истории государства и права, юридический факультет, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (ФГАОУ ВО «ННГУ имени Н.И. Лобачевского»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6796-4600>, e-mail: asya_biyushkina1@list.ru

Сосенков Федор Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент, кафедра конституционного и муниципального права, юридический факультет, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (ФГАОУ ВО «ННГУ имени Н.И. Лобачевского»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5645-9510>, e-mail: f.sosenkov@yandex.ru

Тюленева Марина Александровна, преподаватель, кафедра гражданского права и процесса, юридический факультет, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (ФГАОУ ВО «ННГУ имени Н.И. Лобачевского»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0619-1683>, e-mail: tyuleneva_ma@mail.ru

Information about the authors

Nadezhda I. Biyushkina, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6796-4600>, e-mail: asya_biyushkina1@list.ru

Fyodor S. Sosenkov, PhD in Law, Docent, Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5645-9510>, e-mail: f.sosenkov@yandex.ru

Marina A. Tyuleneva, Lecturer, Department of Civil Law and Procedure, Faculty of Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0619-1683>, e-mail: tyuleneva_ma@mail.ru

Получена 15.04.2021

Принята в печать 15.04.2022

Received 15.04.2021

Accepted 15.04.2022

Тело: с позиции теории социальных представлений

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Мельникова Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Лаврешкин Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@gmail.com

Будыкин С.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5226-1958>, e-mail: moscow858@yandex.ru

В фокусе нашего внимания в настоящей работе находится обсуждение тела как объекта исследования в теории социальных представлений, что и определяет цель теоретико-аналитического исследования. Тело — это комплексный и полиморфный объект, находящийся на пересечении целого ряда разнообразных измерений. Беглый взгляд на историю тела в XX веке позволяет выявить ряд ключевых событий, которые определили публичный дискурс и социальные практики в отношении тела. Анализ результатов эмпирических исследований, реализованных в рамках теории социальных представлений, позволяет сделать достаточно парадоксальный вывод: с одной стороны, в рамках этой теории постулируется привилегированность темы тела, обсуждается специфичность тела как объекта представлений. С другой стороны, исследований, посвященных изучению социальных представлений о теле, оказывается сравнительно мало, при этом ключевыми элементами, вокруг которых кристаллизуются эти представления, оказываются такие элементы, как здоровье и красота. В работе обсуждается нормативный характер социальных представлений о теле, намечаются линии дальнейшего анализа представлений о теле с учетом феномена «скрытой зоны».

*Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Будыкин С.В.*
Тело: с позиции теории социальных представлений
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 191–206.

*Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V.,
Lavreshkin N.V., Budykin S.V.*
Body: Social-Representational Regard
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 191–206.

Ключевые слова: тело, теория социальных представлений, объект социальных представлений, публичный дискурс, красота, здоровье.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00661.

Для цитаты: *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В., Будыкин С.В.* Тело: с позиции теории социальных представлений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 191–206. DOI:10.17759/psylaw.2023130114

Body: Social-Representational Regard

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Darya V. Melnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Nikita V. Lavreshkin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinv@gmail.com

Sergey V. Budykin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5226-1958>, e-mail: moscow858@yandex.ru

Our focus in this paper is the discussion of the body as an object of research in the theory of social representations, which determines the aim of the theoretical and analytical study. The body is an inherently complex and polymorphous object that lies at the intersection of a number of diverse dimensions (biological-social; body-mind; individual-social etc.). The proposed analysis of empirical facts concerning the social representations of the body obtained within the framework of social representation theory gives us grounds to draw a rather paradoxical conclusion: the social representation theory postulates importance of the body as an object of social representations, privileges this topic for the theory of social representations, specificity of the body as an object of social representations. On the other hand, there are relatively few studies devoted to the study of social perceptions of the body, with such elements as health and beauty turning out to be the key elements around which they crystallize. The paper outlines the lines of further analysis of social perceptions, taking into account the phenomenon of the “mute zone” of social representations

Keywords: body, theory of social representations, object of social representations, public discourse, beauty, health.

Funding. The reported study was funded by Russian Scientific Foundation (RSF), project number 22-28-00661

For citation: Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V., Budykin S.V. Body: Social-Representational Regard. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 191–206. DOI:10.17759/psylaw.2023130114 (In Russ.).

Некоторые события из истории тела

Тело — это комплексный и полиморфный объект, находящийся на пересечении ряда измерений: тело—душа; плоть—дух; здоровье—болезнь; природное—социальное—культурное; индивидуальное—социальное; мужское—женское; частное—публичное; нормальное—анормальное; видимое—невидимое; приличное—неприличное; реальное—виртуальное; этическое—политическое—биомедицинское и др.

Указанные выше оппозиции иллюстрируют многообразие измерений при обсуждении тела, но дискурс не ограничен ими, включает и другие, такие как: сексуальность, табу, мода, материнство, красота, пластическая и эстетическая хирургия, донорство и трансплантация органов, искусственное оплодотворение, суррогатное материнство, социальные нормы, социальный контроль, власть, статус, идеология и т. д. Тематика телесности попадает в фокус политического дискурса, что связывается с возникновением и распространением феминистских идей («Наше тело принадлежит нам!»), декларирующих телесную автономию в 70-е гг. XX века. Примечательно, что в ситуации пандемии Covid-19 противники вакцинации апеллируют к той же идее автономии тела, используя слоган «Мое тело — мой выбор!» [44].

Тело оказывается в центре интереса ряда социогуманитарных наук: философии, истории, филологии, культурологии, культурной антропологии, социологии и психологии [8; 9].

Исторический анализ Ж.Ле Гроффа и Н. Трюона [12] свидетельствует о том, что в средние века с телом происходило не так много событий (монастырская диета, эпидемии чумы, возникновение моды), как в XX в. Одной из важных линий отношения к телу в средние века можно считать так называемое «отречение от плоти», обесценивание тела, которое в значительной степени определило развитие европейской культуры. При этом это обесценивание восходит к языческой культуре [12]. Самым важным по количеству и разнообразию событий, которые произошли с телом, оказался XX в. [9; 12]. Если попытаться обозначить контур ключевых событий в XX в., с опорой на анализ, предложенный Ж.-Ж. Куртином, выходит, что [10, с. 7—8]: «...никогда еще организм не был настолько подвластен технологиям медицинской визуализации, никогда еще интимная, половая сторона тела не получала столь пристального внимания, никогда еще наша визуальная культура не знала эквивалентов образам насилия, которому подвергалось тело на войне или в концентрационных лагерях, никогда еще зрелища, объектом которых оно являлось, не производили такого переворота, как современные живопись, фотография и кино». Индивид, выдвинувшийся на первый план в эпоху Возрождения, обрел уникальное тело только в XX в. Все эти события, составляющие историю тела в XX в., являются достаточно разнообразными в том смысле, что они принадлежат к различным сферам жизни общества, прорывам в области науки и технологий. Важную роль в этой истории сыграло появление психоанализа [10]. И.С. Кон прослеживает трансформации, которые претерпело мужское тело в истории культуры, обсуждает те перемены, которые произошли с телесностью в XX в., когда тело из объекта, принадлежащего преимущественно области медицинского и биологического знания, превратилось в объект интереса социогуманитарных наук, на первый план вышла идея о том, что тело — это сложный социальный конструкт [9].

Тело — это арена функционирования социальных норм и ассоциированного с ними социального контроля [8]. Имеются основания говорить о существовании асимметрии социального контроля женского и мужского тела; исторически женское тело подвергалось более строгому контролю со стороны общества по сравнению с мужским [8; 16]. Анализ, предпринятый Н.Л. Пушкаревой, демонстрирует: чем выше социальный статус у женщины, тем более сильному социальному контролю подвергается ее тело [16].

Важным событием в истории тела в XX в. является возникновение и широкое распространение феминистских идей. Именно «...феминистки вновь включили тело в историю, высветив вопросы, которые ранее считались слишком вульгарными, тривиальными или рискованными, чтобы заслуживать серьезного внимания ученых» [45, с. 1]. Появившись в общественном дискурсе, эти идеи способствовали модификации социальных норм.

Развитие медицинского знания и технологий — важное событие в истории тела открыло перед человеком широкие возможности для вмешательства в сферы, которые раньше считались *сакральными*. Как отмечает А.М. Мулен, медицина в XX в. попыталась взять контроль над человеческим телом, в частности за счет проникновения в области, которые непосредственно не связаны с болезнью [14].

Не будет преувеличением, если скажем, что прогресс медицинского знания и развитие технологий позволили превратить сказки (о «молодильных яблоках и живой воде» или о «Дюймовочке») в быль. В современном мире у человека появился целый ряд возможностей исправить, улучшить, модифицировать свое тело, приблизив его к идеалу, активно транслируемому с помощью СМК. Словами А.М. Мулен, «Отныне мы можем сказать, что не существует мужского бесплодия, женщина может забеременеть после наступления менопаузы, отслужившие свое органы можно заменить, а гены, кажется, теперь находятся в нашем распоряжении» [14, с. 61].

Даже беглого взгляда на статистические данные Международного общества эстетической и пластической хирургии [35] достаточно для того, чтобы говорить о широком распространении пластических операций и нехирургических косметических процедур по всему миру. Среди самых востребованных женщинами хирургических вмешательств в 2020 г. являются [35]: увеличение объема груди, липосакция, хирургия век, абдоминопластика и ринопластика. В случае мужчин: хирургия век, липосакция, хирургия гинекомастии, ринопластика, хирургия уха. Косметические процедуры (нехирургического характера), востребованные женщинами за тот же период [35]: инъекции ботулотоксина, инъекции гиалуроновой кислоты, удаление волос, фотоомоложение, нехирургическое уменьшение жировой ткани. В случае мужчин (за исключением инверсии в последних двух позициях) имеет место аналогичная картина: инъекции ботулотоксина, инъекции гиалуроновой кислоты, удаление волос, нехирургическое уменьшение жировой ткани, фотоомоложение.

Пластическая хирургия возникла не в XX в. Первые попытки таких операций принадлежат к эпохе Древнего Египта (одна из первых операций была реализована для устранения травмы носа 3000 лет до н. э., что зафиксировано в хирургическом папирусе Эдвина Смита [49]). В эпоху Возрождения пластическая хирургия ассоциировалась с хирургией красоты, в XX в. этот способ изменения (исправления, улучшения) своего тела стал в большей степени доступным, благодаря прогрессу медицинского знания и технологий, приобрел коннотации с молодостью, красотой и успехом. Как следствие изменились представления о красоте, о теле, которое фрагментировалось через призму того, что можно из(за)менить. И хотя в статистике, упомянутой выше, присутствуют те случаи, когда обращение к пластической и эстетической хирургии обусловлено медицинскими причинами (в частности, это может касаться ринопла-

стики, хирургии гинекомастии), тем не менее эта причина не является доминирующей, о чем можно говорить на основе анализа востребованных процедур.

По мере того, как происходили события, обозначенные в истории тела, особенно в XX в., трансформировалось представление о теле, взгляды на него, социальные практики взаимодействия с телом. Если принять тезис В.В. Николаевой о том, что вся история человечества связана с появлением, широким распространением и исчезновением болезней, а также с борьбой общества за качество жизни человека [15], то представляется возможным уточнить это положение и добавить, что тело в этой борьбе оказывалось своего рода ареной, на которой разыгрывались самые драматические события.

Обнадеживающий прогресс медицины, правда, не оправдал ожиданий человечества, связанных с вопросами если не бессмертия, то серьезного увеличения продолжительности жизни без болезней. Эпидемия СПИДа, пандемия Covid-19 продемонстрировали не только то, насколько уязвим человек, но и то, что медицина еще не достигла уровня контроля над телом, к которому она поступательно продвигалась.

Наряду с этим, как отмечает А.М. Мулен [14, с. 60]: «Увеличение медицинского знания власти вызвало беспокойство, как в организациях, так и в обществе, стимулируя стремление к тому, чтобы индивид в большей степени участвовал в принятии решений, касающихся его тела». Отсюда — роль наивного, обыденного знания, на которое опирается индивид для принятия решений относительно собственного тела, становится особенно важной, а изучение особенностей этого знания — достаточно актуальным. Сложный и разнообразный дискурс о теле в сочетании с многообразием событий XX в. в истории тела, — все это оказывается тем самым материалом, который используется индивидом для построения обыденного знания.

Тело в фокусе внимания теории социальных представлений

С точки зрения Д. Жоделе, тело — это важный вопрос в психологии [36]. Даже при очень беглом взгляде на знания, полученные в различных отраслях психологии, можно убедиться в точности утверждения Д. Жоделе. Не претендуя на полноту и глубину анализа, скорее проиллюстрируем существующий интерес к телу в рамках психологии: соотношение психики и тела, самосознание, отношение к собственному телу, отношение к людям с татуировками, расстройство пищевого поведения, гендерная идентичность, объективация тела, влечения, эмоции, поведение в отношении здоровья, стереотипы, стигматизация, невербальная коммуникация, диагностика половой идентичности и полового самосознания, телесность и пр. [1; 4; 7; 19; 20; 32; 33].

Существует одна социально-психологическая теория, для которой тело является привилегированной темой изучения [36]. Речь идет о теории социальных представлений (СП), именно эта теория позволяет вскрыть «социальное в глубине индивида» [37, с. 212]; реальность тела, как отмечает Д. Жоделе, является одновременно социальной и субъективной. Эта теория давно известна читателю благодаря усилиям целого ряда отечественных исследователей; существует ряд монографий, в которых предлагается не только подробный анализ теории СП, но и ее оригинальное развитие [5; 6]. Можно сослаться и на отдельные тексты по теории СП [2; 3] и обратить внимание читателей на тематический выпуск журнала «Вестник РУДН», серия «Психология и педагогика», посвященный шестидесятилетию рождения теории СП (С. Московиси «Психоанализ: его образ и публика» (1961)) [38]. Сказанное выше позволяет нам в настоящей работе ограничиться обсуждением самых ключевых моментов теории, необходимых для понимания СП о теле.

СП — это: «...системы ценностей, идей и практик с двоякой функцией... во-первых, установить порядок, который позволит индивидам ориентироваться в своем материальном и социальном мирах и овладевать ими; во-вторых, обеспечить коммуникацию между членами сообщества, снабдив их кодом для социального обмена и кодом для присвоения имен и классификации различных аспектов их мира и их индивидуальной и групповой истории» [39, р. xiii]. СП социально создаются и используются. Существование СП подразумевает существование группы, которая вовлечена в обсуждение объекта СП (одной из главных характеристик объекта СП является его новизна, неизвестность, которая таит в себе угрозу, препятствует повседневной активности субъекта). Возникновение СП позволяет трансформировать странность объектов, помещая их в существующие рамки, делая пугающее понятным и привычным [40]. СП выполняют и некоторые другие функции, будь то регулирование социального поведения и оправдание социальных отношений или конструирование и управление социальной идентичностью.

Если обратиться к примерам объектов СП, которые приводят К. Фламан и М.-Л. Рукет [30] в качестве некоторой иллюстрации, то среди прочих классов объектов тело причисляется к категории «здоровье и социальная сфера» (другие объекты этого класса: здоровье и болезнь, гигиена, психическое благополучие и неблагополучие, СПИД, деятельность медицинских сестер, роды и пр.). Подчеркнем, что тело же является достаточно специфическим объектом СП по сравнению со всеми остальным в этой категории (даже если не обращаться к полному списку, включающему события и явления политического, экономического, образовательного, научного и пр. уровней). Объектом СП выступает некоторое полиморфное явление (событие, предмет и пр.), преимущественно внешнее по отношению к человеку; относительно этого объекта человек вовлечен в дискуссию с другими, порождая определенное понимание этого объекта. Размышления о теле едва ли возможны вне размышлений о собственном теле, вне отождествлений между *Я* и собственным телом. Кроме того, это достаточно «сензитивный» объект, связанный с сексуальностью, как следствие — с определенными социальными нормами, табу, определенными социальными практиками. Тело не мыслится вне связи с гендером (едва ли какой-то еще объект СП обладает такой спецификой, разве только здоровье).

Идея тематы, предложенная С. Московиси в рамках теории СП, где оппозиция мужчина—женщина сопряжена с разными качествами: мужчина=сила, женщина=красота [41], — видится уместной при обсуждении тела как объекта СП, поскольку эта старинная оппозиция, как отмечает С. Московиси, определяет используемые образы, языковые конструкции, поведение и связана с порождением соответствующих СП [41]. Интегрируя сказанное выше, сложность, полиморфность, многомерность и специфичность тела как объекта СП станет очевидной.

Анализ исследований СП о теле позволяет говорить о ряде вопросов, на которые попытались ответить авторы: особенности СП о теле в различных этнических и профессиональных группах; связь СП о теле с СП о здоровье, старении и СПИДе; гендерные особенности СП о теле; особенности СП о теле и питании у женщин после 75 лет, влияние социальной практики (физических упражнений) на СП о теле, образ тела в СМК [23; 24; 26; 27; 28; 31; 36; 46; 47; 48]. Обращает на себя внимание тот факт, что столь важный (если не прототипический) объект СП, не получил столько пристального внимания в рамках теории СП. Исследований достаточно мало (ряд исследований реализован преимущественно одной и той же исследовательской группой во главе с Б. Камарго [23; 24; 31; 46; 47]). Если здоровье и болезнь как объекты СП попали в фокус пристального внимания исследователей, о чем свидетельствуют ис-

следования [21; 29], то тело оказалось в стороне от магистральной линии интереса [29], эта тенденция сохраняется и ныне. Кроме того, обращает на себя внимание выборка в исследованиях: с одной стороны, это представители подростково-молодежной среды (преимущественно девушки (средний возраст варьирует от 21 до 23): именно так обстоит дело в работах Б. Камарго с коллегами, где выборку составляют студентки (N=278 человек) различных специальностей (психология, спорт, мода) [46] или представительницы подростково-молодежной среды (как это было в исследовании о связи СП о СПИДе, старении и теле, N=1118 человек) [24]; с другой стороны, это люди пенсионного возраста — мужчины и женщины в возрасте от 60 до 84 лет [47] или женщины в возрасте после 75 лет [26]. Интерес к этим группам можно усмотреть в ценности результатов с точки зрения формулирования рекомендаций профилактического толка. Однако для дальнейшего развития теории СП видится необходимость роста эмпирических исследований, где бы в фокусе внимания оказалось бы тело. В частности вопросы, касающиеся возникновения СП о теле пока оказываются открытыми. В целом, вопрос генезиса СП — это еще зона ближайшего развития теории СП, но все же попытки изучить генезис СП о здоровье и болезни предпринимались [4]. С опорой на тезис о том, что генезис СП имеет траекторию, сходную с траекторией развития ВПФ, то попытка исследования представлений детей о собственном теле в рамках психологии телесности, предпринятая О.Г. Мотовилиным [13], может рассматриваться как серьезное основание для построения предположений о генезисе СП о теле.

Тело является элементом СП о здоровье и болезни, что неоднократно демонстрировалось в исследованиях [2; 3; 22; 34; 47]). Подобно тому, как К. Эрзлиш утверждает, что трансформация СП о здоровье и болезни связана с прогрессом медицинских технологий [2], представляется возможным думать о трансформации СП о теле, связанной с развитием и широким распространением технологий в современном мире (особенно тех, которые направлены на коррекцию и изменение тела). И это соответствует рассмотренным выше идеям, сформулированным историками и антропологами, а также статистическим данным относительно пластической хирургии. В исследовании, посвященном СП о красоте, было выявлено, что возможность изменить свое тело посредством определенных хирургических вмешательств, чтобы соответствовать стандартам, нормализуется [27].

Позволим себе здесь сделать несколько комментариев о связи между красотой, здоровьем и телом, продемонстрированной в ряде исследований СП, о которых говорилось выше. Связь между здоровьем и телом может объясняться своего рода отражением нормативных требований общества: быть здоровым — значит, иметь здоровое тело. Нормативное давление, касающееся тела, его красоты, сильнее в случае женщин, чем в случае мужчин, что согласуется как с событиями из истории тела в XX в., так и с утверждением С. Московиси относительно соответствующей тематики в случае мужчин и женщин [41]. Связь между здоровьем и красотой также выглядит понятной: здоровье имеет положительные атрибуты, и красота — один из них (это болезнь портит и уродует тело, оставляет на нем свои следы) [2]. Наконец, красота также является нормативной характеристикой женского тела [41]. Отсюда неудивительно, что элементами, которые систематически присутствуют в СП о теле (и присутствуют в дискурсе СМК [30]), являются красота и здоровье [22; 23]. Эти элементы имеют достаточно устойчивую нормативную коннотацию. В этой связи представляется возможным говорить о том, что специфичность тела как объекта СП, его нормативность, и получена в исследованиях СП о теле. Исследователи, скорее всего, имеют дело с так называемым феноменом «скрытой зоны» [43], когда элементы СП скрыты, «замаскированы», что объясняется природой

объекта СП. Аналогичное может быть сказано и относительно результатов нашего исследования СП о теле в двух поколениях. Проиллюстрируем эту идею подробнее.

На первом этапе исследования по логике социодинамического подхода теории СП акцент был сделан на анализе информации (ее различных аспектах и нюансах — в частности, на используемой лексике), субъекты выступали носителями или пользователями этой информации. Выборку первого этапа исследования составили мужчины и женщины в возрасте от 18 до 60 лет (N=550: 435 женщин, 115 мужчин), выборка не была уравнена по полу и возрасту (с различным уровнем образования, родом занятий, семейным статусом, с различными социальными практиками (занятие спортом/нет, наличие/отсутствие модификаций тела)).

С помощью методики свободных ассоциаций (стимулы: «свое тело», «идеальное тело», «женское тело», «мужское тело», — с каждым из которых респондентам предлагалось выдать по 5 слов и словосочетаний, которые приходят в голову в ответ на слово-стимул) были выявлены высокочастотные характеристики, относительно каждого стимула, что позволило составить карту общих точек зрения [25]. Как и в исследованиях, обсуждаемых выше, среди высокочастотных характеристик оказались элементы «красота» и «здоровье». Среди других высокочастотных элементов были: спортивное, с накаченными мышцами, стройное, нежное, с хорошей кожей, сильное, любимое, худое, с округлыми формами и пр. На втором этапе в фокусе внимания был анализ социального позиционирования; задача заключалась в выявлении принципов, которые организуют различия в позициях индивидов (групп). Для разрешения этой задачи на основе полученных ассоциаций были сформулированы 25 биполярных шкал для оценки объектов «свое тело», «идеальное тело», «женское тело», «мужское тело» (на этом этапе был добавлен дополнительный объект «тело, которое Вы хотели бы иметь» - включение этого объекта объясняется необходимостью получения дополнительной информации, касающейся оценок объекта «свое тело», поскольку на первом этапе исследования в отношении своего тела декларировалось право на автономию в виде слогана «Мое тело — мое дело!»). Получены результаты на выборке представителей двух поколений (N= 301 человек, 200 женщин в возрасте от 18 до 62 лет и 101 мужчина в возрасте от 18 до 60 лет). Выборка не была уравнена по полу и возрасту. *Поколение молодых взрослых* (от 18 до 35) включало 167 женщин и 80 мужчин; *поколение старших взрослых* (от 36 до 62 лет) включало 33 женщины и 21 мужчину. Аргументы в пользу такого разбиения на возрастные группы восходят к анализу литературы по проблеме поколений [11; 17; 18] а также к логике, обнаруженной в исследовании, реализованном в рамках самой теории СП [42]. Как и на первом этапе исследования респонденты имели различный уровень образования, род занятий, семейный статус, различные социальные практики (занятие спортом/нет, наличие/отсутствие модификаций тела). В результате серий факторного анализа (ФА), который был выполнен по методу главных компонент с использованием метода ортогонального вращения-варимакс, были выявлены факторные структуры для четырех объектов (свое тело, идеальное тело, женское тело, мужское тело, тело, которое Вы хотели бы иметь) для мужчин и для женщин. Показатель КМО варьировал от 0,79 до 0,87; количество выделенных факторов — от 4 до 7, процент общей дисперсии, который объясняли эти факторы, — от 63,63 до 76,47. В целом, полученные результаты ФА говорят в пользу достаточно нормативного видения тела респондентами в группах мужчин и женщин: если тело мужчин отличает сила, наличие развитой мускулатуры, соответствие критериям маскулинности, то тело женщин отличает красота, гибкость, подвижность, активность. В случае женщин было замечено существование некоторого устойчивого образа (сочетание характеристик, которые образовывали отдельный фактор в каждом объекте: худое, узкое, маленькое, стройное — своего рода миниатюрность). В группе

женщин образ тела является более детализированным (6—7 факторов), чем в группе мужчин (4—5 факторов). Для сравнения позиций в двух поколениях был предпринят переход к «новым переменным» путем усреднения пунктов каждого фактора (решение о допустимости перехода к новым переменным принималось на основе значений показателя α Кронбаха (не менее 0,6), который выступал мерой оценки согласованности пунктов по шкале). В группе мужчин различия касались одного и того же фактора наличия модификаций тела в целом или татуировок — в частности. Различия между двумя поколениями в группе женщин отмечались преимущественно по идеальным объектам (идеальное тело и тело, которое Вы хотели бы иметь), поколение молодых женщин демонстрировало более позитивные оценки по факторам, касающимся активности, красоты, миниатюрности. Таким образом, результаты, полученные при реализации двух этапов исследования, сопоставимы с результатами, полученными другими исследователями, и позволяют говорить о том, что без использования специальных исследовательских приемов элементы, касающиеся тела, но наталкивающиеся на определенные табу, остаются «немыми». Сказанное выше предполагает использование специальных процедур [43] для того, чтобы вскрыть эти «немые» элементы в исследовании СП о теле. Это позволило бы приблизиться к пониманию СП о теле, с опорой на которые индивиды в современном мире принимают решения о социальных практиках в отношении собственного тела.

Заключение

В фокусе внимания в настоящей работе было обсуждение тела как объекта исследования в рамках теории СП. Анализ теории СП и результатов эмпирических исследований о теле, полученных в рамках этой теории, позволяет сделать достаточно парадоксальный вывод: с одной стороны, в рамках теории СП постулируется важность тела как объекта СП, привилегированность темы для теории СП [36]. С другой же стороны, исследований, в которых тело было бы объектом исследования, оказывается достаточно мало, полученные результаты свидетельствуют о нормативности СП о теле. И этот факт демонстрируется в различных исследованиях; сходные результаты были получены и в нашем исследовании, которое мы используем для иллюстрации, рассуждая о теле как объекте СП.

Будучи объектом СП, тело обладает специфическими характеристиками, отличающими его от всех других объектов СП; и в этом смысле многие положения теории СП, которые принимаются *по умолчанию*, требуют уточнений и проверки, в частности, это касается положения теории СП о социальной практике и СП. Существуют основания говорить о том, что в результатах имеющихся исследований СП о теле исследователи сталкиваются с так называемым феноменом «скрытой зоны» СП [43], когда элементы СП скрыты, «замаскированы», что объясняется спецификой объекта СП. Как следствие, необходимо использовать специальные методические процедуры для того, чтобы вскрыть эти «немые» элементы в исследовании СП о теле.

Сказанное выше и определяет направление последующих исследований, которые мы намереваемся предпринять.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник. М.: Аспект пресс, 2017. 363 с.
2. Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект пресс., 2007. 256 с.

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Будыкин С.В.
Тело: с позиции теории социальных представлений
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 191–206.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V.,
Lavreshkin N.V., Budykin S.V.
Body: Social-Representational Regard
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 191–206.

3. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Дани Л., Эм М.-А., Милёхин А.В., Гаямова С.Ю., Якушен-ко А.В. Здоровье в представлениях детей и подростков [Электронный ресурс] // Эксперимен-тальная психология. 2018. Том 11. № 1. С. 61–74. doi:10.17759/exppsy.2018110104
4. Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К. Половое самосознание и методы его диаг-ностики. М.: Флинта; Наука, 2011. 216 с.
5. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: Издательство МГУ, 1987. 128 с.
6. Емельянова Т.П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследо-вания. М.: Издательство Института психологии, 2016. 476 с.
7. Ерохина Е.А., Филиппова Е.В. Образ тела и отношение к своему телу у подростков: се-мейные и социокультурные факторы влияния (по материалам зарубежных исследований) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 4. С. 57–68. doi:10.17759/jmfp.2019080406
8. Кабакова Г.И., Конт Ф. От русской души к русскому телу // Тело в русской культуре. Сост. Г.И. Кабакова, Ф. Конт. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 5–16.
9. Кон И.С. Мужское тело в истории культуры. М.: Слово, 2003. 432 с.
10. Куртин Ж.-Ж. Введение // История тела: В 3 т. Т. 3: Перемена взгляда: XX век // Под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 5–8.
11. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг обществен-ного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 7–14.
12. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М.: Текст, 2008. 192 с.
13. Мотовилин О.Г. Развитие представлений о собственном теле у детей в условиях семьи и интерната: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2001. 196 с.
14. Мулен А.-М. Тело с точки зрения медицины // История тела: В 3 т. Т. 3: Перемена взгля-да: XX век // Под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 11–62.
15. Николаева В.В. Личность в условиях хронического соматического заболевания // Осо-бенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях / Под ред. Е.Т. Соколовой, В.В. Николаевой. М.: SvR-Аргус, 1995. С. 205–267.
16. Пушкарева Н.Л. Мед и млеко под языком у нее (женские и мужские уста в церковном и светском дискурсах доиндустриальной России X — начала XIX в.) // Тело в русской культу-ре / Сост. Г.И. Кабакова, Ф. Конт. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 78–101.
17. Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование (первая часть) [Электронный ресурс] // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 3. С. 30–63. doi:10.19181/socjour.2020.26.3.7395
18. Рикель А.М. Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на «своем поле» или на «ничьей земле»? [Электронный ресурс] // Социальная психология и об-щество. 2019. Том 10. № 2. С. 9–18. doi:10.17759/sps.2019100202
19. Столин В.В. Самосознание личности. М.: Издательство Московского университета, 1983. 284 с.
20. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
21. Aim M.-A., Dany L., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. How Kids Understand Health and Ill-ness: Some Reflections from and for the Theory of Social Representations // Cultural-Historical Psychology. 2018. Vol. 14(1). P. 15–22. doi:10.17759/chp.2018140102

22. Aim M.-A., Lelaurain S., Khatmi N., Fonte D., Bovina I., Dany L. 'Similar but different': Social representations of health according to gender for French youth // *Journal of Health Psychology*. 2018. Vol. 25(12). P. 1905–1916. doi:10.1177/1359105318781894
23. Camargo B.V., Goetz, E.R., Bousfield A. B. S., Justo A. M. Representações sociais do corpo: estética e saúde // *Temas em Psicologia*. 2011. Vol. 19(1). P. 257–268.
24. Camargo B.V., Wachelke J. The study of social representation systems: relationships involving representations on aging, AIDS and the body // *Papers on Social Representations*. 2010. Vol. 19. P. 21.1–21.21.
25. Clémence A. Sens et analyse des différences dans les représentations sociales // *Méthodes d'étude des représentations sociales* / J.-C. Abric (Ed.). Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. P. 165–178.
26. Costalat-Founeau A.M., Picot M.C., Hauchard D., Klimekova M., Favier F. Représentation du corps et de l'alimentation chez une population de femmes de plus de 75 ans // *Papers on Social Representations*. 2002. Vol. 11. P. 4.1–4.20.
27. de Rosa A.S., Holman A. Social representations of female-male beauty and aesthetic surgery: a cross-cultural analysis // *Temas em Psicologia*. 2011. Vol. 19(1). P. 75–98.
28. de Souza-Filho E.A., Beldarrain-Durandegui A. The contextual analysis in social representations of the body among ethnic groups in Rio de Janeiro, Brasil // *Universitas Psychologica*. 2009. Vol. 8(3). P. 771–783.
29. Eicher V., Emery V., Maridor M., Gilles I., Bangerter A. Social Representations in Psychology: A Bibliometrical Analysis // *Papers on Social Representations*. 2011. Vol. 20. P. 11.1–11.19.
30. Flament C., Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
31. Goetz E.R., Camargo B.V., Bertoldo R.B., Justo A.M. Representação social do corpo na mídia impressa // *Psicologia & Sociedade*. 2008. Vol. 20(2). P. 226–236. doi:10.1590/S0102-71822008000200010
32. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure*. London: Routledge, 2018. 510 p.
33. Hawkes D., Senn C.Y., Thorn C. Factors that influence attitudes toward women with tattoos // *Sex Roles: A Journal of Research*. 2004. Vol. 50(9). P. 593–604. doi:10.1023/B:SERS.0000027564.83353.06
34. Herzlich C. *Health and illness: A social psychological analysis*. London: Academic Press, 1973. 198 p.
35. ISAPS International Survey on Aesthetic / Cosmetic procedures. 2020. Retrieved from <https://www.isaps.org/fr/> (Accessed: 20.09.2022).
36. Jodelet D. *Représentations sociales et mondes de vie*. Éditions des archives contemporaines. Paris, 2015. 372 p.
37. Jodelet D. The representation of the body and its transformations // *Social Representations* / R. Farr, S. Moscovici (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 211–238.
38. Moliner P., Bovina I.B. Introduction: The Heuristic Value of Social Representations Theory // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2021. Vol. 18(2). P. 291–298. doi:10.22363/2313-1683-2021-18-2-291-298
39. Moscovici S. Foreword // Herzlich C. *Health and illness. A social psychological analysis*. London: Academic Press, 1973. P. 9–14.
40. Moscovici S. *La psychanalyse: son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France, 1976. 652 p.

41. *Moscovici S., Vignaux G.* Le concept de thémata // Structures et transformations des représentations sociales / C. Guimelli (ed.). Paris: Delachaux et Niestlé, 1994. P. 26–72.
42. *Pozzi M., Fasanelli R., Marta E., Pistoni C., Ellena M.A., Virgilio G., Di T.* Social Representation of Family: A Comparative Study on Italian Young and Older Adults // *Journal of Family Issues*. 2022. Vol. 43(3). P. 752–768. doi:10.1177/0192513X21994160
43. *Rateau P., Lo Monaco G.* The Mute Zone of Social Representations and the Effects of (Un) Masking: Review and Prospects // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2021. Vol. 18(2). P. 375–390. doi:10.22363/2313-1683-2021-18-2-375-390
44. *Rulli T., Campbell S.* Can “My Body, My Choice” anti-vaxxers be pro-life? // *Bioethics*. 2022. Vol. 36(6). P. 708–714. doi:10.1111/bioe.13033
45. *Schiebinger L.* Introduction // *Feminism and the body* / L. Schiebinger (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 1–24.
46. *Secchi K., Camargo B.V., Bertoldo R.B.* Percepção da Imagem Corporal e Representações Sociais do Corpo // *Psicologia: Teoria e Pesquisa*. 2009. Vol. 25(2). P. 229–236. doi:10.1590/s0102-37722009000200011
47. *Silveira A., Camargo B., Giacomozzi A.* Social Representations of the Body and Bodily Care Practices of Older Adults // *Psico-USF, Bragança Paulista*. 2021. Vol. 26(2). P. 279–290. doi:10.1590/1413-82712021260207
48. *Souza S.C.S.D., Ribeiro R.D., Polli G.M., Wanderbroocke A.C.* Social representations of the body and health for physically active and inactive individuals // *Trends in Psychology*. 2019. Vol. 27(4). P. 961–975. doi:10.9788/TP2019.4-10
49. *Yousef J., Leow S.K.H., Morrison W.* Plastic surgery in antiquity: an examination of ancient documents // *European Journal of Plastic Surgery*. 2021. Vol. 44(1). P. 419–428. doi:10.1007/s00238-020-01763-4

References

1. Andreeva G.M. *Sotsial'naya psikhologiya: Uchebnik*. Moscow: Aspekt press, 2017. 363 p. (In Russ.).
2. Bovina I.B. *Sotsial'naya psikhologiya zdorov'ya i bolezni*. Moscow: Aspekt press., 2007. 256 p. (In Russ.).
3. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Dani L., Em M.-A., Milekhin A.V., Gayamova S.Yu., Yakushenko A.V. *Zdorov'e v predstavleniyakh detei i podrostkov* [Health representations of children and adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Ekspierimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 2018. Vol. 11, no. 1, pp. 61–74. doi:10.17759/exppsy.2018110104 (In Russ.).
4. Dvoryanchikov N.V., Nosov S.S., Salamova D.K. *Polovoe samosoznanie i metody ego diagnostiki*. Moscow: Flinta; Nauka, 2011. 216 p. (In Russ.).
5. Dontsov A.I., Emel'yanova T.P. *Kontseptsiya sotsial'nykh predstavlenii v sovremennoi frantsuzskoi psikhologii*. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1987. 128 p. (In Russ.).
6. Emel'yanova T.P. *Sotsial'nye predstavleniya: istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhologii, 2016. 476 p. (In Russ.).
7. Erokhina E.A., Filippova E.V. *Obraz tela i otnoshenie k svoemu telu u podrostkov: semeinye i sotsiokul'turnye faktory vliyaniya (po materialam zarubezhnykh issledovaniy)* [Body image and attitude to one's body in adolescent: family and sociocultural factors (based on foreign researches)] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 57–68. doi:10.17759/jmfp.2019080406 (In Russ.).

8. Kabakova G.I., Kont F. Ot russkoi dushi k russkomu telu. In G.I. Kabakova, F. Kont (eds.). *Telo v russkoi kul'ture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, pp. 5–16. (In Russ.).
9. Kon I.S. Muzhskoe telo v istorii kul'tury. Moscow: Slovo, 2003. 432 p. (In Russ.).
10. Courtine J.-J. Vvedenie. In A. Corbin, J.-J. Courtine, G. Vigarello (eds.). *Istoriya tela: V 3 t. T. 3: Peremena vzglyada: XX vek = Histoire du corps. Les mutations du regard le XXe siècle*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, pp. 5–8. (In Russ.).
11. Levada Yu.A. Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya [Generations of the XXth century: opportunities for research]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2001, no. 5 (55), pp. 7–14. (In Russ.).
12. Le Goff J., Truong N. Istoriya tela v srednie veka [Une histoire du corps au Moyen Âge]. Moscow: Tekst, 2008. 192 p. (In Russ.).
13. Motovilin O.G. Razvitie predstavlenii o sobstvennom tele u detei v usloviyakh sem'i i internata: Diss. kand. psikholog. nauk. Moscow, 2001. 196 p. (In Russ.).
14. Moulin A.-M. Telo s tochki zreniya meditsiny. In A. Corbin, J.-J. Courtine, G. Vigarello (eds.). *Istoriya tela: V 3 t. T. 3: Peremena vzglyada: XX vek = Histoire du corps. Les mutations du regard le XXe siècle*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, pp. 11–62. (In Russ.).
15. Nikolaeva V.V. Lichnost' v usloviyakh khronicheskogo somaticheskogo zabolevaniya. In E.T. Sokolova, V.V. Nikolaeva. *Osobennosti lichnosti pri pogranichnykh rasstroistvakh i somaticheskikh zabolevaniyakh*. Moscow: SvR-Argus, 1995, pp. 205–267. (In Russ.).
16. Pushkareva N.L. Med i mleko pod yazykom u nee (zhenskie i muzhskie usta v tserkovnom i svetskom diskursakh doindustrial'noi Rossii X — nachala XIX v.). In G.I. Kabakova, F. Kont (eds.). *Telo v russkoi kul'ture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, pp. 78–101. (In Russ.).
17. Radaev V.V. Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoe i empiricheskoe obosnovanie (pervaya chast') [The Divide among the Millennial Generation: Historical and Empirical Justifications. (Part one)] [Elektronnyi resurs]. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 2020. Vol. 26, no. 3, pp. 30–63. doi:10.19181/socjour.2020.26.3.7395 (In Russ.).
18. Rikel A.M. Pokolenie kak ob'ekt izucheniya sotsial'noi psikhologii: issledovanie na “svoem pole” ili na “nich'ei zemle”? [Generation as a social-psychological research object: playing at home or an away match?] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 2, pp. 9–18. doi:10.17759/sps.2019100202 (In Russ.).
19. Stolin V.V. Samosoznanie lichnosti. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1983. 284 p. (In Russ.).
20. Tkhostov A.Sh. Psikhologiya telesnosti. Moscow: Smysl, 2002. 287 p. (In Russ.).
21. Aim M.-A., Dany L., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. How Kids Understand Health and Illness: Some Reflections from and for the Theory of Social Representations. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2018. Vol. 14, no. 1, pp. 15–22. doi:10.17759/chp.2018140102.
22. Aim M.-A., Lelaurain S., Khatmi N., Fonte D., Bovina I., Dany L. ‘Similar but different’: Social representations of health according to gender for French youth. *Journal of Health Psychology*, 2018. Vol. 25, no. 12, pp. 1905–1916. doi:10.1177/1359105318781894
23. Camargo B. V., Goetz, E. R., Bousfield A. B. S., Justo A. M. Representações sociais do corpo: estética e saúde. *Temas em Psicologia*, 2011. Vol. 19, no. 1, pp. 257–268.
24. Camargo B. V., Wachelke J. The study of social representation systems: relationships involving representations on aging, AIDS and the body. *Papers on Social Representations*, 2010. Vol. 19, pp. 21.1–21.21.

25. Clémence A. Sens et analyse des différences dans les représentations sociales. In J.-C. Abric (ed.). *Méthodes d'étude des représentations sociales*. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003, pp. 165–178.
26. Costalat-Founeau A.M., Picot M. C., Hauchard D., Klimekova M., Favier F. Représentation du corps et de l'alimentation chez une population de femmes de plus de 75 ans. *Papers on Social Representations*, 2002. Vol. 11, pp. 4.1–4.20.
27. de Rosa A.S., Holman A. Social representations of female-male beauty and aesthetic surgery: a cross-cultural analysis. *Temas em Psicologia*, 2011. Vol. 19, no. 1, pp. 75–98.
28. de Souza-Filho E. A., Beldarrain-Durandegui A. The contextual analysis in social representations of the body among ethnic groups in Rio de Janeiro, Brasil. *Universitas Psychologica*, 2009. Vol 8, no. 3, pp. 771–783.
29. Eicher V., Emery V., Maridor M., Gilles I., Bangerter A. Social Representations in Psychology: A Bibliometrical Analysis. *Papers on Social Representations*, 2011. Vol. 20, pp. 11.1–11.19.
30. Flament C., Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
31. Goetz E. R., Camargo B. V., Bertoldo R. B., Justo A. M. Representação social do corpo na mídia impressa. *Psicologia & Sociedade*, 2008. Vol. 20, no. 2, pp. 226–236. doi:10.1590/S0102-71822008000200010
32. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure*. N.Y.: Routledge. 2018. 510 p.
33. Hawkes D., Senn C. Y., Thorn C. Factors that influence attitudes toward women with tattoos. *Sex Roles: A Journal of Research*, 2004. Vol. 50, no. 9, pp. 593–604. doi:10.1023/B:SERS.0000027564.83353.06
34. Herzlich C. *Health and illness: A social psychological analysis*. L.:Academic Press, 1973.198 p.
35. ISAPS International Survey on Aesthetic / Cosmetic procedures. 2020. Retrieved from <https://www.isaps.org/fr/> (Accessed: 20.09.2022).
36. Jodelet D. *Représentations sociales et mondes de vie*. Paris: Éditions des archives contemporaines, 2015.372 p.
37. Jodelet D. The representation of the body and its transformations. In R. Farr & S. Moscovici (eds.). *Social Representations*. Cambridge, Cambridge University Press,1984, pp. 211-238.
38. Moliner P., Bovina I.B. Introduction: The Heuristic Value of Social Representations Theory. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, no. 2, pp. 291–298. doi:10.22363/2313-1683-2021-18-2-291-298
39. Moscovici S. Foreword. In C. Herzlich. *Health and illness. A social psychological analysis*. London: Academic Press, 1973, pp. 9–14.
40. Moscovici S. *La Psychanalyse: son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France, 1976. 652 p.
41. Moscovici S., Vignaux G. Le concept de thémata. In C. Guimelli (ed.). *Structures et transformations des représentations sociales*. Paris: Delachaux et Niestlé, 1994, pp. 26–72.
42. Pozzi M., Fasanelli R., Marta E., Pistoni C., Ellena M.A., Virgilio G., Di T. Social Representation of Family: A Comparative Study on Italian Young and Older Adults. *Journal of Family Issues*, 2022. Vol. 43, no. 3, pp. 752–768. doi:10.1177/0192513X21994160
43. Rateau P., Lo Monaco G. The Mute Zone of Social Representations and the Effects of (Un) Masking: Review and Prospects. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, no. 2, pp. 375–390. doi:10.22363/2313-1683-2021-18-2-375-390

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Будыкин С.В.
Тело: с позиции теории социальных представлений
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 191–206.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V.,
Lavreshkin N.V., Budykin S.V.
Body: Social-Representational Regard
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 191–206.

44. Rulli T., Campbell S. Can “My Body, My Choice” anti-vaxxers be pro-life? *Bioethics*, 2022. Vol. 36, no. 6, pp. 708–714. doi:10.1111/bioe.13033.
45. Schiebinger L. Introduction. In L. Schiebinger (ed.). *Feminism and the body*. Oxford: Oxford University Press, 2000, pp. 1–24.
46. Secchi K., Camargo B.V., Bertoldo R.B. Percepção da Imagem Corporal e Representações Sociais do Corpo. *Psicologia: Teoria e Pesquisa*, 2009. Vol. 25, no. 2, pp. 229–236. doi:10.1590/s0102-37722009000200011
47. Silveira A., Camargo B., Giacomozzi A. Social Representations of the Body and Bodily Care Practices of Older Adults. *Psico-USF, Bragança Paulista*, 2021. Vol. 26, no. 2, pp. 279–290. doi:10.1590/1413-82712021260207
48. Souza S.C.S.D., Ribeiro R.D., Polli G.M., Wanderbroocke A.C. Social representations of the body and health for physically active and inactive individuals. *Trends in Psychology*, 2019. Vol. 27, no. 4, pp. 961–975. doi:10.9788/TP2019.4-10
49. Yousef J., Leow S.K.H., Morrison W. Plastic surgery in antiquity: an examination of ancient documents. *European Journal of Plastic Surgery*, 2021. Vol. 44, no. 1, pp. 419–428. doi:10.1007/s00238-020-01763-4

Информация об авторах

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Мельникова Дарья Вячеславовна, преподаватель, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Лаврешкин Никита Владимирович, психолог, заместитель декана по внеучебной работе, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@gmail.com

Будыкин Сергей Владимирович, начальник, отдел по организации приема, старший преподаватель, кафедра психологии и педагогики дистанционного обучения, факультет «Дистанционное обучение», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5226-1958>, e-mail: moscow858@yandex.ru

Information about the authors

Inna B. Bovina, Doctor of Psychology, Docent, Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

*Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Будыкин С.В.*
Тело: с позиции теории социальных представлений
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 191–206.

*Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V.,
Lavreshkin N.V., Budykin S.V.*
Body: Social-Representational Regard
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 191–206.

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Docent, Dean, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Darya V. Melnikova, Lecturer, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Nikita V. Lavreshkin, Psychologist, Deputy Head, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@gmail.com

Sergey V. Budykin, Head, Admission Office, Senior Lecturer, Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5226-1958>, e-mail: moscow858@yandex.ru

Получена 09.09.2022
Принята в печать 09.12.2022

Received 09.09.2022
Accepted 09.12.2022

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Проблема опознания человека в условиях маскировки лица

Будякова Т.П.

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина (ФГБОУ ВО «ЕГУ имени И.А. Бунина»), г. Елец, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1739-837X>, e-mail: budyakovaelez@mail.ru

Статья посвящена изучению психологических проблем узнавания человека человеком по его лицу в ходе следственного действия предъявления для опознания. В результате теоретического анализа установлено, что, несмотря на обширные исследования проблемы опознания личности человека по его лицу, проблема узнавания человека в условиях намеренной маскировки лица, практически не изучена. Эмпирическое исследование проведено на выборке молодежи г. Ельца в возрасте 18—20 лет. В трех сериях эксперимента приняли участие 300 человек. В качестве стимульного материала использовались изображения двух видов: реальная внешность и внешность с элементами маскировки, при которой трудно было узнать исходное лицо. Доказывались две исходные гипотезы: 1) возможность опознания в ситуации намеренной маскировки лица зависит от предварительной установки опознающего; 2) наиболее эффективной установкой при опознании человека в ситуации намеренной маскировки лица является установка на фиксацию признаков верхней части лица и на обобщенный психологический образ опознаваемого. Обе гипотезы были успешно доказаны.

Ключевые слова: распознавание лиц, узнавание, опознание, окклюзия, маскировка лица, холистический тип восприятия.

Для цитаты: Будякова Т.П. Проблема опознания человека в условиях маскировки лица [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 207–220. DOI:10.17759/psylaw.2023130115

The Problem of Identifying a Person in a Face Masking Situation

Tatyana P. Budyakova

Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1739-837X>, e-mail: budyakovaelez@mail.ru

The article is dedicated to studying of psychological problems of recognizing a person by his/her face during the investigative action of presenting for identification. According to the result of the theoretical analysis it was found that the problem of recognizing a person in conditions of intentional face masking has not been practically studied despite of a number

of research works on the problem of identifying a person by his/her face. An empirical study was conducted on a sample of young people at the age of 18-20 years old in the city of Yelets. Three hundred people participated in three stages of the experiment. The two types of images were used as motivation: a real appearance and an appearance with elements of disguise in which it was difficult to recognize the original face. The two initial hypotheses were proved: 1) the possibility of identification in a situation of intentional face masking depends on the preliminary installation of the recognizer; 2) the most effective installation during identifying of a person in a situation of intentional face masking is to fix the signs of the upper part of the face and to generalize psychological image of an identifiable person. Both hypotheses were successfully proved.

Keywords: face recognition, recognition, occlusion, face masking, holistic type of perception.

For citation: Budyakova T.P. The Problem of Identifying a Person in a Face Masking Situation. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 207–220. DOI:10.17759/psylaw.2023130115 (In Russ.).

Введение

Достижение значимой точности опознания человека по его лицу считается одной из сложных проблем юридической психологии и криминалистики [23]. В правовом аспекте опознание — это одно из следственных действий, средство доказывания в уголовном судопроизводстве (статья 193 Уголовно-процессуального кодекса РФ — далее УПК РФ).

Особенностью российской криминалистической тактики опознания является требование процессуального закона, согласно которому опознающий еще до процедуры опознания должен сообщить о приметах и особенностях лица, которое он намеривается опознать (часть 2 статьи 193 УПК РФ), а уже после проведения следственного действия объяснить, по каким приметам или особенностям он опознал предъявленное лицо (часть 7 статьи 193 УПК РФ). Процессуальное законодательство других стран также включает похожие правила. Так, в британской системе правосудия с опознающим проводят когнитивное интервью до начала опознания [14].

Практическая реализация этого требования наталкивается на психологические факторы, препятствующие его выполнению, поскольку вербализация признаков опознания не гарантирует точного опознания, а иногда и выступает средством ненамеренных ошибок опознания [4]. Таким образом, закрепленная в процессуальном законе процедура не отражает естественных психологических механизмов опознания. Чтобы минимизировать дефект устаревшей процессуальной нормы в инструкциях по проведению опознания фиксируются разъяснения по этому поводу [8; 9].

Трудности вербализации опознавательных признаков, однако, не снимают проблему установления параметров, на которые ориентируется опознающий человек. В науке предпринимаются попытки решить эту проблему.

Одной из идей, направленных на решение задачи увеличения точности опознания, является соображение о совершенствовании техники интервьюирования опознающих, основанное на холистической теории восприятия. Очевидцам предлагается делать не детальное описание лица, а высказывать общие впечатления от внешности человека, которого нужно опознать: пол, возраст, раса, а также психологические характеристики: мужественность, честность,

привлекательность лица и т. п. Отмечается, что при таком подходе точность опознания увеличивается в среднем на 30% [14].

Другая идея заключается в использовании семиотического подхода в описании лица, а именно в представлении лица человека как особого текста, фиксирующего состояние человека, его характерологические особенности, намерения [1].

Для снятия трудностей вербализации опознавательных признаков предложены также оригинальная идея и соответствующая методика, позволяющие выявить факт скрытого опознания с помощью регистрации кожногальванических реакций [7].

Иной замысел в повышении точности опознания заключается в измерении объема памяти очевидца. Большой объем рабочей памяти предлагается считать косвенным доказательством точности опознания [23]. При этом, конечно, остается открытым вопрос об оценке достоверности показаний тех очевидцев, у которых средний или меньше нормативного объем рабочей памяти.

Особые изыскания в области опознания — это изучение людей с уникальными опознавательными способностями, которые получили в юридической психологии наименование «суперопознаватели». Имеющиеся исследования, впрочем, выявили только факт увеличения процента правильных опознаний в психологических экспериментах, но выражается сомнение, что эти способности будут проявлены в условиях реального опознания. При этом было установлено, что опознание у этих людей имеет более целостный характер по сравнению с людьми, не обладающими такими способностями [12; 21].

В литературе давно высказываются мысли о революционизировании процесса идентификации человека путем применения современных компьютерных программ опознания [18]. Однако вопросы увеличения точности опознания актуальны и при создании технических средств распознавания лиц.

Разработчиками программ признается, что пока этот процесс является сложным и нетривиальным [15]. Применяемые в настоящее время системы для опознания лиц не дают стопроцентной гарантии точности [30], что нередко вызывает сомнения у представителей правоохранительной и судебной систем в вопросе о возможности их использования как средств доказывания в уголовном судопроизводстве [18]. Более того, считается, что опознание человеком, а не искусственным интеллектом, дает более высокий уровень точности, поскольку мозг человека способен учитывать освещение, ракурсы восприятия, выражение лица, возрастные изменения, масштаб, фон и другие изменчивые факторы [11]. Показателен пример из ситуации пандемии, когда программа не узнала владельца мобильного телефона по лицу в маске, закрывающей нижнюю половину лица, на которой было изображение этой части лица ее владельца, и отказалась его разблокировать. При этом его узнали все знакомые.

Отдельный пласт исследований составляют работы по изучению ошибок опознания, в основе которых лежат психологические факторы [3]. Так, выявлено, что ошибочные установки существенно ограничивают точность опознания. Например, люди склонны не узнавать человека, если у них была неверная установка о его возрасте [22]; намеренная дезинформация очевидца также сказывается на результате опознания [5].

Распознавание лиц в той или иной мере затрудняется в ситуации их маскировки или окклюзии. Если маскировка — это намеренное сокрытие индивидуальных признаков с целью затруднения идентификации, то окклюзия — это ненамеренное, случайное загораживание части лица. Кроме того, окклюзия — это просто загораживание частей лица, а маскировка может также визуально изменять части лица, например, с помощью грима. Установлено, что окклюзия нижней части лица не приводит к уменьшению точности восприятия возраста и

личностных характеристик человека [6]. Между тем уже сравнительно давно разрабатываются программы распознавания лиц с учетом маскировки или окклюзии как верхней части лица (например, с помощью темных очков и шапки), так и нижней части лица (например, с помощью медицинской маски). В такого рода исследованиях отмечается, что, несмотря на маскировку лица, всегда остаются те его части или параметры, которые замаскировать невозможно, что позволяет успешно идентифицировать лицо. Опознание, осуществленное с помощью таких программ, в некоторых странах уже используется как средство доказывания в уголовном судопроизводстве [20; 26; 28; 29]. Точность опознания в ситуациях окклюзии при применении некоторых компьютерных программ варьируется от 72 до 90% [27].

Вместе с тем актуальными остаются вопросы опознания человека по лицу в ситуации намеренного сокрытия внешних признаков путем использования средств грима. Эта проблема фактически не изучена.

Актуальность обусловлена еще и тем, что разрабатываются специальные компьютерные программы, нацеленные на намеренное искажение данных камер видеонаблюдения [25], что делает работу по продолжению изучения особенностей опознания человека человеком по лицу в ситуации маскировки лица не менее актуальной, чем совершенствование специальных компьютерных программ по опознанию личности.

В целом, можно сказать, что проблема узнавания человека по лицу в условиях маскировки исследуется фрагментарно, в частности применяются статистические методы для определения точности опознания с помощью нейронных сетей в условиях маскировки разных частей лица и разного объема искажений. Однако они пока не доказали свою эффективность [24], что свидетельствует об актуальности изучения проблемы опознания именно человека человеком с применением метода эксперимента.

Материалы и методы

Участники исследования: студенты 1—3 курсов ЕГУ имени И.А. Бунина в количестве 300 человек. В каждой серии эксперимента участвовали по 100 человек.

Время проведения исследования: 2019—2021 гг.

Метод исследования — эксперимент.

Гипотезы исследования.

1. Возможность опознания в ситуации намеренной маскировки лица зависит от предварительной установки опознающего.
2. Наиболее эффективной установкой при опознании человека в ситуации намеренной маскировки лица является установка на фиксацию признаков верхней части лица и на обобщенный психологический образ опознаваемого.

Стимульный материал.

В первой серии использовались фотографии, опубликованные в журнале «Караван историй», на которых одни и те же персонажи представлены в разных возрастных образах (см иллюстрации в Приложении). На одной фотографии персонаж представлен в молодом возрасте, на другой — он же запечатлен в гриме, соответствующем старческому возрасту. Буквы, фиксирующие номер фотографии, были присвоены так, чтобы испытуемые не догадались использовать последовательность букв в алфавите для определения подходящих пар снимков.

Фото «А» — фигурист А. Ягудин без возрастного грима.

Фото «В» — А. Ягудин в гриме старика.

Фото «Д» — актер В. Фекленко без возрастного грима.

Фото «Ж» — В. Фекленко запечатлен в гриме старика.

Фото «Г» — шоумен Т. Родригес без возрастного грима.

Фото «З» — Т. Родригес в гриме старика.

В сериях 2—3 были добавлены 2 фотографии разных людей, одна из которых фиксировала молодого человека (фото «Е»), вторая — пожилого (фото «Б»).

На фото «Е» запечатлен актер А. Чадов без возрастного грима, на фото «Б» — композитор Д. Тухманов в пожилом возрасте.

Процедура исследования. Было проведено три серии эксперимента.

В серии 1 испытуемые должны были правильно соотнести изображения персонажей, представленных в собственном возрастном периоде и загримированных под старческий возраст.

Инструкция испытуемым в серии 1: «На представленных фотографиях запечатлены одни и те же люди в молодом возрасте и в гриме, соответствующем старческому возрасту. Пожалуйста, разложите фото по парам в соответствии с персонажем, который запечатлен как в пожилом, так и в молодом возрасте».

В серии 2 были добавлены две фотографии разных людей.

Инструкция испытуемым в серии 2 была та же, что и в первой серии. Участникам исследования не сообщалось о том, что на двух из восьми возрастных фотографий запечатлены разные люди (фото «Б» и фото «Е»).

В серии 3 были представлены те же фотографии, что и в серии 2, но была изменена инструкция.

Инструкция испытуемым в серии 3: «Перед Вами восемь фотографий. На представленных шести фотографиях запечатлены одни и те же люди в молодом возрасте и в гриме, соответствующем старческому возрасту. Две из восьми фотографий принадлежат разным людям. Один из них запечатлен в собственном молодом возрасте, другой в собственном пожилом возрасте. Пожалуйста, разложите фото по парам в соответствии с персонажем, который запечатлен как в пожилом, так и в молодом возрасте. Отдельно положите два фото, на которых изображены разные люди». Кроме того, давалась рекомендация обращать внимание только на верхнюю часть лица, игнорируя нос и все, что ниже него. Объяснялось, что нос, губы и подбородок легче изменить с помощью грима, чем глаза, в частности их разрез, расстояние между глаз. Также рекомендовалось сформулировать общий психологический образ лица человека по его фотографии без грима и по этому образу определить его в гриме, например, «детское лицо» и т. п.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием χ^2 критерия Пирсона.

Результаты

Обобщенные результаты по всем трем сериям эксперимента представлены в таблице ниже.

Таблица

Эффективность опознания в разных условиях предъявления стимулов

№№ п/п	Номер серии	Эффективность опознания
1	1	95% (100% при повторном выполнении)
2	2	8%
3	3	31%
4	p	p<0,05

Использованный при статистической обработке результатов эксперимента хи-квадрат-тест при проверке гипотезы о неслучайном характере частоты распределений результатов опознания при разных условиях предъявления стимулов доказал достоверность полученных данных (значения χ^2 варьировали от 0,178 до 3,35, при $p < 0,05$).

Результаты первой серии были со статистической точки зрения вполне надежны и репрезентативны. Практически все испытуемые правильно выполнили задание. Исключение составили только 5 человек (5%) из 100, которые первоначально составили неверные пары, но после слов экспериментатора «Подумайте еще» задание ими также было выполнено верно.

Во второй серии задание было усложнено. В набор фотографий были добавлены еще две, из которых нельзя было составить пару, однако об этом не поставили в известность участников эксперимента. Результаты второй серии были прямо противоположными по сравнению с итогами первой серии. Только 8 испытуемых смогли правильно выполнить задание, 92% не справились с ним. Не помогла, как в первой серии, команда экспериментатора «Подумайте еще»; последующие пробы были также в основном неверными.

Самым интересным было то, как испытуемые во второй серии объясняли свои ошибки. Они говорили о том, что трудно сравнивать людей на фотографиях и искать им пары, поскольку в фото не выдержан общий масштаб изображений, люди запечатлены в разных ракурсах, в разных позах, с разной мимикой и т. д. При этом в первой серии эти же факторы не снижали эффективность опознания.

В третьей серии, чтобы выявить влияние фактора осведомленности испытуемого на качество опознания, была изменена инструкция. Теперь испытуемые знали, что в наборе из восьми фотографий две — непарные и что на них запечатлены разные люди. Эффективность правильного опознания существенно выросла. Уже 31% испытуемых правильно составили пары в соответствии с персонажем, их объединяющим. Таким образом, подтвердилась наша промежуточная гипотеза о том, что ложная установка может существенно влиять на точность опознания. В то же время подтвердились и результаты других исследователей, показавших, что в ситуации, когда в опознании предъявляются люди, как подходящие для опознания, так и случайные, эффективность опознания является низкой, даже если испытуемым, как в некоторых работах, предлагается привлекательная сумма денежного вознаграждения за точность узнавания [19].

В нашем случае, как мы полагаем, процент правильных опознаний в третьей серии вырос за счет данных нами рекомендаций. Испытуемым предлагалось обращать внимание только на верхнюю часть лица и попытаться сформулировать общий психологический образ воспринимаемого лица по его фотографии без грима. Инструкция была обучающего плана, в ней участники эксперимента ориентировались на холистический тип восприятия, наиболее продуктивный в опознании, отражающий естественные механизмы перцепции.

Анализ письменных отчетов испытуемых показал, что правильная идентификация была продемонстрирована только теми участниками исследования, которые точно выполнили рекомендации экспериментатора. Остальные участники, несмотря на требование обращать внимание только на верхнюю часть лица, отмечали особенности носа, подбородка, губ, шеи и даже рук. При правильной идентификации превалировал холистический тип восприятия, испытуемые выделяли, в частности, особенности взгляда идентифицируемого человека, например, «завораживающий взгляд», «рассеянный взгляд», «прямой взгляд», «мягкий взгляд» («мягкое лицо») и др.

Отдельно надо отметить, что из 300 испытуемых ни один не узнал персонажей, фотографии которых использовались в качестве стимульного материала. В силу этого не было эффекта узнавания знакомого лица, который имеет свою специфику [17].

Обсуждение

Результаты первой серии эксперимента доказали преимущества опознания человека человеком по сравнению с компьютерными программами. В литературе отмечается что эффективность опознания в компьютерных системах опознания существенно зависит от точности определения исходных дифференциальных признаков внешности, а также от качества входных изображений лица [11; 20]. В условиях первой серии вариативность изображений по размеру, ракурсу и другим параметрам не повлияла на точность опознания.

На наш взгляд, основной причиной ошибок узнавания во второй серии был фактор навязанной ложной установки о том, что обязательно в паре возрастных фото должен быть запечатлен один и тот же человек. В условиях навязанной установки разрушилась нормальная стратегия узнавания, естественная для условий восприятия без таких установок. Чтобы найти сходство участники эксперимента переходили от естественной симультанной (холистической) стратегии к сукцессивной (аналитической), сравнивая каждый элемент фотографий: нос, губы, лоб и т. д. Общий образ «распылялся» на элементы, и возникали ошибки опознания.

В работе Я.А. Бондаренко и Г.Я. Меньшиковой отмечается, что аналитический тип мышления начинает превалировать и вытеснять холистические механизмы в ситуации увеличения трансформаций изображений, а в нашем случае — в ситуации увеличения количества и степени непохожести фотографий [2]. В ситуации, когда включается и начинает доминировать аналитика, ошибки опознания возрастают, а в особых ситуациях использование этого механизма может привести к эффектам дезинформации [5]. Иные исследования также показывают, что наибольшая точность опознания даже при компьютерном распознавании лиц достигается в ситуации, если в программе используются не отдельные параметры человеческого лица (нос, губы, глаза), а комбинированные [13].

В нашем исследовании подтвердились данные других ученых о том, что наиболее важным идентификационным признаком человеческого лица является область глаз [10]. Этот факт важен при опознании в условиях окклюзии и маскировки лица.

В условиях пандемии COVID-19 активизировались исследования по идентификации личности человека в условиях окклюзии из-за необходимости применять в повседневной жизни медицинские маски. В этих работах, в частности, было показано, что настройки параметров в компьютерных системах распознавания лиц, определенные для стандартного распознавания лиц, не идеальны для распознавания лиц в масках [16]. Еще одним из результатов этих работ, важных для нашего исследования, было то, что испытуемых надо было специально обучать для повышения точности опознания в условиях окклюзии. В нашем исследовании также проявился этот феномен. Оказалось, что простой рекомендации в третьей серии эксперимента обращать внимание только на область глаз, оказалось недостаточно. Испытуемые фиксировали внимание на иных признаках, ориентируясь на собственные установки. Это приводило к ошибкам идентификации.

Выводы

1. Подтвердилась наша гипотеза о том, что возможность опознания в ситуации намеренной маскировки лица зависит от предварительной установки опознающего. Если испытуемый уверен в том, что в выборке нет случайных изображений, и их действительно нет, то

опознание происходит в основном безошибочно. В условиях неверной установки на то, что в выборке нет случайных изображений, происходят массовые ошибки опознания.

2. Также была доказана наша гипотеза о том, что наиболее эффективной установкой при опознании человека в ситуации намеренной маскировки лица является установка на фиксацию признаков верхней части лица и на обобщенный психологический образ опознаваемого. При этом испытуемым нужна специальная тренировка для работы в условиях маскировки лица, чтобы они не фиксировались на ложных признаках.

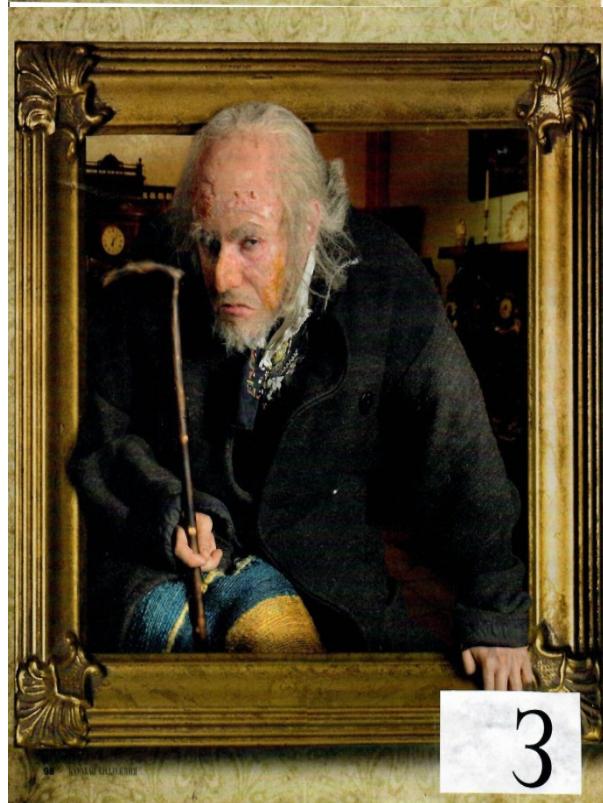
3. Результаты исследования могут быть использованы при решении и иных теоретических и практических вопросов юридической психологии. Так, обычно процедура опознания применяется в отношении подозреваемых и обвиняемых. Однако узнавание как юридико-психологический фактор выступает еще и в ситуации необходимости защиты участников уголовного процесса в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». Статья 10 указанного закона гарантирует в качестве одной из мер безопасности охраняемого государством лица изменение его внешности. Такая мера подразумевает, как правило, применение средств пластической хирургии уже после завершения уголовного процесса. Однако и в ходе уголовного разбирательства защищаемый законом человек нуждается в процедуре изменения своей внешности, но без пластической операции, в целях маскировки. Здесь и возникает проблема: как замаскировать лицо свидетеля или потерпевшего, чтобы его не узнали лица, не заинтересованные в их правдивых показаниях? Полагаем, что дальнейшие исследования в направлении изучения успешной маскировки лица помогут решить и эту проблему.

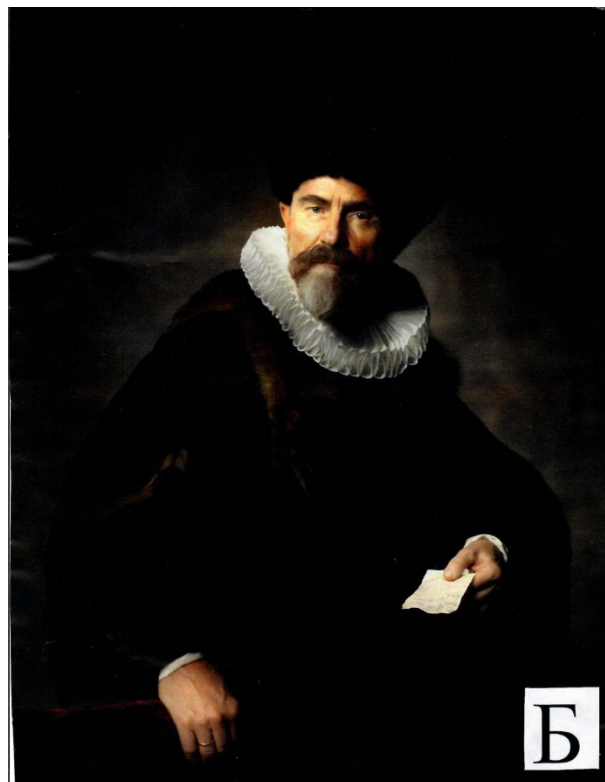
Приложение

Будякова Т.П.
Проблема опознания человека
в условиях маскировки лица
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 207–220.

Budyakova T.P.
The Problem of Identifying a Person
in a Face Masking Situation
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 207–220.

Литература

1. Барабанщиков В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: ИП РАН, 2004. 480 с.
2. Бондаренко Я.А., Меньшикова Г.Я. Исследование роли аналитического и холистического процессов в распознавании лицевых экспрессий [Электронный ресурс] // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2020. № 2. С. 103–140. doi:10.11621/vsp.2020.02.06
3. Будякова Т.П. Психологические ошибки при опознании человека по лицу [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2017. Том 10. № 2. С. 20–39. doi:10.17759/exppsy.2017100203
4. Будякова Т.П. Экспериментальная оценка эффективности системы словесного портрета при опознании личности [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2016. Том 9. № 2. С. 53–65. doi:10.17759/exppsy.2016090205
5. Будякова Т.П. Эффект дезинформации в опознании человека [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 4. С. 99–114. doi:10.17759/psylaw.2018080410
6. Лупенко Е.А. Влияние окклюзии на восприятие и опознание личности человека, изображенного на портрете [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2014. Том 7. № 1. С. 44–55. URL: https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2014_n1/68177 (дата обращения: 29.12.2021).
7. Мецгеряков Б.Г., Назаров А.И., Чеснокова Л.Г., Ющенкова Д.В. Новая попытка открыть скрытое опознание лиц [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2015. Том 8. № 4. С. 45–60. doi:10.17759/exppsy.2015080404

8. *Митрохин В.К.* Криминалистическая габитоскопия (установление личности по признакам внешности): Учебное пособие. Ч. 2. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2011. 116 с.
9. *Стельмах В.Ю.* Дознание в органах внутренних дел: курс лекций. Екатеринбург, 2015. 262 с.
10. *Ющенко Д.В., Мещеряков Б.Г.* Распознавание отдельных черт лица как основа узнавания целого лица [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2010. Том 3. № 3. С. 84–92. URL: https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2010_n3/32128 (дата обращения: 29.12.2021).
11. *Bah S.M., Ming F.* An improved face recognition algorithm and its application in attendance management system // *Array*. 2020. Vol. 5. doi:10.1016/j.array.2019.100014
12. *Belanova E., Davis J.P., Thompson T.* Cognitive and Neural Markers of Super-Recognisers' Face Processing Superiority and Enhanced Cross-Age Effect // *Cortex*. 2018. Vol. 108(11). P. 92–111. doi:10.1016/j.cortex.2018.07.008
13. *Elmahmudi A., Ugail H.* Deep face recognition using imperfect facial // *Future Generation Computer Systems*. 2019. Vol. 99. P. 213–225. doi:10.1016/j.future.2019.04.025
14. *Frowd C.D., Hancock P., Bruce V. Et al.* Catching more offenders with Evofit Facial Composites: Lab Research and Police Field Trials // *Global Journal of Human Social Science*. 2011. Vol. 11(3). P. 34–46.
15. *Jayaraman U., Gupta P., Gupta S., Arora G., Tiwari K.* Recent development in face recognition // *Neurocomputing*. 2020. Vol. 408. P. 231–245. doi:10.1016/j.neucom.2019.08.110
16. *Jeevan G., Zacharias G.C., Nair M.S., Rajan J.* An empirical study of the impact of masks on face recognition // *Pattern Recognition*. 2022. Vol. 122. doi:10.1016/j.patcog.2021.108308
17. *Karimi-Rouzbahani H., Ramezani F., Woolgar A., Rich A., Ghodrati M.* Perceptual difficulty modulates the direction of information flow in familiar face recognition // *NeuroImage*. 2021. Vol. 233. P. 117896. doi:10.1016/j.neuroimage.2021.117896
18. *Kotsoglou K.N., Oswald M.* The long arm of the algorithm? Automated Facial Recognition as evidence and trigger for police intervention // *Forensic Science International: Synergy*. 2020. Vol. 2. P. 86–89. doi:10.1016/j.fsisyn.2020.01.002
19. *Lampinen J.M., Curry C.R., Erickson W.B.* Prospective Person Memory: The Role of Self-Efficacy, Personal Interaction, and Multiple Images in Recognition of Wanted Persons // *Journal of Police and Criminal Psychology*. 2016. Vol. 31(1). P. 59–70. doi:10.1007/s11896-015-9164-7
20. *Ouanan H., Ouanan M., Aksasse B.* Non-linear dictionary representation of deep features for face recognition from a single sample per person // *Procedia Computer Science*. 2018. Vol. 127. P. 114–122. doi:10.1016/j.procs.2018.01.105
21. *Ramon M., Bobak A.K., White D.* Super-recognizers: From the lab to the world and back again // *British Journal of Psychology*. 2019. Vol. 110(3). P. 461–479. doi:10.1111/bjop.12368
22. *Rollins L., Olsen A., Evans M.* Social categorization modulates own-age bias in face recognition and ERP correlates of face processing // *Neuropsychologia*. 2020. Vol. 141. doi:10.1016/j.neuropsychologia.2020.107417
23. *Saraiva R.B., Boeijen I.V., Hope L. et al.* Eyewitness metamemory predicts identification performance in biased and unbiased line-ups // *Legal and Criminological Psychology*. 2020. Vol. 3. doi:10.1111/lcrp.121
24. *Singh R., Vatsa M., Noore A.* Face recognition with disguise and single gallery images // *Image and Vision Computing*. 2009. Vol. 27(3). P. 245–257. doi:10.1016/j.imavis.2007.06.010

25. Villalba G. et al. A PRNU-based counter-forensic method to manipulate smartphone image source identification techniques // *Future Generation Computer Systems — The International Journal of e-Science*. 2017. Vol. 76. P. 418–427. doi:10.1016/j.future.2016.11.007
26. Vinay A. et al. Two Dimensionality Reduction Techniques for SURF Based Face Recognition // *Procedia Computer Science*. 2016. Vol. 85. P. 241–248. doi:10.1016/j.procs.2016.05.222
27. Wang X., Zhang W. Anti-occlusion face recognition algorithm based on a deep convolutional neural network // *Computers & Electrical Engineering*. 2021. Vol. 96(A). doi:10.1016/j.compeleceng.2021.107461
28. Yoshino M. et al. Individual identification of disguised faces by morphometrical matching // *Forensic Science International*. 2002. Vol. 127(1-2). P. 97–103. doi:10.1016/S0379-0738(02)00115-9
29. Yang Q., Wang P., Fang Z., Lu Q. Focus on the Visible Regions: Semantic-Guided Alignment Model for Occluded Person Re-Identification // *Sensors*. 2020. Vol. 20(16). doi:10.3390/s20164431
30. Zhao C., Li X., Dong Y. Learning blur invariant binary descriptor for face recognition // *Neurocomputing*. 2020. Vol. 40–43. P. 34–40. doi:10.1016/j.neucom.2020.04.082

References

1. Barabanshchikov V.A., Nosulenko V.N. *Sistemnost'. Vospriyatie. Obschchenie*. Moscow: IP RAN Publ., 2004. 480 p. (In Russ.).
2. Bondarenko Ya.A., Menshikova G.Ya. Issledovanie roli analiticheskogo i kholisticheskogo protsessov v raspoznavanii litsevykh ekspressii [Exploring analytical and holistic processing in facial expression recognition] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2020, no. 2, pp. 103–140. doi:10.11621/vsp.2020.02.06 (In Russ.).
3. Budyakova T.P. Psikhologicheskie oshibki pri opoznanii cheloveka po litsu [Psychological errors in the identification of a human face] [Elektronnyi resurs]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 2017. Vol. 10, no. 2, pp. 20–39. doi:10.17759/exppsy.2017100203 (In Russ.).
4. Budyakova T.P. Eksperimental'naya otsenka effektivnosti sistemy slovesnogo portreta pri opoznanii lichnosti [Experimental evaluation system in verbal portrait of personal identification] [Elektronnyi resurs]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 2016. Vol. 9, no. 2, pp. 53–65. doi:10.17759/exppsy.2016090205 (In Russ.).
5. Budyakova T.P. Effekt dezinformatsii v opoznanii cheloveka [Disinformation effect in human identification] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 4, pp. 99–114. doi:10.17759/psylaw.2018080410 (In Russ.).
6. Lupenko E.A. Vliyanie okklyuzii na vospriyatie i opoznanie lichnosti cheloveka, izobrazhennogo na portrete [The effect of occlusion on the perception and recognition of the identity of the person depicted in the portrait] [Elektronnyi resurs]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 2014. Vol. 7, no. 1, pp. 44–55. URL: https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2014_n1/68177 (Accessed 29.12.2021). (In Russ.).
7. Meshcheryakov B.G., Nazarov A.I., Chesnokova L.G., Yushchenkova D.V. Novaya popytka otkryt' skrytoe opoznanie lits [A new attempt to discover the covert recognition of faces] [Elektronnyi resurs]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 2015. Vol. 8, no. 4, pp. 45–60. doi:10.17759/exppsy.2015080404 (In Russ.).
8. Mitrokhin V.K. *Kriminalisticheskaya gabitoskopiya (ustanovlenie lichnosti po priznakam vneshnosti): Uchebnoe posobie. Ch. 2*. Yuzhno-Sakhalinsk: SakhGU Publ., 2011. 116 p. (In Russ.).

9. Stelmakh V.Yu. Doznanie v organakh vnutrennikh del: kurs lektsii. Yekaterinburg, 2015. 262 s. (In Russ.).
10. Yushchenkova D.V., Meshcheryakov B.G. Raspoznavanie otchel'nykh chert litsa kak osnova uznvaniya tselogo litsa [Recognition of individual facial features as a basis for identification of the whole face] [Elektronnyi resurs]. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 2010. Vol. 3, no. 3, pp. 84–92. URL: https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2010_n3/32128 (Accessed 29.12.2021).
11. Bah S.M., Ming F. An improved face recognition algorithm and its application in attendance management system. *Array*, 2020. Vol. 5. doi:10.1016/j.array.2019.100014
12. Belanova E., Davis J.P., Thompson T. Cognitive and Neural Markers of Super-Recognisers' Face Processing Superiority and Enhanced Cross-Age Effect. *Cortex*, 2018. Vol. 108, no. 11, pp. 92–111. doi:10.1016/j.cortex.2018.07.008
13. Elmahmudi A., Ugail H. Deep face recognition using imperfect facial. *Future Generation Computer Systems*, 2019. Vol. 99, pp. 213–225. doi:10.1016/j.future.2019.04.025
14. Frowd C.D., Hancock P., Bruce V. Et al. Catching more offenders with Evofit Facial Composites: Lab Research and Police Field Trials. *Global Journal of Human Social Science*, 2011. Vol. 11, no. 3, pp. 34–46.
15. Jayaraman U., Gupta P., Gupta S., Arora G., Tiwari K. Recent development in face recognition. *Neurocomputing*, 2020. Vol. 408, pp. 231–245. doi:10.1016/j.neucom.2019.08.110
16. Jeevan G., Zacharias G.C., Nair M.S., Rajan J. An empirical study of the impact of masks on face recognition. *Pattern Recognition*, 2022. Vol. 122. doi:10.1016/j.patcog.2021.108308
17. Karimi-Rouzbahani H., Ramezani F., Woolgar A., Rich A., Ghodrati M. Perceptual difficulty modulates the direction of information flow in familiar face recognition. *NeuroImage*, 2021. Vol. 233, pp. 117896. doi:10.1016/j.neuroimage.2021.117896
18. Kotsoglou K.N., Oswald M. The long arm of the algorithm? Automated Facial Recognition as evidence and trigger for police intervention. *Forensic Science International: Synergy*, 2020. Vol. 2, pp. 86–89. doi:10.1016/j.fsisy.2020.01.002
19. Lampinen J.M., Curry C.R., Erickson W.B. Prospective Person Memory: The Role of Self-Efficacy, Personal Interaction, and Multiple Images in Recognition of Wanted Persons. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 2016. Vol. 31, no. 1, pp. 59–70. doi:10.1007/s11896-015-9164-7
20. Ouanan H., Ouanan M., Aksasse B. Non-linear dictionary representation of deep features for face recognition from a single sample per person. *Procedia Computer Science*, 2018. Vol. 127, pp. 114–122. doi:10.1016/j.procs.2018.01.105
21. Ramon M., Bobak A.K., White D. Super-recognizers: From the lab to the world and back again. *British Journal of Psychology*, 2019. Vol. 110, no. 3, pp. 461–479. doi:10.1111/bjop.12368
22. Rollins L., Olsen A., Evans M. Social categorization modulates own-age bias in face recognition and ERP correlates of face processing. *Neuropsychologia*, 2020. Vol. 141. doi:10.1016/j.neuropsychologia.2020.107417
23. Saraiva R.B., Boeijen I.V., Hope L. et al. Eyewitness metamemory predicts identification performance in biased and unbiased line-ups. *Legal and Criminological Psychology*, 2020. Vol. 3. doi:10.1111/lcrp.121
24. Singh R., Vatsa M., Noore A. Face recognition with disguise and single gallery images. *Image and Vision Computing*, 2009. Vol. 27, no. 3, pp. 245–257. doi:10.1016/j.imavis.2007.06.010
25. Villalba G. et al. A PRNU-based counter-forensic method to manipulate smartphone image source identification techniques. *Future Generation Computer Systems — The International Journal of e-Science*, 2017. Vol. 76, pp. 418–427. doi:10.1016/j.future.2016.11.007

Будякова Т.П.

Проблема опознания человека
в условиях маскировки лица

Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 207–220.

Budyakova T.P.

The Problem of Identifying a Person
in a Face Masking Situation

Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 207–220.

26. Vinay A. et al. Two Dimensionality Reduction Techniques for SURF Based Face Recognition. *Procedia Computer Science*, 2016. Vol. 85, pp. 241–248. doi:10.1016/j.procs.2016.05.222

27. Wang X., Zhang W. Anti-occlusion face recognition algorithm based on a deep convolutional neural network. *Computers & Electrical Engineering*, 2021. Vol. 96(A). doi:10.1016/j.compeleceng.2021.107461

28. Yoshino M. et al. Individual identification of disguised faces by morphometrical matching. *Forensic Science International*, 2002. Vol. 127, no. 1-2, pp. 97–103. doi:10.1016/S0379-0738(02)00115-9

29. Yang Q., Wang P., Fang Z., Lu Q. Focus on the Visible Regions: Semantic-Guided Alignment Model for Occluded Person Re-Identification. *Sensors*, 2020. Vol. 20, no. 16. doi:10.3390/s20164431

30. Zhao C., Li X., Dong Y. Learning blur invariant binary descriptor for face recognition. *Neurocomputing*, 2020. Vol. 40–43, pp. 34–40. doi:10.1016/j.neucom.2020.04.082

Информация об авторах

Будякова Татьяна Петровна, кандидат психологических наук, доцент, профессор, кафедра педагогики и образовательных технологий, Институт психологии и педагогики, Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина (ФГБОУ ВО «ЕГУ имени И.А. Бунина»), г. Елец, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1739-837X>, e-mail: budyakovaelez@mail.ru

Information about the authors

Tatyana P. Budyakova, PhD in Psychology, Docent, Professor, Department of Pedagogy & Educational Technologies, Institute of Psychology & Pedagogy, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1739-837X>, e-mail: budyakovaelez@mail.ru

Получена 02.01.2022

Принята в печать 02.06.2022

Received 02.01.2022

Accepted 02.06.2022

Formation of Legal Awareness as a Component of the Professional Identity of Specialists in the Social Sphere at the Stage of Study at the University

Svetlana V. Markova

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia; Medlin Treatment Center Atlanta, GA USA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3765-4070>, e-mail: clairmarkova@mail.ru

Catherine A. Nikitskaya

V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3187-6534>, e-mail: katamax@yandex.ru

The analysis of works in pedagogy, psychology, sociology, philosophy and jurisprudence allows us to state the presence of certain problems in professional training, in particular, in the formation of legal consciousness of future specialists in the social sphere at the stage of university education. The array of studies of legal consciousness in the humanitarian fields of knowledge shows that the general scientific discourse is focused on understanding the phenomenon as a significant factor in the formation of professional identity, as well as the analysis of real and potential opportunities to create conditions for the development of students' legal consciousness in the conditions of universities. The aim of the study, the results of which are presented in the article, was to investigate the impact of the formation of legal consciousness on the professional identity of students. The article describes the stages of the experimental study, presents the sample, the tools, describes and interprets the results, as well as outlines the prospects of the study.

Ключевые слова: legal awareness, professional identity, social sphere, students of higher education.

For citation: Markova S.V., Nikitskaya C.A. Formation of Legal Awareness as a Component of the Professional Identity of Specialists in the Social Sphere at the Stage of Study at the University. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 221–231. DOI:10.17759/psylaw.2023130116

Маркова С.В., Никитская Е.А.
Формирование правосознания как компонента
профессиональной идентичности специалистов
социальной сферы на этапе обучения в университете
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 221–231.

Markova S.V., Nikitskaya C.A.
Formation of Legal Awareness as a Component
of the Professional Identity of Specialists in the Social
Sphere at the Stage of Study at the University
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 221–231.

Формирование правосознания как компонента профессиональной идентичности специалистов социальной сферы на этапе обучения в университете

Маркова С.В.

Психологический институт Российской академии образования (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация; Психологический центр Медлин, г. Атланта, США
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3765-4070>, e-mail: clairmarkova@mail.ru

Никитская Е.А.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО «МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3187-6534>, e-mail: katamax@yandex.ru

Анализ работ в области педагогики, психологии, социологии, философии и юриспруденции позволяет констатировать наличие определенных проблем в профессиональной подготовке, в частности в формировании правосознания будущих специалистов социальной сферы на этапе обучения в университете. Массив исследований правосознания в гуманитарных областях знания показывает, что общенаучный дискурс ориентирован на понимание феномена как значимого фактора становления профессиональной идентичности, а также на анализ реальных и потенциальных возможностей создания условий для развития правосознания у обучающихся в условиях университетов. Целью исследования, результаты которого представлены в статье, было изучение влияния формирования правосознания на профессиональную идентичность у студентов. В статье описаны этапы экспериментального исследования, представлены выборка, инструментарий, даны описание и интерпретация результатов, а также обозначены перспективы исследования.

Keywords: правосознание, профессиональная идентичность, социальная сфера, студенты высших учебных заведений.

Для цитаты: Маркова С.В., Никитская Е.А. Формирование правосознания как компонента профессиональной идентичности специалистов социальной сферы на этапе обучения в университете [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 221–231. DOI:10.17759/psylaw.2023130116

Introduction

Within the framework of modern humanities, it is customary to consider the dynamics of the development of ideological paradigms of certain communities of human individuals as forms of social awareness. One of these forms is legal awareness. At present, researchers in the field of psychology, pedagogy, sociology, philosophy, theory of state and law, and other branches of humanitarian knowledge state the emergence of a multitude of studies devoted to the formation of legal awareness and raising the level of legal culture of future specialists [2; 4; 10; 31]. It should be noted that historically, the view on legal awareness has changed, and until now among specialists there is no

single definition of the concept of “legal awareness”, as well as clear ideas about its structure and content.

In the context of legal, sociological and philosophical sciences, legal awareness in their works was considered by L.M. Gantseva, Yu.I. Grevtsov, I.A. Ilyin, D. Chuikov, V.V. Kasyanova, V.N. Nechipurenko, B.C. Nersesyants, V.P. Malakhov, A.A. Moiseev, VC. Samigullin, V.G. Safonov, A.L. Fursov and others.

In psychology as a branch of humanitarian knowledge, the works of E.O. Golynchik, O.A. Gulevich, I.A. Egorov, R.R. Muslumov, A.R. Ratinov, F.S. Safuanov, L.A. Yasyukova and others.

According to L.A. Yasyukova, legal awareness should be viewed as “... a system of ideas that are based on understanding the role of law, legal norms in regulating relationships between members of society, between an individual and the state, under the influence of which attitudes towards these norms are formed ...” [26, pp.1—13]. The merit of O.A. Gulevich is the isolation of the structure of the components of legal awareness, characterized by certain attitudes (social attitudes) in relation to the law and to the judicial system (components of legal awareness) [7]. Some researchers believe that professional legal awareness can be determined in different professional groups [13; 14; 27].

Research results show that the legal awareness of a particular stratum or group has features that are determined by the position of this group in society and its interests. For example, the legal awareness of professional lawyers will differ from the legal awareness of such a social group as laborers or managers [6; 16]. In this paper we focus on the main complexity and versatility of the phenomenon of legal awareness. In contrast to a good knowledge of law and a positive attitude toward it, a person does not always observe it in his/her personal behavior [12].

In addition to the levels of development, there are also functions of legal awareness, which are an external manifestation of its properties. According to the theoretical concept, which is shared by many scientists, these include cognitive (function is to provide the subject with legal knowledge), evaluative (function provides the correlation of legal norms with his own views of law) and regulatory functions (consists in ensuring the correlation of human behavior with the system of legal norms operating in society) [9, pp. 35—56].

The majority of citizens, according to T.I. Zaslavskaya, obtain information about the legal system and their own rights not from official documents, but from past social experience, fragmentary messages in the media, from communication with the closest social environment. That is why the formation of the legal awareness of citizens in the process of education, starting from the earliest stages of education, is of great importance [20]. Legal awareness is formed in the process of development and growing up of the individual, the development of personality and subjectivity (A.R. Ratinov, L.A. Yasyukova), as well as in the process of forming his self-awareness and self-concept [32]. Other scientists agree that the foundations of legal awareness as a phenomenon are laid in the social process — legal socialization (O.A. Gulevich, E.O. Golynchik, A.R. Ratinov, L.A. Yasyukova, etc.) [5; 19; 20].

The psychological aspect of the study of legal awareness involves taking into account the laws of awareness and self-awareness as special phenomena of the individual, capable of regulating the behavior and activities of the individual at various levels of its development. In this regard, the importance of the formation of professional legal awareness among specialists in the social sphere (for example, future police officers, legal psychologists, social educators, lawyers, social workers, etc.) and the interiorization of the values of the legal culture of Russian society in the educational process of cadets, students of educational institutions of the system of the Ministry of Internal Affairs of

Russia, students of legal specialties, students and undergraduates studying in the direction of training pedagogy and psychology of defiant behavior. Otherwise, the professional legal awareness of a young specialist in the social sphere is threatened with what is commonly called a "deformation" of professional legal awareness [29]. Accordingly, for researchers and practitioners, the need for solving the indicated problem in order to increase the effectiveness of professional education and socialization of future specialists.

Current Study

In the works of Russian researchers I.A. Egorova and F.S. Safuanov, the main directions of the formation of students' legal awareness are highlighted: "... legal knowledge as such; attitude of students to law in general; attitude to the existing legal reality, to law enforcement practice; value orientations that regulate behavior; freedom of lawful behavior" [11, pp. 1—3].

Legal awareness at a student age can experience various deformations that lead to contradictions in the ratio of cognitive and emotional components of legal awareness: legal infantilism, legal nihilism, legal idealism, marginal legal awareness, reborn legal awareness, a kind of breakdown of legal stereotypes (corruptive behavior, violation of legal duties, violation of human rights etc.) moral and legal conformism, speculative, negative legal radicalism. This is reflected in the perception of the legal reality by young people and the formation of readiness or unpreparedness for lawful behavior [18; 22; 24; 28].

The legal awareness of students develops along with the development of their personality and manifests itself in activities, behavior and in relations with the outside world. It is during his studies at the university that the student is both a bearer of an ordinary sense of justice and a bearer of a not yet fully formed professional sense of justice. During training, there is a gradual transition from ordinary legal awareness to professional [1; 5; 17, pp. 92—94; 30].

The legal awareness of a particular professional group is a reflection of their practical activities, which includes a social community. For example, some higher educational institutions of the Russian law enforcement system, according to researchers, are designed to prepare in the process of vocational training a free, creatively thinking, versatile educated person — a self-confident citizen, open to people, able to be successful in professional activities [3, pp. 6—9; 15; 21]. In the formation of professional legal awareness on the example of law students, a special role is played by higher legal education, which has common features inherent in higher education in general, as well as features of legal education [16].

The aim of our research was to study the influence of the formation of legal awareness on the professional identity of students of a university with major in Pedagogy and Psychology of Defiant Behavior. The experimental study was carried out on a sample of 200 people. The study involved two groups — control and experimental, 100 people in each group. The age of the study participants was from 18 to 21 years old, they were students of two universities in Moscow.

As material for research at the ascertaining and control stages of the experiment, we have chosen the following methods:

1. Methods for studying professional identity (MIPI);
2. Unfinished sentences (modified by OA Gulevich);
3. Questionnaire "Legal Awareness";
4. Methods for studying the professionally lawful orientation of the personality [8; 23; 25; 26].

The ascertaining stage. Initial assessment that was conducted by administering tests, questionnaires, and surveys.

The second stage of our research is a formative experiment, which involves the development and implementation of a training program on the formation of the legal awareness of students. This experiment is carried out in only one (experimental) group.

Characteristics of the client group for which the program is designed. A group of law students from universities in the amount of 10 to 25 people, mixed by gender. Age of participants in the training: from 18 to 21 years.

Scope of the program. The program is designed for 18 lessons. The duration of one training day is 1.5 hours, depending on the efficiency and speed of the group's work. A more detailed description of the structure of the training program is in possession of the authors. pr

The third — the control stage of our research — is the secondary assessment of the results of the implementation of the training program for the formation of legal awareness. Assessment is carried out using the same material as in the first stage of the study in both groups of students of legal directions.

Results

Statistical data processing using the student's t-test showed that there were no significant differences between the experimental and control groups before the experiment.

After the experiment, the situation changed. We found the following statistically significant differences:

1. The level of development of legal awareness in the experimental group according to the method "Unfinished sentences" (modified by O.A. Gulevich) significantly increased both relative to the control group ($p > 0.05$) and relative to the initial results ($p > 0.05$). Prior to the formative experiment, no significant differences were observed. At the primary assessment, 34% of students in the control group were at the level of lawmaking, in the experimental group — 23%.

After the experiment, the situation changed. In the control group, 30% of law students were at the level of lawmaking, and in the experimental group — 34%. The percentage difference between the groups decreased according to the third level of development of legal awareness. In the control group, the number of subjects with the third level of legal awareness decreased, thereby increasing the number with the first level of development of legal awareness (obedience). In the experimental group, there were fewer students with the first level, thereby increasing the number of subjects with the second and third levels of legal awareness.

2. The general level of development of legal awareness, as well as the level of legal awareness on the scale "legal knowledge" according to the method of L.A. Yasyukova in the experimental group increased both relative to the control group ($p > 0.01$, $p > 0.01$) and relative to the initial results ($p > 0.05$, $p > 0.01$). At the primary assessment in the control group of respondents with a well-developed level of legal awareness was 22%, and in the experimental group the number of subjects with a well-developed level of legal awareness was 12%. Legal nihilism in the control group was 26%, and in the experimental group, the indicators were two times less and amounted to 12%.

The smallest number of points in both the experimental and control groups was found in the social and civil sphere. The control group scored the greatest number of points in the field of legal knowledge (high level), and the experimental group — in the business sphere (medium level).

After the formative experiment in the experimental group, the number of subjects with the level of legal awareness "legal nihilism" decreased by 7%. It should be noted that in the control group, this amount, on the contrary, increased from 26% to 34%.

A high level of legal awareness according to the method of L.A. Yasyukova was not noted, both in the control and in the experimental group, both in primary and secondary assessment. In the experimental group, 12% of the subjects had a good level of legal awareness; after the experiment, this percentage was already 29%.

3. The level of development of professional identity according to the method of research of professional identity (MIPI) LB Schneider in the experimental group increased both relative to the control group ($p > 0.05$) and relative to the initial results ($p > 0.05$). The calculation and comparison of data in the SPSS Statistics program was carried out according to the level of "achieved positive identity". There were no particular differences in the percentage ratio for a given level of identity between the control and experimental groups at the primary assessment. The control group — 21% of the subjects with achieved positive identity, the experimental group — 23% of the subjects. The predominant level of development of professional identity in the experimental group was pseudo-identity. In the control group, according to the results of primary assessment, a distortion of professional identity is also traced. In this group, the majority of students have a "moratorium" identity status.

The level of pseudo-identity in the experimental group decreased from 67% to 39%. And in the control group it increased from 17% to 26%. But, at the same time, the level of identity moratorium in the experimental group increased from 6% to 18%, as did the level of subjects with diffuse identity, which increased from 7% to 12%, respectively. After the formative experiment, the number of subjects with achieved positive identity reached 34% in the experimental group. In the control group, this indicator decreased to 13%. In the control group, the percentage of subjects with diffuse identity practically did not change, the changes were only 1%.

Table

Significant differences in the data from SPSS Statistics

Method/scale	Stage	Control group n=25	t	p	Experimental group n=25	t	p	t (CG/EG)	p
		$\bar{X} \pm m$			$\bar{X} \pm m$				
Unfinished sentences (as modified by O.A. Gulevich)	Before	2,04±0,806	-0,768	> 0,05	2,22±0,808	2,644	< 0,05	-1,424	> 0,05
	After	2,17±0,868			1,56±0,639			-2,506	< 0,05
Methods for studying professional identity (MIPI) L.B. Schneider	Before	3,33±1,239	-0,500	> 0,05	1,50±0,857	-2,566	< 0,05	-1,275	> 0,05
	After	3,50±1,445			2,67±0,907			-2,455	< 0,05
Questionnaire "Legal Awareness" L.A. Yasyukova / General level	Before	15,63±3,118	1,195	> 0,05	16,33±2,657	-2,452	< 0,05	1,982	> 0,05
	After	15,92±3,586			18,50±3,240			-3,186	< 0,01
Questionnaire "Legal Awareness" L.A. Yasyukova / Legal knowledge	Before	6,38±,970	0,674	>0,05	6,22±1,166	-3,681	<0,01	-0,123	>0,05
	After	6,17±1,007			7,69±0,979			-3,557	<0,01

4. According to the methodology of the professionally legitimate personality orientation (PPNL) of the authors T.G. Khashchenko and M.M. Shpak no significant changes were noted. Despite this, some quotative changes are present. On the primary assessment, the number of subjects with an average level of professionally legitimate personality orientation in the control group was 20%, and in the experimental group — 10%. The high level in the control group was 78%, and in the experimental one — 88%.

On secondary assessment, the percentage of subjects with an average level decreased almost twice and amounted to 12% and 5% in the control and experimental groups, respectively. High level — 86% and 93% in the control and experimental groups, respectively. A low level was not detected, both in primary and secondary assessment.

5. To identify the relationship between the level of professional identity and the level of formation of legal awareness, a correlation analysis was carried out (calculation of the Spearman's rank correlation coefficient for the experimental group). For this, the levels of formation of professional identity and levels of formation of legal awareness were identified:

1 — low level; 2 — middle level; 3 — high level.

The calculation carried out in the SPSS Statistics program showed that there is a direct correlation ($R_s = 0.328$ at $p < 0.05$ (before exp.), $R_s = 0.47$ at $p < 0.01$ (after experiment)).

Discussion of the Results and Conclusions

A comparative analysis of the research results using statistical data processing (including correlation analysis) made it possible to determine the effectiveness of the formation of legal awareness program in law students with the help of socio-psychological training and the influence of such an impact on the formation of the professional identity of a person at a student age. After the formative experiment, the indicators for the "Unfinished sentences" methodology changed significantly. According to this methodology, the level of legal obedience is not interpreted by the author of the methodology as a low level. In addition, the authors of the theory J. Tapp and F. Levin, on the basis of which a modification of the original method was created, argued that the sequence of levels of legal development was not set initially and the levels can follow each other in different sequences. Based on the many options for the interpretation of the results of this methodology by the authors of various studies, in our study we adhere to the generally accepted interpretation and correlate the levels of development of legal awareness according to the model of J. Tapp and F. Levin with high, medium, and low levels of legal awareness (lawmaking, legal support and law abidance, respectively).

Students with a level of legal awareness of law abiding are distinguished by law-abiding behavior, they deny the possibility of changing and breaking the law under any circumstances, even if the law violates moral and social principles, since the concepts of law and morality are merged into one. For subjects at this level, laws perform a punitive function.

The second level is the level of credibility. Students with this level of legal awareness believe that the law can be violated, but only if it interferes with the normal and effective life of society. An individual at this stage of legal development correlates existing laws with the requirements of society.

The third level is lawmaking. A person at this level is distinguished by a high moral and ethical development, he considers a person to be the highest value. This level belongs to subjects with a fully mastered code of laws that are subject to a code of ethics. The transition to this level occurs in the process of legal socialization of a person and adherence to legal norms.

Based on the results obtained by the method of L.A. Yasyukova, the indicators for the general level of development of legal awareness in the experimental group are very reliable ($p < 0.01$). Al-

so, significant changes are visible on the scale of legal knowledge and are also very reliable ($p < 0.01$). Therefore, the results of the research suggest that an application of additional programs that aim development of legal awareness may have positive outcome among students.

Future Perspectives

The problem of forming the legal awareness of specialists in the social sphere at the stage of study at the university requires further study by conducting a more detailed interdisciplinary empirical study. The results of the study, as well as the developed training program, have indisputable practical significance for the professional training and socialization of specialists in the social sphere and can be implemented in educational institutions of higher education for use by the teaching staff of universities, curators of study groups, course officers, psychologists, etc.; when organizing the educational process, when building psychological work with students (cadets, listeners, undergraduates, as well as graduate students and adjuncts), not only in an experimental format, but also on an ongoing basis

References

1. Artishcheva D.A. Formirovanie pravosoznaniya kak faktor stanovleniya professional'noi identichnosti lichnosti v studencheskom vozraste [Formation of legal awareness as a factor in the formation of professional identity of an individual at the student age] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatelnosti = Psychology and Pedagogy in Official Activity*, 2020, no. 2, pp. 61–63. doi:10.24411/2658-638X-2020-10037 (In Russ.).
2. Bagreeva E.G. O sotsial'no-psikhologicheskikh osnovakh formirovaniya pravosoznaniya grazhdan [On the socio-psychological foundations of the formation of legal awareness of citizens]. *Samoupravlenie = Samoupravlenie*, 2020, no. 4 (121), pp. 163–166 (In Russ.).
3. Barannikova N.V. Formirovanie pravosoznaniya u kursantov i slushatelei yuridicheskikh vuzov sistemy MBD Rossii [Formation of legal awareness of cadets and students of law institutes of Russian Interior]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2008, no. 4 (35), pp. 6–9 (In Russ.).
4. Vershok I.L. Mezhdistsiplinarnyi podkhod k analizu dinamiki pravovogo soznaniya [Interdisciplinary approach to the analysis of the dynamics of legal consciousness] [Elektronnyi resurs]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2020. Vol. 17, no. 4, pp. 438–454. doi:10.19073/2658-7602-2020-17-4-438-454 (In Russ.).
5. Gogurchunov A.P. Formirovanie pravovogo soznaniya studentov kak rezul'tat obrazovatel'nogo protsessa [Formation of students' legal consciousness as result of educational process]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of Modern Pedagogical Education*, 2020, no. 69-4, pp. 70–72 (In Russ.).
6. Grevtsov Yu.I. Sotsiologiya prava: kurs lektsii [Sociology of Law]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2001. 312 p. (In Russ.).
7. Gulevich O.A. Psikhologicheskie osnovy yurisprudentsii: Uchebnoe posobie [Psychological fundamentals of jurisprudence]. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institute Publ., 2009. 512 p. (In Russ.).
8. Gulevich O.A. Struktura pravosoznaniya i povedenie v pravovoi sfere [The structure of legal conscience and the behavior in legal area] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal = Psikhologicheskie issledovaniya*, 2009, no. 5 (7). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/225-gulevich7.html> (Accessed 16.10.2021). (In Russ.).

9. Gusarova M.A. Pravosoznanie kak sotsiokul'turnyi fenomen [Legal consciousness as a socio-cultural phenomenon]. Maikop: Magarin Oleg Grigor'evich, 2017. 196 p. (In Russ.).
10. Dvoretzky M.I., Fedotov B.V., Sidorina T.V. Kharakteristiki pravosoznaniya molodezhi i studentov v sovremennykh usloviyakh [Characterization of the legal consciousness of young people and students in modern conditions] [Elektronnyi resurs]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire = Professional Education in the Modern World*, 2021. Vol. 11, no. 3, pp. 216–227. doi:10.20913/2224-1841-2021-3-21 (In Russ.).
11. Egorov I.A., Safuanov F.S. Pokazateli formirovaniya pravosoznaniya i pravovoi kul'tury v obrazovatel'nykh standartakh [Indicators of formation of legal consciousness and legal culture in educational standards]. *Kochenovskie chteniya "Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii". Sbornik tezisov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii po yuridicheskoi psikhologii s mezhdunarodnym uchastiem = Kochenov Readings "Psychology and Law in Modern Russia"*. Moscow: MGPPU Publ., 2012, pp. 202–204 (In Russ.).
12. Zaslavskaya T.I. O sotsial'nykh faktorakh raskhozhdeniya formal'no-pravovykh norm i real'nykh praktik [On the social factors of divergence of formal legal norms and real practices]. *Kuda idet Rossiya?.. Formal'nye instituty i real'nye praktiki = Where is Russia going...? Formal institutions and real practices*. Moscow: MVShSEN, 2002. pp. 11–21 (In Russ.).
13. Zimbardo F., Lyaippe M. Sotsial'noe vliyanie. Saint Petersburg: Piter, 2011. 448 p. (In Russ.).
14. Kryzhanovskiy A.F. K voprosu o professional'nom pravosoznanii [To a question on professional legal consciousness]. *Problemy pravovedeniya. Respublikanskii mezhdvedomstvennyi nauchnyi sbornik = Problems of jurisprudence. Republican interdepartmental scientific collection*. Vip. 45. Kiev: Vishcha shkola. Izdatel'stvo pri Kievskom universitete, 1984, pp. 3–7 (In Russ.).
15. Kustov P.V., Silkin N.N. Osobennosti dinamiki urovnya pravosoznaniya kursantov obrazovatel'nykh organizatsii MVD Rossii v period obucheniya [Features of the dynamics of the level of legal awareness of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia during the training period] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and Pedagogics in Official Activity*, 2021, no. 2, pp. 59–63. doi:10.24412/2658-638X-2021-2-59-63 (In Russ.).
16. Ladukhina M.V. Razvitie pravovogo soznaniya studentov yuridicheskogo vuza [Development of legal consciousness of law university's students] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 7, pp. 304–310. doi:10.24411/2073-0454-2020-10435 (In Russ.).
17. Lodkina T.V., Dryannykh N.V., Lodkin A.E. Pravosoznanie kak sistemoobrazuyushchii faktor formirovaniya professional'noi gotovnosti budushchikh yuristov dlya pravookhranitel'noi deyatel'nosti [The legal awareness as a system-forming factor in the formation of professional readiness of future lawyers for law enforcement activities] [Elektronnyi resurs]. *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii = Educational Resources and Technologies*, 2021, no. 1 (34), pp. 52–60. doi:10.21777/2500-2112-2021-1-52-60 (In Russ.).
18. Nadygina E.V. Vliyanie informatsionnykh tekhnologii na pravosoznanie studentov-yuristov [Influence of information technologies on legal consciousness of law students]. *Yuridicheskoe obrazovanie, nauka i praktika: aktual'nye problemy: Sbornik nauchnykh statei = Legal Education, Science and Practice: Current Issues*. Vyp. 1. Nizhny Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007, pp. 92–105 (In Russ.).
19. Novikova D.G., Kich I.S. Osnovnye psikhologicheskie aspekty formirovaniya pravosoznaniya lichnosti [The main psychological aspects of the formation of the legal consciousness of the indi-

- vidual]. *Sotsial'no-gumanitarnyi vestnik: Vserossiiskii sbornik nauchnykh trudov = Socio-humanitarian vestnik*. Vypusk 28. Barnaul: IP Kolmogorov I.A., 2021, pp. 94–96 (In Russ.).
20. Noss I.N., Bulygina V.G., Kabanova T.N. Zavisimost' pravosoznaniya ot individual'no-psikhologicheskikh osobennostei gosudarstvennykh sluzhashchikh [Dependence of Legal Awareness on the Individual Psychological Characteristics of Public Officers] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4, pp. 33–48. doi:10.17759/psylaw.2019090403 (In Russ.).
21. Prostyakov V.V., Chikalov O.V. Psikhologicheskie aspekty formirovaniya pravosoznaniya u obuchayushchikhsya v uchebnykh zavedeniyakh sistemy MVD Rossii [Psychological aspects of formation of legal consciousness among students in educational institutions of the MIA of Russia] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatelnosti = Psychology and Pedagogics in Official Activity*, 2020, no. 4, pp. 94–96. doi:10.24411/2658-638X-2020-10117 (In Russ.).
22. Protasova I.N., Sychev O.A., Anoshkin I.V. Tsennostnye i moral'nye osnovy pravovogo nihilizma molodezhi [Values-related and Moral Foundations of Legal Nihilism of Youth] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 158–173. doi:10.17759/psylaw.2020100311 (In Russ.).
23. Sorokoumova G.V. Izuchenie lichnostnogo potentsiala: Uchebnoe posobie [Study of personal potential]. Nizhny Novgorod: NF URAO Publ., 2007. 144 p. (In Russ.).
24. Chernysheva E.V. Pravosoznanie v determinatsii korruptsionnogo povedeniya [Legal Consciousness in Determination of Corrupt Behavior] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 2, pp. 120–131. doi:10.17759/psylaw.2021110209 (In Russ.).
25. Shneider L.B. Psikhologiya identichnosti: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata i magistratury [Psychology of identity]. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2019. 328 p. (In Russ.).
26. Yasyukova L.A. Pravosoznanie: diagnostika i zakonomernosti razvitiya [Legal consciousness: diagnostics and regularities of development]. *Prikladnaya psikhologiya = Applied Psychology*, 2000, no. 4, pp. 1–13 (In Russ.).
27. Devi V.M., Rajithamani. A study of legal awareness among women teachers. *International Journal of Research - GRANTHAALAYAH*, 2017. Vol. 5, no. 5, pp. 122–126. doi:10.29121/granthaalayah.v5.i5(SE).2017.1982
28. Bin L., McCarthy S., Chen W. Fostering future lawyers in an era of globalization: integrating dispute resolution into overseas clinical legal education externships. *Australian Journal of Clinical Education*, 2019, Vol. 4, no. 1. doi:10.2139/ssrn.3649763
29. Fung D. Connected curriculum for higher education. London: UCL Press, 2017. 168 p. doi:10.2307/j.ctt1qpw8nf
30. Issan S.A. et al. Legal awareness and attitude towards law among teachers in the Sultanate of Oman. *International journal of Learning Management System*, 2014. Vol. 2, no. 2, pp. 101–114. doi:10.12785/ijlms/020206
31. Omorobi G., Obona E. An assessment of students' level of awareness and of legal provisions in nigerian universities. 2018. 16 p. URL: <https://www.researchgate.net/publication/333951849> (Accessed 06.12.2021).
32. Tjeppey T. Learning civic education on students' legal awareness. *Jurnal Civics: Media Kajian Kewarganegaraan*, 2021. Vol. 18, no. 1, pp. 97–108. doi:10.21831/jc.v18i1.38602

Маркова С.В., Никитская Е.А.
Формирование правосознания как компонента профессиональной идентичности специалистов социальной сферы на этапе обучения в университете
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 221–231.

Markova S.V., Nikitskaya C.A.
Formation of Legal Awareness as a Component of the Professional Identity of Specialists in the Social Sphere at the Stage of Study at the University
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 221–231.

Информация об авторах

Маркова Светлана Викторовна, кандидат психологических наук, аффилированный старший научный сотрудник, Психологический институт Российской академии образования (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация; клинический психолог, Medlin Treatment Center, Atlanta, GA, USA, ORCID: 0000-0002-3765-4070, e-mail: clairmarkova@mail.ru

Никитская Екатерина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент, кафедра педагогики, учебно-научный комплекс психологии служебной деятельности, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО «МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3187-6534>, e-mail: katamax@yandex.ru

Information about the authors

Svetlana V. Markova, PhD in Psychology, Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia; Clinical Psychologist, Medlin Treatment Center, Atlanta, GA, USA, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3765-4070>, e-mail: clairmarkova@mail.ru

Catherine A. Nikitskaya, PhD in Pedagogy, Docent, Associate Professor, Department of Pedagogy, Training and Research Centre for Performance Psychology, V.Ya. Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3187-6534>, e-mail: katamax@yandex.ru

Получена 12.12.2021
Принята в печать 20.06.2022

Received 12.12.2022
Accepted 20.06.2022